Дмитрий Садовник

Айфаар – свобода быть собой

Десять лет в духовном сообществе: от поиска высшего смысла и преданности Учителю до права выбирать собственную жизнь.

От автора

Эта книга основана на моих личных воспоминаниях о жизни в духовном сообществе «Айфаар», где я провёл почти десять лет — с 2007 по 2017 год. Я приехал туда девятнадцатилетним молодым человеком, искренне разделял многие идеи его основателя Ориса, участвовал в жизни сообщества, строительстве, творческих и организационных проектах. Этот период оказал огромное влияние на формирование моей личности, мировоззрения и дальнейшего жизненного пути.

Я постарался рассказать о нём честно, сохранив не только события, но и собственное восприятие происходившего. При этом мне важно различать то, что я видел и чувствовал тогда, и то, как понимаю эти же события сегодня, спустя годы, обладая другим жизненным опытом.

Эта книга не претендует на полную и объективную историю Айфаара, исчерпывающее описание личности Ориса или всесторонний анализ Иссиидиологии. Это прежде всего история моей собственной жизни внутри сообщества, рассказанная с той позиции, которую я занимал в нём, и в пределах того, что мне было доступно.

Несмотря на долгие годы пребывания рядом с Орисом, я не был непосредственным участником всех событий, не присутствовал при всех его разговорах и решениях, не знал всех обстоятельств отношений между другими людьми. Степень близости к нему у разных участников существенно различалась. Мой опыт складывался главным образом из повседневной коллективной жизни, совместной работы, общих мероприятий, личных встреч и отдельных разговоров. У других людей, особенно тех, кто проводил с Орисом больше времени в личном общении или сопровождал его в поездках, могли сформироваться совершенно иные впечатления.

Поэтому я допускаю, что некоторые описанные мной события имели дополнительные обстоятельства, причины или последствия, о которых мне ничего не известно. То, что я не наблюдал каких-либо проявлений, действий или результатов, само по себе не означает, что их не было. Точно так же мой положительный или отрицательный опыт не обязательно совпадает с опытом других участников сообщества.

Кроме того, я сознательно не включил в книгу всего, что помню и чему был свидетелем**.** За десять лет произошло гораздо больше событий, чем возможно или необходимо вместить в одно произведение. Часть воспоминаний не имеет существенного значения для основной истории. Другие касаются слишком личных обстоятельств людей, которые не давали согласия на их публичное обсуждение. Некоторые события я предпочёл оставить за пределами повествования из уважения к частной жизни участников, их семьям и праву самостоятельно распоряжаться собственной историей.

Есть и воспоминания, в которых я уже не уверен настолько, чтобы излагать их как достоверные факты. Человеческая память несовершенна: со временем детали стираются, последовательность событий может смешиваться, а прежние впечатления неизбежно переосмысляются. Где это было возможно, я опирался на сохранившиеся фотографии, записи, документы и другие материалы. Однако книга остаётся мемуарами, а не протоколом событий, составленным непосредственно в момент их возникновения.

Некоторые диалоги переданы по памяти, с сохранением их основного смысла, но не обязательно дословно. В отдельных случаях я восстановил последовательность разговора

литературными средствами. Такие реконструкции не следует воспринимать как стенограммы. Когда точность формулировки вызывала сомнение, я стремился передать прежде всего то содержание, которое запомнил.

Я также не ставил перед собой задачу описать абсолютно все положительные или отрицательные стороны Айфаара. Отбор эпизодов определялся их значением для моего жизненного пути и той истории, которую я хотел рассказать. Поэтому отсутствие в книге какого-либо события или обстоятельства не следует воспринимать как утверждение, что его не существовало, а объём внимания, уделённого отдельной теме, — как точную меру её значения для жизни всего сообщества.

Мои размышления о духовном авторитете, коллективных правилах, психологических механизмах и философских положениях Иссиидиологии являются моими собственными оценками. Они сформировались на основе личного опыта, дальнейшего изучения различных вопросов и наблюдений за жизнью за пределами Айфаара. Я не утверждаю, что способен достоверно знать внутренние намерения Ориса или других участников. Там, где я рассуждаю о возможных мотивах и причинах поступков, речь идёт об интерпретации, а не о непосредственном знании чужих мыслей.

Я с уважением отношусь к праву других людей иначе воспринимать те же события, сохранять приверженность Иссиидиологии или, напротив, критически относиться к ней. Я не ставлю целью убедить читателя присоединиться к этому учению или отказаться от него. Не стремлюсь ни идеализировать Айфаар, ни представить прожитые там годы исключительно как заблуждение.

Многое из того, что я приобрёл в сообществе, остаётся для меня ценным: дружба, совместный труд, творчество, стремление к честности, ответственности и внимательному отношению к людям. В то же время некоторые особенности жизни внутри него я сегодня оцениваю иначе, чем тогда. Я считаю важным сохранить обе стороны этого опыта, не подгоняя прошлое под удобный окончательный вывод.

Упоминание в книге реальных людей, организаций, произведений и событий служит целям документального повествования и осмысления личного опыта. Мои субъективные оценки не следует воспринимать как официальные заключения о деятельности организации, достоверности духовного учения или психологических особенностях конкретных людей.

Все описанные в книге события и оценки следует рассматривать с учётом ограниченности моего личного опыта, особенностей человеческой памяти и неизбежной субъективности авторского взгляда. Я готов признать и исправить фактическую неточность, если появятся убедительные основания для этого. При этом оставляю за собой право на собственные воспоминания, убеждения, выводы и их открытое изложение.

Эта книга не является официальным изданием Айфаара и не создавалась от имени его основателя или участников. Она представляет собой самостоятельное авторское произведение.

Мне хотелось понять, каким образом искренняя вера в большую общую цель способна изменить человеческую жизнь — и как со временем меняется само представление о свободе, ответственности и праве выбирать собственный путь.

Я благодарен всем, кто был частью тех лет, независимо от того, как сложились наши отношения впоследствии.

А читателю предлагаю не готовый ответ, а возможность посмотреть на эту историю моими глазами и сделать собственные выводы.

Вступление

Эта история началась 1 июля 2007 года, когда я впервые приехал центр духовно-альтруистичного развития «Айфаар» в Крыму.

Эзотерикой я начал увлекаться примерно за год до этого, летом 2006-го. Интерес возник не под чьим-либо влиянием и не благодаря знакомству с определённым человеком. Скорее, он вырос из моей природной склонности к философским размышлениям и стремления понять универсальные законы мироздания.

Одним из первых источников такого знания стала для меня китайская «Книга Перемен» — точнее, её интерпретация, написанная одним из современных русскоязычных авторов. Тогда я верил, что понимание неких скрытых, почти сакральных закономерностей способно принести какую-то практическую пользу.

Мне было восемнадцать лет, и я надеялся, что подобные знания помогут увереннее принимать решения, лучше понимать происходящее и чувствовать себя более подготовленным к жизни. Если говорить совсем честно, я рассчитывал даже получить своего рода несправедливое преимущество — дополнительные возможности, недоступные людям, не знающим тайных законов устройства мира.

В тот период я переживал важный переходный этап. Мои планы стать чемпионом мира по бильярду постепенно исчерпали себя. Это было значительным событием, потому что мечтам о большом спорте я посвятил более семи предыдущих лет — немалую часть своей тогдашней жизни.

Когда эта цель исчезла, на некоторое время исчезло и понимание того, чем мне заниматься дальше и к чему стремиться. В голове возникали самые разные, порой противоположные идеи. Почти все они были связаны с глобальным успехом, однако реального способа его достижения я не видел.

Многие мои замыслы отличались юношеским максимализмом, а некоторые были даже опасными и преступными. Я ещё плохо понимал границы допустимого и не всегда задумывался о том, какими средствами можно пользоваться ради достижения цели.

Именно желание преуспеть постепенно привело меня к эзотерическим и мистическим учениям. Я воспринимал их не только как философию, но и как возможный практический инструмент.

Всё началось с попыток разобраться в универсальных законах мироздания и исследованиях изменённых состояний сознания. Я познакомился с работами Станислава Грофа и узнал о холотропном дыхании. Затем меня всё больше стала занимать идея приобретения необычных психических способностей: чтения мыслей на расстоянии, предвидения будущего и других возможностей, выходящих за пределы привычного человеческого опыта.

В какой-то момент я обнаружил в интернете книги ещё одного духовного автора — Сергея Васильевича Цвелёва из Ялты. После пережитой им духовной инициации он принял духовное имя Орис. К тому времени им уже было издано несколько десятков

небольших книг о внеземных мирах, жизни после смерти, странствиях души, контактах с иными цивилизациями, универсальных законах мироустройства и раскрытии духовного потенциала человека.

Из этих книг следовало, что духовное развитие открывает человеку не только путь в светлое будущее гармоничных миров, но и различные экстрасенсорные способности, сопоставимые с теми, которыми, по словам автора, обладал он сам.

То обстоятельство, что Орис когда-то был обычным человеком, вселяло в читателя надежду: возможно, подобный потенциал способен раскрыть в себе каждый. Во всяком случае, именно так это воспринимал я. Особенно меня привлекало то, что этот писатель жил совсем рядом — среди крымских гор, недалеко от моря, под знакомым мне ярким южным солнцем, примерно в часе езды от моего дома.

Кроме того, Орис был открыт для общения и принимал людей, стремившихся стать его учениками и развиваться в том же духовном направлении. Это было понятно из многочисленных аудио- и видеоответов на вопросы читателей, которые публиковались в интернете на его сайте ещё до того, как YouTube стал привычной и повсеместной площадкой.

Примерно за полгода до моего переезда в духовный центр я начал общаться с другими читателями Ориса в моем Городе. Контакт с ними возник удивительно легко. Мне казалось, что мы разговариваем на одном языке и понимаем друг друга без дополнительных объяснений.

Я воспринимал этих людей как людей другого склада. Темы, которые их занимали, манера общения и сам контекст наших разговоров были мне очень близки. Это ощущение проявлялось в особо культурной манере разговаривать, внутреннем спокойствии и уверенности, вежливости и позитивной наполненности.

Первым моим желанием после знакомства с новыми людьми и книгами Ориса было спасать мир или хотя бы каким-то образом помогать людям. Сейчас сама формулировка «спасать мир» кажется мне несколько юношеской и громкой, но тогда это стремление воспринималось совершенно серьёзно. Я проявил инициативу и создал в одном из мессенджеров канал анонимной психологической помощи. К этой работе удалось привлечь нескольких единомышленников из числа моих новых интернет-знакомых, живших в разных городах и странах.

Так ещё до первого приезда на Айфаар моя жизнь постепенно начала выстраиваться вокруг новых идей, новых людей и нового представления о собственном предназначении. Я пока не знал, к чему всё это приведёт, но уже чувствовал, что прежняя цель уступила место чему-то гораздо более масштабному и пока ещё не вполне понятному.

Летом 2007 года, вскоре после своего девятнадцатого дня рождения, я впервые собрался поехать знакомиться с духовным учителем. Орис жил в посёлке Голубой Залив на Южном берегу Крыма — сравнительно недалеко от моего родного Севастополя.

Родители знали о моём увлечении, хотя я не уверен, что тогда они до конца понимали, насколько серьёзно я ко всему этому относился. Тем не менее мешать или отговаривать меня они не стали. Напротив, отец согласился отвезти меня туда лично.

В тот момент я, конечно, не предполагал, насколько сильно эта поездка изменит мою жизнь и что в итоге я проведу на Айфааре следующие десять лет. Моё первоначальное намерение было гораздо скромнее: познакомиться с Орисом, осмотреться и попробовать пожить в духовной школе столько, сколько получится.

Я допускал, что в какой-то момент Орис может выгнать меня из центра, если что-то пойдёт не так. Об этом он лично предупредил меня по телефону, когда я позвонил, чтобы попросить разрешения на приезд и согласовать дату. В течение многих лет такой предварительный разговор оставался обязательным условием для всех, кто хотел приехать на Айфаар каждый раз.

Для меня сам звонок стал серьёзным испытанием. Решиться на него было трудно, а во время разговора от волнения я с трудом мог связать несколько слов и объяснить, зачем хочу приехать.

Орис сказал, что я ещё не готов и, скорее всего, в какой-то момент ему придётся выгнать меня при всех, потому что я не смогу пройти один из его уроков. Перспектива оказаться в подобной ситуации казалась мне унизительной, а потому особенно пугала. При этом готовность заранее согласиться на такую возможность фактически была одним из условий приезда.

Теперь я понимаю, что подобный разговор оказывал на звонившего сильное психологическое воздействие. С одной стороны, он повышал ценность места, где позволялось жить не каждому, а лишь тем, кого сочтут достаточно подготовленным. С другой — человек ещё до приезда получал сообщение о собственной недостаточной зрелости и о том, что может не выдержать предстоящих испытаний.

Возникало странное сочетание страха и избранности. Тебе ещё только разрешали приехать, но уже давали понять, что ты можешь оказаться недостойным этого места. Однако желание изменить свою жизнь часто оказывалось сильнее тревоги, и люди всё же находили в себе решимость отправиться на Айфаар. Во всяком случае, так произошло со мной.

Кроме того, от других читателей я слышал, что Орис принимает не всех. Считалось, что во время телефонного разговора он использует свои экстрасенсорные способности и как бы «сканирует» сознание человека, определяя его характер, намерения и истинные причины приезда.

Предполагалось, что на Айфаар не допускают людей, сосредоточенных только на себе, желающих раскрыть сверхчеловеческие способности ради личной выгоды или не готовых помогать другим. Не приветствовались и те, кто приезжал со злыми намерениями, стремился разоблачить Ориса или заранее был настроен критиковать его философию.

Насколько действительно можно было определить всё это по короткому телефонному разговору, я тогда не сомневался.

Во время разговора обязательно звучал вопрос:

— Для чего ты хочешь приехать?

Правильным ответом считалось:

— Чтобы помогать.

Другим обязательным условием было предварительное знакомство с последними книгами или ответами Ориса. Во время звонка он спрашивал, читал ли человек эти тексты и насколько хорошо представляет себе идеи, на которых строилась жизнь духовного центра.

У разговора была и вполне практическая сторона. Орис следил за тем, чтобы на Айфааре хватало мест для всех, поэтому иногда мог посоветовать отложить поездку и приехать позднее.

Таким образом, ещё до того, как человек видел сам центр, его территорию и живущих там людей, он проходил своеобразный первый отбор. Для меня этот разговор стал границей между прежней жизнью и неизвестностью, к которой я одновременно стремился и которой боялся.

Праздник света

Разрешение на приезд было получено. Я собрал небольшую сумку с самым необходимым и покинул отчий дом — как оказалось, навсегда. В этом доме прошли мои счастливые детство и юность, со всеми радостями и горестями прежних лет. Тогда, отправляясь в Голубой Залив, я ещё не воспринимал свой отъезд как окончательный разрыв с прежней жизнью. Мне казалось, что я просто еду познакомиться с новым местом и попробовать пожить там некоторое время.

Мы подъехали к верхнему входу, и я сразу узнал Айфаар по фотографиям: синий забор, строящийся двух с половиной этажный дом с синей крышей, сушилка для белья, большие ёмкости с водой, каскад тропинок, ступеней и подпорных стен, спускавшихся по склону.

На нижнем ярусе, у подножия склона, находились ещё одна парковка и парадный вход. Оттуда начиналась зона с бассейном, густо окружённая цветущими розами. Арочные аллеи огибали бассейн и вели к кострищу, вокруг которого двумя ярусами располагались лавочки. Рядом лежали заранее приготовленные брёвна. С тыльной стороны кострище упиралось в русло пересохшей речки, а за ней раскинулся невысокий персиковый сад. Всё это создавало впечатление не столько единого архитектурного замысла, сколько пространства, которое постепенно обживалось и разрасталось вместе с жизнью центра.

Рядом с кострищем находился комплекс, где жил Орис. С северной стороны площадку частично ограничивали каменные стены винного погреба, напоминавшие мне небольшой старинный замок. Выше, каскадом по склону, располагался лёгкий одноэтажный домик Ориса с большой рабочей комнатой, спальней, кухней и балконом. Под балконом находился гостевой домик с двумя комнатами и двумя санузлами, который на тот момент временно использовался как женское общежитие на шесть мест.

Всё это было построено своими руками людей, живших рядом с Орисом. К моменту моего приезда они обустраивали центр уже около трёх лет. Я не застал самый первый период, когда гости размещались в палатках на поляне, где позднее появился бассейн, но хорошо представлял его по многочисленным фотографиям и видеозаписям, сделанным самими жителями. На этих кадрах можно было увидеть, как постепенно менялась территория: временные палатки уступали место домам, подпорным стенам, дорожкам и другим сооружениям.

Меня поселили в верхней части центра, на первом этаже большого строящегося дома, где уже было оборудовано мужское общежитие из нескольких комнат. Моя комната находилась в глубине здания и не имела обычных окон наружу. Свет проникал в неё через полупрозрачные окна, выходившие в соседнее помещение, поэтому даже днём там сохранялся полумрак. Комната была проходной. В ней помещались пять кроватей и два рабочих места со столами. Через отдельную дверь можно было попасть в ещё одну внутреннюю комнату без окон, рассчитанную на двух человек.

Чтобы пройти в мужскую часть общежития, нужно было миновать входной коридор и первую комнату с большими окнами, где стояли четыре женские кровати. Сам проход отделялся от жилого пространства шкафом-купе, тянувшимся почти до двери мужской комнаты. Такое устройство поначалу казалось мне непривычным, но в условиях постоянно строящегося и меняющегося центра оно воспринималось как естественное. Здесь многие помещения использовались не совсем так, как задумывались первоначально:

их назначение менялось в зависимости от количества приезжавших людей и текущих потребностей.

Сам большой дом строился довольно необычно и в некотором смысле хаотично — вокруг уже существовавшего здания меньшего размера. Старый дом решили не сносить, а фактически заключить внутрь нового двухэтажного строения. Сам внутренний дом и несколько прилегающих к нему помещений принадлежали центру Ориса. Остальная часть здания возводилась на средства отдельных ранних последователей, которые сообща строили здесь жильё для себя.

На первом этаже планировались три большие трёхкомнатные квартиры для одних из самых первых учеников Ориса, переехавших в Крым из Киева и Москвы. На втором этаже по тому же принципу финансировалось строительство ещё десяти двухуровневых квартир-студий. Они предназначались для последователей, желавших приобрести собственную недвижимость непосредственно на территории духовного центра.

Для строительных работ привлекали единомышленников, которым был нужен заработок и которые умели работать руками. Их труд оплачивался по обычным рыночным расценкам и оставался добровольным. Бесплатный труд гостей и учеников, приезжавших к Орису, при возведении этой части дома не использовался, поскольку она рассматривалась как отдельный коммерческий объект. На начальном этапе проекта приобрести там квартиру можно было по цене, соответствовавшей тогдашнему рынку.

Когда среди айфааровцев не находилось желающих или специалистов для определённой работы, нанимали строителей со стороны. В день моего первого приезда, едва спустившись вниз от ворота Айфаара и приблизившись к строящемуся дому, я увидел троих мужчин, складывавших перед ним бутовую подпорную стену.

День моего первого приезда пришёлся на воскресенье, обычно не рабочий, но по наивности я решил, что это работают айфааровцы, и горячо поприветствовал их привычным здесь словом:

— Айфаар!

Однако уже из первых фраз быстро понял свою ошибку. Мужчины не имели отношения к духовной жизни центра, а просто работали здесь строителями. Жили и питались они отдельно — в сером вагончике, специально установленном для наёмных рабочих. Вероятно, моё воодушевлённое приветствие показалось им немного странным, но для меня это стало единственным воспоминанием о том, что не каждый человек за синим забором обязательно принадлежал к духовной семье.

По случайному совпадению, этот день давно ждали на Айфааре. Но не ради моего приезда, сегодня на Айфааре проводился «Праздник света». К нему мы ещё вернемся дальше.

Стояла середина лета, к Орису съехалось около сорока человек. Многие жили в центре практически постоянно, лишь раз в девяносто дней выезжая к российско-украинской границе, чтобы пересечь её и тем самым продлить разрешённый срок пребывания в Крыму. Другие приезжали на сравнительно короткий срок — обычно от двадцати одного дня — и находились на разных этапах своего знакомства с Айфааром.

На Айфааре все обращались друг к другу на «ты» — независимо от возраста, прежнего социального положения и предполагаемого уровня духовного развития. Однако наиболее заметной особенностью общения было само приветствие. Вместо обычного «привет» здесь произносили:

— Айфаар!

После этого следовало обязательное объятие.

Такой порядок Орис установил ещё в 2002 году, когда духовный центр существовал в своей первой версии и находился в другом месте. Слово «Айфаар» было взято из созданного им учения — Иссиидиологии. В нём оно считалось «звуковым космическим кодом», смысл которого можно было раскрыть только посредством глубокой медитации и погружения в изменённое состояние сознания.

Предполагалось, что человек, произносящий в медитации такой код и настраивающийся на его особые вибрации, способен трансцендентным способом получать подробную информацию об интересующем его понятии или космическом процессе. Орис объяснял действие этих кодов примерно так, как сегодня можно было бы объяснить устройство гиперссылок в интернет-энциклопедии. Нажимаешь на выделенное слово — и перед тобой открывается отдельная страница с подробным описанием. На этой странице находятся новые ссылки, ведущие к следующим понятиям, а от них — ещё дальше. Таким образом, эту своеобразную космическую энциклопедию можно было изучать почти бесконечно. Подробнее мы к этому ещё вернемся в ходе моего описания.

Если передавать значение кода «Айфаар» кратко и упрощённо, его можно было перевести как «Высший коллективный разум Вселенной». Вероятно, поэтому Орис и выбрал его в качестве приветствия. Оно одновременно напоминало о цели, к которой, по его представлениям, стремился он сам, и о направлении, в котором предлагал двигаться своим ученикам.

Достижение уровня Высшего разума Вселенной, последующее соединение и растворение в нём представлялось далёкой целью человеческой эволюции, к которой сознание приближается на протяжении множества параллельных жизней. Сам Айфаар рассматривался не просто как место для совместного проживания или изучения книг Ориса, а как одна из попыток ускорить этот путь и способствовать духовному преображению всего человечества.

Даже подобное краткое описание позволяет почувствовать лишь небольшую часть масштаба той цели, которую ставил перед собой Орис. Причём возможность присоединиться к ней находилась не где-то далеко, не зависела от сложного стечения обстоятельств и не откладывалась на неопределённое будущее. Всё происходило здесь и сейчас — всего в часе езды от моего родного дома.

Принятие айфааровского приветствия само по себе обозначало принадлежность человека к сообществу и одновременно работало как простая система распознавания «свой — чужой». Если приезжий ещё не был знаком с этими нормами, объятие с незнакомым человеком и замена привычного приветствия словом «Айфаар» становились для него первым небольшим испытанием. Нужно было проявить открытость, принять необычные правила и показать готовность вписываться в новую среду ради тех изменений, за которыми ты сюда приехал.

В день приезда я здоровался и знакомился почти с каждым, кто встречался мне на территории центра. Люди искренне радовались моему появлению и сразу относились ко мне по-братски. Приезд нового человека обычно становился для остальных приятным событием: появлялись новое лицо, новая история и, возможно, ещё один будущий участник общей жизни.

Постоянные объятия с незнакомыми людьми давались мне неловко и поначалу происходили почти машинально. Особенно непривычно было обниматься с мужчинами. Это нарушало границы моего довольно закрытого личного пространства, к которому я прежде относился как к неприкосновенной территории.

Мне объяснили, что во время объятия недостаточно просто формально коснуться человека и сразу отойти. Следовало сосредоточиться на самом контакте, постараться почувствовать на «тонком плане» душевное тепло другого и передать ему своё. Считалось, что в этот короткий момент между людьми происходит энергетическое объединение и обмен на сердечном уровне.

Я старался выполнять эту рекомендацию, хотя первое время больше думал о том, правильно ли держу руки и не слишком ли быстро отпускаю человека. Там, где другие, казалось, мгновенно переживали братское единение, я ещё только учился не напрягаться от самой близости чужого тела.

Во внешности айфааровцев тоже было много непривычного. Почти все девушки носили светлые волосы, причём большинство специально их окрашивали. Мужчины обычно волосы не красили, но многие отпускали длинные причёски и носили бороды умеренной длины. В сочетании с яркой одеждой, необычными именами и общей манерой поведения всё это придавало жителям центра несколько сказочный облик.

По моим тогдашним наблюдениям, почти все были стройными и по-своему красивыми. Тучных людей я практически не встречал. Интенсивные физические нагрузки, умеренное питание, свежий воздух и близость моря помогали поддерживать хорошую форму. Даже те, кто был склонен к полноте, за редкие часы без движения вряд ли успевали накопить что-либо лишнее.

Общий уровень здоровья казался мне высоким. Большинство составляли ещё молодые люди — примерно до тридцати пяти лет. Загорелые, подвижные, занятые общим делом, они производили впечатление слаженной и привлекательной команды. Мне самому хотелось стать её частью — не просто находиться рядом, а постепенно научиться выглядеть, чувствовать и вести себя так же свободно и естественно.

У большинства были духовные имена, непривычные для слуха человека, впервые оказавшегося на Айфааре. Считалось, что Орис распознавал такое имя в момент, когда человек входил в особое состояние гармонии и единства со своими более высокими уровнями сознания.

Чаще всего подобные состояния возникали во время песенных медитаций — общего пения, в котором чувственный ритм, синхронность голосов и духовный смысл песни соединялись для человека в единое переживание. В такие минуты поющий мог на некоторое время испытать состояние блаженства, внутренней ясности и единения с окружающими. Оно продолжалось от нескольких секунд до нескольких часов. Как это происходило на практике я ещё опишу ниже.

При этом духовное имя могло быть распознано не только во время вечерних песен. Среди айфааровцев рассказывали и о случаях, когда человек достигал нужного состояния совершенно неожиданно. Например, один из участников, по общему рассказу, вышел на соответствующий уровень сознания во время обеда, когда ел борщ за общим столом. Именно тогда Орис его и «увидел».

Подобные истории хорошо передавали особенности айфааровского мировосприятия. Духовное переживание здесь не обязательно должно было происходить в торжественной обстановке, при закрытых глазах или под особую музыку. Оно могло настигнуть человека среди самых обычных действий — даже за тарелкой борща.

В то время я понимал духовные имена сравнительно просто. Считалось, что Орис распознаёт имя человека в тот момент, когда тот входит в особенно гармоничное состояние и проявляет свои более высокие уровни сознания. Позднее система получила гораздо более сложное объяснение, а сами имена стали называться Тоновыми.

Слово «тоновое» означало, что имя должно задавать человеку определённый тон жизни и направлять его духовное развитие. Оно считалось не просто красивым псевдонимом, а адаптированной для человеческого произношения разновидностью Звукового Космического Кода. На имя можно было медитировать, настраиваясь на заложенные в нём вибрации.

Предполагалось, что Тоновое Имя принадлежит не только нынешнему человеку, но и его более развитым версиям, существующим в других исторических сценариях и космических цивилизациях. Его сравнивали с маяком или своеобразным паспортом души, который отражает не столько то, кем человек является сейчас, сколько то, каким он способен стать в результате духовного развития.

Необычное звучание имён тоже получило своё объяснение. Повторяющиеся буквы связывались с различными сочетаниями психических и интеллектуальных качеств. Имя могло состоять из двух или трёх частей, если более развитые версии человека якобы были связаны сразу с несколькими цивилизациями. При этом длина имени сама по себе не считалась показателем более высокого духовного уровня, скорее наоборот.

Мужские и женские варианты могли отличаться окончаниями. Позднее Орис рассказывал, что иногда сам подбирал такое окончание, ориентируясь на пол человека и благозвучие. Это любопытным образом соединяло представление о космическом происхождении имени с вполне человеческим участием того, кто придавал ему окончательную форму.

Для самого человека такое событие означало гораздо больше, чем обычная смена имени. Вместе с новым обращением он словно получал подтверждение своей связи с иным, более высоким уровнем существования. Имя отделяло его от прежней жизни, закрепляло принадлежность к Айфаару и одновременно задавало образ будущего, которому ещё предстояло соответствовать.

Ещё одной заметной особенностью была цветовая политика. Айфааровцы не носили и, как правило, даже не держали в гардеробе вещей красного, жёлтого, оранжевого, горчичного, коричневого и болотного цветов. Избегали не только однотонной одежды этих цветов, но и отдельных элементов или сочетаний этих оттенков. Об этом новых людей предупреждали заранее, ещё во время телефонного разговора перед приездом.

Объяснялось правило тем, что на «тонком плане» эти цвета соответствуют наиболее низким и деструктивным человеческим мыслям и проявлениям. Считалось, что сама по себе одежда определённого цвета, конечно, не может автоматически понизить уровень сознания человека. Однако она способна незаметно воздействовать на подсознание и при соответствующих обстоятельствах усиливать нежелательные состояния — причём не только у того, кто её носит, но и у окружающих людей.

По той же причине такие цвета практически не использовались в интерьерах Айфаара, посуде и различных бытовых предметах. Наиболее универсальными и гармоничными считались голубой, белый и фиолетовый. Эти оттенки повсеместно присутствовали в одежде и архитектуре центра. Синяя крыша, голубые элементы зданий, светлая одежда и общий цветовой облик территории постепенно складывались в узнаваемую айфааровскую эстетику.

У каждого жителя было несколько наборов одежды: повседневная, рабочая и праздничная. Каждый самостоятельно следил за своим внешним видом и сам подбирал вещи. Люди старались выглядеть чисто и достойно даже во время хозяйственных или строительных работ — настолько, насколько это позволяла ситуация. Обычно это воспринималось как естественная часть общей культуры и специально не подчёркивалось, за исключением редких случаев.

Так совпало, что я приехал незадолго до начала «Праздника света». Едва успев освоиться, я услышал предложения немедленно подготовить какой-нибудь творческий номер и выступить перед всем коллективом. Мне говорили об этом так спокойно, словно выйти на сцену перед сорока незнакомыми людьми было самым простым и естественным делом.

Я узнал, что к празднику готовились заранее. Люди шили костюмы, разучивали танцы и песни, репетировали сценки, учили стихи. Участие принимали практически все, и мне объяснили, что моё демонстративное отсутствие в программе может быть воспринято как высокомерие или нежелание становиться частью коллектива.

Для человека, который только что приехал и ещё с трудом запоминал необычные имена окружающих, перспектива немедленно выйти перед всеми с творческим номером выглядела пугающей. Я не чувствовал себя готовым ни к выступлению, ни к той степени открытости, которая здесь считалась нормальной.

Всё же ко мне отнеслись снисходительно. От полноценного номера меня освободили, но предупредили, что во время общего застолья мне желательно хотя бы произнести тост или короткое пожелание, когда я почувствую себя готовым.

В каком-то смысле Орис оказался прав: к своему приезду я действительно был совершенно не готов. К счастью, жизнь на Айфааре состояла не только из публичных выступлений.

Праздники и все общие собрания проходили в круглом тентовом шатре с конусообразной крышей. Со временем его конструкцию усилили металлическими фермами, к которым крепился подвесной потолок. К моему приезду айфааровцы уже успели превратить обычный летний шатёр в довольно основательное и утеплённое помещение, пригодное для использования круглый год.

Пол в центральной части, где проходили выступления и танцы, был забетонирован и выложен плиткой. По периметру лежал линолеум, там же кругом расставляли столы и

стулья для участников праздника. Круг подчеркивал, что за столом все равны. Свободный центр оставался своеобразной сценой, без никакого возвышения, оно обычно и не требовалось: выступающий просто выходил в круг и сразу оказывался перед всеми.

Стены и потолок вместо привычной внутренней отделки были обклеены фольгированным полиизолом. Его рифлёные серебристые полотна шириной немного больше метра соединялись вертикальными стыками, проклеенными фольгированным скотчем. Поверхности получились блестящими, почти зеркальными, и напоминали внутреннюю обшивку космического корабля. Думаю, это сходство было не случайным. В любом случае материал выполнял и вполне практическую задачу: помогал дольше сохранять внутри тепло зимой и прохладу летом.

Шатёр всегда старались украшать богато и разнообразно. За это отвечала творческая группа сестёр-декораторов. Их стиль был самобытным: много кружев, блёсток, оборок, рюшек и полупрозрачной ткани. Основными оставались белый и синий цвета, но к ним свободно добавлялись серебряный, фиолетовый, малиновый розовый и другие яркие оттенки.

Вдоль стен развешивали белые полотнища, собранные в мягкие складки и драпировки. Иногда ими почти полностью закрывали серебристый полиизол, оставляя только отдельные блестящие участки. Ткань могла спускаться от потолка волнами, образовывать арки над столами и служить фоном для картин, надписей и праздничных композиций. На новый год белые драпировки сочетались с синими гирляндами, серебристым «дождиком» и разноцветной мишурой, протянутой под потолком.

Окна шатра тоже становились частью праздничного оформления. Их закрывали лёгкими занавесями и шторами, которые довольно часто меняли в зависимости от сезона, темы праздника и общего цветового решения. Одни были белыми и полупрозрачными, другие — голубыми, серебристыми или с узорами. Ткань собирали складками, подвязывали декоративными шнурами, дополняли цветами, мишурой и небольшими украшениями. Поэтому даже знакомое помещение периодически меняло свой облик: одни и те же окна то почти растворялись в белых драпировках, то становились яркой частью праздничной композиции.

В оформлении не стремились к строгой симметрии. Рядом могли находиться воздушные шары, блестящие спирали, самодельные фигурные украшения. Отдельные элементы делались вручную из проволоки, мишуры и ткани. Всё это выглядело немного по-домашнему, иногда даже наивно, но именно поэтому не напоминало оформление арендованного банкетного зала. В украшениях чувствовались время и старание конкретных людей.

Под потолком висели разноцветные гирлянды и длинные полосы мишуры — красные, синие, зелёные, золотистые. Там же размещались профессиональные осветительные приборы: цветные прожекторы, лазеры и зеркальный диско-шар. При обычном освещении шатёр казался просто очень нарядным, а во время танцев и выступлений разноцветные блики начинали отражаться от фольгированных стен и потолка, многократно усиливая свет.

Для столов существовало несколько комплектов скатертей — повседневных и праздничных. Их шили специально по форме длинных составных столов из белой ткани, а по внешнему краю украшали волнами синей мишуры. На столах ставили свечи,

украшения, фрукты и угощения, делающие даже обычную сервировку более торжественной.

Ткани для особенно нарядных скатертей Орис иногда выбирал сам во время поездок по странам Ближнего Востока и привозил в обычном туристическом чемодане. Сёстры уже на Айфааре шили из них скатерти, шторы, накидки и декоративные полотнища. Иногда стены и потолок полностью затягивали полупрозрачным белым текстилем в восточном стиле.

Оформление менялось в зависимости от времени года и темы праздника. Осенью использовали виноградную лозу, гроздья и сухие листья. Зимой добавляли еловые ветви, свечи, ёлочные украшения и серебристый дождик. Весной, к Пасхе, в шатре появлялись свечи, цветы и иконы. По внутреннему кругу столов протягивали световую гирлянду, а на самих столах раскладывали сезонные ветви и цветочные композиции.

Шатёр редко выглядел одинаково два праздника подряд. Его украшение воспринималось как отдельная часть подготовки, почти такое же общее дело, как приготовление еды или репетиция выступлений. За несколько дней помещение постепенно преображалось, и к началу праздника знакомые стены уже казались частью другого, специально созданного для этого вечера пространства.

Столы образовывали сплошной круг, разделённый тремя проходами. Два боковых использовались как технические: через них можно было быстрее войти, выйти или добраться до своего места. Там, где мог находиться четвёртый проход, прямо напротив главного входа, постоянно сидел Орис. В тот день все располагались только с внешней стороны стола, между ним и стеной шатра. Места занимались произвольно. Орис неизменно подчёркивал, что «персональных и особых мест здесь нет ни у кого», кроме него самого. Вообще среди своих учеников он выделялся очень сильно — положением, внешностью, манерой держаться и тем вниманием, которое неизбежно возникало вокруг его появления. Именно на первом «Празднике света» я впервые увидел Ориса лично. Это произошло в торжественной обстановке общего праздничного собрания, что, вероятно, ещё больше усилило впечатление от встречи.

Он был высоким, крупным, атлетически сложенным мужчиной пятидесяти лет. Длинные тёмные вьющиеся волосы Орис обычно зачёсывал назад. Густая борода, местами уже тронутая сединой, спускалась почти до живота, а светлая прядь под нижней губой расходилась книзу наподобие перевёрнутой буквы V. Тёмное складчатое лицо частично скрывали очки с затемнёнными, голубоватыми или коричневатыми стёклами, за которыми не всегда легко было сразу различить направление его взгляда.

Одежда Ориса менялась в зависимости от повода, но всегда подчёркивала его отдельное положение среди остальных. На праздниках он мог появиться в просторной белой атласной рубашке с широкими рукавами и мягкими складками, отражавшими свет шатра. В другой раз надевал строгий чёрный костюм с белой рубашкой. Даже классическая одежда выглядела на нём не совсем обычно из-за длинных волос, огромной бороды, массивных украшений и общей манеры держаться. Более нарядные костюмы, с блеском ткани и декоративными деталями, напоминали мне одеяние цыганского барона.

На указательном пальце правой руки он носил крупный перстень с голубым горным хрусталём в серебряной оправе. На шее висела толстая цепь с большим крестом. Во время застолий Орис мог держать в руке украшенный кубок или высокий металлический рог, пить из него вино и при этом продолжать руководить происходящим — произносить тост,

делать знак кому-нибудь из участников или жестом поддерживать общее веселье. Его движения были свободными и выразительными. Даже сидя за столом, Орис занимал вокруг себя больше пространства, чем остальные. Это ощущение создавалось не только его телосложением, но и широкими рукавами одежды, длинной бородой, уверенной жестикуляцией. Он вообще сидел иначе, чем все остальные: пока мы располагались на обычных стульях, для него было предусмотрено просторное плетёное кресло, которое само по себе выделяло его место за общим столом. У него были высокие подлокотники, широкая спинка, синяя подушка на сиденье.

Отличалась и посуда, которой он пользовался. Еду для Ориса подавали не на тех же обычных тарелках и блюдах, что для остальных. Его комплект выглядел более изысканно, с заметным восточным оттенком — словно отдельная небольшая сервировка внутри общего застолья.

Столовые приборы тоже были индивидуальными — отдельный комплект из чистого серебра. Рядом стояла его собственная чашка, посуда для напитков и другие предметы, которые после еды не смешивались с общей кухонной утварью, а убирались отдельно.

Всё это не выглядело как официально объявленная привилегия. Никто не произносил: «У Учителя должна быть особая посуда и особое кресло». Просто вокруг Ориса постепенно сложился целый набор небольших бытовых отличий, которые воспринимались нами как совершенно естественные. И именно из таких мелочей, наверное, особенно хорошо складывалось ощущение его положения центральной фигуры общего пространства.

Его сопровождал неизменный аромат сложной смеси эфирных масел собственного приготовления. Запах ощущался ещё до того, как Орис подходил близко, и становился такой же частью его образа, как борода, очки или перстень. Всё это вместе создавало цельное, сильное, властное и чрезвычайно яркое впечатление. Орис заметно отличался от остальных собравшихся, хотя многие ученики старались в чём-то ему подражать: отпускали волосы и бороды, носили необычные украшения, выбирали яркую одежду или перенимали отдельные жесты и интонации.

Впрочем, первое впечатление от его внешности во многом зависело не только от того, как он действительно выглядел, но и от того, с какими ожиданиями человек приезжал на Айфаар. Фотографии в интернете не передавали того напряжения, которое заранее создавали рассказы о его способностях, характере и возможном отношении к новичкам. Вживую всё воспринималось словно усиленным в несколько раз.

Если человеку заранее рассказывали, что Орис добрый, мудрый и необыкновенно духовный, он легко замечал в его лице именно мягкость и внутренний свет. Если же, как в моём случае, предупреждали, что он может быть грозным и даже страшным, те же черты казались ещё более суровыми. Вероятно, Орис действительно обладал способностью проявляться по-разному, но часть этого эффекта создавали мы сами, принося на первую встречу собственные страхи, надежды и уже готовый образ человека, которого нам предстояло увидеть.

Орис никогда никого не ждал — ждали всегда его. При этом сам он приходил вовремя, без опозданий, когда остальные уже занимали свои места. Войти в шатёр после него считалось неприличным. Поэтому о личном приветствии в момент нашей первой встречи не могло быть и речи: когда он появился, мы уже сидели за столами. Однако некоторые ученики всё же воспользовались возможностью подняться, обнять его и поприветствовать, пока он проходил мимо их стульев к своему центральному месту.

Когда Орис сел и праздник начался, мы на мгновение встретились взглядами. Этот взгляд показался мне необычайно глубоким и пронизывающим — таким, какой айфааровцы называли «рентгеновским». У Ориса была врождённая слепота на правый глаз, поэтому смотрел он словно с подчёркнутым вниманием одного глаза. От этого мне стало немного не по себе. Оставалось только гадать, что именно он видел и чувствовал, глядя на меня.

Однако без необходимости не рекомендовалось долго и пристально смотреть на Ориса, особенно прямо в глаза. По его словам, такое внимание отнимало у него энергию: чужой взгляд словно создавал дополнительную связь, через которую происходил её расход. Позднее я ещё подробнее расскажу, какое значение на Айфааре придавалось подобным представлениям.

Отчасти поэтому Орис использовал множество заметных внешних атрибутов — тёмные очки, крупные украшения, необычные предметы на столе и вокруг своего места. Они не только дополняли его яркий образ, но и отвлекали часть внимания от лица и глаз. Человеку было на что посмотреть, не задерживая взгляд непосредственно на нём.

Помощницы Ориса внимательно следили за этой стороной его повседневной жизни. Они украшали его место, расставляли предметы и заранее предупреждали новичков, что разглядывать Учителя слишком долго не следует. Тогда это воспринималось как естественная забота о человеке, который, по нашим представлениям, постоянно расходовал огромные силы на духовную работу и поддержку всего коллектива. Одновременно подобное правило ещё сильнее подчёркивало особое положение Ориса: даже обычный взгляд на него переставал быть нейтральным действием и приобретал энергетическое значение.

Считалось, что Орис на «тонком плане» способен различать вокруг человеческого силуэта особые цвета, зависящие от внутреннего состояния человека. Во всяком случае, он сам неоднократно рассказывал об этой способности. По его словам, одновременно он видел несколько оттенков, но один из них обычно преобладал и отражал текущее состояние души, мысли или эмоции.

Например, агрессия, гнев и гордыня представлялись Орису резкими красными или алыми вспышками, а страх и малодушие — коричневато-синими и серо-синими, почти мышиными оттенками. Мелочный эгоизм, по его описаниям, проявлялся мутно-жёлтым и коричневатым цветом, тогда как более выраженные честолюбие, гордость и сосредоточенность на себе окрашивали ауру в коричневые и оранжевые тона. Чувственные желания и сексуальное возбуждение тоже связывались с красным спектром, а ревность могла выглядеть как резкий алый выброс.

Положительным состояниям соответствовала другая гамма. Светло-жёлтый цвет считался признаком ясного мышления и развитого интеллекта, зелёно-жёлтый связывался с хорошей памятью. Голубые и синие оттенки означали духовную устремлённость, доброжелательность и религиозность, которая при более глубоком проявлении переходила в насыщенный фиолетовый цвет. Альтруизм и самоотречение ради общего блага добавляли в ауру сине-фиолетовые тона, а золотистое сияние и множество светлых искр воспринимались как признаки высокой духовности. К благоприятным цветам Орис также относил изумрудный, голубой, сиреневый, розовый, фиолетовый, золотой и белый.

При этом значение имел не только сам цвет, но и его чистота, яркость, сочетание с другими оттенками и то, в каком слое ауры он проявлялся. Один и тот же цвет мог трактоваться по-разному: чистый и светящийся воспринимался как более высокое

состояние, а мутный, грязный или резко кричащий — как признак эгоизма, внутреннего напряжения или грубых желаний. Поэтому Орис описывал человеческую ауру не как неподвижное одноцветное облако, а как постоянно меняющуюся картину из пятен, лучей, переливов, искр и вращающихся потоков, в которой каждая мысль и чувство оставляли свой кратковременный след.

Подобные представления постепенно погружали меня в сказочный метафизический мир, где привычные школьные законы физики и значительная часть классических научных представлений уже не воспринимались как единственно возможное описание реальности. Само допущение того, что рядом находится человек, способный видеть твои мысли и внутренние состояния, заметно меняло повседневное мироощущение.

В обычной жизни человеку редко приходит в голову постоянно оценивать качество каждой своей мысли. Внутренние переживания воспринимаются как личное пространство: они возникают, меняются и исчезают, не становясь известными окружающим, пока ты сам не выразишь их словами или поступками. На Айфааре всё представлялось иначе. Твоё состояние, как предполагалось, могло быть известно не только тебе, и сознание этого неизбежно влияло на состояние и поведение.

С одной стороны, такая вера действительно приучала к самонаблюдению. Нужно было следить за собой, замечать «плохие» мысли и стараться заменять их более доброжелательными и светлыми. С другой стороны, когда неприятные мысли всё же брали верх, могло возникнуть сильное чувство вины, а иногда и страх: вдруг Орис уже всё заметил, разоблачит тебя и, возможно, сделает это публично.

Для психики это становилось новым источником постоянного напряжения. В обычных обстоятельствах какая-нибудь мимолётная раздражённая или недобрая мысль могла быстро появиться и так же быстро исчезнуть, не изменив существенно ни моей жизни, ни жизни окружающих. Здесь же сам факт её появления приобретал особое значение. Поймать себя даже на слабой «плохой мысли» было стыдно, особенно рядом с Орисом.

Этот стыд мог не ослабить нежелательное состояние, а, напротив, усилить его. Внимание переносилось с первоначальной мысли на отношение к самому себе, и начиналось самобичевание: я не такой хороший, как мне хотелось бы; не настолько духовно развит, как остальные; не способен постоянно быть источником света и любви для окружающих.

Именно здесь начинал работать один из основных механизмов духовной школы Ориса. Вместе с разочарованием в себе появлялась надежда измениться. К ней примешивалось желание преодолеть собственные слабости, пройти всевозможные жизненные уроки и со временем стать лучше — светлее, чище и устойчивее. И Айфаар давал такие возможности.

Получалось, что жизнь в центре одновременно обнаруживала проблемы и предлагала способ их решения. Это не скрывалось. Орис часто говорил, что на Айфааре все человеческие качества — как отрицательные, так и положительные — проявляются гораздо заметнее, прежде всего для самого их носителя. Считалось, что за пределами Айфаара человеку будет трудно найти такую атмосферу взаимной поддержки и понимания, которая позволяла бы внутренним изменениям происходить достаточно быстро.

Во время нашего первого телефонного разговора я и сам сказал Орису, что в моей жизни почему-то слишком мало проблем. Я вкладывал в эту фразу не жалобу на благополучие, а другое значение: мне казалось, что я плохо знаю себя в сложных обстоятельствах и не

представляю пределов собственной устойчивости. Я хотел увидеть, каким окажусь в непривычных ситуациях.

Всестороннее познание себя действительно невозможно без самонаблюдения и осознанности. Самопознание считается одной из важнейших духовных и жизненных целей во многих восточных философиях, религиях и духовных движениях. Однако со временем для меня всё более важным становился вопрос о границе между внимательным наблюдением за собой и изнурительным контролем над каждой возникающей мыслью.

Теперь, когда я в полной степени принимаю себя таким, какой я есть, само понятие осознанности приобрело для меня другой смысл. Я воспринимаю её не как подавление нежелательных мыслей, а прежде всего как способность замечать и оценивать их. Только после такой оценки появляется возможность выбора — уже не из одной автоматической реакции, а из нескольких возможных вариантов.

Орис тоже выражал похожую мысль, говоря, что настоящая свобода невозможна без осознанности. Он формулировал это примерно так: свобода — не в возможности делать всё, что хочешь, а в способности не делать того, чего делать не хочешь. Под этим подразумевалась прежде всего внутренняя свобода — способность не подчиняться собственным разрушительным импульсам, привычкам и негативным реакциям.

Айфаар нельзя было однозначно отнести к какой-либо религии или назвать самостоятельной религией. В жизни центра использовались отдельные религиозные образы и элементы, но они соединялись с философскими, эзотерическими и метафизическими представлениями.

В шатре, за постоянным местом Ориса, висел огромный, почти во всю стену, плакат с изображением Христа. Именно эту картину Орис использовал и на обложках некоторых своих книг. Первые две книги, посвящённые Иисиидиологии, первоначально назывались «Благая Весть», хотя позднее были глубоко переработаны и получили другие названия.

Это объяснялось тем, что на ранних этапах духовного пути мировосприятие Ориса заметно тяготело к христианству. Но к моменту моего приезда оно уже находилось примерно на одинаковом расстоянии от христианства, ислама и буддизма. Его мировоззрение скорее представляло собой смесь собственной философии и метафизики с идеями Ошо, элементами ведизма и сакрального индуизма.

Христианскую символику поддерживали и некоторые ранние последователи Ориса, часто используя её для украшения общественных помещений. Однако вокруг этих образов не совершалось никаких обязательных ритуалов. Мы не крестились перед изображением Христа, не читали установленных молитв и не соблюдали связанных с ним обрядов. Такие изображения воспринимались скорее как украшения и напоминания о духовной стороне человеческой жизни и общих нравственных целях.

Тем временем мой первый «Праздник света» был в самом разгаре. Меня поразили богатство и разнообразие угощений на столах. Впечатляла не только изысканность отдельных блюд, но и само количество приготовленной еды.

Центральным блюдом на праздниках неизменно становилось мясо, приготовленное разными способами. Чаще всего подавали куриный шашлык во всевозможных соусах. Обязательно присутствовали два или три вида салатов, а многочисленные овощи и фрукты служили одновременно угощением и украшением праздничного стола.

Иногда специально для Ориса на праздниках готовили особые блюда или украшали их иначе, чем на остальных столах. Если он наедался, то мог предложить кому-нибудь из присутствующих попробовать и доесть оставшееся. Речь шла не о передаче своей тарелки, а именно о каком-то специально приготовленном для него блюде.

Для человека это иногда превращалось в довольно непростой выбор. Можно было спокойно отказаться, а можно было согласиться — и тем самым, как нам тогда казалось, невольно увеличить вероятность очередного духовного урока, если Орис вдруг изменит своё решение или увидит в согласии скрытую жадность, ожидание привилегии или что-нибудь ещё.

В других случаях он мог просто пустить такое блюдо по кругу. Тогда ситуация воспринималась уже намного легче: каждый мог взять себе немного на пробу и передать соседу.

Но и здесь появлялся другой возможный смысл. Для человека, который специально готовил это блюдо именно Орису, такой жест мог стать отдельным уроком. Повар рассчитывал, что его старания будут приняты лично Учителем, а Орис вдруг делился результатом со всеми. Что именно чувствовал в этот момент автор блюда, я не знаю. Возможно, там действительно находилось место и для лёгкой обиды, и для разочарования от того, что ожидаемая особая форма признания не состоялась.

Готовить начинали с самого утра, рассчитывая открыть застолье примерно в обед. В предпраздничной подготовке участвовали почти все, кто в это время не был занят другой полезной работой. Остаться в стороне без уважительной причины считалось стыдным и неприличным. Теоретически можно было спрятаться где-нибудь и не выходить, но даже в таком случае сохранялось чувство, что Орис благодаря своим способностям легко заметит этот «эгоистичный выбор».

К еде предлагались как безалкогольные, так и алкогольные напитки. Из алкоголя допускались только напитки не боле крепкие чем вино. Изредка были бальзамы, которые Орис сам делал на основе настоек крымских трав, «бейлиз» собственного приготовления и шампанское. Более крепкие напитки — например водка или коньяк — на праздниках не появлялись и вообще находились под негласным запретом. Это правило почти никогда специально не обсуждалось, поскольку большинству жителей центра действительно не хотелось употреблять крепкий алкоголь.

Пиво и вино пили только во время праздничных застолий и субботников, в умеренных количествах и с обильной закуской. За всё время жизни на Айфааре я ни разу собственными глазами не видел пьяного дебоша и лишь однажды слышал о подобном случае, к которому ещё вернусь позднее.

Из безалкогольных напитков на столах были газированная вода, соки, компоты и квас. Всё это — музыка, яркие костюмы, богатое застолье, необычные имена, объятия, духовные разговоры и постоянное присутствие Ориса в центре внимания — создавало атмосферу, совершенно не похожую на ту жизнь, из которой я приехал.

С алкоголем на айфааровских праздниках была связана, пожалуй, только одна устойчивая традиция — произнесение тостов. Праздник всегда открывал Орис. Его первый тост обычно представлял собой длинное, наполненное духовным смыслом обращение ко всем собравшимся. Тем самым он задавал общее направление застолью и словно приглашал

остальных продолжить разговор на возвышенные темы, высказать пожелание, поделиться размышлением или сформулировать намерение.

Все тосты произносились стоя. Завершив речь, человек поднимал бокал и говорил «Айфаар!», и остальные отвечали хором «Айфаар». После этого следовал общий звон стекла. Чокались не только с соседями по столу. Каждый участник символически «соединял» свой бокал с бокалом Ориса на расстоянии. Орис медленно обводил собравшихся пристальным взглядом и направлял свой бокал в сторону каждого, словно лично отвечая на сказанное. Позднее появилась другая традиция — запускать волну соударений. Она начиналась в одной точке и передавалась по столу сразу в обе стороны, пока не обходила весь круг.

Я знал, что многие заранее готовились к своему тосту. Кто-то специально сочинял стихи с духовным смыслом, кто-то продумывал небольшой план речи или заранее выбирал тему. Другие полагались на экспромт и говорили то, что приходило им в голову непосредственно во время праздника. При этом независимо от того, кто произносил тост, символическое соприкосновение бокалами происходило прежде всего с Орисом, а не с самим выступавшим. Иногда оратор тоже перенимал эту манеру и направлял бокал кому-нибудь на противоположном конце стола.

Вообще многие жесты, интонации и привычки Ориса очень быстро усваивались его учениками. Люди не обязательно сознательно старались его копировать. Скорее, постоянное внимание к нему постепенно делало его манеру поведения образцом, который естественным образом распространялся среди окружающих.

Произнесение тоста воспринималось не только как элемент застолья, но и как отдельная практика публичного выступления. Это считалось частью саморазвития и формирования лидерских качеств. Мы учились вставать перед людьми, говорить громко и чётко, формулировать вдохновляющие мысли и находить слова, способные поддержать окружающих.

Орис мог не согласиться с содержанием тоста, прервать выступавшего или высказать замечание. В такие моменты человек нередко терялся, сбивался с мысли и заметно смущался. Отчасти в этом и заключался смысл вмешательства: Орис намеренно ставил ученика в неловкое положение, заставляя его столкнуться с собственной неуверенностью, зависимостью от чужой оценки или чрезмерной серьёзностью по отношению к самому себе.

Предполагалось, что со временем человек замечает: окружающие не осуждают его со злостью и не пытаются унизить. Постепенно он должен был расслабиться, стать свободнее и научиться не воспринимать каждую ошибку как катастрофу. Считалось также, что таким способом можно усмирять гордость и высокомерие.

Комментарии Ориса, насколько я помню, обычно не были прямыми оскорблениями. Чаще в них присутствовал юмор или конкретное замечание по существу. Он объяснял, как точнее формировать намерение через пожелание, как сделать речь сильнее, яснее и убедительнее. Иногда Орис подхватывал высказанную человеком мысль и начинал развивать её дальше — значительно глубже и дольше, чем предполагал первоначальный тост. Тогда короткое выступление превращалось в развернутый рассказ или целую импровизированную лекцию. Человек, начавший говорить, мог всё это время продолжать стоять вместе с бокалом и ждать, пока Орис закончит, чтобы наконец завершить ритуал

общим звоном стекла. Такие рассказы записывали на аудио или видео и потом публиковать в интернете.

Для своего первого тоста я выбрал рубаи Омара Хайяма:

«Мест, где в чашах пурпурного нету вина,
Где красавицы нет, что нежна и стройна, —
Избегай, даже если там райские кущи, —
Вот совет. И в словах этих мудрость одна.».

Мне показалось, что для того места и времени эти строки вполне подходят. Однако Орис ответил:

— Я не буду пить за этот тост!

По существу, он был прав: я произнёс мудрое стихотворение в тему Айфаара, но так и не сформулировал собственного пожелания. В моих словах не было ясного намерения, за которое могли бы поднять бокалы. Можно было просто поблагодарить людей, подготовивших праздник, выразить радость от приезда или пожелать всем чего-нибудь доброго. Но ничего подобного я заранее не придумал.

Мне удалось кое-как выйти из неловкого положения и закончить выступление, однако для моего девятнадцатилетнего сознания произошедшее стало серьёзным стрессом. Именно так я получил свой первый жизненный урок от Ориса. Ситуация наглядно показала, насколько я ещё слаб, растерян и не уверен в себе, особенно когда нужно говорить перед людьми и брать на себя хотя бы небольшую роль лидера. Во всяком случае, именно так я тогда это воспринял.

Понимание предполагаемой пользы урока не делало его менее болезненным. Почти до конца дня я продолжал мысленно возвращаться к случившемуся, вновь и вновь прокручивая собственные слова и ответ Ориса. Поэтому остальные события праздника сохранились в памяти лишь отдельными яркими обрывками. Моё внимание было направлено в основном внутрь себя, а не на происходящее вокруг.

Я помню отдельные фрагменты выступлений, музыку и танцы. Особенно запомнилась девушка, исполнившая восточный танец с обнажённой грудью. Публика отреагировала на это спокойно и доброжелательно. Большинство радовалось за неё как за человека, решившегося на столь откровенное творческое проявление. Её выступление воспринималось как возможность раскрыться, преодолеть внутренние ограничения и глубже почувствовать собственную женственность и чувственность.

Я немного смущался и чувствовал себя неловко. Однако причиной была скорее неожиданность происходящего и недостаточное понимание принятых на Айфааре представлений о всесторонней реализации различных уровней сознания, а не естественный вид женского тела сам по себе.

Если состояния, считавшиеся негативными, требовали максимально быстрого переключения, а в идеале — позитивной нейтрализации, то чувственные проявления сами по себе проблемой не признавались. Их предлагалось реализовывать добровольно, естественно и по возможности конструктивно, не причиняя вреда или неудобства другим людям. К целомудрию как к самоцели и жёсткому подавлению желаний никого не призывали.

Считалось, что невыраженная чувственная энергия всё равно продолжает накапливаться и со временем может проявиться через свою негативную противоположность — апатию, раздражение, критицизм или склонность к осуждению. Поэтому праздники и творчество служили своеобразным пространством для разрядки: здесь можно было показать себя с непривычной стороны, пошутить, пофлиртовать, станцевать или примерить образ, который в обычной жизни оставался скрытым.

Разумеется, всё это происходило в сообществе взрослых людей. На Айфаар принимали только после достижения восемнадцати лет.

Специально для танцевальных, театральных и музыкальных номеров существовала общая костюмерная. В то время она располагалась в небольшой тупиковой комнате без окон, примыкавшей к мужскому общежитию в верхней части территории. Там хранились костюмы, которые айфааровцы самостоятельно придумывали и шили для выступлений, а также отдельные универсальные элементы одежды. Комбинируя их, можно было создавать разные образы в зависимости от замысла номера.

Некоторые предметы Орис привозил из путешествий по разным странам. Особенно много было деталей для восточных образов: расшитых бюстгальтеров, серёг, браслетов, поясов с подвесками и другой бижутерии. Например, имелись яркие голубые и серебристые костюмы с блестящими монетами, бусинами и полупрозрачными полотнищами ткани. Такие наряды подчёркивали движения тела и хорошо смотрелись в свете прожекторов, отражавшемся от серебристых стен шатра.

В костюмерной находились мужские и женские халаты, кимоно, широкие штаны, рубашки театрального покроя с объёмными рукавами, кружевами и декоративными застёжками. Были строгие костюмы, галстуки и ремни, восточная и классическая обувь разных размеров, множество шляп, париков, очков, украшений и заколок для волос. Отдельно хранились грим и различный сценический реквизит.

На одном из выступлений я сам был одет в ярко-бирюзовое кимоно из блестящей ткани с растительным узором. Его широкие рукава свободно спадали почти до пола, а под ним были такие же бирюзовые широкие штаны. Волосы я собрал на макушке в узел, изображавший традиционную японскую причёску, а к поясу прикрепил декоративный веер и другие детали.

Для другого выступления я подобрал ярко-синюю атласную рубашку с блеском, широким воротником и несколькими рядами декоративных оборок на груди. Она сочеталась с белыми брюками и выглядела заметно наряднее всего, что я носил в обычной жизни. В подобных костюмах человек на некоторое время становился другим — не обязательно более настоящим, но свободным от собственного привычного облика.

Костюмы и реквизит привозил не только Орис. Те, кто участвовал в постановках или просто знал о существовании общей костюмерной, иногда передавали туда подходящие вещи. Кто-то находил необычную одежду, кто-то привозил украшения, ткани или сценические аксессуары. Всё это предназначалось для общего использования, бережно хранилось и учитывалось, чтобы после очередного праздника каждая вещь вернулась на своё место. Позже у костюмерной появилась целая отдельная комната она же стала и гримёрной.

До конца того лета праздников в таком формате больше, насколько я помню, не проводили. Вероятнее всего, причиной была сильная жара. Синяя тентовая крыша шатра быстро нагревалась на солнце, а кондиционера внутри тогда ещё не было. В жаркие часы находиться под ней становилось тяжело.

Внутри шатра и рядом с ним стоял характерный резкий запах, исходивший от нагретой баннерной ткани. Мне он напоминал испарения фенольных смол. Тент был туго натянут, почти как струна, и под солнцем раскалялся настолько, что попытки охлаждать его водой почти не помогали.

Не знаю, кому именно пришло в голову решение, которое в итоге заметно улучшило ситуацию: всю синюю крышу шатра покрасили белой краской. После этого она стала меньше нагреваться, и внутри сделалось значительно терпимее. Этот простой хозяйственный выход хорошо соответствовал айфааровской жизни, где многие проблемы решались сообща, непосредственно на месте, доступными средствами.

В первые дни на Айфааре больше всего я боялся, что меня выгонят слишком быстро — раньше, чем закончится минимальный двадцатиоднодневный срок первого приезда. Я старался не попасться Орису на каком-нибудь «уроке» и ничем его не спровоцировать. Когда меня спрашивали, на сколько я приехал, я отшучивался:

— Пока не выгонят.

В этой шутке было немало правды. Я ещё почти ничего не знал о повседневной жизни центра и не понимал, какое моё состояние или реакция может быть истолковано как проявление неготовности, эгоизма или внутренней слабости.

Само по себе пребывание в новом месте, среди незнакомых людей, становится для большинства серьёзным испытанием. Жизнь в большом коллективе усиливает это состояние: вокруг постоянно кто-то находится, за тобой наблюдают, оценивают твою готовность участвовать в общей жизни. Почти не остаётся привычного личного пространства, где можно спокойно прийти в себя и осмыслить происходящее.

Именно поэтому к первым людям, проявившим ко мне особую заботу, доброту и внимание в первые дни, я впоследствии сильно привязался. В новой и непривычной обстановке они воспринимались как спасители и проводники, помогавшие сделать первые шаги в мире с неизвестными мне правилами.

Значительно позднее на Айфааре появилась практика заранее назначать каждому приезжающему отдельного куратора. Человек сам выбирал его из числа постоянных айфааровцев, связывался с ним и договаривался о подробностях приезда. Куратор встречал гостя, помогал разместиться, знакомил с распорядком и мягко вводил в контекст происходящего. Это касалось не только новичков, но и тех, кто приезжал в центр регулярно.

Во время моего первого приезда такой системы ещё не существовало. Роль негласного куратора по собственной инициативе взяла на себя одна из «сестёр» — так на Айфааре называли женщин, участвовавших в общей жизни центра. Я не знаю, почему она обратила внимание именно на меня. Она была примерно на десять лет старше, но разница в возрасте тогда не казалась мне препятствием.

После праздника она провела для меня обстоятельную экскурсию по большой территории Айфаара, рассказала множество местных историй и дала несколько практических советов о жизни в центре. Я ещё почти ничего о ней не знал, однако рядом с ней чувствовал себя заметно спокойнее. Её внимание смягчало напряжение первого дня и создавало удивительное ощущение, будто в этом совершенно незнакомом месте у меня уже появился близкий человек.

Мы продолжали гулять почти весь вечер — сначала по территории Айфаара, а затем и за её пределами. Нам хотелось разговаривать, и для этого находились всё новые темы. Она объясняла мне устройство местной жизни, рассказывала о людях и событиях, а я, больше слушал, чем говорил. После пережитого на празднике смущения её внимание действовало на меня целительно.

Я не могу точно сказать, в какой момент обычное дружелюбие превратилось во взаимное притяжение. Возможно, подобные вещи вообще редко имеют ясную границу. Ещё недавно мы были незнакомы, а к вечеру между нами уже возникло то особое напряжение, при котором каждое слово, взгляд и случайная пауза начинают казаться наполненными дополнительным смыслом.

Разница в возрасте меня не смущала. Она старше, и в какой-то мере это даже льстило моему юношескому самолюбию. Рядом с ней я ощущал себя взрослее, увереннее и значительнее, чем был в действительности. В её внимании мне хотелось видеть подтверждение того, что я уже не мальчик, только начинающий искать своё место в жизни, а мужчина, способный заинтересовать опытную женщину.

Теперь я понимаю, что в возникновении этой близости соединилось сразу несколько обстоятельств. Я находился в состоянии сильного эмоционального напряжения, впервые оказался вдали от привычного дома и нуждался в человеке, рядом с которым мог почувствовать себя защищённым. Она стала для меня одновременно проводником в новую жизнь, источником душевного спокойствия и женщиной, чьё внимание пробуждало во мне чувство собственной значимости.

Поздним вечером она предложила провести ночь в спальных мешках на крыше водонапорной башни. Там мы остались вдвоём — наедине друг с другом, тишиной и звёздным небом. Само место превращало происходящее в сцену из романтической повести: внизу оставались строения Айфаара и его постепенно затихавшая жизнь, а над нами открывалось бесконечное крымское небо. Мы просто лежали рядом в обнимку, разговаривали и смотрели на звёзды. Но именно эта незавершенность, возможно, и сделала ночь особенно запоминающейся. Не получив телесного продолжения, возникшее

притяжение словно целиком перешло в область чувств и воображения. Я заснул только под утро и мне казалось, что между нами зарождается какая-то особая, почти космическая связь, вполне соответствовавшая месту, куда я приехал искать тайны мироздания. Возможно, ей тогда хотелось бы другого результата, но я был только начинающим романтиком, а не прожжённым циником.

Однако вместе с близостью сразу появилась и будущая разлука. Срок её пребывания на Айфааре подходил к концу, и уже на следующий день она должна была уехать в родной город. Мы едва успели встретиться и немного узнать друг друга, как время уже разделяло нас. Наверное, именно такие препятствия особенно усиливают притяжение: чувство ещё не успевает стать привычным, а возможность его потерять уже придаёт ему исключительную ценность.

От мысли о её отъезде мне становилось грустно. Первый день на Айфааре, начавшийся со страха, неловкости и ощущения собственной неподготовленности, завершался неожиданной близостью, которую я уже боялся утратить.

Она часто приезжала на Айфаар и оставалась здесь на сравнительно долгие периоды. Примерно через месяц она собиралась вернуться. Необходимость уезжать была связана главным образом с финансовыми обстоятельствами. Для жизни в центре каждый участник вносил деньги на общий стол — около ста долларов в месяц по тогдашнему курсу.

Схема была достаточно простой. Поработав около месяца, она могла накопить средства на дальнейшее проживание, одновременно побыть с родными, а затем снова приехать на Айфаар и провести здесь следующие три месяца — до очередного срока пересечения границы.

Известие о её возвращении придало ожиданию определённость. Теперь мне особенно хотелось пройти первые двадцать один день, не попасть под изгнание и остаться на Айфааре, чтобы дождаться её и продолжить отношения, которые за одну ночь успели показаться мне удивительно значимыми. Так к высоким устремлениям — познанию устройства Вселенной, духовному развитию и участию в великой миссии — прибавилось гораздо более простое желание: снова увидеть девушку, рядом с которой в первый вечер новой жизни я почувствовал себя менее одиноким.

Подвод итог моей мотивации остаться дольше могу образно сказать, следуя рубаю Омара Хайяма, следующее. В этом месте и «чаши пурпурного полны вина», и «красавица есть, что нежна и стройна». Вместе с тем здесь находились и те самые «райские кущи», о которых он писал, — пространство, где радость, красота и мудрость не противоречат друг другу. По крайней мере, тогда Айфаар воспринимался мной именно так.

В нашем посёлке не было тех многих запретов, которые приняты в других духовных обителях. Правила и ограничения казались мне в основном разумными и адекватными. Человека не призывали отказываться от красоты, хорошей еды, общения, чувственности или удобства только ради того, чтобы доказать свою духовность.

Сам образ «райских кущ» я понимал вполне конкретно: красивое, ухоженное место с садом, цветами, ручьями, фонтанами и беседками, где можно проводить время среди близких по духу людей. В этом отношении Айфаар выглядел более чем достойно. Живописными были и само его расположение, и название посёлка — Голубой Залив.

По моим тогдашним меркам здесь уже существовало вполне благоустроенное общее жилое пространство. Хозяйственно-бытовая сторона жизни была хорошо организована, а территория тщательно облагорожена. В подобном месте можно было мечтать жить.

Многие люди тяжело работают всю жизнь, чтобы когда-нибудь устроить нечто похожее на собственной даче или возле своего дома. Я понимал это уже тогда. Богатые столы, красота окружающих людей и повседневная щедрость сообщества усиливали впечатление, будто это место предназначено для избранных — самых успешных и благополучных.

Материальные условия Айфаара тешили и мой эстетический гедонизм, и самолюбие. Мне казалось, что я получил некое «нечестное преимущество» перед остальными: всё и сразу, здесь и сейчас, без долгих лет нелюбимой работы за зарплату на чужого человека. Это удивительно точно соответствовало моему желанию быстро изменить направление жизни и сразу оказаться в новом мире.

Для входа в него, как мне тогда представлялось, требовалось совсем немного — читать книги Ориса, разделять его идеи и быть готовым участвовать в общей жизни. Однако у всего существует своя цена, и настоящую стоимость такого выбора мне ещё только предстояло узнать.

Те, кто приехал на несколько лет раньше меня, начинали почти с чистого листа и не могли вдохновляться уже достигнутым комфортом. Их условия были по-походному скромными. Люди жили в палатках, осваивали территорию и создавали то, чем позднее пользовались такие новички, как я.

По рассказам старших айфааровцев, недостаток внешнего удобства Орис компенсировал подробными картинами будущего. Он часами рассказывал у костра о красотах, которые совсем скоро появятся там, где они пока спали в палатках, таскали камни и расчищали склон. Размахивая руками, он описывал будущий Айфаар настолько детально, будто уже видел его перед собой.

В этих рассказах проявлялись и его актёрские способности, и литературное воображение. Он умел зажигать людей своим замыслом, превращая тяжёлую работу в участие в большом созидательном проекте. Слушая его, нетрудно было поверить, что будущее действительно существует в готовом виде и Орис лишь пересказывает увиденное.

Ему было важно, чтобы люди доверяли этому образу и продолжали трудиться ради его воплощения. По воспоминаниям тех, кто находился рядом в первые годы, тогда он держался иначе, чем позднее: был мягче, доброжелательнее и чаще лично вдохновлял каждого участника.

Надо отдать ему должное: значительную часть своих планов и «тонких» видений он действительно сумел довольно быстро воплотить в материальной форме. К моменту моего приезда Орис уже выглядел в собственном центре почти как король или звезда — самый свободный, успешный и, по крайней мере внешне, счастливый человек среди нас.

Он постепенно двигался к образу легендарного пророка и вождя будущего человечества, всё увереннее примеряя эту роль в повседневной жизни. При этом материальная основа его успеха, если смотреть на неё сегодня, не была очень высокой. В сочетании с организаторским талантом, настойчивостью и трудолюбием это дало впечатляющий результат. Некоторые айфааровцы называли его «мастером жизни» — человеком,

доказавшим способность материализовывать собственные глобальные и, как мы считали, альтруистичные мечты.

Уже одному этому у него можно было поучиться. Другие говорили, что готовы даже «подметать пыль на его дороге». Под этим подразумевалась готовность бесплатно выполнять даже самую незаметную работу, если она помогала общему движению к большой цели, — порой отказываясь ради этого от более выгодных и оплачиваемых возможностей за пределами Айфаара.

Засушливое лето 2007 года

Спали жители и гости Айфаара в разных домах и помещениях, поэтому просыпались тоже в разное время. «Жаворонки» вставали почти вместе с солнцем, а «совы», к которым относился и я, иногда позволяли себе поспать подольше — почти до самого начала общего завтрака. Он начинался в восемь часов и продолжался примерно до девяти.

Типичный утренний маршрут для многих, кто жил в верхней части Айфаара — в комнатах общежития, на втором этаже дома под крышей будущих квартир, где ещё не было перегородок, или в палатках, — начинался с похода с «ночным ведром» к уличному туалету возле сушилки для вещей.

Туалет был каменным, оштукатуренным, с двумя закрывающимися кабинками. До наступления холодов им пользовались многие, поэтому по утрам у входа нередко собиралась небольшая очередь. Из кабинок открывался живописный вид на горы и море. Само место располагало к неспешности и созерцанию, но задерживаться всё же не рекомендовалось: снаружи ждали другие.

Во всех туалетах Айфаара висели таблички с правилом: «Использовать только сидя». Объяснялось это исключительно чистотой и гигиеной — чтобы избежать брызг, запахов и лишней уборки. Орис ввёл это правило лично и время от времени отдельно напоминал о нём. Дежурные ежедневно мыли кабинки, выносили мусор и следили за порядком.

Приветствовали друг друга не только в день приезда, но и каждое утро — при первой встрече. Обычно это был открытый взгляд в глаза, лёгкая улыбка и объятие, молчаливое или сопровождаемое привычным айфааровским приветствием. Кто-то обнимался быстро и легко, почти на ходу, а кто-то — долго и основательно, словно действительно стремился вложить в этот короткий контакт всё своё душевное тепло.

Обниматься полагалось не только с людьми противоположного пола, а вообще со всеми. На этом фоне я иногда заметно выделялся своим напряжением: мог отвести взгляд, улыбнуться слишком сдержанно или обнять человека скорее формально. За это мне порой делали замечания.

Со временем у меня выработалась привычка приветствовать людей более открыто — с дружеской улыбкой и прямым, внимательным взглядом. Эта привычка сохранилась у меня до сих пор. Только объятие теперь чаще заменяет крепкое, основательное рукопожатие.

На то, чтобы каждое утро обнять всех уже встретившихся и лично с каждым поздороваться, уходило немало времени. Большинство, кажется, даже не замечало этого. Но такая последовательность коротких контактов действительно действовала на людей положительно и сближала. Ещё до начала общего дня человек получал несколько десятков подтверждений, что его здесь видят, узнают и принимают.

Еду готовили заранее. Обычно завтраком занимались те же сёстры, которым в этот день предстояло оставаться на кухне и готовить обед с ужином. Нередко им помогал кто-нибудь из рано проснувшихся жителей. Взаимная помощь на Айфааре всячески культивировалась и считалась одной из главных целей приезда.

Тогда мне казалось, что настолько эгоистичные люди, каким я воспринимал самого себя, сюда попадали редко или вообще не приезжали. Окружающие производили впечатление людей, для которых забота о других была естественным состоянием. Я ещё не понимал, насколько за этой внешней лёгкостью могли скрываться такие же усилия, сомнения и желание соответствовать общим ожиданиям.

На завтрак готовили много и вкусно. У каждой из сестёр были свои особенные блюда: омлеты, оладьи, гренки, бутерброды, каши или выпечка. Они старались, чтобы еда не повторялась, хотя обязательного меню заранее никто не составлял. Часто решение принималось спонтанно — в зависимости от продуктов, настроения и, как тогда говорили, внутренних ощущений повара.

Возможностей для такого разнообразия было достаточно. На Айфааре имелся большой продуктовый склад с внушительным запасом круп, муки, овощей, фруктов, сыра, мяса и других ингредиентов. В глубине склада находилось целое теплоизолированное помещение, оборудованное промышленной холодильной установкой. Всё это напоминало уже не обычную домашнюю кухню, а небольшое предприятие общественного питания.

Масштаб работы был огромным. Каждый день нужно было несколько раз накормить десятки людей, приготовить еду, накрыть столы, убрать посуду и снова начать подготовку к следующему приёму пищи. Основная нагрузка ложилась на айфааровских сестёр и их добровольных помощников. Тогда я воспринимал этот постоянный труд как естественную часть жизни центра. Теперь же мне легче представить, сколько физических сил, времени и внимания он требовал.

Летом многие вставали задолго до завтрака — около шести или семи часов утра. Это было светлое время, наполненное постоянными хлопотами. Богатство окружающей природы словно само подталкивало человека найти себе полезное занятие.

Самым простым способом проявить заботу было собрать для других созревшие ягоды, фрукты или свежие овощи, чтобы позднее они появились на общем столе как дополнение к завтраку. Важно было брать именно то, что уже созрело, не срывая недозрелых плодов. Даже в таком небольшом действии можно было проявить внимательность: не просто принести что-нибудь съедобное, а выбрать лучшее для остальных. Другая возможность – съесть половину ягод самому во время собирания, или оставить лично нетронутыми все до единой. Многие выбирали максимально альтруистичные варианты.

Стремление помогать проявлялось так часто и так заметно, что иногда у меня возникало ощущение негласного соревнования. Люди старались раньше других увидеть необходимость, успеть принести, убрать, приготовить или поддержать. Никто официально не объявлял состязания в добрых делах, но само устройство жизни как будто постоянно предлагало человеку доказать свою полезность.

При этом высшим проявлением альтруизма считалась помощь, оказанная незаметно и по возможности анонимно. Нужно было заранее устроить всё так, чтобы никто не узнал, кто именно проявил заботу, и не смог поблагодарить лично. Можно было, пока никто не видит, подмести дорожку, убрать случайный мусор, нарвать фруктов и оставить их на кухне с запиской «Для всех» или купить какое-нибудь сладкое угощение для общего стола.

Смысл заключался не только в самой помощи, но и в добровольном отказе от признания. Человек как будто лишал себя возможности почувствовать духовное превосходство, услышать благодарность и получить подтверждение собственной доброты. Предполагалось, что именно такая помощь была наиболее чистой, поскольку совершалась не ради чужого внимания, а ради самого результата.

Подобный ритм назывался «айфааровской динамикой». Духовный центр Ориса уже тогда позиционировался как школа альтруизма и интеллекта. Здесь эти понятия переходили из книг и разговоров в практическую плоскость: я видел попытку воплотить их в повседневной жизни и сам должен был становиться частью этого процесса.

Для меня происходящее было необычным. Люди просыпались с намерением сделать как можно больше полезного и без особого труда находили для этого возможности на протяжении всего дня. Во всяком случае, именно так это выглядело со стороны.

Мне казалось, что непрерывная готовность помогать даётся остальным легко, словно является их обычным естественным состоянием. Мне же приходилось прикладывать заметные усилия, чтобы хотя бы приблизиться к принятому уровню альтруизма. Уже одно то, что я не любил рано вставать, лишало меня множества утренних «возможностей», которыми пользовались почти все «нормальные» люди.

Я искал способы оказаться полезным в другое время дня и старался не оставаться в стороне. Но сильной и естественной тяги к альтруизму тогда ещё не чувствовал. Чаще мой альтруизм исходил из разума, а не из непосредственного душевного порыва.

Я боялся отличаться от остальных и испытывал стыд, если кому-то не помогал. Даже когда я делал что-нибудь полезное, радость от самого доброго поступка возникала не всегда. Иногда главным результатом становилось лишь облегчение: теперь мне было не так стыдно за себя на фоне того, сколько успевали сделать другие.

В этом заключалось одно из моих внутренних противоречий. Я действительно хотел становиться лучше, но одновременно стремился соответствовать среде и не выглядеть эгоистом. Разделить эти два мотива было трудно. Возможно, они и не существовали по отдельности: внешнее требование постепенно превращалось во внутреннюю привычку, а привычка иногда начинала приносить настоящее удовлетворение.

Социальный статус человека на Айфааре определялся не деньгами, профессией или прежними достижениями, а количеством и качеством его полезных дел. Те, кому забота о других давалась легче и приносила эмоциональную отдачу, естественным образом

приобретали больший авторитет. К ним прислушивались, на них равнялись, их ставили в пример.

Такая иерархия нигде не была официально закреплена, однако хорошо считывалась окружающими. Человек, в котором видели больше «любви и света», оказывался выше того, кто чаще проявлял лень, эгоизм или замкнутость. Первые шли впереди и своим примером подтягивали остальных. Вторым становилось стыдно, и этот стыд тоже заставлял их стремиться к доброте.

В этом механизме действительно присутствовала определённая созидательная сила. Человек начинал помогать, сначала руководствуясь разумом, чувством долга или просто желанием не отставать от остальных. Причём речь могла идти о самых обычных бытовых вещах: после общего ужина не уйти сразу, а остаться помыть посуду; заметить переполненное ведро и вынести мусор, не дожидаясь просьбы; помочь на кухне почистить овощи, накрыть на стол или убрать после еды; подмести помещение, протереть столы, разобрать привезённые продукты или помочь тому, кто явно не успевал со своей работой.

Поначалу такие действия вполне могли совершаться через внутреннее усилие: хотелось отдыхать, заниматься своими делами или просто не замечать, что где-то нужна помощь. Но затем человек видел конкретный результат — чистую кухню, убранную столовую, быстро приготовленный общий обед, — чувствовал благодарность окружающих и собственную полезность. Постепенно то, что сначала воспринималось как обязанность или упражнение над собой, могло становиться естественной привычкой. Ты уже не рассуждал каждый раз, должен ли помочь, а просто замечал, что нужно сделать, и делал.

Но у такого пути была и обратная сторона. Стремление к добру тесно соединялось со сравнением себя с другими и боязнью оказаться недостаточно достойным. Именно это сочетание искреннего альтруизма, осознанности, закрытости, вины, стыда и надежды измениться во многом определяло мои первые месяцы на Айфааре.

Кухня примыкала к шатру с южной стороны. Она была примерно четыре метра в ширину и семь в длину. В противоположной от входа стене находилась дверь в продуктовый склад, а справа был парадный проход в шатёр, уровень которого располагался на несколько ступеней выше. Вдоль наружной стены тянулся ряд окон.

Посередине кухни стоял длинный обеденный стол, со всех сторон окружённый белыми пластиковыми стульями. Вдоль стен располагались рабочие поверхности для приготовления пищи, электроприборы, плиты, раковины, холодильники и шкафы с кухонной утварью. Одновременно все жители Айфаара в этом помещении не помещались, но для приёма пищи существовало несколько других мест.

Можно было отправиться в шатёр, хотя летом там часто было душно. Более приятной альтернативой служило «летнее кафе» — недавно построенная открытая беседка неподалёку от кухни, рассчитанная примерно на двадцать человек. Вдоль неё стояли длинные деревянные столы и такие же лавки, установленные на синих металлических опорах. На столах располагались белые шарообразные светильники, которые вечером давали мягкий рассеянный свет.

Обычной крыши у беседки не было. Вместо неё над головой изгибался лёгкий голубой металлический каркас с решёткой, постепенно оплетённый вьющимися растениями. Розы, глициния, виноградные лозы и другая зелень образовывали живой свод, сквозь который днём пробивались солнечные пятна. По бокам растения спускались почти до самых

столов, а снизу к ним поднимались вьюнки с фиолетовыми цветами. Под ногами была светлая мелкая каменная отсыпка, а сразу за беседкой начинался сад с плодовыми деревьями и густой южной растительностью.

Летом здесь было значительно приятнее, чем в закрытом шатре. Листва давала тень, пространство свободно продувалось, вокруг пахло нагретой зеленью и цветами, а вечером между ветвями загорались белые шары светильников. Получалось очень простое, но уютное место — почти без стен и крыши, словно несколько столов поставили прямо посреди сада, а растения со временем сами построили над ними живой навес.

Некоторые ели на крыльце возле кухни, где стояла деревянная лавка без стола. Вообще лавочек на территории было много: они находились в разных уголках Айфаара и позволяли присесть там, где человеку было удобно или хотелось побыть немного в стороне от общего движения.

Из летнего кафе открывался широкий вид на нижнюю часть центра, речку, персиковый сад, лес, горы и дальше — в сторону моря. Благодаря тому, что беседка находилась выше основной территории, отсюда Айфаар хорошо просматривался почти целиком, словно с небольшой смотровой площадки.

Внизу среди густой зелени виднелись каменные подпорные стены, дорожки и отдельные постройки с голубыми крышами. Особенно выделялись лёгкие арочные конструкции над дорожками и вокруг бассейна — белые и голубые металлические дуги, которые со временем тоже должны были зарастать растениями. Среди них была и яркая многоцветная арка, хорошо заметная с высоты. Всё пространство выглядело очень зелёным: домик Ориса, гостевой дом и винный погреб буквально терялись среди деревьев, а дальше территория переходила в поднимавшиеся за речкой горные склоны и небо.

Отсюда хорошо просматривался и домик Ориса — его кухня, прилегающая территория и балкон, на котором он в то время проводил довольно много времени. Поэтому летнее кафе было не только приятным местом для отдыха и разговоров. Сидя за деревянным столом

под ещё только зарастающим зеленью арочным сводом, можно было одновременно видеть значительную часть жизни Нижнего Айфаара: кто идёт по дорожке, что происходит возле домов, кто работает внизу или собирается в какой-нибудь из общих зон.

Ещё беседку в шутку называли «рентген-кабинетом». Считалось, что, находясь там с другой стороны на виду у Ориса, человек словно оказывался под рентгеном: его можно было видеть насквозь — вместе с мыслями, настроением и внутренними мотивами. Возникало несколько преувеличенное ощущение, будто Орис только и занимается тем, что постоянно исследует сознание находящихся вокруг людей.

Как всё происходило в действительности, никто из нас знать не мог. Однако среди айфааровцев ходило много слухов, догадок и историй о том, что именно Орис способен увидеть в человеке и насколько внимательно он следит за происходящим.

После завтрака, с девяти до десяти часов утра, проводился общий сбор. Чаще всего мы собирались у кострища, реже — в летнем кафе. В дождливую или неблагоприятную погоду переходили в шатёр, но садились не за столами, а во внутреннем круге. Для этого приходилось выносить пластиковые стулья из-за столов и расставлять их в центральной части.

Наличие нескольких площадок для общих встреч создавало ощущение разнообразия и делало территорию визуально просторнее, чем она была в действительности. При постоянной жизни в одном месте это имело значение: переход от кострища к беседке или шатру хотя бы немного менял обстановку и ритм дня.

Первые сорок пять минут утреннего сбора обычно посвящались песням Ориса. После пения распределяли работы на предстоящий день. Сам Орис в этих собраниях и распределении обязанностей не участвовал. Он завтракал отдельно, на своём балконе. Еду ему готовили на отдельной кухне, а продукты для него приобретались отдельно и за его собственные средства.

До завтрака или во время него кто-нибудь из рано проснувшихся жителей иногда приносил Орису свежесобранные ягоды или фрукты. Это могло быть искренним выражением благодарности и заботы, но одновременно давало возможность лишний раз попасться ему на глаза и лично пообщаться с ним, причём не в положении человека, который просит, а в более приятной роли того, кто сам что-то отдаёт.

Для людей, ещё не получивших духовного имени, подобная встреча могла иметь и дополнительное значение. Существовала надежда, что именно в такой момент Орис увидит их в особенно светлом и альтруистичном состоянии и распознает имя, соответствующее их более высоким уровням сознания.

Однако результат такого взаимодействия было невозможно предугадать. Орис мог искренне поблагодарить человека, мог почти не обратить внимания на принесённые плоды, а мог сделать неприятное замечание, заметив в поступке скрытое ожидание благодарности или желание продемонстрировать собственный альтруизм. Поэтому даже простое подношение ягод могло превратиться в очередную проверку внутренних мотивов.

Пение на утреннем сборе было для меня совершенно непривычной практикой. До Айфаара я почти никогда не пел. Даже музыку с вокалом слушал нечасто, а если и включал песни, то в основном русский рок. Текст там я нередко воспринимал скорее как часть общей мелодии, не пытаясь подробно вдумываться в содержание.

Здесь же мы каждое буднее утро хором пели стихи Ориса, положенные на известные мелодии песен Юрия Антонова, Владимира Высоцкого, Раймонда Паулса и других композиторов. Знакомый мотив помогал удерживать ритм и вступать вместе со всеми. Большинство мелодий я уже слышал раньше. Если же мотив оказывался мне неизвестен, нормально петь было трудно, и первое время приходилось больше слушать окружающих, постепенно подстраиваясь под их голоса.

Орис издал большим тиражом толстый сборник своих песен формата А4. У него была твёрдая синяя обложка с тем же изображением Христа, которое висело на стене шатра. Приобретённые айфааровцами песенники Орис подписывал поимённо. Все книги хранились общей стопкой на специальной полке в кухне или на столах в шатре, откуда их приходилось собирать.

После завтрака те, кто шёл со свободными руками, брали стопки песенников и несли их к кострищу. Там каждый находил свой подписанный экземпляр, и мы открывали страницу, на которой остановились в предыдущий день. В субботу и воскресенье распорядок отличался: от утреннего и вечернего пения в эти дни отдыхали.

Считалось, что совместные песни синхронизируют участников, помогают им настроиться друг на друга и подготовиться к предстоящей альтруистичной работе в хорошем, возвышенном состоянии. Значение имело не только то, что именно человек делает, но и с каким внутренним настроем он это выполняет.

Согласно айфааровским представлениям, работа, сделанная в раздражении, унынии или эгоистичном состоянии, оставляла на «тонком плане» соответствующий энергетический след на том объекте, которым занимался человек. Считалось, что Орис или другой экстрасенс, проходя мимо такого места, будет видеть пятно негативной энергии, вложенной автором работы. Убрать или «перекрасить» этот след позднее было очень трудно, а иногда почти невозможно.

Проверить это представление на практике никто из нас не мог. Я, во всяком случае, никогда не замечал, чтобы Орис, проходя мимо дерева, посаженного мной в не слишком радостном состоянии, вдруг останавливался, хватался за голову и с огорчением спрашивал:

— Кто же посадил это дерево?

Впрочем, в рамках описываемых им способностей задавать такой вопрос ему и не потребовалось бы. Предполагалось, что при желании в его сознании сам собой появится образ человека, который посадил дерево, даже если Орис не присутствовал при этом лично.

О подобных возможностях рассказывал сам Орис. Они были у него с детства, а сейчас он научился ими управлять в совершенстве. Для меня они оставались частью его субъективного опыта, который я не мог достоверно проверить. Однако в то время серьёзно сомневаться в них мне не приходило в голову.

Необычные способности Ориса часто и подробно обсуждались айфааровцами между собой — на кухне, за работой или во время отдыха. Каждый вспоминал известные ему случаи, загадочные совпадения и ситуации, в которых Орис будто бы знал то, чего обычным способом знать не мог.

Эти рассказы взаимно поддерживали общую уверенность. Одна история подтверждала другую, к ней присоединялась третья, и постепенно образ Ориса приобретал всё более волшебные черты. Его способности в коллективном восприятии усиливались до почти невероятных, а временами и божественных масштабов.

Песенные стихи Ориса были посвящены духовным темам. В них воспевались безусловная любовь, космическое братство, единство, доброта и альтруизм. Слог был выразительным, слегка старинным и далеко не всегда простым или тривиальным. Многие тексты можно было разбирать почти построчно, соотнося образы с собственным поведением, отношениями с людьми и теми представлениями о духовном развитии, которыми мы тогда жили.

Например, песня «Жизнь сначала начинающая» начиналась так:

Жизнь начни ты заново – в Духе, а не внешне,

Чтобы больше радовать и любить, конечно!

Чтобы стать красивее в Мыслях и в делах,

Чтоб духовной Силою Жизнь полна была!

Чтобы не сдаваться, проходя сквозь грозы,

И не ошибаться в жизненных вопросах…

Здесь уже в первом куплете содержалось сразу несколько тем для разговора. Что значит начать жизнь заново именно «в Духе, а не внешне»? Можно ли действительно изменить свою жизнь, просто поменяв работу, место жительства или круг общения, если внутри человек остаётся прежним? Что значит «стать красивее в Мыслях и в делах» и насколько наши хорошие намерения совпадают с тем, как мы реально поступаем с другими людьми?

Внешние перемены сами по себе ценились значительно меньше, чем изменение качества собственных реакций и поступков. Можно было жить в красивом месте, петь правильные песни и говорить о Любви, но главным вопросом всё равно считалось то, каким человеком ты остаёшься в бытовой ситуации — когда устал, раздражён, обижен или от тебя требуется сделать что-то не для себя.

Другой характерный пример — «Перезвонная», написанная как кавер-версия на мелодию «Песенки мамонтёнка» Владимира Шаинского. Первые куплеты звучали так:

Любовь Мирозданья, сияя во мгле,

Людей пробуждает на спящей Земле

От сонной усталости лет,

На Свет наложивших запрет!

Снимая оковы тяжёлых столетий

И преображаясь в Сердец наших Свете,

Шагает Любовь по Планете,

Людей пробудившихся метя!

Шагает Любовь по Планете,

Людей пробудившихся метя!

А дальше появлялся ещё один характерный образ:

Пусть Сердце, заслышав Любви Перезвон,

Стряхнёт навсегда затянувшийся сон,

Чтоб в Сердце из разных сторон

Полился Любви Перезвон!

Здесь язык становился уже гораздо более образным. Земля представала словно спящей, человечество — находящимся под тяжестью многовекового сна, а Любовь – космическая сила, которая движется по планете и постепенно пробуждает людей.

Такие образы давали значительно больше возможностей для толкования. Что такое «сон» — привычная неосознанная жизнь, эгоизм, отсутствие интереса к духовным вопросам? Что означают «оковы тяжёлых столетий» — накопленные культурные стереотипы, историческое насилие, человеческие страхи или всё это вместе? А «Перезвон Любви» можно было понимать и как внутреннее переживание отдельного человека, и как начало более общего изменения человечества.

Причём подобные обсуждения нередко проходили прямо во время утреннего пения. После очередной песни любой желающий мог высказаться о том, как понимает отдельную строку, какой смысл в ней видит и с каким собственным опытом она у него ассоциируется. Один и тот же образ у разных людей иногда получал совершенно разные трактовки.

Благодаря этому песня становилась не только коллективной практикой, но и поводом для общего размышления. Мы не просто несколько раз пропевали знакомый текст, а постепенно встраивали его формулировки в собственный язык и способ смотреть на происходящее. И чем чаще одни и те же идеи звучали утром, вечером, на праздниках и во время обсуждений, тем естественнее они начинали восприниматься как часть нашего собственного мировоззрения.

В синем песеннике находилось около трёхсот произведений. Привычных названий, похожих на имена собственные, как было показано на примере, у них обычно не было. Каждая песня называлась по тому духовному качеству или состоянию, которое должна была выражать. Например: «Любовью мир спасающая песня». Подобные названия звучали непривычно, но довольно точно передавали основную тему текста.

Как раз летом 2007 года Орис активно писал новые песни. Они ещё не успевали попасть в изданный сборник, поэтому свежие тексты распечатывали на отдельных листах и вкладывали в папки с прозрачными файлами. Иногда мы пели песню, написанную буквально накануне. За один день Орис мог создать от одного до пяти новых текстов.

Идеи относительно подходящих мелодий ему часто предлагали наиболее активные исполнители. Они вспоминали известную песню и спрашивали, нельзя ли написать на этот мотив новый текст. Некоторые произведения Орис создавал специально для конкретного айфааровского брата или сестры, учитывая голос, манеру исполнения, характер и сложившийся сценический образ человека. Предполагалось, что именно в его исполнении такая песня сможет прозвучать наиболее органично.

Для себя Орис написал много новых текстов на мелодии песен Владимира Высоцкого. Высоцким он увлекался и раньше, играл его песни на гитаре, довольно точно воспроизводя хрипловатый голос и исполнительскую манеру. По словам Ориса, он был лично знаком с Высоцким и однажды, проезжая через Москву, останавливался у него дома.

После завершения песенной части начиналось распределение дневных работ. Обычно им руководил один из самых активных и инициативных айфааровских братьев, фактически выполнявший роль прораба. Он долго жил в центре, хорошо знал текущие процессы и понимал общую логику строительства и благоустройства территории.

Главные направления работ определял Орис, передавая свои указания прорабу при личном общении или по рации. Это могло происходить в любое время, в зависимости от возникающих обстоятельств. У наиболее опытных братьев, отвечавших сразу за несколько участков, были рации для связи друг с другом и с Орисом. Он мог вызвать кого-нибудь из них, если требовалось срочно выполнить новую задачу или скорректировать уже составленный план.

Прорабом был худощавый, поджарый брат, переехавший из Перми. Он самостоятельно разбивал большие задачи на отдельные участки, определял необходимое количество людей и подбирал исполнителей. По возможности учитывались физические силы человека, его желания, опыт и склонность к определённой работе. Сёстры распределялись между общей кухней, отдельной кухней Ориса, садом, огородом и другими хозяйственными задачами. Братья чаще занимались земляными, строительными и погрузочными работами, хотя женщины при необходимости тоже помогали на этих участках.

Практически все участвовали в общей работе, включая самого прораба. Помимо собственного участка, ему приходилось постоянно перемещаться по территории, проверять, всё ли получается у остальных, отвечать на вопросы и решать возникающие затруднения. Возникало ощущение, что стихия ветра была ему наиболее близка и естественна. Значительную часть планирования он выполнял заранее, чаще всего по вечерам. Новичкам он объяснял особенности работы сам или ставил их в пару с более опытным человеком, чтобы необходимые навыки передавались непосредственно в процессе.

Отдельной важной должностью среди братьев был снабженец. Обычно эту роль выполнял взрослый опытный айфааровец, который регулярно ездил по строительным магазинам, рынкам и базам, закупая материалы, инструменты и оборудование. Он же доставлял всё приобретённое на территорию центра. Примерно раз в неделю формировалась и женская группа снабжения, отправлявшаяся за оптовыми партиями продуктов.

Новичок, впервые попавший на распределение, обычно плохо представлял общий замысел происходящего. Он мог получить лопату или другой инструмент, отправиться копать яму,

но ещё не понимать, зачем именно она нужна и как связана с развитием Айфаара. Иногда польза конкретной работы действительно была неочевидной.

Прораб старался объяснять контекст: что здесь будет построено, зачем нужна подпорная стенка, куда впоследствии поведёт дорожка или какую проблему решит новая траншея. Благодаря этому физический труд воспринимался не как бессмысленное исполнение распоряжений, а как небольшой вклад в общую картину будущего.

Люди старались относиться друг к другу очень вежливо и дружелюбно. Все понимали, что это не обычные отношения между работодателем и наёмными сотрудниками. Прораб не был профессиональным руководителем строительной бригады. Он оставался таким же духовным братом, работавшим ради общей идеи, и хорошо представлял состояние людей, которые приезжали на Айфаар добровольно, часто без серьёзного опыта ручного труда.

Ему нравилось общаться, объяснять и создавать перед людьми образ прекрасного будущего, которое мы вместе возводили своими руками. Думаю, эту манеру он во многом перенял у Ориса. В первые годы строительства тот сам выполнял функции прораба, распределял задачи и вдохновлял людей трудиться ради общего блага. Постепенно приезжих становилось всё больше, и у Ориса уже не оставалось времени лично обсуждать с каждым бытовые и строительные вопросы. Эту часть общения взял на себя прораб.

Его положение было несколько выше положения остальных участников работ. Он обладал определённой властью, которую фактически передавал ему Орис. Однако вместе с полномочиями возрастала и ответственность. Прораб постоянно находился под пристальным вниманием и не имел особой возможности возгордиться своим статусом.

Орис редко упускал возможность преподнести ему «урок», если замечал серьёзное бытовое упущение. Поводом могли стать ошибки в строительстве, невыполненные или забытые просьбы, поломки, обман, неверные решения и значительные просчёты. Особенно строго контролировались расходы. Финансовые отчёты Орис проверял очень внимательно, практически до каждой копейки, поэтому нецелевое или небрежное расходование общих средств воспринималось как серьёзное нарушение. Люди их жертвовали на духовный центр, ограничивая себя в возможностях.

Во время такого урока Орис мог заметно повысить голос, вплоть до окрика. Смысл подобной реакции состоял в том, чтобы напугать человека и наглядно продемонстрировать степень возмущения произошедшим. Насколько я помню, при этом он не переходил к прямым личным оскорблениям и не использовал тюремную или унижающую лексику.

Мат и сквернословие вообще почти никогда не звучали на Айфааре. Самым тяжёлым словом, которое можно было изредка услышать, оставалась, пожалуй, «херня». Происхождение этого слова объясняется через старое название буквы «хер» и знак перечёркивания. Орис посвятил ненормативной лексике несколько текстов в своих книгах. В них утверждалось, что подобные слова несут тяжёлые низкочастотные вибрации, а человек, произносящий их, привлекает в своё внутреннее и внешнее пространство соответствующие состояния и обстоятельства.

За чистотой общего пространства на Айфааре следили очень внимательно. Это проявлялось в допустимых цветах одежды и предметов, в требованиях к внутреннему состоянию людей, в песнях и в повседневной речи. Поэтому все грубые слова воспринимались как естественное табу. Обычно никого не требовалось специально

предупреждать: приезжавшие люди довольно быстро понимали принятую культуру общения и старались не загрязнять общую атмосферу.

Одним из главных инструментов воздействия Ориса оставался страх изгнания. Если он замечал серьёзную ошибку или недопустимое, по его мнению, поведение, то мог напомнить человеку, что тот в любой момент мог лишится права оставаться в центре. Тут я намеренно выражаюсь мягко и дипломатично, Орис «напоминал» совершенно иначе.

На прорабов эта угроза действовала особенно сильно. Они уже глубоко погрузились в местную жизнь, отвечали за множество процессов и искренне хотели продолжать жить и служить Айфаару. Привычка к постоянному общему труду формировалась быстро и становилась значимой частью личности. Поэтому сама перспектива потерять Айфаар, своё место в коллективе и возможность участвовать в общей деятельности воспринималась очень болезненно. Для достижения нужного психологического эффекта Орису необязательно было оскорблять человека, хватало только угрозы или самого изгнания.

При этом сам Орис объяснял, что хорошо понимает внутреннее состояние любого проступка, бытовые ошибки и материальный ущерб тоже не имеют для него особого значения. По его словам, уровень его духовного развития позволял спокойно и без привязанности относиться к любым вещам и хозяйственным проблемам. Главный интерес для него представляла не сама реакция, испорченная вещь или неверно построенная стена, а возможность использовать возникшую ситуацию для духовного роста допустившего ошибку человека.

Таким образом, уроки, по объяснению Ориса, являлись сознательно смоделированными на обстоятельства, которые предоставляла сама жизнь. Он рассказывал, что применяет все свои актёрские способности, стараясь выглядеть как можно более грозным и рассерженным. Внутри же ему якобы приходилось сдерживать доброжелательную улыбку, потому что в душе он продолжал испытывать к человеку чистую любовь и удерживал образ того, каким тот станет после успешного прохождения испытания.

Орис публично и неоднократно говорил об этом во время бесед и ответов на вопросы. Что он действительно чувствовал в такие минуты, я, разумеется, достоверно знать не мог. Это оставалось его субъективным опытом и его объяснением собственных действий. Моя задача здесь — не утверждать, что происходило в его душе, а по возможности полно передать картину, которую я видел своими глазами и внутри которой жил.

Орис также рассказывал, что перед каждым серьёзным уроком как врач, тщательно оценивает состояние человека, используя весь свой духовный опыт и экстрасенсорные способности. Именно поэтому никому из учеников не разрешалось копировать его метод работы. Считалось, что без соответствующего видения человек не способен определить ни готовность другого к испытанию, ни возможные последствия подобного давления. К тому же право изгнания было доступно только Орису.

Вместе с изгнанием Орис назначал срок, когда можно будет вернуться. Например изгнание с Айфаара на один год. Сроки были суровые, почти как тюремные. Он мог варьировать продолжительность срока в зависимости от тяжести ситуации, состояния человека и устрашающего эффекта которого хотел добиться. Старался чтобы либо наказание казалось справедливым либо наоборот очень суровы и не справедливым. В обоих случаях реакция человека была главной целью акции. Далее я подробнее с примерами опишу как всё происходило на практике тем летом когда я только приехали и когда это только оформлялось в устоявшуюся систематическую практику.

Некоторым людям Орис, по его словам, не давал тяжёлых уроков именно потому, что они ещё не были к ним готовы. Однако отсутствие таких испытаний тоже могло восприниматься неоднозначно. С одной стороны, человек радовался, что его не ругают и не выводят на публичное обсуждение. С другой — это могло означать, что его считают недостаточно зрелым для серьёзного урока.

В результате почти любое внимание Ориса и даже его отсутствие получало духовную интерпретацию. Если он уделял человеку много времени, это могло восприниматься и как признание его потенциала, и как указание на большое количество недостатков, требующих исправления. Если внимания было мало, это также объяснялось либо относительным благополучием человека, либо его недостаточной готовностью к более глубокому взаимодействию.

Я довольно быстро запутался в этой системе значений. Мне было трудно понять, когда Он в Образе, а когда искренен. Поэтому в первые месяцы я старался по возможности не привлекать внимания Ориса. Невозможность предсказать характер обратной связи делала любое личное взаимодействие напряжённым.

Но это переживание было характерно скорее моему характеру и людям похожим на меня. Точно что не все испытывали этот постоянный страх в присутствии и при общении с Орисом. Некоторые искренне радовались Орису и искали возможности взаимодействия с ним как можно больше и чаше. У них не было напряжения и закрытости к нему. Они даже сами просили преподнести им какой-то духовный урок или побольше рассказать им о самих себе и своих качествах. Для ограничения такого отношения, помощницы Ориса даже просили уважать время и внимание учителя и не задавать ему слишком много и слишком часто вопросы. Как бы создавали некоторую дистанцию.

Я никогда не воспринимал Ориса как обычного равного человека, с которым можно непринуждённо поговорить о каком-нибудь вопросе, не ожидая, что разговор внезапно превратится в оценку твоей личности или духовного состояния. В его присутствии я почти всегда испытывал внутреннее напряжение. Когда один человек способен читать другого, а сам остаётся непрозрачным, равный диалог заканчивается. Один участник знает сказанное и несказанное, а второй вынужден только верить его интерпретации. Такой человек получает возможность утверждать: «Ты говоришь одно, но на самом деле чувствуешь другое». «Ты не понимаешь собственного мотива, а я его вижу». «Твоё несогласие вызвано страхом или эгоизмом». «Я знаю, что тебе нужно, лучше тебя самого».

Тогда я объяснял это прежде всего собственной неопытностью. Я только начинал свой духовный путь, почти ничего не знал о жизни и не считал себя вправе разговаривать с Учителем на равных. Мне казалось, что мой единственный реалистичный путь — смириться со своим положением, учиться и постепенно преодолевать возникающее напряжение.

Сейчас мне стало очевидно, что независимо от опыта, опровергнуть подобные утверждения тогда любому было практически невозможно. Любое возражение можно было истолковать как дополнительное подтверждение. И это не обязательно свидетельствовало духовной незрелости человека.

К счастью, это напряжение не было постоянным. Во время хозяйственных работ на первый план чаще выходила физическая нагрузка и взаимодействие со всеми подчеркнуто на равных, без иерархии. После утреннего распределения нам давали около пятнадцати

минут, чтобы переодеться, взять необходимые инструменты и добраться до своего участка. В десять часов начиналось рабочее время, и все расходились по назначенным задачам.

Рабочая одежда на Айфааре заслуживала отдельного внимания. Даже занимаясь землёй, бетоном и тяжёлыми камнями, сёстры старались выглядеть красиво и аккуратно. Их внешний вид совсем не напоминал привычный образ человека, вышедшего на стройку в первой попавшейся старой одежде. Здесь и рабочий наряд оставался частью общей айфааровской эстетики.

Некоторые надевали высокие белые носки и выглядели даже празднично. От солнца защищались широкополыми шляпами, лёгкими панамами и кепками. В одежде преобладали благоприятные на Айфааре светлые и холодные оттенки: белый, голубой, синий, сиреневый и фиолетовый. Иногда даже самый простой рабочий комплект выглядел продуманным: цвет платка сочетался с майкой, а головной убор — с обувью или перчатками.

Айфааровские сёстры, как и братья, в большинстве своём были стройными, лёгкими и подвижными. Их фигуры не производили впечатления специально вылепленных в спортивном зале. Скорее это была естественная стройность людей, которые много ходили по склонам, ежедневно работали руками, носили воду, камни, вёдра с раствором, ухаживали за садом.

Даже в рабочей одежде многие выглядели привлекательно. Высокие носки, лёгкие брюки или шорты, майки, платки и шляпы от солнца не скрывали, а иногда даже подчёркивали эту собранность тела. В движениях чувствовались привычка к нагрузке и какая-то бытовая грация: девушка могла только что месить раствор, нести тяжёлое ведро или работать лопатой, а через несколько часов выйти к праздничному столу в светлом платье и выглядеть совершенно иначе.

На это влияли и возраст, и образ жизни. Большинство были ещё молодыми, питание оставалось достаточно умеренным, вокруг постоянно были лестницы, тропинки и перепады высот, а летом к физической работе добавлялись жара и купание в море. Полнота в таких условиях просто не успевала образоваться.

В самый разгар лета некоторые девушки работали в пляжных купальниках. В них было удобно переносить жару, а после окончания дня можно было, не переодеваясь, сразу отправляться вместе со всеми на море. Чтобы не обгореть под крымским солнцем, поверх купальника иногда надевали лёгкую, но достаточно плотную облегающую одежду, закрывавшую руки и плечи. Она защищала кожу от солнца, не слишком мешая двигаться.

В этом сочетании тяжёлого физического труда, женственности и курортной лёгкости было что-то необычное. Девушки могли несколько часов таскать камни, месить бетон или работать лопатой, оставаясь при этом привлекательными и по-своему нарядными. На фоне пыльных склонов, синего неба и яркой зелени сада белые носки, светлые шляпы и цветные купальники создавали театральную картину летней стройки.

Зимой самым распространённым видом рабочей одежды становился лыжный комбинезон. Он был практичным, защищал от грязи и позволял свободно двигаться. У многих имелся отдельный комплект для особенно тяжёлых работ, однако даже он обычно оставался опрятным настолько, насколько это вообще было возможно среди земли и цемента.

Стремление хорошо выглядеть специально не обсуждалось. Оно воспринималось как естественная часть уважения к себе и окружающим. Человек мог быть испачкан землёй с головы до ног, но в его одежде всё равно чувствовалось желание сохранить аккуратность и индивидуальность. Мне нравилось это соединение красоты и практичности. Оно делало даже обычную стройку немного непохожей на стройку.

Орис не участвовал в тяжёлых физических работах. Его главной постоянной деятельностью было написание книг и песен, и для всех жителей Айфаара это считалось безусловным приоритетом. Иногда на субботниках он лично занимался садом — подрезал деревья или выполнял другую работу с растениями, — однако поднимать тяжести, как нам объясняли, физически не мог.

Айфааровцы связывали это ограничение непосредственно с его необычными способностями. Считалось, что Орис постоянно испытывает критическую нехватку жизненной энергии, поскольку получение информации для книг во время глубоких медитаций отнимает большую её часть. По его словам, в этих состояниях он погружался в глубины Высшего коллективного разума Вселенной и извлекал оттуда сведения об устройстве мироздания.

Орис объяснял, что представления и ощущения на таких уровнях сознания чрезвычайно далеки от переживаний нашего плотного физического тела с его грубыми потребностями, связанными с выживанием и поддержанием обмена веществ. Во время каждой медитации ему приходилось преодолевать огромный психический разрыв между этими состояниями. Насколько долго он мог находиться на таких глубинах, якобы напрямую зависело от запаса физической энергии.

Иногда, по его словам, он расходовал больше сил, чем имел в своём распоряжении. После возвращения из медитации чувствовал себя «выжатым как лимон» и был вынужден некоторое время восстанавливаться. В особенно тяжёлых пограничных случаях, как он рассказывал, у него даже возникали кровотечения.

Жизненную энергию Орис, согласно его объяснениям, терял и от сильного шума. Для работы над книгами ему требовалась почти полная тишина. Поэтому отдельные шумные работы возле его дома — например использование строительного инструмента — приходилось заранее согласовывать, чтобы не нарушить процесс медитации или написания текста.

Свой первый рабочий день на Айфааре я почти не запомнил. Мы выполняли какие-то текущие, незначительные задачи, в которых не чувствовалось ни ясного начала, ни завершения большого процесса. Однако вскоре возникла работа, определившая значительную часть того засушливого лета.

Лето 2007 года выдалось очень сухим. Запасы воды постепенно подходили к концу, и это ставило под вопрос возможность нормальной жизни центра, пребывания гостей и продолжения творческой работы Ориса.

Ранее за шатром уже выкопали колодец — именно в том месте, где, по словам Ориса, должна была находиться грунтовая вода. Однако вода там так и не появилась. В этом

случае его экстрасенсорное видение, по крайней мере в практическом результате, не подтвердилось.

Позднее мне стали известны ещё два случая, когда Ориса просили указать оптимальное место для бурения скважины или устройства колодца. В обоих случаях в обозначенных им точках воды не обнаружили, а деньги на бурение оказались потрачены впустую. Об удачных случаях поиска подземных вод с его помощью мне вообще ничего не известно.

Подобные несоответствия тоже объяснялись особенностями перефокусировок. Предполагалось, что вода действительно существовала, но в более качественных параллельных мирах. Мы же из-за собственных негативных и эгоистичных выборов сместились в менее благоприятные сценарии, полностью соответствующие уровню нашего коллективного сознания, даже если сами этого не замечали или оценивали себя иначе.

Это как я и писал, была универсальная формула, позволявшая объяснить почти любое расхождение между предвидениями Ориса и последующими событиями. Она одновременно подчёркивала, сколько благоприятных возможностей мы якобы упустили из-за недостаточно интенсивной духовной работы, слабого альтруизма и собственного эгоизма. При этом ответственность за неточное предвидение незаметно переходила с Ориса на сам коллектив.

Тогда такое объяснение вполне укладывалось в принятую нами картину мира. Теперь я замечаю в нём замкнутость: если предсказание сбывалось, это подтверждало способности Ориса, а если не сбывалось, причиной объявлялись наши неправильные выборы и переход в другой сценарий. Возможность того, что он просто ошибся, внутри этой системы вообще не рассматривалась.

Так же было и с первым колодцем, в котором вода так и не появилось. Когда это стало окончательно ясно, было принято решение заняться руслом речки, проходившей вдоль границы территории. Сам замысел был разумным и изобретательным: углубить русло, попытаться обнаружить подземные источники, а затем укрепить берега бутовым камнем и бетоном, чтобы предотвратить осыпание земли, размывание и повторное заиливание.

Нужно отдать должное бытовой находчивости Ориса в решении многочисленных практических проблем. Именно этому его качеству я всегда старался учиться. Я не знаю достоверно, принадлежала ли первоначальная идея углубления русла лично ему, но тогда считал, что, скорее всего, да.

В один из первых моих рабочих дней произошло редкое событие. Орис с самого утра лично пришёл на общий сбор и принял участие в распределении работ. Он объявил, что мы начинаем расчищать и углублять русло речки в поисках подземных родников, а затем будем укреплять берега бутовым камнем и бетоном, чтобы вода не уходила и постепенно накапливался необходимый запас.

Нас разделили на пары. У меня уже был напарник по предыдущему дню — парень примерно моего возраста и роста, приехавший из Набережных Челнов. В том году он появился на Айфааре почти одновременно со мной, и мы быстро поладили. Он бывал здесь не впервые и уже получил духовное имя, поэтому полным новичком его назвать было нельзя, хотя к числу самых опытных постоянных жителей он тоже ещё не относился.

Вместе со всеми, кому предстояло работать на речке, Орис спустился к руслу, начиная от самого нижнего участка возле кострища. Продвигаясь вверх, он назначал по два человека на каждый небольшой отрезок. Ширина русла в тех местах не превышала пары метров, а каждой рабочей паре доставался участок длиной примерно три-четыре метра.

Мы взяли лопаты и начали углублять пересохшее к тому времени русло. Я и мой напарник были тогда очень далеки от физического труда, и тяжёлая работа давалась нам заметно труднее, чем опытным братьям. В этом мы были похожи друг на друга и сильно отличались от некоторых окружающих, для которых кирка, лом и лопата выглядели естественным продолжением рук. Была даже поговорка «два айааровца с лопатой заменяют экскаватор».

Грунт оказался каменистым, хотя, к счастью, не скальным. Одними лопатами справиться с ним было невозможно, поэтому чаще всего мы работали кирками: разрыхляли землю, подкапывали камни, выворачивали их наружу и только потом выгребали освободившийся грунт. Камни и землю складывали вдоль дальней стороны русла. Особо крупные камни вытаскивали с помощниками из трех четырёх человек. Взаимопомощь была безоговорочно свойственно всем айфааровцам.

Когда мимо проходил Орис, я невольно начинал работать интенсивнее — скорее для вида, чем от внезапного прилива сил. Во время одного из таких обходов он заметил, что я совершенно не умею копать и неправильно обращаюсь с инструментом. Возможно, так оно и было: до приезда на Айфаар мне вообще не приходилось заниматься подобным трудом.

Я спросил, насколько глубоко нам предстоит копать. Орис пошутил, что мы будем углубляться до тех пор, пока не перестанем помещаться в яме с головой. В итоге шутка оказалась точным предвидением будущего. За несколько дней, а возможно, и недель работы мы действительно ушли вниз настолько, что спускаться на дно приходилось уже по лестнице.

В нашей яме появился родник, и часть дальнейшей работы пришлось выполнять уже прямо в воде. Земля превратилась в тяжёлую жидкую грязь, которая налипала на обувь, одежду и инструменты. Однако само появление воды сразу придало работе ясный смысл: теперь мы не просто углубляли очередной участок русла, а видели непосредственный результат своих усилий.

Нам казалось большой удачей и добрым знаком, что именно в нашей яме обнаружился источник, способный послужить развитию Айфаара. Вода была чистой и быстро заполняла новую ёмкость, устроенную над родником прямо в русле речки.

В дальнейшем источник работал много лет и даже в засушливые периоды стабильно снабжал водой айфааровские сад и огород. Позднее этот участок речки накрыли большой специальной крышей, чтобы в импровизированный колодец попадало меньше листвы с окружающих деревьев. Внутрь установили погружной насос, а выкачанной водой наполняли соседние речные «купели», использовавшиеся как резервуары для хранения.

Со временем я всё глубже ощущал удовлетворение от своего первого значительного вклада в строительство будущего Города Света. Мало кто помнил, кто именно когда-то выкопал эту яму, и никто специально меня за это не благодарил. Но мне это уже было не так важно. Само осознание того, что созданный нашими руками источник продолжает приносить пользу людям, давало мне тихое и устойчивое чувство причастности.

Несмотря на физическую тяжесть, работалось довольно весело. Ребята много шутили, добродушно подтрунивали друг над другом и старались не превращать усталость в общее уныние. Уныние всегда считалось негативным состоянием. Рядом стоял магнитофон, из которого весь день звучали записи песен Ориса. Музыка, разговоры и общий ритм работы действительно придавали сил и немного облегчали дело.

Иногда мы с напарником обсуждали книги Ориса и различные жизненные ситуации. Он рассказывал о своих прежних приездах, о людях, которых уже успел узнать, и о событиях, происходивших здесь до моего появления. Для меня эти разговоры были ещё одним способом постепенно входить в контекст Айфаара.

В час дня по расписанию начинался «перекус». Так называли дневной приём пищи, перед которым не требовалось переодеваться из рабочей одежды в чистую, а затем снова возвращаться обратно. Он воспринимался скорее как полноценный перерыв для отдыха и восстановления сил, чем как обычный обед.

О начале перекуса дежурные по кухне сообщали ударом в корабельный колокол, висевший возле входа. Его густой металлический звук разносился по всей территории. Для тех, у кого не было часов, он служил ясным сигналом: можно отложить инструмент, выбраться из ямы и хотя бы ненадолго переключиться с работы на еду и общение.

К перекусу сёстры с большой заботой готовили на всех щедрые порции разнообразной пищи. Они могли испечь несколько противней пиццы с помидорами, колбасой и сыром, нарезать арбуз, сварить солянку с колбасой и оливками или большую кастрюлю борща. По возможности старались предлагать хотя бы два блюда на выбор — как первых, так и вторых. Овощные салаты часто готовили из того, что вырастало в собственном огороде.

Заранее установленного меню не существовало. Что именно приготовили сегодня, мы обычно узнавали, только придя на кухню. В этой непредсказуемости был свой небольшой ежедневный интерес: после нескольких часов работы особенно приятно было обнаружить на столе любимое блюдо.

Я всегда был довольно избирателен в еде. Дома говорили, что питаюсь я плохо и накормить меня непросто. Однако на Айфааре проблем с этим почти не возникало. Мне нравилось большинство приготовленных блюд, а благодаря разнообразию почти всегда находилась подходящая альтернатива. Порционно еду не накладывали, каждый насыпал себе столько сколько считал нужным. Последний кусочек забирать было дурным тоном. Считалось, что альтруистичнее оставить его на случай, если кому то ещё не досталось. Правда в таком случае, счастливчику пришлось бы мыть оставшуюся после кусочка посуду или относить на место тарелку.

Голодом на Айфааре никого не морили. В приготовление пищи действительно вкладывали много старания и Любви. Благодарность к поварам возникала естественно: пока мы работали на стройке, они весь день трудились для нас на кухне. Это была такая же полноценная и тяжёлая работа, только её результат исчезал с тарелок значительно быстрее, чем построенная стена или расчищенное русло.

Набрав еду, мы расходились по свободным местам. Ни у кого не было постоянного стула или закреплённой части стола. Всё складывалось спонтанно и зависело от настроения. Сегодня я мог сесть рядом со своим напарником, чтобы за обедом обсудить ход работы. На следующий день — подсесть к очаровательной девушке, приехавшей на три недели из Москвы или Киева, сделать ей комплимент, узнать о ней побольше или просто приятно провести вместе время.

Даже мне, человеку тогда довольно закрытому и стеснительному, подобные знакомства давались на Айфааре неожиданно легко. У нас уже имелись общие темы, сходные стремления и ощущение принадлежности к одному кругу. Не требовалось долго искать

повод заговорить: можно было спросить, откуда девушка приехала, давно ли читает книги Ориса, чем занималась утром или на какой срок собирается остаться.

Я мог сделать девушке комплимент, слегка пошутить над собственной неопытностью или с преувеличенной серьёзностью поинтересоваться, не является ли наша встреча за общим столом проявлением космической синхронности. В атмосфере Айфаара даже самый обычный флирт легко приобретал духовный оттенок. Симпатию можно было назвать тонким узнаванием, случайное соседство — неслучайным совпадением, а желание увидеться вечером — продолжением важного общения.

При этом знакомство в привычном смысле здесь не требовало особой стратегии. Совместный труд, общие песни, близость целей и постоянное пребывание рядом сами создавали условия для эмоционального сближения. За столом можно было обменяться несколькими шутками и взглядами, позднее встретиться на дорожке, продолжить разговор у кострища — и уже к вечеру почувствовать, будто знаешь человека значительно дольше одного дня.

Однажды за перекусом я заметил свободное место рядом с девушкой, недавно приехавшей из Киева. Не знаю, было ли оно действительно свободным или я просто решил, что Вселенная проявила ко мне неожиданную благосклонность. Я поставил тарелку на стол и с преувеличенной серьёзностью спросил:

— Здесь никого нет или это место специально оставили для важной встречи?

Она посмотрела на меня, чуть улыбнулась и ответила в привычном айфааровском духе:

— Здесь ничего случайного не бывает.

— Тогда я не стану спорить с Высшими силами, — сказал я и сел рядом.

В тот момент мне показалось, что начало получилось безупречным. Правда, уже через несколько секунд я неловко задел локтем стакан с компотом. Он покачнулся, но я успел его поймать, расплескав лишь несколько капель на свои шорты.

— Похоже, Высшие силы решили сразу проверить мою устойчивость, — заметил я.

Девушка рассмеялась и протянула мне салфетку.

— Это ещё лёгкий урок.

— А ты знаешь, что такое айфааровское радио? — спросил я, воспользовавшись моментом, чтобы перевести неловкость в шутку. — Это когда сообщения Ориса передаются не напрямую, а как слухи, проходя через несколько человек. И самое забавное — к тому моменту, как они доходят до конечного слушателя, они иногда становятся противоположными по сути.

Она улыбнулась ещё шире.

— Да, такое бывает.

После этого разговор пошёл значительно легче. Я узнал, откуда она приехала, как давно читает книги Ориса и почему решила провести на Айфааре три недели. Она, в свою

очередь, расспрашивала меня о первом впечатлении и о том, не собираюсь ли я сбежать после нескольких дней тяжёлой работы.

Я сказал, что теперь уже не могу уехать, потому что должен доказать ей, что история со стаканом была случайностью, а не обычным качеством моей личности. Она снова рассмеялась. Вероятно, именно этот смех я тогда и воспринял как свою маленькую победу.

За столами вообще было много веселья. Шутки возникали со всех сторон и по самым разным поводам. Люди умели поддразнивать друг друга достаточно тактично, не превращая юмор в унижение или сарказм. Это помогало переключиться после тяжёлого труда, возвращало лёгкость и хотя бы ненадолго заставляло забыть о ноющих руках, грязной одежде и предстоящих часах работы.

На перекус отводился целый час. После него все возвращались на свои участки, чтобы ещё два или три часа продолжать начатое утром дело.

Ситуация с водой в то лето оставалась критической. Запасов уже не хватало даже для того, чтобы все могли нормально помыться после работы. Поэтому было принято решение заканчивать рабочий день немного раньше, загружаться всей компанией в УАЗ-«буханку» и ехать на ближайший общественный пляж.

Мы брали с собой мыло, шампунь, полотенца и чистые вещи. Подобная отчаянная практика существовала только в том году. В дальнейшем положение с водой настолько тяжёлым уже не становилось.

И здесь снова стоит отдать должное бытовой изобретательности и приспособляемости Айфаара. Мне самому подобное решение вряд ли пришло бы тогда в голову. Мысль мыться с мылом и шампунем на общественном пляже показалась бы мне слишком неловкой. Возникал и вполне практический вопрос: насколько хорошо всё это вообще смывается солёной водой?

Но когда приезжаешь группой из десяти или пятнадцати человек, многие индивидуальные сомнения исчезают. Мы дружно высыпали из машины, шли к воде и ни у кого ничего не спрашивали. Общая уверенность словно освобождала каждого от той доли стеснения, которая наверняка возникла бы, окажись он там один.

До сих пор удивляюсь, как мы все помещались в грузовой «буханке», где были лишь два боковых сиденья в кузове и три места впереди. Чтобы увеличить вместимость, посередине ставили длинную лавку, обитую поролоном и синим обрезком баннерной ткани, оставшейся от шатра. На ней усаживались один за другим, почти как на длинном мотоцикле, тесно прижавшись друг к другу.

По дороге мы хором пели айфааровские песни. Музыкального проигрывателя в машине не было, зато вместе с нами ехали люди с хорошим слухом, которые уверенно держали мелодию и не позволяли остальным окончательно сбиться. Большинство песен быстро запоминалось, и вскоре многие уже знали их почти наизусть.

На море мы не только отмывались после рабочего дня, проведённого в жидкой земле, грязи и бетоне. Оставалось немного времени просто поплавать, пошутить и повеселиться в дружной компании. Загорали мы и без того достаточно — прямо во время работы под крымским солнцем, — поэтому на пляже обычно только купались и обсыхали.

Дорога занимала около десяти минут, а на самом пляже мы проводили не больше получаса. Всё происходило быстро: приехали, высыпали из машины, вошли в море, смыли с себя землю и усталость, немного поплавали — и снова обратно. Тем не менее эта короткая поездка воспринималась как награда за рабочий день.

Мы также очень любили прыгать с пирса. Это было отдельное маленькое развлечение, которое каждый раз добавляло в эти короткие выезды ощущение свободы и детской радости. Кто-то прыгал смело и с разбега, успевая сделать в воздухе полный переворот кто-то долго стоял на краю, собираясь с духом, а кто-то становился на руки и как бы опрокидывался ногами назад в воду. Вода под пирсом казалась особенно глубокой и притягательной, и каждый прыжок сопровождался всплеском, криками и дружным смехом.

В один из таких дней по дороге назад водитель неожиданно притормозил возле стоявшего у обочины автомобильного прицепа. На нём была установлена передвижная тандырная печь, из которой доносился запах горячего теста, лука и бараньего жира. Водителем был тот самый айфааровский брат, который купил эту «буханку» для центра. По тогдашним меркам он был достаточно обеспеченным человеком и время от времени позволял себе подобные проявления бытовой щедрости.

Он заглушил двигатель, обернулся через смотровой люк к тесно сидевшей в кузове компании и спросил:

— Самсу будете?

Это был риторический вопрос. После купания и рабочего дня отказ от горячей тандырной самсы выглядел бы проявлением духовности, к которому никто из нас пока не стремился.

— А сколько нас сегодня? — спросил кто-то с заднего сиденья.

Начался быстрый и не вполне точный пересчёт голов. Кто-то посчитал себя дважды, кто-то забыл о сидевших впереди, а один из братьев предложил считать не людей, а степень их голода.

— Берём на всех, — решил водитель. — И ещё несколько про запас. Запас духовности никогда не помешает.

Он вышел из машины, а мы остались ждать, наблюдая через окна, как продавец длинными щипцами вынимает из печи горячую самсу. Вскоре водитель вернулся с большим пакетом, от которого по всему салону сразу распространился густой аромат баранины.

— Передавайте назад, только не съешьте всё по дороге, — сказал он, протягивая пакет.

Самса переходила из рук в руки вдоль тесного кузова. Она была настолько горячей, что её приходилось перебрасывать с ладони на ладонь. Тонкое хрустящее тесто скрывало внутри сочную баранину с острым перцем и после нескольких часов работы эта простая придорожная еда казалась праздничным блюдом.

— Вот теперь поездка на море полностью оправдана, — заметил кто-то.

— А мыться обязательно было? — отозвался другой. — Может, сразу к самсе надо было ехать?

Все засмеялись. Мы ели, тесно прижавшись друг к другу на лавках, старались не обжечься и передавали салфетки тем, у кого мясной сок уже стекал по пальцам или застревал в густой бороде и ещё долго мог остро пахнуть оттуда бараньим жиром на весь салон. Водитель не произносил никаких торжественных слов и не подчёркивал, что угощает всех за свой счёт. Он просто увидел возможность порадовать людей и воспользовался ею.

Для меня это стало одним из небольших, но запомнившихся примеров повседневной щедрости на Айфааре. Такие поступки не всегда были связаны с тяжёлым трудом или большими духовными испытаниями. Иногда альтруизм проявлялся гораздо проще — в неожиданно купленной самсе, которой хватало на всю машину уставших и проголодавшихся людей. Подобных случаев было немало, и именно из них во многом складывалось ощущение братства, которое невозможно было создать одними разговорами о Любви и общем благе.

С тем периодом связано ещё одно ощущение, о котором мало кто знает и которое, возможно, не всем будет легко понять. В моменты особого рода скуки у меня начиналось жжение в области солнечного сплетения. Оно было каким-то образом связано с моим психическим состоянием, хотя проявлялось совершенно физически и ощущалось довольно отчётливо и не приятно. Вероятно, это была разновидность психосоматической реакции.

В первые годы жизни на Айфааре это чувство возникало у меня заметно чаще, хотя случалось и раньше, до приезда. Однажды мне удалось задать Орису вопрос об этом наедине. Он сразу ответил, что причиной являются моя «закрытость» и «непроработки».

Это был довольно универсальный ответ, который можно было применить почти к любому внутреннему затруднению. Он не особенно помогал мне понять происходящее. «Непроработками» на Айфааре называли фоновую активность низших уровней сознания, которые человеку ещё предстояло безопасно для себя и окружающих проявить, исследовать, понять и постепенно преобразовать.

Сейчас жжение в солнечном сплетении уже давно меня не беспокоит. Я помню его лишь приблизительно — во многом благодаря самому разговору с Орисом и воспоминанию о месте, где он состоялся.

Это ощущение не сопровождалось ни тревогой, ни тоской. Скорее, оно возникало вместе с желанием сменить занятие, хотя я понимал, что просто бросить порученную работу невозможно. Оставалось терпеть, отвлекаться разговорами или мыслями о будущем и ждать, пока жжение постепенно ослабнет.

В то время я не исключал и другого объяснения — проекции моих же «тонких энергий». Именно поэтому однажды решил спросить об этом Ориса. В одной из его книг мне уже встречалось описание похожего ощущения, которое он связывал с избыточной активизацией, или, как он говорил, «раскруткой» третьего психического центра человека.

В айфааровской системе первые семь психических центра соотносились с известными в восточных учениях чакрами. Самым нижним считалась Муладхара, расположенная в районе копчика и связанная с физической силой, выживанием и общей энергией организма. Выше находилась Свадхистхана — центр сексуальной энергии, который соотносили с областью ниже пупка. Третьей была Манипура, располагавшаяся как раз в районе солнечного сплетения. Ей приписывали бытовую рассудочность, волю и простейшие формы интеллекта.

По айфааровским представлениям, Манипура занимала относительно нейтральное положение. Она не считалась откровенно деструктивным центром, но и не относилась к тем высоким уровням сознания, к которым следовало стремиться. Следующей была Анахата — сердечный центр, связывавшийся с Любовью, благодарностью и альтруизмом. Именно на этих состояниях айфааровцам рекомендовалось находиться как можно чаще.

Поэтому жжение в солнечном сплетении я мог воспринимать как признак того, что моя Манипура слишком активно «раскручивается»: разум сопротивляется происходящему, оценивает его, ищет другой путь и пытается понять, зачем я занимаюсь именно этим делом. Ответ Ориса о «закрытости и непроработках» не помог мне разобраться точнее, но хорошо укладывался в принятую тогда систему объяснений.

Теперь мне кажется, что это ощущение могло возникать в моменты, когда я чувствовал, что занимаюсь не своим делом. Например, когда долго копал русло речки или бесцельно проводил время, не видя связи между текущим занятием и тем будущим, ради которого приехал. Разумеется, жжение появлялось не каждый раз. Иногда от него удавалось отвлечься разговором, размышлениями о будущем или возвращением к своим главным целям. Думаю, что таким образом тело реагировало на внутреннее несогласие: я хотел прекратить занятие, однако не разрешал себе этого и был настроен просто перетерпеть возникшее состояние.

Орис и сам часто напоминал нам, что бытовые и строительные работы не являются конечной целью жизни на Айфааре. Они представлялись временным этапом создания духовного центра. В будущем, как предполагалось, нам предстояло заниматься главным образом интеллектуальной и просветительской деятельностью — распространять новое знание и способствовать повышению самосознания человечества.

Эта перспектива помогала легче переносить тяжёлый физический труд. Каждая выкопанная яма, укреплённый склон или очищенный участок русла воспринимались не как самоцель, а как часть подготовки пространства, из которого когда-нибудь должно было начаться духовное преображение мира. Тогда мне было важно верить, что между киркой в моих руках и этой космической задачей действительно существует прямая связь.

Ближе к концу рабочего дня Орис иногда выходил из своего домика и обходил территорию, переходя от одного участка к другому. Он лично осматривал результаты, задавал вопросы, делал замечания и, вероятно, уже мысленно намечал дальнейшие корректировки. В такие минуты он открывался мне с другой стороны — не как духовный Учитель, говорящий о космической эволюции, а как практичный руководитель, хозяйственник и организатор большого, постоянно развивающегося пространства.

По его рассказам, прежде он работал директором базы отдыха космонавтов «Смена» и считал себя сильным организатором. Его хозяйственный подход заключался в том, чтобы максимально рачительно использовать всё имеющееся: деньги, материалы, продукты, человеческое время и свободное место. Благодаря этому на Айфааре удавалось создавать значительные запасы и поддерживать множество параллельных процессов даже при ограниченных средствах.

Орис внимательно следил за расходами, заранее просчитывал разные варианты развития событий и старался предусмотреть способы реагирования на возможные трудности. Эта предусмотрительность распространялась далеко за пределы обычного хозяйства. Он всерьёз готовился к вероятным глобальным природным катаклизмам и даже к необходимости выживать после ядерной войны. Поэтому большие запасы продуктов,

воды, строительных материалов и оборудования воспринимались не только как удобство текущей жизни, но и как часть более масштабной стратегии сохранения центра.

Его организационная роль заметно контрастировала с образом человека, погружающегося в глубинные медитации и получающего информацию из Высшего коллективного разума Вселенной. Однако в самом Орисе эти две стороны уживались довольно органично. Он мог рассуждать о далёких космических процессах, а спустя некоторое время обсуждать толщину подпорной стены, стоимость материалов или наиболее экономный способ провести воду.

Скажу откровенно: эта его практичность мне нравилась. Бытовая рациональность, умение искать нестандартные решения и использовать доступные ресурсы казались мне понятными и заслуживающими уважения. Именно по деловой линии мне было легче и интереснее с ним взаимодействовать. Здесь существовали более ясные категории: задача, ресурсы, сроки и конкретный результат.

Вместе с тем я знал, что некоторые опытные братья не во всём соглашались с его хозяйственными решениями. У них могли быть претензии к выбранному способу строительства, последовательности работ или расходованию сил и материалов. Само по себе рациональное несогласие формально не считалось проступком: логика и практическая целесообразность признавались универсальными категориями, которые можно было обсуждать.

Однако большое значение имела форма, в которой человек выражал своё мнение. Урок можно было получить не за саму критику, сколько за сарказм, дерзость, надменность или недостаточно уважительный тон. Особенно болезненно воспринималось недоверие — предположение, что Орис мог не учесть важных обстоятельств или принять неверное решение. Таким образом, обсуждать практические вопросы было разрешено, но граница между деловым спором и проявлением духовной несостоятельности оставалась достаточно тонкой. Приходилось проявлять максимальную дипломатичность и аккуратность в высказываниях, чтобы не поставить под сомнение провидческие способности Ориса и при этом показать альтернативный подход к решению проблемы. Я быстро учился этому.

После завершения работы, примерно в четыре или пять часов дня, наступало время основного приёма пищи. Готовые блюда выставляли на раздаче в кухне, откуда каждый набирал себе еду и выбирал свободное место. По устройству этот приём пищи почти не отличался от дневного перекуса, но многие приходили уже вымытыми и переодетыми в чистую одежду.

Рабочая часть дня считалась законченной, поэтому можно было есть не торопясь, спокойно разговаривать, а затем немного отдохнуть или даже поспать. Этот промежуток служил своеобразной паузой перед вечерними песнями, которые воспринимались как эмоциональная и духовная кульминация дня.

Однако и свободное время на Айфааре редко оставалось полностью свободным в привычном смысле. Летом многие добровольно продолжали заниматься полезными делами: помогали поливать сад и огород, убирали кухню после приготовления пищи, мыли посуду или приводили в порядок общие пространства. Для одних это было естественным продолжением дня, для других — ещё одной возможностью проявить альтруизм. Я же постепенно учился различать собственное желание помочь и внутреннее беспокойство оттого, что в это время кто-то трудится, а я отдыхаю.

По будням на кострище были вечерние песни. Кострище было устроено как небольшой открытый амфитеатр, вписанный прямо в склон. В центре находился круглый очаг, обложенный кирпичами в один ряд, а вокруг него полукольцом поднимались два яруса деревянных лавок. Нижние стояли метрах в двух от огня, верхние располагались немного выше, поэтому сидящие хорошо видели и пламя, и друг друга. Площадка между лавками была выложена синей фигурной плиткой, собственного изготовления. Окружающие её каменные стены, выступы скалы и деревья не позволяли забыть, что всё это пространство когда-то было частью обычного лесного склона.

Деревья росли прямо среди лавок и подпорных стен. Их стволы проходили между ярусами, а ветви образовывали над кострищем естественный зелёный потолок. Днём здесь сохранялась приятная тень, сквозь которую отдельными пятнами проникал солнечный свет. С одной стороны площадку ограничивала почти отвесная природная скала, с другой — построенные руками айфааровцев высокие бетонные колонны с арочными сводами, играющие роль ограждения.

Сам очаг был невысоким, и огонь горел чуть ниже ног сидящих. Когда в него складывали несколько толстых поленьев, пламя становилось высоким и заметным и сразу освещало вокруг себя всё пространство. Днём кострище могло казаться просто одной из площадок для утренних сборов и разговоров, но вечером оно заметно менялось. Свет от огня ложился на лица, отражался в светлой одежде и выхватывал из темноты стволы деревьев. Всё, что находилось дальше первых рядов, постепенно растворялось в листве и сумерках.

Здесь можно было разместить несколько десятков человек, и при этом никто не оказывался слишком далеко от центра. Люди сидели по кругу, поэтому разговор не превращался в выступление перед безликой массой. Даже тот, кто находился на верхней лавке, оставался частью общего пространства. Возможно, именно поэтому кострище хорошо подходило и для утреннего пения, и для распределения работ, и для вечерних бесед: оно одновременно объединяло людей и оставляло каждому возможность спокойно сидеть в стороне, наблюдая за происходящим.

Кострище было одним из тех мест, где айфааровская жизнь приобретала ощущение общности. В такие минуты территория центра казалась отдельным маленьким миром, защищённым склоном и листвой от всего, что находилось за его пределами. Летними ночами там даже можно было спать на лавочках в спальных мешках.

Вечерние песни в то лето начинались довольно поздно — около семи часов. Пели примерно полтора часа, а затем оставшееся время обычно посвящали беседам с Орисом на духовные темы. К окончанию общего сбора уже успевало стемнеть, поэтому вечер постепенно менялся вместе с освещением: начинался ещё при дневном свете, а завершался у огня.

К вечернему костру готовились заранее, как минимум за полчаса. Каждый день нужно было подмести выложенную плиткой площадку, убрать пыль с рядов деревянных скамеек и разложить индивидуальные подушки для сидения. Сплошных покрывал не использовали: каждому предназначалась отдельная небольшая подстилка. Пока одни приводили в порядок кострище, другие приносили с кухни песенники, кружки и всё необходимое для приготовления чая.

Сам костёр тоже разжигали заблаговременно. Подготовка огня считалась мужской задачей, и желающих помочь обычно находилось достаточно из числа приезжих, у которых не было других постоянных задач в свободное время. Можно было принести дрова, сходить за посудой, подмести площадку или позднее снять тяжёлый котёл с пламени. Даже такие небольшие действия воспринимались как очередная возможность проявить заботу об остальных.

Чай готовили в большом металлическом котле. Для него использовали травы, которые айфааровцы самостоятельно собирали на плато Ай-Петри, а затем сушили и хранили в трёхлитровых стеклянных банках. Среди запасов были чабрец, лимонник, мята, шалфей, зверобой, душица, тысячелистник, мелисса, собачья мята и полынь.

Установленного рецепта не существовало. Дежурные смешивали травы на глаз в небольшом тазике, руководствуясь собственным опытом и настроением. Иногда добавляли свежие ягоды, нарезанные фрукты или ароматизаторы. Всё это в значительных количествах хранилось на продуктовом складе, поэтому состав напитка мог меняться каждый вечер.

Когда вода в котле приближалась к кипению, в неё высыпали подготовленную смесь и перемешивали длинным черпаком. Чаю давали прокипеть ещё около пяти минут. За это время с кухни приносили подносы с чистыми кружками — примерно по числу собравшихся.

Снять наполненный котёл с костра в одиночку было трудно и опасно. Обычно это делали вдвоём, используя специальные держаки, чтобы не обжечься. Затем котёл переносили к небольшому столику, где уже лежали черпак и ситечко. Через него чай разливали по кружкам, задерживая размокшие листья, веточки и кусочки фруктов.

Напиток получался очень тёмным, иногда почти чёрным. Его вкус всякий раз отличался, потому что у каждого дежурного были собственные представления о нужных сочетаниях и пропорциях. Чаще всего чай был густым, душистым и отчётливо травяным. Его принято было хвалить, хотя иногда неудачное сочетание полыни, зверобоя или другой сильной травы делало вкус слишком горьким либо непривычным.

Большой беды из этого не возникало. Неудачный чай просто оставался недопитым. Зато особенно удачный берегли: после костра относили на кухню, а если и там он не заканчивался, разливали по бутылкам и ставили в холодильник. На следующий день его можно было пить холодным во время работы под знойным крымским солнцем.

Часть кружек дежурные наполняли заранее, чтобы люди могли сразу взять чай и не тратить время у котла. Но иногда всё равно возникала небольшая очередь. Один брат зачерпывал напиток, другой держал кружку и ситечко, а остальные ждали, разговаривая и разглядывая угощения.

У Ориса была своя большая высокая кружка — белая керамическая, покрытая ручной росписью синих оттенков. На кострище её приносила одна из помощниц, отдельно от остальной посуды, из специально отведённого места. После завершения песен она же уносила кружку обратно.

Налить Орису чай считалось возможностью проявить непосредственную заботу. Сам он делал это редко: обычно кто-нибудь из находившихся рядом замечал, что кружка опустела, спрашивал, налить ли ему чай, и брал это на себя. В таком простом бытовом действии чувствовалась особая близость к Учителю — возможность лично о нём позаботиться.

Для сладости предлагали сахарозаменитель. Орис советовал его использовать и говорил, что одна маленькая таблетка заменяет по сладости ложку сахара. Именно на Айфааре я впервые попробовал подобные таблетки. Их солоноватый, синтетический привкус нравился мне значительно меньше обычного сахара. Но сахарозаменитель тогда был здесь в некотором роде модным, поэтому вскоре и я перешёл на местный «сахарин», хотя особого удовольствия от него не испытывал. В дальнейшем я вообще отказался от подслащивая чая, чему до сих пор придерживаюсь.

К чаю часто выносили сладости, фрукты или выпечку. Кто-нибудь мог приехать и привезти угощение для всех. Поводом становился и день рождения одного из участников. Иногда человек специально покупал что-нибудь к вечерним песням, желая проявить щедрость и заботу.

Такие подарки нередко оставляли анонимно, чтобы добровольно отказаться от личной благодарности. Впрочем, покупать что-либо было необязательно. Можно было собрать

инжир, в изобилии росший на территории Айфаара, принести персики из соседнего сада, подготовить виноград или другие свежие плоды. На общем столе происхождение угощения быстро теряло значение: оно становилось просто «для всех».

Особая роль во время вечерних песен принадлежала одному из братьев из Озёрска. Он самостоятельно научился играть на гитаре произведения Ориса и пользовался благодаря этому всеобщей популярностью. Подбор и исполнение музыки стали его особым служением Айфаару.

В свободное время он подбирал аккорды, записывая их прямо над строками в собственном песеннике, разучивал вступления и проигрыши, а затем сопровождал общее пение. Он задавал мелодию и ритм, помогая десяткам голосов удерживаться вместе. Получалось у него настолько хорошо, что Орис освободил его от основной физической работы. Вместо неё брат должен был разбирать новые мелодии, репетировать и делать аудиозаписи.

Перед началом он выносил на кострище гитару и устанавливал её на подставку. Инструмент подключался через усилитель к колонкам, подвешенным на деревьях вокруг площадки, благодаря чему звук распространялся достаточно громко и равномерно. Рядом стояла ещё одна подставка — для песенника с выписанными аккордами. Усиливала его образ кружка похожая по форме на кружку Ориса. У него так же как и у Ориса были длинные волосы и он часто одевал белый цвет одежды.

Во время пения музыкант неизбежно оказывался в центре внимания. Орис сидел напротив него и часто обращался к нему с исполнительскими замечаниями и пожеланиями. Мне порой казалось, что в этом взаимодействии Орис одновременно поддерживал его талант и ненавязчиво напоминал всем о собственной ведущей роли. Иначе значительная часть внимания действительно могла бы перейти к гитаристу: настолько легко и уверенно тот играл. Он почти не фальшивил, не сбивался с ритма и, казалось, не испытывал усталости даже после множества песен подряд.

Приходить на кострище рекомендовалось примерно за десять минут до начала. Этого времени хватало, чтобы выбрать место, налить чай, взять угощение и немного поговорить. Когда пение уже начиналось, входить и устраиваться на лавке считалось недопустимым: движение человека отвлекало остальных от смысла песни и вносило в общее состояние ненужную суету.

Главным принципом Айфаара называли «не навреди» — как в медицине. Опоздавший должен был остаться у входа, стоя или сидя в стороне. Иногда Орис разрешал ему пройти между песнями, когда внимание собравшихся ненадолго ослабевало.

Сам Орис обычно появлялся одним из последних. Он словно рассчитывал время так, чтобы, войдя, сразу начать общую практику, не растворяя её в долгих бытовых разговорах. В этом тоже чувствовалась его ведущая роль.

Он спускался от своего домика к кострищу, находившемуся совсем рядом, не более чем в десяти метрах от лестницы. Иногда его уже ожидали братья и сёстры, приехавшие в течение дня или накануне. Они хотели лично поприветствовать его и обняться. После этого все вместе входили на площадку и занимали места.

В такие минуты разговоры постепенно затихали. Люди становились собраннее, словно менялись не только внутренне, но и внешне. Кто-то расплывался в светлой улыбке, кто-то, напротив, начинал ещё внимательнее наблюдать за собой и своим состоянием.

На этом фоне меня поражало, насколько свободно и естественно держался Орис. Его движения, интонации и манера смотреть на людей выражали гораздо большую внутреннюю раскованность, чем та, которую ощущал, например, я. Иногда его появление действительно напоминало выход известного артиста к ожидающей публике, только вместо концертного зала были деревья, деревянные лавки, чай в металлическом котле и огонь в центре площадки.

Очень редко случалось, что Орис не приходил на вечерние песни. Тогда нам сообщали, что он плохо себя чувствует и не способен присоединиться. Иногда это связывали с проведённым им духовным «уроком» кому-либо из айфааровцев и последовавшей энергетической реакцией. Все старались мысленно поддержать соответствующего брата и самого Ориса.

Как утверждалось, на Ориса воздействовали любые мысли других людей, направленные в его сторону. Чаще всего они появлялись как следствие его же духовных уроков. Испуганный, обиженный или рассерженный ученик начинал инстинктивно защищаться, и такая внутренняя реакция якобы создавала «энергетическую отдачу», которая физически ударяла по самому Орису.

Если человек не справлялся с уроком и уходил в глубокую обиду, Орис иногда просил сообщить ему и остальным, что у него началось кровотечение. Это означало, что необходимо прекратить негативное воздействие и оказать ему мысленную позитивную поддержку. Он мог даже изредка мог пропустить из за этого вечерние песни.

В айфааровском мировоззрении любая сильная положительная эмоция могла быть направлена другому человеку. Самый мощный выброс такой энергии, по словам Ориса, происходил во время оргазма. Он учил, что человек способен отказаться от использования этой энергии исключительно ради собственного физического удовольствия и мысленно направить её на благо другого человека либо на образ самого себя в будущем — более духовно развитого и уже свободного от зависимости от плотских наслаждений.

Эта практика называлась «трансмутацией». Её суть состояла в том, чтобы в момент особенно яркого проявления перенаправить эту эмоциональную энергию к выбранному духовному образу. Для каждого этот образ мог быть своим, однако основными ориентирами считались альтруизм, благодарность, любовь и устремлённость к духовному развитию.

Многие айфааровцы рассказывали, что таким образом направляют положительные эмоции лично Орису. Я же даже на «тонком плане» предпочитал лишний раз с ним не взаимодействовать. Мне казалось безопаснее как можно меньше его беспокоить и не привлекать к себе внимания даже таким способом. Почти вся моя открытость оставалась под постоянным контролем тревожного разума.

Для нас лёгкое недомогание или повышенная температура обычно не считались достаточной причиной пропустить пение. В одном из ответов на вопросы Орис говорил:

— Вы можете пропустить что угодно, но только не песни.

Песенная медитация считалась самым сакральным и значимым временем дня. Предполагалось, что во время совместного пения люди настраиваются на наиболее высокие состояния души и стараются удерживаться в них как можно дольше. Этому приписывалось мощное оздоровительное воздействие не только на самого человека, но и на окружающее пространство.

Согласно айфааровским представлениям, подобные состояния могли даже воздействовать на генетическом уровне, раскрывая некие «спящие аллели». Считалось, что благодаря этому человек постепенно освобождается от грубых вибраций, внутренне преображается и получает возможность развивать способности, необходимые для работы на «тонком плане». Проверить подобные утверждения привычными средствами мы, разумеется, не могли, но внутри принятой системы они воспринимались как естественное продолжение общей практики.

Каждый открывал песенник на той странице, где мы остановились в прошлый раз. Утром могли петь новые тексты из папок с распечатанными листами, а вечером использовали уже изданный синий сборник. Это позволяло не уходить далеко вперёд без Ориса и вместе с ним последовательно проходить старые песни.

Некоторые айфааровцы со временем выучивали сотни произведений наизусть и почти не пользовались книгами. Это происходило быстрее, чем можно было бы ожидать: записи песен звучали во время работы, в дороге, на перерывах и в помещениях. Одни и те же мелодии постоянно возвращались, постепенно закрепляясь в памяти.

Задача поющего заключалась не просто в правильном воспроизведении слов. Требовалось максимально вдумчиво проживать смысл именно той строки, которую мы пели в данный момент: представлять описанный образ, ставить себя на место героя и пропускать содержание через собственные чувства.

Музыка, общий ритм и десятки голосов усиливали впечатление погружения. Считалось, что на «тонком плане» Орис в это время запускает по кругу фиолетовую энергетическую волну, которая входит в резонанс с состояниями собравшихся и помогает им усиливаться.

У некоторых от такой энергетики начинала кружиться голова. Кто-то мог заплакать, переживая озарение от строки о звёздном доме, духовном братстве или общей семье. Слёзы и сильные эмоции не рекомендовалось сдерживать. Песни часто становились безопасным местом, где накопившиеся переживания выходили наружу.

При этом совсем тяжёлых приступов или припадков я никогда не наблюдал. Никто не терял сознание, и происходящее обычно оставалось в пределах эмоционального плача, головокружения или сильного воодушевления.

Мне первое время было трудно расслабиться. В голове постоянно вращались самые разные мысли, и смысл исполняемой строки нередко оказывался среди них на последнем месте. Приходилось сознательно возвращать внимание к тексту, снова создавать образы и пытаться почувствовать то, о чём мы пели.

Иногда я думал не столько о песне, сколько о том, как в эту минуту выгляжу на «тонком плане» и какого цвета моя аура. Подобные «ожидания красоты» возникали и у других приезжих. Человек мог надеяться, что его состояние окажется достаточно высоким и чистым, чтобы Орис распознал духовное, или «звёздное», имя.

Позднее Орис объяснял, что сама надежда получить имя уже является эгоистичным ожиданием. А значит, именно она мешает человеку отпустить рассудочный контроль и войти в необходимые уровни сознания. Возникал своеобразный внутренний парадокс: чем сильнее хотелось пережить особое состояние, тем больше само это желание отдаляло от него.

Для «выхода» на высокий уровень Анахаты — сердечного центра, связанного в айфааровской системе с безусловной Любовью, благодарностью и всеобщим братством, — требовалось полное самозабвение. Нужно было раствориться в духовном образе и хотя бы на время освободиться от любых личных ожиданий, даже самых слабых и мимолётных.

Таким людям, как я, привыкшим опираться прежде всего на рассудок, это давалось с большим трудом. Требовались время, доверие, внутренняя расслабленность и постепенное раскрытие чувственной стороны. Нельзя было просто приказать себе испытать Любовь ко всему человечеству, хотя иногда я именно так и пытался поступать.

Между песнями Орис вставлял короткие пояснения к отдельным строкам или образам. Иногда он переговаривался с гитаристом, просил изменить темп, повторить вступление или по-другому исполнить следующую песню. Одним словом, музыку всегда «заказывал» он.

В эти короткие паузы кто-нибудь успевал подбросить дрова в огонь. Пили чай. Когда окончательно темнело, включали яркое освещение над кострищем. Оно выхватывало из сумерек лица людей, песенники и ближайшие стволы деревьев, тогда как пространство за рядами лавок постепенно растворялось в темноте.

Ещё во время короткой паузы, Орис мог без объяснения причин удалить с кострища кого-то из присутствующих. Остальным оставалось лишь догадываться, что именно вызвало такую реакцию. Предполагалось, что Орис видел происходящее на «тонком плане» — то есть воспринимал скрытые мысли, чувства и энергетические состояния человека, недоступные обычному наблюдению. Никто из нас не мог проверить, что именно он увидел в тот момент и что в действительности происходило в сознании удалённого участника, какое именно нарушение Орис в нём обнаружил.

Многие часто засыпали на песнях в том числе и я. Это тоже было поводом для удаления. Одному брату Орис даже запретил появляться на песнях в течении месяца за такое сонное состояние.

Орис завершал пение примерно в установленное время, допуская лишь небольшие отклонения. Признаюсь, в первые месяцы я чаще ждал окончания, чем мечтал продолжать ещё дольше. Сосредоточенное пение требовало от меня заметных внутренних усилий.

После последней песни наступала короткая пауза полной тишины. Рекомендовалось закрыть глаза и посидеть так ещё несколько минут, сохраняя возникшее состояние и позволяя ему закрепиться.

Затем люди постепенно открывали глаза. Некоторое время никто не разговаривал. Мы молча допивали чай и смотрели на пламя, уже не стараясь специально что-либо почувствовать. Возможно, именно эти тихие минуты после общего напряжения и были для меня наиболее естественной частью песенной медитации.

В какой-то момент Орис спокойно и доброжелательно спрашивал, есть ли у кого-нибудь духовные вопросы или желание высказаться. Обычно вопросов находилось много. Среди айфааровцев были особенно активные участники, которые внимательно читали книги Ориса, разбирали сложные места и заранее записывали всё, что хотели уточнить. Они старались сформулировать вопрос так, чтобы ответ оказался интересен и полезен не только им самим, но и всем присутствующим.

Подобные беседы записывали на видео, затем обрабатывали и размещали на сайте Ориса. Позднее записи расшифровывали, переводили в текстовый формат и использовали как первоначальный материал для новых циклов книг. Например, книги серии «Бессмертие доступно каждому» создавались именно в форме литературно отредактированных и дополненных ответов Ориса на вопросы читателей. В тексте сохранялась сама структура диалога, а иногда указывались и имена айфааровцев, задававших вопросы.

Многие накапливали вопросы дома, в своих городах, и специально везли их в Крым, чтобы задать Орису публично. В этом была особая ценность живого присутствия: можно было не только услышать общий ответ, но и уточнить непонятное, вступить в диалог и почувствовать, что вопрос рассматривается применительно к конкретному человеку.

Отдельную категорию составляли вопросы, связанные с повседневной жизнью Айфаара, отношениями внутри коллектива и внутренними состояниями его участников. На них Орис обычно отвечал подробно и терпеливо. Формально запрещённых тем не существовало, и я не помню, чтобы он прямо отказывался отвечать. Другое дело, что вопрос мог неожиданно превратиться в личный диалог, последствия которого не всегда оказывались приятными для задавшего его человека.

Во время таких разговоров Орис объяснял смысл своих уроков, возможные варианты реакции на них и причины, по которым человеку следовало поступать иначе. Он приводил в пример конкретных братьев и сестёр, разбирая их состояния, поступки и внутренние мотивы. Иногда человек сам просил Ориса публично описать его духовный уровень, разобрать текущее состояние или дать персональный совет по развитию определённых качеств.

Для меня подобные просьбы выглядели беспрецедентными по степени открытости и доверия. Человек добровольно передавал Орису право публично говорить о самых уязвимых сторонах своей личности, а затем выслушивал ответ в присутствии всего коллектива. Это воспринималось мной как смелость и готовность честно работать над собой.

Многие использовали время после песен, чтобы раз отождествиться с негативными проявлениями – открыться перед всеми и признаться в каком-нибудь поступке, переживании или внутреннем состоянии, даже если прежде о нём никто не знал. Довольно часто люди рассказывали об обиде на Ориса — по разным причинам. Так же речь шла об отношениях с другими братьями или сёстрами.

Человек подробно описывал произошедшую ситуацию, собственную реакцию и сделанный выбор. Орис всегда приветствовал подобную открытость, но сам никогда ни у кого не извинялся и ни перед кем не оправдывался. Во время вечерних бесед он обычно не повышал голос и старался поддержать говорящего. Он объяснял, какие варианты поведения могли бы оказаться более качественными и каким образом в следующий раз можно было отреагировать иначе.

Иногда Орис сам обращался к кому-нибудь с вопросом:

— Ты ничего не хочешь рассказать?

Это звучало как намёк на то, что ему уже известно нечто, о чём человек предпочитал молчать. Подобные моменты всегда воспринимались тяжело. Даже если человек не понимал, что именно имеет в виду Орис, само обращение заставляло его быстро перебирать в памяти недавние поступки и мысли, пытаясь угадать, что могло быть замечено.

Ближе к завершению беседы духовные темы постепенно сменялись бытовыми и организационными вопросами. Обсуждали текущие работы, ближайшие планы и события общей жизни. В этот момент недавно приехавшим людям могли предложить рассказать о себе, а тем, кто бывал на Айфааре раньше, — поделиться новостями, произошедшими со времени предыдущего приезда.

В первый же песенный вечер Орис обратился ко мне:

— Кто ты, откуда и для чего приехал?

К этому вопросу я, казалось бы, был готов. Ещё в Севастополе я мысленно составлял свой будущий рассказ, представлял, как спокойно объясню, что привело меня на Айфаар, чем я занимался прежде и чего надеюсь здесь найти. Но когда наступил реальный момент и на меня одновременно посмотрели десятки людей, всё заготовленное словно исчезло.

Огонь продолжал потрескивать в центре площадки, кто-то держал на коленях раскрытый песенник, а вокруг внезапно стало непривычно тихо. Я понимал, что теперь должен говорить. В голове одновременно возникло множество мыслей, но ни одна из них не складывалась в первое предложение. Я пытался выбрать хотя бы какую-нибудь точку начала: назвать город, рассказать о книгах Ориса, о поисках духовного пути или просто объяснить, почему решил приехать. Однако, чем сильнее я старался собраться, тем дальше отступали нужные слова.

Возникла неловкая пауза. Мне казалось, что она длится значительно дольше, чем в действительности. Я чувствовал сильное волнение, смятение и смущение, но внешне мог только молчать. Известно, что при сильном стрессе у человека могут временно блокироваться речевые функции. Вероятно, со мной произошло нечто подобное: ум продолжал работать, но возможность перевести мысли в слова на короткое время словно исчезла.

Моё молчание прервал Орис:

— Всё с тобой понятно.

После этого он перевёл разговор на следующего человека.

Мне стало мучительно стыдно. Казалось, что я не просто растерялся, а публично ударил в грязь лицом. По моему тогдашнему представлению, каждый человек во время первого приезда должен был рассказать о себе, и я боялся, что своим молчанием нарушил важную традицию. Особенно обидно было оттого, что к этому моменту я готовился заранее и много раз мысленно произносил вполне связную речь.

Сейчас я отношусь к этому легче. Мало ли какие есть правила. Тогда я долго переживал случившееся. Этот провал оказался для меня даже тяжелее недавней истории с первым тостом. Тогда мне хотя бы удалось произнести несколько слов и каким-то образом завершить выступление. Здесь же я словно на время вообще потерял способность говорить.

После окончания беседы произошло то, чего я не ожидал. Несколько ещё почти незнакомых мне людей сами подошли и по-дружески поддержали меня.

— Не ты первый, не ты последний, — сказал кто-то из них.

Я по отдельности обсудил произошедшее с несколькими братьями и сёстрами. Они не высмеивали меня и не пытались дать очередную духовную оценку. Они просто слушали, делились похожими случаями и помогали увидеть в произошедшем не катастрофу, а обычную человеческую слабость.

После этих разговоров мне стало значительно легче. Стыд не исчез сразу, но уже перестал казаться чем-то, что полностью определяет меня в глазах окружающих. Люди увидели мою растерянность и всё равно отнеслись ко мне тепло.

Этот эпизод поддержки до сих пор важен для меня. Само публичное молчание постепенно потеряло значение, а память о людях, подошедших после него, осталась. Тогда я особенно ясно почувствовал, насколько важным может оказаться простое человеческое участие, проявленное вовремя. Иногда несколько спокойных слов и готовность выслушать значат для человека больше, чем длинные наставления. Никогда прежде я не испытывал настолько острой потребности в немедленной психологической поддержке. Возможно, поэтому так хорошо запомнил облегчение, которое она принесла.

Как я уже упоминал, с вечерним пением была связана одна из самых сакральных сторон айфааровской жизни — получение Тонового Имени. Оно воспринималось как особая духовная инициация. После этого менялось не только обращение к человеку, но и его положение в коллективе: окружающие начинали видеть в нём того, кто хотя бы на короткое время сумел проявить более высокие уровни сознания, засвидетельствовав тем самым их присутствие в своей «конфигурации самосознания».

Люди, более чувственные и открытые, чем я, могли, достичь нужного состояния уже в первый вечер на кострище. Во время песенной медитации человек настолько глубоко погружался в переживание Любви, благодарности и духовного единства, что Орис якобы замечал вокруг него особое излучение.

По его описаниям, привычный контур человеческой ауры в такие минуты менялся. Внутренний свет становился плотнее и ярче, в нём появлялись золотистые и серебристые искры, словно поднимающиеся из глубины сознания. Голубые и фиолетовые лучи собирались в медленно вращающиеся воронки, а вокруг головы и груди возникало мерцание, не похожее на обычные эмоциональные цвета. Возможно, для Ориса это выглядело как краткое раскрытие другого человека внутри привычного человеческого облика — более свободного, гармоничного и уже связанного с теми мирами, откуда происходило его Тоновое Имя.

Сам Орис обычно никак не показывал, что заметил такое состояние. Он не останавливал песню, не выражал удивления и не сообщал человеку о произошедшем. По его словам, он просто запоминал характер увиденных вибраций.

Позднее, в более удобное время, Орис доставал один из своих списков Тоновых Имён и последовательно просматривал их. Он сопоставлял запомнившееся состояние человека с «вибрацией» каждого имени. В какой-то момент одно из них якобы начинало отвечать особенно чётким и уверенным резонансом. Тогда Орис записывал его и на следующий вечер приходил к кострищу вместе со своим списком — в жёлтой папке с распечатанными листами, вложенными в прозрачные файлы.

Уже само появление этой папки означало, что у кого-то сегодня будет звёздный день рождения. Духовная семья заранее радовалась предстоящему пополнению, а новички, ещё не имевшие Тонового Имени, начинали волноваться и надеяться, что на этот раз выбор пал именно на них.

Я тоже поддавался этому ожиданию. Мог думать о возможном имени почти всё время песен и из-за этого едва участвовал в их содержании. Вместо того чтобы проживать смысл строк, я следил за собой, пытался представить цвет своей ауры и гадал, не заметил ли Орис во мне чего-нибудь особенного.

Позднее он подшучивал над такими людьми, указывая на их эгоистичную ожидающую позицию. Само желание получить подтверждение собственной духовности, по его логике, уже мешало человеку войти в состояние самозабвения, необходимое для получения имени. Иногда Орис не ограничивался словами и превращал объявление Тонового Имени в небольшую психологическую провокацию.

В один из таких вечеров он до последнего не называл звёздного именинника. Затем посмотрел прямо на меня — долго и достаточно выразительно, чтобы у меня появилась почти полная уверенность: сейчас прозвучит моё имя.

Орис прочитал найденный им Тоновый Код, продолжая смотреть в мою сторону, словно приглашая подойти. Окружающие тоже подхватили эту уверенность. Несколько человек заулыбались и начали радостно махать мне, поздравляя заранее.

Я поднялся и уже направился в центр кострища. По традиции человеку, получившему имя, полагалось подойти к Орису и обняться с ним. Но в этот момент он остановил меня:

— Дима, ты куда вышел? Даже не надейся получить духовное имя с таким эгоизмом, как у тебя.

Я оказался в крайне неловком положении. Ещё мгновение назад мне казалось, что весь коллектив радуется моему духовному рождению, а теперь те же люди видели, как я по ошибке вышел вперёд, слишком охотно поверив в собственную избранность.

Я был на грани сильной обиды. В то же время понимал, что ситуация создана намеренно и что Орис, скорее всего, наблюдает именно за моей реакцией. Это знание немного помогало удержаться, но не отменяло самого переживания. Негативный осадок всё равно оставался.

Мне хотелось как можно быстрее выйти из возникшего состояния и сделать это так, чтобы Орис больше не прикасался к этой свежей внутренней ране. Подобные провокации были одним из его любимых способов показывать человеку то, что он называл скрытыми ожиданиями и духовным честолюбием.

После этого Орис объявил настоящую звёздную именинницу. Он подошёл к ней, поздравил и обнял по-братски. Остальные зааплодировали, а позднее по очереди подходили к ней с личными поздравлениями.

Мне одному в тот момент было обидно и досадно. Я не нашёл в себе сил подойти к ней вместе со всеми. Вместо этого ещё больше закрылся и ушёл внутрь себя, продолжая духовную работу над собственным эгоизмом, который Орис словно осветил мощным прожектором в одном из тёмных уголков моей души.

Я вспоминал, зачем приехал на Айфаар, и подбирал аргументы, способные помочь мне принять произошедшее. Универсальным средством оставалась мысль о том, что в моих проблемах никто не виноват, кроме меня самого. Любая трудность считалась благом для духовного роста, потому что давала опыт самопознания и возможность увидеть внутренние причины своих неоправданных ожиданий.

Иногда Орис мог вообще не объявлять получателя имени в течение нескольких дней. Он сообщал лишь, что имя уже найдено, но продолжал сохранять интригу, наблюдая за реакциями возможных кандидатов. Это превращалось в настоящий психологический квест или духовный эксперимент.

Кандидатов обычно было немного. Кто-то начинал предчувствовать, что речь идёт о нём, другой старался не надеяться, третий внимательно следил за поведением остальных. По словам Ориса, его интересовало, что возобладает в людях — эго или дух, конкуренция или способность искренне порадоваться друг за друга.

После торжественного объявления новому имениннику распечатывали бейдж с Тоновым Именем. Дополнительную копию прикрепляли к холодильнику на общей кухне, чтобы все быстрее запомнили непривычное сочетание звуков и букв. С этого момента к человеку начинали обращаться по-новому.

На следующий день именинник угощал всех блюдом собственного приготовления или покупал что-нибудь к общему столу и вечерним песням. Сёстры часто пекли пироги с рыбой или другую выпечку. Братья тоже старались приготовить что-нибудь своими руками. Считалось, что собственный труд ценнее простой покупки, поскольку требует больше времени, внимания и старания.

Летом на Айфаар приезжало особенно много людей. Разгар крымского курортного сезона привлекал солнцем, тёплым морем и звёздными ночами, поэтому именно на летние месяцы приходилось больше всего звёздных дней рождения.

Многие приезжали приблизительно в одни и те же даты каждый год и праздновали годовщину получения имени на Айфааре, в окружении своей духовной семьи. В этот день они снова угощали всех выпечкой, конфетами, фруктами или каким-нибудь специально придуманным блюдом.

Летом подобные угощения появлялись почти ежедневно, а иногда сразу у нескольких именинников совпадали даты. Обычных подарков в ответ не дарили — ни на звёздные, ни на земные дни рождения. Здесь действовала обратная традиция: именинник не получал подарки от остальных, а сам старался порадовать всех.

В этом была своя красивая идея. День рождения становился не временем ожидания внимания к себе, а поводом выразить благодарность тем, рядом с кем человек проживал

ещё один год. Одновременно даже такой праздник напоминал о главной айфааровской ценности: чем значительнее событие происходило лично с тобой, тем больше от тебя ожидалось желания поделиться его радостью с другими.

По вечерам на Айфааре долго не ложились спать. Летом можно было гулять по арочным аллеям, густо увитым розами и подсвеченным разноцветными огнями, сидеть на лавочках в беседках и бесконечно разговаривать — о параллельных мирах, качестве собственных выборов, внутренних состояниях и способах работы над собой.

Люди часто обращались друг к другу за советом. Почти для любой сложной ситуации можно было подобрать универсальную альтруистичную мотивацию — такой взгляд на происходящее, при котором внимание переносилось с собственных переживаний на пользу для других. Например, если тебе не хотелось выполнять порученную работу, можно было представить, что благодаря ей завтра кому-то станет легче: появится удобная дорожка, вода для сада или чистое место для общего отдыха. Тогда неприятная обязанность превращалась в заботу о людях, которых ты, возможно, даже не увидишь в момент её результата.

Обсуждали и то, какие мысли соответствуют различным уровням сознания. Как я уже писал, сердечный уровень связывали с искренней любовью, благодарностью и заботой. При этом он тоже подразделялся на нижний, средний и высший.

К нижнему сердечному уровню относили любовь к самым близким кровным родственникам — детям, родителям, братьям и сёстрам. Она уже считалась проявлением Анахаты, сердечного центра, но всё ещё содержала заметную долю эгоизма: своему человеку можно было простить почти всё, тогда как к постороннему проявлялось значительно меньше внимания и терпения. В качестве примера часто приводили материнскую любовь — безусловную и самоотверженную, но не всегда дальновидную и распространяющуюся прежде всего на собственного ребёнка.

Следующим уровнем считалась братская любовь — к коллективу, своей стране, духовной семье или месту, с которым человек себя отождествляет. Она была шире и мудрее семейной привязанности, однако всё равно сохраняла разделение на своих и чужих. Своим прощалось больше, их интересы воспринимались ближе, тогда как к находящимся за пределами привычного круга человек мог оставаться менее внимательным.

Высшим проявлением сердечного центра считалась безусловная любовь планетарного уровня. Она не разделяла людей по странам, расам, религиям и степени близости. Более того, распространялась не только на человечество, но и на животных, растения, природу и всё живое. Именно к такому состоянию предлагалось постепенно стремиться, расширяя круг тех, чьи интересы человек способен воспринимать как свои собственные.

Иногда после вечерних бесед мы отправлялись гулять по посёлку. Если спуститься от Айфаара через персиковый сад, пройти вдоль русла речки ближе к Южнобережному шоссе, а затем свернуть налево на возвышенность, дорога выводила к тупику. За камнями находилась небольшая смотровая площадка с лавочкой.

Мы ходили туда группами, парами, а иногда поодиночке. С высоты открывался широкий вид на море и нижний Голубой Залив — от посёлка Кацивели до горы Кошка. Ночью побережье светилось тысячами огней, и благодаря высоте всё было видно на сотни метров. Мы сидели почти прямо над трассой, хотя сама площадка оставалась тёмной и уединённой.

Как и на крыше водонапорной башни, отсюда хорошо просматривалось звёздное небо. В те годы оно казалось более неподвижным, чем сейчас: искусственные спутники пролетали значительно реже, и среди звёзд было меньше заметного движения. Особенно красивой отсюда выглядела Луна, висевшая над морем и освещавшая его поверхность бледной дорожкой.

Я любил приходить туда с любимой девушкой и читать ей рубаи Омара Хайяма. Она могла лечь на лавочку, положив голову мне на колени, и смотреть на звёзды, пока я гладил её волосы и неторопливо рассказывал о далёких прекрасных мирах, к которым человечество сможет приблизиться благодаря интенсивной духовной работе.

Всё вокруг казалось гармоничным и спокойным. Воздух был наполнен сладкими ароматами цветущих трав и свежестью бескрайнего моря. Только изредка тишину природы и течение моего рассказа нарушал автомобиль, проезжавший внизу по трассе. Его шум постепенно удалялся, и через несколько секунд снова оставались только звёзды, дыхание моря и ощущение, что впереди нас ждёт нечто необыкновенное.

В то время мы ещё не знали, как сложится жизнь каждого из нас, но почти все одинаково надеялись на светлое и прекрасное будущее. Кто-то ожидал духовного преображения человечества и появления звездолётов с нашими космическими братьями из созвездия Плеяд. Орис описывал подобные варианты развития событий как одни из возможных сценариев ближайшего будущего.

Долгое время он писал о грядущих глобальных природных катаклизмах. Одной из причин могла стать смена полюсов Земли, сопровождавшаяся волной сильнейших землетрясений и масштабными разрушениями в разных частях планеты. Особенно серьёзно, по его прогнозам, мог пострадать Крым.

После таких событий привычный уклад жизни должен был измениться, поэтому к ним следовало заранее готовиться. Нужно было иметь продукты, воду и вещи, которые сохранят практическую ценность в условиях разрушенной экономики. Предполагалось, что алкоголь, сахар, крупы и другие товары для обмена окажутся полезнее обычных денег.

В том числе поэтому на Айфааре существовал винный погреб с большими неприкосновенными запасами различного алкоголя. В обычной жизни центра крепкие напитки практически не употреблялись, но в случае катастрофы их предполагалось использовать как средство обмена или универсальную хозяйственную ценность.

Мы также верили, что в судьбоносный момент испытания для всего человечества духовные братья из нашего далёкого будущего не оставят нас без поддержки. Они должны были проявиться в нашей мерности и эвакуировать наиболее духовно подготовленных людей, среди которых мы, разумеется, надеялись оказаться.

Орис подробно описывал сценарии, в которых над различными участками Земли появляются звездолёты и направляют вниз особые левитационные лучи. По ним человек мог подняться на корабль в своём «тонком теле». Неподготовленные люди якобы не сумели бы войти в этот поток из-за сильного животного страха, тогда как духовно развитые увидели бы в происходящем только Любовь и Свет.

С физическим телом в любом случае предполагалось расстаться. Эти события воспринимались как достаточно близкие — речь могла идти буквально о нескольких

годах, остававшихся до глобального перехода. Точных дат Орис обычно не называл, объясняя это тем, что в бесчисленных параллельных мирах одни и те же процессы происходят в разное время и по различным сценариям.

В некоторых вариантах катастрофы случались, в других — нет. Поэтому к подобным прогнозам мы относились скорее вероятностно, а не как к абсолютно неизбежному будущему. Всегда сохранялась возможность, что наша группа миров окажется среди более благополучных.

В других сценариях, по рассказам Ориса, должна была измениться сама геометрия пространства и континуума, приблизившись к свойствам четвёртого уровня существования. После такого перехода окружающий мир становился бы ближе к «тонкому плану», а его привычные физические свойства существенно менялись.

То, что прежде казалось невозможным, должно было стать частью повседневности. Например, мысли начали бы материализовываться гораздо быстрее. Человек смог бы получать желаемое почти чудесным образом, просто ясно представляя необходимый результат. Открылись бы мысли и состояния окружающих.

Это обещало большое облегчение, но одновременно создавало новую опасность. Негативные мысли тоже приобретали бы большую силу и воплощались быстрее, вызывая неожиданные неприятности. Получалось, что духовное развитие требовалось не только ради нравственного совершенствования, но и как необходимое условие для «перефокусировки» и безопасного существования в будущей благоприятной реальности.

Самым мрачным сценарием считалась ядерная война. Этот вариант постоянно находился где-то на внутреннем радаре Ориса, и он, по собственным словам, всё время маневрировал между параллельными мирами, стараясь не допустить, чтобы мы оказались именно в такой ветви событий.

Для этого он настраивался на одну из своих параллельных личностных интерпретаций — версию самого себя, живущую на Айфааре в благополучном пространственно-временном сценарии, где не произошло катастроф и развитие центра шло наиболее удачно. По словам Ориса, он мог проводить там значительное время и даже в некотором смысле жить по собственному усмотрению.

Ведь это был тот же самый Орис, только существующий в параллельном мире. Его сознание, согласно этому объяснению, скользило между реальностями подобно ручке настройки радиоприёмника, которая последовательно находит разные частоты.

Находясь в таких мирах, он замечал особенности будущего Айфаара. Например, в одном из сценариев под водонапорной башней уже существовала оранжерея для выращивания экзотических растений, саженцы которых Орис привозил из дальних стран. Если в нашей реальности оранжерею ещё не начали строить, это могло стать основанием ускорить работу.

Нужно было успеть к определённому сроку, чтобы приблизиться к желательной группе сценариев, которая словно шла немного впереди нашего мира. Практические строительные решения в таком случае воспринимались не просто как благоустройство территории, а как способ настроить реальность на более благоприятную частоту.

В этих будущих мирах рядом с Орисом жили и мы сами — конкретные айфааровцы, уже находившиеся на Айфааре, а также люди, которым ещё только предстояло приехать. Орис рассказывал, что заранее знаком с ними, знает, чем они будут заниматься и какие отношения между ними сложатся.

Поэтому было тревожно и обидно услышать от него, что в будущих мирах он тебя на Айфааре не видит. Такая фраза воспринималась как другая форма уже знакомого страха изгнания. Только теперь речь шла не о наказании за конкретный поступок, а о предначертанном ходе судьбы, в котором тебе почему-то не находилось места рядом с духовной семьёй.

Проверить подобное утверждение было невозможно. Оставалось непонятным и то, насколько далеко Орис заглядывает: на год, десять лет или несколько десятилетий. Отсутствие человека в одной увиденной картине будущего ещё не объясняло, что именно с ним произойдёт и означает ли это вообще что-либо определённое.

В то время всё это звучало для меня достаточно правдоподобно. Мне хотелось надеяться на чудо и воспринимать окружающий мир именно таким — не холодным и бездушным механизмом, а живым, бесконечным пространством, открытым для самых невероятных возможностей и наполненным высшим смыслом и Любовью.

Именно такой мир мы старались строить на Айфааре — искренне и самоотверженно. Даже небольшая вероятность того, что реальность действительно устроена подобным образом, казалась достаточным основанием платить за участие в этом своей нынешней жизнью. Нам представлялось, что теряем мы не так уж много, тогда как в случае успеха могли получить несоизмеримо больше.

Пожар в заповеднике

Засушливое лето 2007 года запомнилось всем ещё одним тревожным событием. В Ялтинском горно-лесном заповеднике, примерно в районе Алупки — соседнего с

Голубым Заливом посёлка, к северу от Южнобережного шоссе, на предгорьях и южных склонах плато Ай-Петри, — вспыхнул крупный лесной пожар.

Стояла сильная жара, долго не было дождей, и сухой лес загорелся очень быстро. По одной из ходивших тогда версий, причиной стал умышленный поджог, а предполагаемый виновник якобы сам погиб в огне. Насколько достоверной была эта история, я не знаю: в подобных обстоятельствах слухи всегда распространяются быстрее проверенной информации.

Пожар не удавалось потушить несколько дней. Воды и техники не хватало, чтобы сразу справиться с огнём такого масштаба. Днём над горами поднимались огромные столбы дыма, а ночью с некоторых точек Айфаара можно было увидеть оранжевое зарево.

Ребята позднее вспоминали, что пепел от этого пожара плавал даже у пляжа, куда мы ездили купаться. Айфаар находился значительно ближе к очагу, поэтому при попутном ветре к нам доходили густые клубы дыма, а обгоревшие частицы листьев и коры оседали на всей территории: на крыше водонапорной башни, домах, дорожках и лавках кострища.

Особенно тревожным оказался второй вечер. Огонь уже был хорошо виден из посёлка, в воздухе стояло столько дыма, что ночевать под открытым небом стало невозможно. На следующий день положение заметно не изменилось. По Голубому Заливу начали распространяться слухи, что пламя движется в нашу сторону и быстро приближается.

Именно тогда в шатре произошло необычное действие, которое, насколько я помню, больше никогда за всё время моей жизни на Айфааре не повторялось.

Ближе к окончанию рабочего дня Орис срочно собрал всех жителей и гостей центра. Он сам встал посередине шатра и объявил, что сейчас мы проведём сеанс коллективной перефокусировки.

Перефокусировкой назывался переход сознания человека между параллельными вариантами реальности. Предполагалось, что своими мыслями, чувствами и выборами мы постоянно смещаемся в те сценарии, которые соответствуют качеству нашего внутреннего состояния. Поэтому задача заключалась не в том, чтобы физически потушить огонь силой мысли, а в том, чтобы коллективно настроиться на благополучную группу миров, где пожар уже удаётся остановить.

Нам предложили встать большим кругом вдоль стен шатра и взяться за руки. Орис остался в центре, повернувшись в сторону гор, где находился пожар. Он вытянул перед собой обе руки и начал совершать ими движения, словно направлял в сторону огня мощные потоки воды или энергии.

Мы медленно двигались по кругу против часовой стрелки и хором повторяли одну фразу:

— Мы любой пожар потушим, нам помогут наши души.

Эти слова произносились снова и снова, в одном ритме. Десятки голосов постепенно сливались между собой, а движение по кругу создавало ощущение общего действия. Шатёр наполнялся мерным звуком шагов и повторяющейся фразы, от которой через некоторое время начинало изменяться ощущение времени.

Предполагалось, что мы объединяем собственные внутренние усилия, а Орис собирает и направляет общую энергию в сторону пожара. Сеанс продолжался примерно двадцать или тридцать минут. После его окончания Орис попросил нас по возможности полностью отпустить ситуацию: больше не обсуждать пожар, не волноваться о нём и даже постараться некоторое время о нём не думать.

Это соответствовало логике перефокусировки. Считалось, что после формирования намерения нельзя продолжать тревожно ожидать результата, потому что постоянное беспокойство снова удерживает сознание в неблагополучных сценариях.

Примерно в это же время над горами слышался гул пожарных вертолётов. Они продолжали летать в направлении леса, участвуя в тушении. Ближе к вечеру, примерно через три часа после нашего сеанса, пришло сообщение, что пожар удалось остановить.

Для многих айфааровцев связь между этими событиями казалась прямой и очевидной. Три часа воспринимались как очень быстрый результат коллективного энергетического воздействия. При этом никто не утверждал, что мы буквально залили огонь воображаемой водой из шатра.

Объяснение было более сложным и полностью соответствовало айфааровской картине мира. Предполагалось, что общим намерением мы ускорили своё смещение в параллельные сценарии, где действия пожарных оказались особенно эффективными, изменилось направление ветра, помогла погода или сложились другие благоприятные обстоятельства. Именно это, по общему мнению, и произошло.

Работа спасателей при таком объяснении не отрицалась. Напротив, она становилась тем практическим механизмом, через который реализовался выбранный нами благополучный вариант событий. Внешняя причина оставалась обычной — вертолёты, люди, техника и вода, — но за ней предполагалось внутреннее управление реальностью.

Тогда совпадение времени произвело на меня впечатление. Общий сеанс завершился, прошло всего несколько часов — и пришло известие, которого все ждали. Внутри принятого мировоззрения это выглядело убедительным подтверждением того, что коллективная перефокусировка действительно работает.

Теперь мне любопытно другое: почему подобную практику больше никогда не применяли при других тяжёлых обстоятельствах. Если она считалась настолько действенной, логично было бы использовать её снова. Возможно, Орис воспринимал тот случай как исключительный, возможно, считал, что подобное вмешательство допустимо не всегда.

Работа на речке

Работами на речке завершалась моя первая рабочая неделя того лета на Айфааре. Выходные наступили по расписанию, и распорядок дня немного менялся. Формально это

были свободные дни, когда можно было отдохнуть и просто насладиться моментом, если бы не существовали субботники.

Субботником назывались добровольно-обязательные утренние работы, проходившие по субботам примерно с десяти часов до обеда. От обычного рабочего дня они отличались прежде всего масштабом общего участия. Выбирали один участок и дружно набрасывались на него всем коллективом, чтобы за несколько часов получить заметный результат.

На субботник выходили даже те, кто в будние дни занимался преимущественно нефизической работой: писатели, музыканты и другие участники внутренних проектов. Орис тоже старался присутствовать и по мере сил включаться в процесс. Добровольность участия уравновешивалась тем, что работали почти все. Остаться дома, пока остальные трудятся, выглядело бы слишком демонстративно. Уважительной причиной отсутствия обычно считался только отъезд с Айфаара по неотложным делам.

Мой первый субботник тоже прошёл на речке. К тому времени мы уже углубили часть русла и теперь начинали формировать его каменно-бетонные берега. Кто-то работал непосредственно на участке, кто-то подносил камни, а двое вставали к бетономешалке.

Один человек набирал на нижней стоянке вёдра с цементом и отсевом. Второй загружал всё в бетономешалку в определённой последовательности. Сначала наливали ведро воды, затем добавляли ведро цемента. Дальнейшее соотношение зависело от задачи: для раствора могли засыпать около четырёх вёдер отсева, а для бетона — два или три ведра отсева и ещё три-четыре ведра щебня. Для кладки бутовых стен использовали именно раствор.

Когда смесь была готова, её выгружали прямо из бетономешалки в вёдра и передавали по цепочке к рабочему участку за кострищем. Иногда одновременно работали две бетономешалки. Тогда движение становилось почти непрерывным: в одну сторону шли полные вёдра, обратно возвращались пустые.

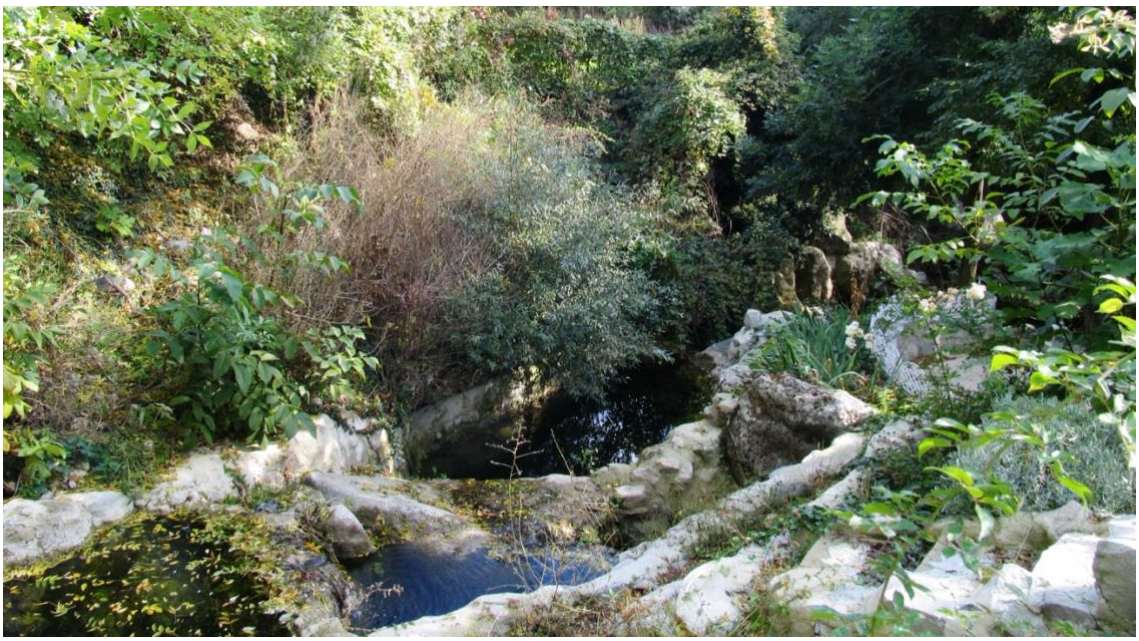
К тому времени сёстры уже имели большой опыт строительства бутовых стен. Таких стен на Айфааре, расположенном на склоне, было очень много: они удерживали террасы, дорожки и отдельные уровни территории. Когда камни и раствор подавали прямо к месту кладки, работа у них шла быстро и аккуратно.

Вёдер на Айфааре было множество. Они служили долго, пока окончательно не отрывалась ручка. Но даже после этого ведро не обязательно выбрасывали: в стенке просверливали новое отверстие и снова закрепляли металлическую дужку. Главным условием долгой службы считалось обязательное мытьё после работы. Если раствор успевал затвердеть, ведро быстро становилось тяжёлым, неровным и почти бесполезным.

Из-за нехватки воды работы на речке в то лето имели особое значение. Мы занимались ими и в обычные рабочие дни, и во время субботников. Орис приходил осматривать результат, вдохновлял нас и рассказывал, что в будущем здесь будут проводить экскурсии. Он подчёркивал, что мы не просто копаем землю и кладём камни, а создаём важную часть будущего Айфаара.

В итоге всё русло, примыкавшее к границе территории, получило каменные берега. Речка была разделена на каскад отдельных ёмкостей, последовательно спускавшихся от верхней части участка к нижней. Всего получилось около десяти или двенадцати резервуаров разной длины и объёма. Между ними находились перемычки, удерживавшие воду на каждом уровне, когда поток становился достаточно полным.

Объём этих ёмкостей удалось увеличить ещё и потому, что мы искусственно подняли каменные берега и перегородки выше прежнего уровня воды. Для формирования насыпей использовали землю, вынутую при углублении русла. Вдоль ближнего берега постепенно появился проход — почти настоящая набережная, тянувшаяся вдоль значительной части речки.

В верхней части русло проходило через так называемую «банановую рощу». Это было тенистое место за домом Ориса, напоминавшее небольшую парковую зону с лавочками, беседками, извилистыми тропинками и красивым вечерним освещением.

Название «роща», конечно, было условным. Бананы там не росли в открытом грунте: летом в этот уголок выставляли несколько крупных растений в горшках, а с наступлением холодов снова переносили их в помещения. Их широкие, почти тропические листья хорошо смотрелись среди старых крымских деревьев, густых кустарников и цветов. На фоне сухих склонов и выгоревшей за лето травы даже нескольких бананов хватало, чтобы это место казалось особенно зелёным, прохладным и немного необычным.

Роща располагалась на естественном уклоне, поэтому её обустроили в виде нескольких небольших террас. Склон удерживали невысокие подпорные стены из местного бута. Между ними петляли узкие дорожки, посыпанные мелким гравием, и неровные каменные ступени. Террасы соединялись не по строгому плану: тропинки огибали деревья, клумбы и крупные глыбы, оставленные частью ландшафта. Из-за этого пространство напоминало не обычный сад, а постепенно обжитое природное ущелье.

В разных уголках находились небольшие столики с плетёными креслами. Один из них стоял почти у самой воды, окружённый лавандой, кустарниками и бананами в белых горшках. Другие места для отдыха располагались выше, на отдельных каменных площадках. Столы накрывали светлыми скатертями, а кресла были расставлены так, словно здесь в любую минуту могла начаться неспешная беседа или совместный обед.

Над рощей смыкались кроны старых деревьев. Солнечный свет проникал внутрь отдельными пятнами, освещая то каменную стену, то дорожку, то широкие банановые листья. Дом Ориса с белыми стенами и синими крышами возвышался над этой зеленью, но из нижней части рощи был виден лишь фрагментами — за стволами, ветвями и подпорными стенами.

Роща находилась в стороне от центра общественной жизни и не предназначалась для больших собраний. Обычно там было тише и уединённее, чем возле шатра, кухни или кострища. Благодаря речке это место всегда казалось особенно живым и живописным.

Задние окна домика Ориса выходили как раз на русло и банановую рощу, немного сверху. Весной и осенью, когда в горах выпадало достаточно осадков, оттуда открывался завораживающий вид. Полноводная речка проходила через весь каскад, переливаясь из одной каменной чаши в другую. Роща наполнялась непрерывным гулом воды, а с уровня нижних бассейнов всё это выглядело как цепочка небольших водопадов.

В этой красоте теперь присутствовал и мой труд. Новые люди, приезжавшие на Айфаар, ещё сильнее впечатлялись территорией, потому что устроенная нами речка выглядела уже не как случайное горное русло, а как часть продуманного паркового пространства.

Иногда я сам приводил туда девушек и проводил небольшие экскурсии. Рассказывал, как речка выглядела раньше, как мы углубляли русло, передавали по цепочке вёдра с раствором и выкладывали каменные стены. Гости обычно удивлялись объёму проделанной работы и тому, что всё это было создано руками самих айфааровцев.

Орис тоже показывал речку своим гостям, подчёркивая масштаб первоначального замысла и скорость его воплощения. Кто знает, возможно, именно такие видимые результаты убеждали кого-то серьёзнее отнестись к Айфаару, поддержать его или принять решение о более активном участии в жизни центра.

Я в любом случае испытывал удовлетворение. Это было первое в моей жизни большое дело, давшее настолько ощутимый материальный результат. Я участвовал в нём почти с самого начала и потом увидел окончательный итог — речку, текущую в полную силу через созданный нами каскад водопадов.

После этого во мне действительно что-то изменилось. Я впервые почувствовал вкус альтруизма и созидательного служения не на словах, а на практике жизни, которая остаётся после тебя в камне, воде и удобстве для других людей. У меня появилось больше уверенности в собственных силах и более глубокое понимание того, зачем мы здесь работаем. Мне хотелось и дальше оставаться частью этого созидательного процесса.

Субботники отличались от обычных рабочих дней прежде всего своей массовостью. Все вместе наваливались на один участок и старались за несколько часов довести его до заметного результата. Не всегда речь шла о строительстве. На субботу часто откладывали накопившиеся «хвосты»: расчистку склонов, планировку грунта, уборку мусора, высадку деревьев и другие работы, для которых особенно полезно было участие большого количества людей.

Иногда субботники устраивали и за пределами территории Айфаара — уже для жителей посёлка. Мы расчищали наиболее запущенные места, убирали русло речки выше и ниже по течению, собирали мусор вокруг магазина. Это позволяло воспринимать Айфаар не как обособленный участок за синим забором, а как часть окружающего пространства, за которое мы тоже в какой-то степени отвечали.

Участвовать в субботнике могли не только те, кто в это время жил на Айфааре. На один день приезжали читатели Ориса из соседних городов и посёлков. Для них это была возможность увидеть знакомых, поработать вместе с духовной семьёй и хотя бы ненадолго снова включиться в айфааровскую жизнь.

Пока основная часть людей трудилась, команда поваров готовила большой общий обед. Его особенность заключалась в том, что за столом собирались сразу все участники субботника. По форме это напоминало небольшое праздничное застолье с тостами, разговорами и иногда импровизированными выступлениями, хотя обстановка была значительно свободнее и менее торжественной, чем во время больших праздников.

К обеду все старались уже помыться и переодеться после работы. Стол накрывали богаче, чем в обычный день. Почти всегда появлялась выпечка, а гости и именинники приносили дополнительные угощения. По сложившейся традиции на субботний обед готовили мясо на мангале — чаще всего куриные ножки или крылышки.

Эта традиция возникла ещё в те годы, когда строительство центра только начиналось, а многие айфааровцы жили постоянно где-то поблизости, в районе Большой Ялты. По субботам они съезжались на Айфаар почти как на общий пикник. Несколько часов тяжёлой работы завершались шашлыком, неспешными разговорами с Орисом о будущих мирах и обсуждением его грандиозных планов преобразования территории.

Жарким летом того года, когда основная часть работ на речке уже была завершена, для субботних обедов появилась новая площадка — в банановой роще. На самой верхней террасе, прямо вдоль русла, установили стационарный стол длиной около пяти метров. В тени деревьев и рядом с водой даже в жару было заметно прохладнее, чем на открытых участках территории.

Позднее на противоположном берегу построили отдельный мангал с навесом. Его основание представляло собой сварную металлическую конструкцию, которую накрыли старой керамической черепицей. Каждую черепичную пластину отдельно приматывали к каркасу вязальной проволокой.

Черепицу сняли с заброшенного здания, которое называли «тракторным станом». С восьмидесятых годов оно постепенно разрушалось, и кровельный материал там уже не использовался. Сохранилось его немного, причём большая часть была разбита, но для небольшого навеса над мангалом этого оказалось достаточно. Старая потемневшая черепица хорошо сочеталась с каменными берегами, деревьями и водой. Получилось просто, практично и неожиданно красиво.

Перед началом субботнего обеда на террасу приносили всё необходимое для общего застолья. Повара выставляли готовые блюда на раздачу и просили тех, кто уже освободился, по дороге в банановую рощу захватить с собой еду, стулья, приборы, посуду, стаканы, напитки и прочие нужные вещи.

Айфааровцы ходили туда и обратно, нагруженные как муравьи в длинном караване. Банановая роща находилась на противоположном конце большой территории, и нескольким людям пришлось бы носить всё это очень долго. Когда же каждый брал хотя бы что-нибудь одно, стул, посуду или угощения всё постепенно перемещались на место. Неизменно приносили и магнитофон с записями айфааровских песен.

В тот первый день Орис почему-то ел на террасе стоя. Возможно, ему не принесли персональное кресло, и он решил таким образом устроить кому-то скрытый урок, а затем уже принципиально не стал садиться. Позднее его кресло всегда заранее стоял на положенном месте. Не знаю, действительно ли всё было именно так: это лишь моя нынешняя догадка.

Я, пожалуй, оказался тогда самым наивным из присутствующих. Увидев, что Орис стоит, я подставил ему обычный общий пластиковый стул, чтобы он мог присесть. Но он моей помощью не воспользовался.

Кто-то спросил его прямо:

— Орис, почему ты сегодня ешь стоя?

В ответ он рассказал историю из своей студенческой жизни. Когда-то ему с друзьями доводилось пить пиво с вяленой рыбой у высоких стоячих столов рядом с местом, где это пиво разливали. В те годы, говорил он, был полон жизненных сил и энергии, а теперь ощущал их недостаток.

Сегодняшнюю ситуацию он смоделировал сознательно: пил разливное пиво, закусывал вяленой рыбой и мысленно отождествлялся с тем самим собой прежним — молодым и полным сил. Благодаря этому, по его словам, он мог подпитываться жизненной энергией у собственной прошлой версии именно сейчас, когда она была ему нужнее, чем тогда.

За столом разместилось около сорока человек. Непрерывно звучали тосты, шутки и новые истории из жизни Ориса. Всё происходило свободнее и проще, чем на больших праздниках, но обед всё равно сохранял ощущение общего события, ради которого люди сначала вместе работали, а затем так же вместе отдыхали.

Рядом с основной террасой, где стоял длинный стол, находилась ещё одна, меньшая по размеру. Она располагалась немного выше, и на ней стояла большая длинная лавка. Летом там тоже было приятно устраиваться со спальным мешком. Чтобы подняться, достаточно было пройти четыре или пять ступеней, после чего человек оказывался примерно на уровне голов сидевших за столом внизу.

Даже здесь, в банановой роще, после субботника находились желающие выступить с импровизированным творческим номером. Сестра из Зеленограда исполнила песню Ориса под собственный гитарный аккомпанемент. Брат из Белгорода спел духовную песню под фонограмму стороннего автора.

Подобные выступления происходили нечасто и иногда вызывали у собравшихся лёгкое недоумение, потому что тесты сторонних авторов априори почему-то считались менее глубокими по смыслу. Мне же в тот момент было всё равно, кто был автором песен. Я думал только о том, какой решительностью нужно обладать, чтобы добровольно выйти перед несколькими десятками людей, не считая себя настоящим певцом. Желание поделиться своим творчеством должно было оказаться сильнее страха любительского исполнения и возможной неловкости.

На одном из следующих субботних обедов для Ориса, как обычно, приготовили отдельный десерт на сахарине вместо обычного сахара. Сестра из Ногинска пекла удивительно сочный, почти мокрый медовик, который Орис всегда хвалил. Специально для него отложили порцию в отдельное блюдо.

Когда Орис наелся, часть медовика осталась. Уже под конец застолья он неожиданно обратился ко мне:

— Дима, хочешь попробовать мой торт?

Предложение застало меня врасплох, но я по своей тогдашней наивности согласился:

— Пожалуй, не откажусь.

Я поднялся и подошёл к нему за угощением. Однако Орис тут же устроил мне очередную провокацию:

— Ничего ты не получишь, Дима. Потому что ты жадный.

Меня словно окатило холодной водой. Я растерянно вернулся на своё место, чувствуя, что оказался выставлен перед всеми в довольно позорном виде. Ещё несколько секунд назад мне предлагали особое угощение, а теперь моё согласие стало доказательством жадности.

Если задуматься, в его словах была своя логика. Почти все, кто жил на Айфааре тем летом, уже успели чем-нибудь угостить остальных — фруктами, конфетами, выпечкой, а некоторые делали это не один раз. Я же пока не принёс для общего стола ничего.

После этого Орис сказал:

— Хорошо было бы купить бочку пива к следующему субботнику. Вообще хорошо бы каждому иметь свою бочку пива под кроватью.

Я обдумывал его предложение несколько дней, а затем решил так и поступить. На Айфааре уже имелись холодильный агрегат для бочкового пива и стойка для разлива. В день закупки я сдал деньги и заказал бочку, которую привезли и выгрузили в большую холодильную камеру.

На следующем субботнем обеде я с некоторой торжественностью и гордостью объявил, что сегодня угощаю пивом всех желающих. Я сам встал у разливочного аппарата, как настоящий бармен, и наполнял кружки и стаканы. Мне хотелось показать, что я не просто заплатил деньги и отошёл в сторону, но и лично участвую в угощении, обслуживая остальных.

Пена сильно замедляла разлив. Поэтому в промежутках, когда никто не подходил, я заранее наливал пиво в графины для компота и трехлитровые банки. Там оно успевало немного отстояться и сбросить лишнюю пену. Потом люди могли взять графин прямо на стол, и им уже не приходилось ждать рядом со мной у аппарата.

От этой затеи я получил искреннее удовольствие. Я видел радостные лица братьев и понимал, как приятно им после тяжёлой работы выпить холодного пива в жаркий летний день.

Изначально моим главным желанием было избавиться от ярлыка жадного человека — и в глазах окружающих, и в собственных. Думаю, мне это удалось. Возможно, получилось даже больше, чем я собирался: начав с желания оправдаться, я в итоге действительно почувствовал радость от того, что могу сделать для других нечто приятное. Сам я тогда, вероятно, ещё не пришёл бы к такой идее без прямого толчка со стороны Ориса.

Размышляя о причинах своей прежней жадности, я неизбежно возвращаюсь к денежному вопросу. Изначально моих сбережений должно было хватить примерно на два месяца жизни на Айфааре — при условии, что я не стану делать никаких лишних расходов. Именно так я и воспринимал эти деньги: они были целевыми, а других средств у меня не было.

Часть суммы составляла моя студенческая стипендия. Остальное я получил в подарок от родственников и гостей на день рождения, который был незадолго до приезда. Поэтому любая незапланированная покупка означала для меня не просто расход, а сокращение времени, которое я смогу провести на Айфааре.

В тот период денежный вопрос активно обсуждался в центре, и Орис неоднократно давал по этому поводу пояснения. Их общий смысл сводился к тому, что человеку следует быть максимально открытым и доверять жизни. Если кому-то действительно суждено находиться в этом месте и в это время, жизнь сама предоставит такую возможность — иногда самым неожиданным образом.

Главное, по словам Ориса, заключалось в том, чтобы не закрываться от новых возможностей и не бояться непредвиденных обстоятельств. Первичным считалось внутреннее состояние человека, а материальные условия должны были складываться уже в соответствии с ним. Деньги могли прийти неожиданно: помощь предлагали родственники, находилась временная работа или возникало какое-нибудь удачное совпадение.

Теперь такая позиция кажется мне откровенно неустойчивой и во многом безответственной — слишком зависимой от обстоятельств и переменчивой, почти как настроение художника. Тогда же мы воспринимали слова Ориса как радикальное откровение. Для нас он был «мастером жизни», сумевшим на практике воплотить собственные идеи, поэтому его рассуждения звучали убедительнее, чем могли бы звучать из уст обычного человека.

Его логика предлагала прежде всего заботиться о максимально позитивном и гармоничном внутреннем состоянии. В том числе ради этого мы физически работали и проходили психологические уроки, учась быстрее выходить из раздражения, обиды и других состояний, считавшихся негативными. Предполагалось, что продолжительная внутренняя гармония естественным образом приводит человека в более благоприятные сценарии развития, среди которых оказывается и возможность оставаться на Айфааре.

Этот момент уточняли отдельно. Если у человека ухудшалось состояние или просто заканчивались деньги, это могло восприниматься как знак того, что сама жизнь выталкивает его с Айфаара. Не Орис принимал решение об отъезде, а некий беспристрастный вселенский механизм отсеивал человека, не соответствующего текущему сценарию центра.

Однако здесь возможна и обратная причинность. Не плохое состояние лишало человека возможности остаться, а сама нехватка денег и отсутствие права жить на Айфааре бесплатно могли вызывать тревогу, напряжение и внутренний упадок. В моём случае тем летом помогла бабушка, добавив недостающую сумму. Позднее у постоянных участников всё-таки появилась возможность жить в центре без оплаты. В принятой тогда системе это, разумеется, можно было считать результатом их неустанной духовной работы в поте лица.

Если смотреть на истории других братьев и сестёр, здесь хорошо проявлялось то, что теперь я назвал бы «ошибкой выжившего». Истории людей, у которых просто закончились деньги и которые уехали, постепенно исчезали из общей памяти. Мы уже не узнавали, что происходило с ними дальше и как они сами объясняли свой отъезд. Зато чудесные совпадения в жизни тех, кто остался, запоминались надолго и многократно пересказывались.

Например, брат из Белгорода собирал в посёлке инжир, и однажды весь урожай у него неожиданно купили случайные прохожие за подходящую сумму. В другой раз на его счёт переписали уже оплаченные дни проживания брата из Клайпеды, которому пришлось досрочно покинуть Айфаар из-за непредвиденных обстоятельств.

Важно было не только то, какие события происходили, но и то, какие именно истории затем звучали в разговорах. В основном передавались случаи, подтверждавшие связь между позитивными выборами, духовной работой и перефокусировкой в более благоприятные сценарии. Они лучше соответствовали общей картине мира и потому легче становились частью коллективной памяти.

Естественное самолюбие тоже работало в пользу таких подтверждений. Людям приятнее было рассказывать, что их щедрость и доверие к жизни привели к неожиданной поддержке, чем вспоминать случаи, когда после альтруистичного поступка денег стало просто меньше и никакого вознаграждения не последовало. Редкое удачное совпадение, напротив, пересказывалось из уст в уста, закрепляясь как жизненная мудрость, подтверждающая откровения Ориса и усиливающая доверие к нему как к Учителю.

При этом я не могу утверждать, что всякая связь между внутренним выбором и последующим результатом обязательно случайна. Так же трудно окончательно доказать или опровергнуть существование множества параллельных вариантов реальности, о которых говорила эвереттовская интерпретация квантовой механики и которые Орис включал в собственную систему. Поэтому в значительной степени мы выбирали то объяснение, в которое сами хотели верить.

Но у большинства всё-таки наступал момент, когда баланс в кошельке приближался к нулю. Если человек намеревался и дальше служить Айфаару, он мог лично предупредить Ориса о временном отъезде на заработки. Обычно его старались поймать после вечерних песен, на коротком пути от кострища до лестницы, ведущей к домику, и сообщали, почему приходится уехать и примерно на какой срок.

После такого разговора вернуться было значительно проще. Не требовалось заново звонить Орису, объяснять свои мотивы и просить разрешения на приезд. Отъезд воспринимался не как отказ от Айфаара, а как вынужденная пауза, необходимая для продолжения жизни в центре.

Остаться на Айфааре на неопределённый срок, ничего не обсудив, тоже казалось странным. Те, у кого были такая возможность и твёрдое намерение, специально обращались к Орису за разрешением жить в центре постоянно. Другие не задавали этот вопрос прямо, а просто продолжали оставаться, не загадывая далеко вперёд и стараясь воспользоваться любой возможностью, которая позволяла отложить отъезд ещё на некоторое время.

Позднее разрешили не участвовать в общих закупках продуктов и питаться отдельно, готовя из собственных запасов. Такой вариант обходился дешевле. Поэтому многие, в том

числе и я, какое-то время жили в основном на гречке с поджаркой — простом дополнении из обжаренных овощей, которое делало однообразную крупу немного привлекательнее.

Временный отъезд выглядел вполне логичным решением. Его можно было совместить с отдыхом от напряжённой айфааровской жизни, заработком и накопившимися делами на родине. Так поступала, например, сестра из Ногинска, с которой у меня завязались романтические отношения.

Высшим уровнем жизненного мастерства считалось другое: вообще почти не покидать Айфаар, но при этом постоянно где-нибудь подрабатывать поблизости. Чаще всего деньги зарабатывали теми же строительными навыками, которыми многие быстро овладевали в самом центре. Удалённая работа в те годы встречалась редко и оставалась доступной лишь немногим.

Я уже упоминал многоквартирный дом, который строился для постоянных последователей Ориса, решивших переехать в Крым из своих городов. Квартиры в нём не предоставлялись бесплатно и не создавались исключительно альтруистическим трудом. Заказчики оплачивали строительство, а желающие подработать айфааровцы могли получать там деньги за выполненные работы.

Поскольку постоянное присутствие в центре считалось более качественным выбором, чем длительный отъезд, мы старались зарабатывать, не выпадая из общей жизни. Иногда работали по воскресеньям, а в будние дни могли после завершения айфааровских обязанностей отправиться на стройку и трудиться до глубокой ночи.

В тот период двух или трёх ударно отработанных выходных иногда хватало, чтобы оплатить месяц общего питания. Это казалось не слишком сложной и вполне воспроизводимой схемой. Несколько дней человек работал за деньги, а оставшуюся часть месяца мог спокойно заниматься тем, что считалось более альтруистичным служением Айфаару.

Для многих образованных и интеллигентных людей существовал лишь один серьёзный психологический барьер — необходимость зарабатывать физическим трудом на стройке, наравне с теми, кого они прежде могли считать менее образованными или не столь интеллектуально развитыми. Общая работа постепенно размывала это различие. И всё же строительство самого Айфаара воспринималось благороднее, чем унизительное наёмное «батрачество» под контролем стороннего заказчика.

На значительной дистанции эта схема оказалась менее устойчивой, чем представлялось летом 2007 года. Уже через год кризис американского ипотечного рынка перерос в глобальный финансовый кризис. К 2009 году мировое производство сократилось, а объём мировой торговли упал почти на десять процентов.

До нас последствия кризиса дошли через резкий рост закупочных цен на основные продукты, сокращение добровольных пожертвований и снижение стоимости нашего труда. Чтобы обеспечить тот же уровень жизни, приходилось работать больше. Люди стали чаще и на дольше покидать Айфаар. Особенно тяжело пришлось молодёжи: у неё было меньше накоплений и устойчивых источников дохода, поэтому молодые участники стали приезжать реже и проводить в центре меньше времени.

Тем, кто давно жил на Айфааре и одновременно отвечал за множество важных процессов, согласовать отъезд с Орисом было гораздо сложнее, чем новичку вроде меня. Например,

прораб из Перми был тогда очень активным и почти незаменимым человеком. Как и многие из нас, он не имел стабильного источника дохода и был готов временно отправиться на одну из доступных подработок.

Айфааровцев нередко приглашали в Москву единомышленники, которым требовался ремонт дома или квартиры. Затем рекомендации распространялись по знакомым, и появлялись новые заказы. По крымским меркам столичные расценки были очень хорошими, поэтому за несколько недель можно было заработать сумму, которой хватало на длительное проживание в центре.

Однако Орис не отпускал прораба, ссылаясь на важность процессов, за которые тот отвечал. Теоретически выходом могло стать обучение замены, но подходящего человека тогда не было. Пока прораб оставался необходим Айфаару, Орис мог позволить себе оплачивать его питание из собственных средств.

Возможно, таким образом он поддерживал и других постоянных участников, но мне известно только об этом случае. Я также предполагаю, что помошницы Ориса не ездили подрабатывать на стройки, хотя точными сведениями на тот период не располагаю.

Даже материальная зависимость, насколько я понимаю, не защищала человека от публичных уроков и суровых требований Ориса. Он мог подвергнуть испытанию любого, независимо от того, кто оплачивал его питание и насколько важную работу тот выполнял. Орис был уверен, что человек не откажется от Айфаара всерьёз, поскольку уже добровольно взял на себя слишком значительную роль в общей жизни.

Сам участник тоже мог воспринимать резкость Ориса не как причину уйти, а как желанное испытание духовной прочности. Чем ответственнее была его должность, тем труднее становилось отделить личную преданность Учителю от ответственности за людей и процессы, которые он оставил бы после своего ухода.

Мне трудно однозначно сказать, что для Ориса было важнее в подобных ситуациях: духовное развитие конкретного человека или его практическая польза центру. Внутри айфааровской системы эти вещи почти не разделялись. Служение общему делу считалось одним из главных средств духовного роста, а готовность переносить трудности ради Айфаара — признаком преодоления эгоизма.

Орис подчёркивал, что готов безвозвратно изгнать любого из нас, если тот упорно выбирает эгоизм и отказывается меняться. Такая позиция была частью образа авторитарного лидера, не допускающего компромисса в основных принципах. На ней во многом держались установленный порядок и внутренняя дисциплина коллектива.

На протяжении долгого времени эта бескомпромиссность действительно помогала удерживать людей вместе. Каждый понимал, что правила распространяются на всех и что занимаемая должность сама по себе не даёт неприкосновенности. Одновременно страх потерять своё место в духовной семье делал связь с центром ещё более прочной.

Необязательно быть духовным лидером и ставить перед собой глобальные цели, чтобы увидеть в этом наблюдении нечто применимое к обычной жизни. Для человека, и особенно для мужчины, важна твердая жизненная позиция и воля, позволяющая её удерживать. Универсальной жизненной позицией являются известные тезисы: всегда выполнять свои обещания, не бросать своих людей в беде и не обманывать их, быть готовым защищать себя и своих близких.

Компромисс с совестью иногда обещает более короткий путь, но достигнутый таким способом результат остаётся внутренне неустойчивым и в любой момент может обернуться успехом со знаком минус. Ещё одним принмером твердой позиции может быть готовность ответственно относиться к себе и окружающим, прежде чем ожидать взаимного от окружающих.

Такую логику — твёрдость принципов важнее сиюминутного удобства — ученики Ориса усваивали не только из его книг и вечерних бесед. Она постоянно воплощалась в повседневной жизни Айфаара в формах, которые невозможно забыть. Расскажу об одном из первых известных мне случаев, произошедшем тем засушливым летом.

Постоянные айфааровцы в свободное время занимались различными хозяйственными делами. Одним из важнейших был полив многочисленных деревьев, кустарников и цветников. Для удобства территорию разделили на отдельные участки и закрепили за конкретными людьми. Пока приезжие готовили кострище к вечерним песням, приносили с кухни песенники, подушки, чай и посуду, постоянные участники поливали свои зоны и ухаживали за растениями.

Вдоль дорожек лежали длинные шланги, которые приходилось перетаскивать с одной террасы на другую, распутывать на поворотах и соединять с кранами или насосами. Вода шла не всегда с одинаковым напором, поэтому человек мог надолго задержаться возле одного дерева, дожидаясь, пока сухая земля перестанет сразу впитывать всё без остатка. После жаркого дня листья были покрыты пылью, а почва местами растрескивалась, и пропущенный полив становился заметен довольно быстро.

В тот день один из участков оказался не полит. После вечерних песен кто-то публично сообщил об этом наблюдении. Орис не упустил возможности превратить обычную хозяйственную недоработку в духовный урок.

Понимая, что за полив обычно отвечали постоянные участники, и, возможно, уже догадываясь, кто именно был закреплён за этим местом, он начал публично выяснять обстоятельства. Довольно быстро оказалось, что ответственность лежала на сестре из Севастополя, сидевшей рядом с ним.

Тогда за неё неожиданно вступился брат из Москвы. Он сказал, что вина на самом деле лежит на нём, поскольку именно он не настроил насос, необходимый для полива участка. С практической точки зрения он мог бы промолчать: возможно, никто никогда не узнал бы о его участии. Но в присутствии Ориса люди нередко проявляли утрированную честность, стараясь не оставить внутри себя ни одного скрытого оправдания.

В результате Орис предложил провести общее «голосование присяжных» и решить, как следует поступить с обоими участниками. Один вариант означал признать ситуацию незначительной и поправимой. Другой — изгнать виновных с Айфаара, чтобы все впредь внимательнее относились к своим обязанностям и не допускали высыхания растений.

Все присутствующие проголосовали за неожиданно суровое решение — изгнание.

Я не знаю, почему подобных голосований Орис больше не устраивал. Возможно, они слишком сильно нарушали равновесие личных отношений внутри коллектива. Люди ориентировались на предполагаемую позицию Ориса и одновременно боялись показаться мягкими, безответственными или недостаточно принципиальными. В такой обстановке коллективное решение неизбежно склонялось к наиболее суровому варианту.

Для обоих участников этот приговор прозвучал как гром среди ясного неба. Насколько я понимаю, они считали его чрезмерным и несправедливым. После последовавших закрытых переговоров Орис всё же разрешил им остаться при условии прохождения «исправительных работ» на строительстве подпорной стены в русле речки.

Так возник прецедент: человека сначала публично изгоняли с Айфаара, а затем, если он сам проявлял настойчивость и просил предоставить возможность исправиться, отъезд заменяли тяжёлой работой. Орис обычно не начинал такие переговоры первым. Если бы обвинённые сами не попытались изменить решение, им пришлось бы уехать. Никто не стал бы догонять их у ворот и просить вернуться.

Иногда Орис, напротив, затруднял возможность поговорить с ним: не выходил к человеку, избегал встречи или откладывал разговор, тем самым повышая внутреннее напряжение и ставки в этой своеобразной игре. Как именно проходили исправительные работы первых двух участников, я не видел, поэтому подробно описать их не могу.

Уроки Ориса

Если мои мысли мешали Орису писать книги или получать новую информацию, то чувство личной ответственности разрасталось до почти космических масштабов. Выходило, что я наношу ущерб не только одному человеку, но и всему человечеству — его нынешним и будущим поколениям, а в конечном счёте даже общему ходу космической эволюции.

Подобная вина для меня была значительно тяжелее мимолётного стыда за какой-нибудь обычный эгоистичный поступок или бытовой просчёт. Осознание возможных последствий порождало почти парализующий страх «случайно» спровоцировать ситуацию с Орисом, не справиться со своей реакцией и причинить ему «энергетический ущерб».

Я уже писал, насколько обширными становились на Айфааре представления о способностях Ориса и о его деятельности на «тонком плане». Я видел, как другие люди попадали в подобные ситуации, и от этого мне становилось ещё тревожнее. Коллектив безусловно преданных ему сторонников, многие из которых фактически посвятили свою жизнь служению Орису и его идеям, ещё больше усиливал чувство вины человека, оказавшегося в опале.

Во время своих уроков он мог обвинять человека в почти вселенском эгоизме, способном помешать его работе и нанести вред общему духовному делу. На усиление реакции работало практически всё устройство Айфаара: строгая цветовая дисциплина, призванная не загрязнять пространство деструктивными вибрациями; дисциплина звуков и речи, исключавшая шум, грубость и сквернословие; дисциплина мыслей и чувств, согласно которой любое внутреннее состояние притягивало соответствующие обстоятельства в окружающее пространство. Человек, попавший под такое давление был готов на всё, чтобы реабилитироваться и искупить причинённый энергетический ущерб.

Сколько бы Орис публично ни повторял, что любой несогласный может свободно покинуть Айфаар, почти никто не делал этого добровольно именно по причине несогласия с духовным устройством центра. Со стороны это усиливало впечатление полной честности происходящего: никого не удерживают, двери открыты, а участие в духовном развитии является исключительно личным выбором. На практике всё было не так однозначно. Человек мог формально уйти в любой момент, однако к этому времени его представление о мире, круг общения, повседневная деятельность и надежды на будущее уже оказывались тесно связаны с Айфааром.

За себя могу сказать, что подобная жизнь лично для меня ощущалась как ходьба по минному полю. Почти любая ситуация могла неожиданно превратиться в мощный урок Ориса и вызвать во мне реакцию, которую я не сумею контролировать.

Сказочный мир, созданный вокруг него, словно замыкался между двумя противоположными полюсами человеческой психики. На одном находились грандиозные духовные и космические устремления, на другом — столь же глобализированное деструктивное скрытое начало. Между ними временами происходил сильный внутренний пробой, похожий на электрический разряд.

Как именно такое воздействие меняло психику разных людей, я могу лишь предполагать. У каждого была собственная история, свои слабые места и далеко не всегда благополучное прошлое. На некоторых подобные уроки, казалось, действовали сравнительно легко. Они воспринимали внимание Ориса с радостью и после случившегося могли выглядеть вполне счастливыми. Окружающие тоже нередко считали такого человека счастливчиком, удостоенным особого внимания и «Любви» Ориса.

На некоторых людей, сильнее действовала ещё одна тревожная перспектива. Считалось, что своими негативными выборами человек индивидуально перефокусируется в параллельные миры с менее благоприятными сценариями — не только для себя, но и для окружающего пространства, а в конечном счёте и для всего коллектива.

Такие развилки, согласно учению Ориса, происходили каждое мгновение на фундаментальном уровне реальности. Особенно важными считались моменты, когда человек выбирал между разными поступками, реакциями или мыслями. Если он делал эгоистичный или негативный выбор, надолго задерживался в раздражении, обиде или осуждении и не пытался изменить своё состояние, то закономерно совершал серию перефокусировок в менее качественные группы миров. Субъективно для него дальнейшие события должны были складываться хуже, чем могли бы при другом выборе.

Этому механизму Орис посвятил множество теоретических рассуждений, которые представлял как информацию, полученную из глубин мироздания. На Айфааре вся сложная теория сводилась к практическому наблюдению за ежемгновенными развилками, связанными с качеством собственных поступков и внутренних реакций.

Отчасти поэтому среди айфааровцев существовало такое сильное стремление постоянно помогать друг другу, нередко отказываясь ради этого от собственных удобств и альтернативных возможностей. Человек мог не просить помощи, а сам взять на себя дополнительную работу; отказаться от отдыха, чтобы разгрузить кого-то другого; не перекладывать ответственность и не пользоваться возможностью управлять окружающими, если мог сделать необходимое самостоятельно.

Во время уроков Орис иногда говорил людям, что своими некачественными выборами они перефокусируют весь Айфаар, включая его самого, в более сложные и неблагоприятные обстоятельства. Таким образом, ответственность за личное состояние становилась ещё и коллективной. Негативный выбор воспринимался уже не только как частная слабость, но и как возможная причина трудностей для всей духовной семьи.

При этом подобный взгляд усваивался не только через публичные уроки. Многие и без прямого давления постоянно размышляли о качестве собственных решений и брали на себя ответственность за происходящее в своей жизни. В случае трудностей они старались не обвинять других, а напоминали себе, что любое событие берёт начало в индивидуальном сознании наблюдающего.

Считалось, что наше сознание окрашивает происходящее теми качествами, которые в данный момент в нас преобладают. Исходя из этого внутреннего состояния, мы совершаем поступки, принимаем решения и в дальнейшем сталкиваемся с соответствующими последствиями.

В этой позиции была и конструктивная сторона. Она возвращала человеку ощущение ответственности за собственную жизнь и не позволяла полностью перекладывать причины происходящего на правительство, гороскоп, звёзды, чужую волю или некие внешние деструктивные силы. Человек должен был прежде всего спросить себя, каким образом его собственные реакции и решения привели к нынешней ситуации.

Однако со временем для меня становился всё важнее другой вопрос: где проходит граница между зрелой ответственностью за свои поступки и привычкой считать себя причиной всего плохого, что происходит вокруг.

Какого-либо открытого осуждения со стороны коллектива обычно не было. Напротив, остальные старались поддержать человека, сгладить ситуацию и подсказать, что конкретно можно сделать для её наиболее качественного разрешения и какие слова подобрать. До настоящего изгнания дело чаще всего не доходило. Если человек действительно хотел остаться на Айфааре, ему почти всегда удавалось найти выход. Однако одних слов, обещаний, денег или прежнего авторитета для этого было недостаточно. Исправление проступка требовалось подтвердить физическим трудом на общее благо.

Саму ситуацию предлагалось воспринимать как тренировочную симуляцию, сюжет своеобразной духовной игры или эпизод театрального действия. Человеку следовало признать свою вину, искренне извиниться и довериться дальнейшему ходу событий, не вступая в спор, не поддаваясь гневу и не уходя в обиду.

Высшим уровнем духовной подготовки считалась способность принять подобное испытание даже тогда, когда обвинение представлялось несправедливым. Человек мог быть уверен, что вообще не причастен к случившемуся, но и в таком случае от него ожидалось, что он не станет подвергать сомнению справедливость происходящего и решения Ориса. Вместо доказательства собственной невиновности следовало сразу искать способ как можно быстрее устранить проблему: подобрать нужные слова, договориться о работе и подтвердить своё намерение поступками.

В качестве такой работы можно было выкопать большую ёмкость для сбора воды или построить подпорную стену вдоль дорожки. Задание либо непосредственно назначал Орис, либо оно согласовывалось с ним. Его выполнение могло занять несколько дней, а

иногда и недель. Всё это время ученик находился в особом положении «проходящего испытание». До самого конца не было уверенности, что он выдержит нагрузку, не опустит руки и не откажется от дальнейшего пребывания на Айфааре.

Орис мог дополнительно усложнить задачу, установив сжатый срок, чтобы человек не растягивал работу, не позволял себе долго отдыхать и, как тогда говорили, не «ковырялся в носу». При особенно тяжёлом испытании времени могло не хватать даже на полноценный сон и приём пищи. Двери общежития для такого человека временно закрывались, как и доступ к общей кухне. Спать тогда можно было в палатках, было много места, где можно было её установить под крышей. А для еды рядом в поселке был продуктовый магазин, в который всегда можно было отправиться.

Считалось, что лучше всего для прохождения подобных уроков подходят земляные работы. Согласно айфааровским представлениям, земля хорошо принимает самые грубые, «нижние» человеческие вибрации, проявляющиеся в периоды сильного гнева, обиды, вины и переживания несправедливости. Эти чувства могли долго вариться внутри человека, но вместо того, чтобы выплеснуть их в обвинения против Ориса или окружающих, ему предлагалось направить всю накопившуюся силу в физический труд.

С каждым ударом кирки гнев и агрессия словно получали символический, но безопасный выход. Человек работал до глубокого физического изнеможения, после которого напряжение постепенно ослабевало, а разрушительные мысли переставали полностью занимать сознание. Тогда появлялась возможность взглянуть на произошедшее с другой стороны.

Предполагалось, что за внешней несправедливостью скрывается более высокий и неизменно благотворный духовный смысл. Испытание должно было сделать человека сильнее и помочь проявиться тем внутренним состояниям, на которые в действительности был направлен урок. Именно эти скрытые уровни — гнев, гордость, обида или недоверие к жизни — считались его главной сакральной причиной, тогда как конкретный бытовой проступок воспринимался лишь как внешний повод.

Таким образом, даже переживание несправедливости предлагалось истолковывать не как возможную ошибку Ориса, а как часть заранее предусмотренного духовного испытания.

Поначалу мы называли такие испытания «каторжными работами». Позднее Орис ввёл более светлое название — «солнечные дни», подразумевая работу от восхода до заката. Такое название могла бы иметь курортная программа, но на Айфааре она бы воспринималась с иронией.

Когда практика исправительных работ получила распространение, некоторым людям подсознательно даже хотелось оказаться в подобной ситуации. Они были настолько духовно устремлены и мотивированы на саморазвитие, что воспринимали суровое испытание как возможность наконец проверить себя всерьёз. Орис был готов помогать особенно бравурным участникам осуществить это желание, находя для проверки самые незначительные формальные поводы. Чем громче человек говорил о своей преданности, духовной силе и готовности ко всему, тем выше становилась вероятность, что ему однажды предложат подтвердить эти слова на практике.

Одной из следующих тем летом испытанию подверглась сестра из Киева, с которой я ранее разговаривал за столом во время перекуса. Орис зашёл в комнату женского общежития, где тогда жили девушки, и обратил внимание на беспорядок среди вещей

одной из них. Выяснив, кому они принадлежат, он распорядился немедленно изгнать сестру с Айфаара на один год.

Ситуация находилась где-то на границе между формальной справедливостью и очевидной несоразмерностью. Порядок в общих жилых помещениях действительно считался обязанностью каждого. Но год изгнания за разбросанные вещи выглядел наказанием, значительно превышавшим сам проступок.

Девушке было тяжело и обидно, однако она нашла в себе силы не сдаться и не покинуть центр. Она сразу вступила с Орисом в переговоры, добиваясь возможности пройти исправительные работы и заслужить право восстановить своё положение.

На этот раз назначенное испытание оказалось особенно суровым. За водонапорной башней находился необустроенный склон. Его предполагалось срезать, углубившись в землю до заднего края крыши, чтобы образованный навес послужил крышей для нового помещения. Почва была сухой, каменистой и затвердевшей от летнего зноя.

Орис поставил условие закончить работу за три дня. По объёму и состоянию грунта срок выглядел невыполнимым. Помогать девушке строго запрещалось. Она могла рассчитывать только на собственные силы, свои хрупкие плечи, тонкие руки и не слишком приспособленные к такой работе пальцы — уже без украшений и маникюра.

В её распоряжении находились тяжёлый лом из цельного стального прутка, кирка с деревянной рукояткой и несколько лопат разного размера. Единственным облегчением было то, что часть участка находилась в тени крыши водонапорной башни. В разгар августовской жары этот навес хотя бы ненадолго защищал от прямого солнца.

Земля почти не поддавалась лопате. Сначала её приходилось смачивать водой и разбивать ломом или киркой, затем выбирать отдельные камни руками и только после этого отбрасывать разрыхлённый грунт в сторону. Пыль оседала на лице, одежде и волосах, а деревянная рукоятка быстро натирала ладони. В нескольких местах из склона выступали крупные камни, которые невозможно было вынуть сразу: их приходилось постепенно расшатывать, очищая землю по краям.

Девушка в прямом смысле «легла костьми», чтобы делом подкрепить свои прежние, порой фанатично звучавшие духовные лозунги настоящим внутренним содержанием. Для меня происходящее выглядело настоящим безумием. При мысли, что однажды я могу оказаться в таком же положении, мне становилось не по себе. Я не представлял, как человек способен спокойно и достойно перенести подобное унижение, физическую боль и неопределённость.

В разгар её работы я всё же подошёл посмотреть, как она справляется. Я ожидал увидеть измученного и обиженного человека, который едва удерживается от слёз. Вместо этого девушка встретила меня в неожиданно приподнятом состоянии.

Она стояла на куче грунта, опираясь обеими руками на лопату. Одежда была покрыта светлой пылью, волосы убраны назад, а на лбу блестел пот. Рядом лежала куча камней, уже извлечённых из склона.

— Ну как ты? — осторожно спросил я, не зная, следует ли выражать сочувствие или лучше сделать вид, что ничего страшного не происходит.

— Прекрасно, — ответила она. — Ещё немного, и я отсюда выйду прямо в четвёртую мерность.

— А я думал, ты сначала выйдешь хотя бы на уровень земли.

Она рассмеялась и посмотрела на высокую кучу грунта.

— Это уже слишком эгоистичное ожидание. Пока моя задача — углубляться духовно и физически одновременно.

Я взглянул на тяжёлый лом.

— Тебе точно не нужна помощь?

— Нужна. Можешь постоять рядом и очень качественно понаблюдать. Орис ведь запретил.

— С этим я справлюсь. У меня большой опыт неучастия в тяжёлом труде.

— Вот видишь, у каждого своё служение.

Она сказала это настолько легко, что я невольно улыбнулся.

— Я серьёзно, — добавил я. — Ты выглядишь так, будто тебе совсем не обидно.

Она немного помолчала.

— Обидно было. Но если всё время думать об обиде, я точно не успею. А если успею, потом уже можно будет спокойно разобраться, что я чувствовала и почему.

— Ты веришь, что тебя восстановят?

— Я верю, что закончу склон. Это пока единственное, на что я могу реально повлиять.

Я пришёл поддержать её, а в итоге она сама успокоила меня. Уходя, я уже меньше боялся за неё и немного больше — за себя: стало ясно, что в подобной ситуации от человека ожидалась не только физическая выносливость, но и способность сохранить внутреннюю собранность, не позволив обиде стать главным содержанием испытания.

Результат оказался успешным. Девушка работала по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки. Основное рабочее время переносила на вечер и ночь, когда жара ослабевала, используя для освещения фонарь. За эти дни она выпила десятки литров воды и всё-таки закончила работу примерно на двенадцать часов раньше назначенного срока.

Вынутая земля легла широким слоем по склону на подходе к водонапорной башне. Суровое испытание было завершено с достоинством. После очередного вечернего пения Орис публично объявил, что положение сестры полностью восстановлено и она снова является полноправной участницей жизни Айфаара.

О первоначальной причине наказания почти никто уже не вспоминал. Отношение многих людей к девушке заметно изменилось: в нём стало больше уважения и серьёзности. Я

смотрел на неё как на настоящего героя. В моей прежней жизни мне не встречались живые примеры подобных поступков.

При этом она оставалась обычным человеком — без особой важности, внешней героичности и желания постоянно напоминать окружающим о своём подвиге. Диапазон её жизненных проявлений вообще был удивительно широк: казалось, энергии, противоречий и способностей в ней хватило бы на несколько разных людей.

Думаю, испытание далось ей чрезвычайно тяжело не только физически, но и психологически. Ей пришлось одновременно справляться с обидой, страхом изгнания, публичным унижением и почти невыполнимой задачей. Однако окончательно решить проблему беспорядка в её вещах это не помогло. Разбросанные и забытые предметы встречались у неё и после испытания. Просто повторно использовать тот же повод для новых исправительных работ Орис уже не стал.

Выбор между учёбой и Айфааром

Между всеми этими событиями незаметно подошёл к концу и мой запас денег на питание. Вместе с ним заканчивалось засушливое лето 2007 года. В начале сентября нужно было вносить плату за следующий период, а средств на это у меня уже не оставалось.

Уезжать с Айфаара мне не хотелось, но продолжать жить там я не мог. Я решил вернуться в Севастополь и уже дома, в более спокойной обстановке, основательно подумать, как организовать свою дальнейшую жизнь.

При этом я понимал, что не прощаюсь с Айфааром окончательно. У меня появились новые друзья, с которыми можно было оставаться на связи. В Севастополе существовала группа единомышленников, а небольшое расстояние позволяло продолжать общение и с девушкой, к которой я успел привязаться.

За это лето в моём сознании что-то заметно изменилось. Прежде у меня не было представления о собственных перспективах, кроме необходимости продолжать учёбу в

институте. Я не испытывал особого желания строить карьеру по специальности «экология и охрана труда» и слабо представлял, кем именно стану после выпуска.

Айфаар впервые поставил передо мной вопрос: что дальше? И сам же предложил готовый ответ — способствовать повышению самосознания человечества. Эта цель казалась несоизмеримо шире обычной профессии и придавала жизни позицию и направление, которого мне до этого не хватало.

Теперь я думаю, что подобная цель вовсе не обязательно противоречила моему высшему техническому образованию. Напротив, специальность, связанная с экологией и безопасностью труда, вполне могла бы вписаться в более широкий замысел служения людям. Но тогда я воспринимал учёбу и Айфаар как два взаимоисключающих пути.

До получения диплома бакалавра мне оставалось учиться ещё как минимум два года. Я был уверен, что в ближайшие десять лет, если продолжу двигаться по линии служения Айфаару, диплом мне всё равно не пригодится. Что я стану делать, если однажды откажусь от этого направления, я даже не обдумывал.

Вопрос заработка существовал для меня отдельно от вопроса жизненного призвания. Я полагал, что смогу заработать себе на хлеб и без диплома — благодаря строительным и техническим навыкам, которые уже приобрёл на Айфааре и мог дальше развивать, живя в центре.

В результате я принял решение просто больше не возвращаться в свою институтскую группу. Для однокурсников это стало полной неожиданностью. Ничто не предвещало такой резкой перемены: предыдущий курс я закончил круглым отличником, учился за счёт бюджета и получал повышенную стипендию.

Какое-то время стипендия продолжала поступать на мою банковскую карту, хотя я уже вообще не посещал институт. В этом было что-то странное: формально прежняя жизнь ещё некоторое время продолжалась, словно не заметив, что внутренне я из неё уже вышел.

Людям, оказавшимся в похожей ситуации, Орис обычно советовал не торопиться с переездом на Айфаар и сначала закончить учёбу. Он говорил, что квалифицированные специалисты в дальнейшем будут полезнее для всего айфааровского движения. В его представлении будущее не ограничивалось периметром самого центра.

Со мной он этот вопрос не обсуждал, потому что я сознательно не стал обращаться к нему за советом. Мне хотелось, чтобы решение осталось полностью моим, а не воспринималось впоследствии как исполнение его указания.

Теперь я, скорее всего, дал бы себе тот же совет, который Орис давал другим: доучиться и не принимать настолько резких решений. Возможно, стоило хотя бы перейти на другой факультет, ближе к моим техническим интересам, — например, на программирование или автоматизацию или на заочное обучение.

Однако я могу понять и того девятнадцатилетнего себя, который не хотел ещё несколько лет двигаться по пути, уже утратившему для него смысл. Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь при другом выборе, и поэтому не жалею о принятом решении. Но теперь яснее вижу, что отказ от прежнего пути был для меня гораздо легче, чем создание нового.

Теперь отсутствие законченного высшего образования периодически возвращается ко мне уже не как преграда, а как строка в анкетах, заявках и экспертных заключениях. Один из экспертов Сколково позднее сформулировал это довольно точно в мой адрес: «руководитель проекта имеет неоконченное образование по специальности, далёкой от тематики проекта, но значительный внедренческий опыт в технической и организационной сферах делает его весомым участником команды».

В этой оценке я вижу одновременно последствие своего тогдашнего решения и путь, которым впоследствии пытался его компенсировать. У меня не появилось диплома, подтверждающего профессиональную квалификацию, зато постепенно накопился опыт создания и внедрения реальных технических решений, организации людей, переговоров, управления проектами и доведения идей до работающего результата. Знания приходилось получать не в последовательности учебной программы, а по мере возникновения конкретных задач — иногда бессистемно, зато с немедленной проверкой на практике.

Разумеется, практический опыт не во всём заменяет фундаментальное образование. Мне приходилось самостоятельно закрывать пробелы, которые при более последовательном обучении могли бы вообще не возникнуть. Кроме того, отсутствие диплома иногда заставляло сначала доказывать свою компетентность делом и только потом рассчитывать на доверие. Формальное образование позволяет человеку хотя бы войти в дверь, тогда как мне нередко приходилось искать другой вход.

С другой стороны, даже если бы я окончил специальность «экология и охрана труда», она лишь косвенно относилась бы к тем техническим и организационным направлениям, которыми я занялся позднее. Поэтому сегодня мне трудно однозначно назвать свой уход из института только ошибкой или только освобождением. Он закрыл одну понятную дорогу, но одновременно заставил меня самостоятельно прокладывать другую.

Опыт Айфаара приучил меня не разделять жёстко умственный, организационный и физический труд. Я мог обсуждать идею, искать техническое решение, собирать команду, договариваться с людьми, а при необходимости самостоятельно разбираться в практической стороне работы. То, что начиналось с лопаты, бетономешалки и строительства каменных стен, позднее стало более общей привычкой: не ограничиваться рассуждениями, а стремиться довести замысел до материального результата.

Жизнь на Айфааре

В середине осени того же года, проведя в Севастополе около полутора месяцев, я наконец решился вернуться на Айфаар — на этот раз уже не устанавливая заранее срока своего

пребывания. Психологически я был готов подрабатывать на стройке, чтобы оплачивать ежемесячные расходы на питание. Другой ясной цели в жизни у меня тогда уже не оставалось.

Постоянного удалённого заработка я обеспечить себе не смог, но к тому времени уже умел работать в программе трёхмерного моделирования и визуализации 3ds Max. С её помощью можно было создавать практически любые объекты и пространства — от отдельных предметов до полноценных изображений будущих интерьеров. Я рассчитывал время от времени получать заказы от архитекторов и дизайнеров: по их чертежам и эскизам моделировать помещения и готовить визуализации ещё не существующих проектов. Иногда такие заказы действительно появлялись, хотя назвать этот доход устойчивым было нельзя.

На Айфаар я приехал уже с ноутбуком. Вещей у меня, как и прежде, было немного. Во второй раз я чувствовал себя заметно увереннее: территория уже не казалась незнакомой, у меня появились друзья, я понимал общий распорядок и знал, к кому можно обратиться с бытовым вопросом. Но впереди меня ожидало ещё множество непростых испытаний, о которых тогда я, конечно, не догадывался.

Главной целью моего возвращения было желание во что бы то ни стало помочь в строительстве оранжереи. Это я запомнил особенно ясно. В данном случае речь шла не только о служении Айфаару или исполнении очередной общей задачи. Мне самому был интересен этот строительный проект, и я искренне хотел принять в нём участие.

Считалось, что в более качественных вариантах реальности оранжерея уже существует. В айфааровском представлении такие варианты назывались группами миров или сценариев, между которыми человек и коллектив могли «перефокусироваться» в зависимости от своих выборов и внутреннего состояния. Мы должны были как можно скорее построить оранжерею здесь, чтобы её появление стало своеобразным маркером нашего приближения к тем сценариям, где Айфаар благополучно переживал будущие природные катаклизмы. Эти варианты видел только Орис, и именно он определял общее направление строительства.

Одной из первых моих задач стало устройство входной группы. Нужно было сложить из бутового камня две скошенные ступени сложной конфигурации, которые соединяли бы вход в оранжерею с уже проходившей рядом дорожкой.

Большинство дорожек на Айфааре тогда было выложено квадратными бетонными плитами размером примерно восемьдесят на восемьдесят сантиметров. Такие плиты обычно использовали при благоустройстве площадей и общественных пространств. Они были хорошо знакомы мне с детства: подобными плитами была покрыта площадь перед моей школой, лежали они и возле института.

Насколько я помню, плиты выглядели уже бывшими в употреблении: на некоторых были сколы, потёртости и следы прежней укладки. Думаю, Орис не покупал их новыми, а получил после реконструкции какого-то объекта при помощи друзей или сторонников центра. Для Айфаара такой способ приобретения материалов был вполне обычным: многое попадало сюда в виде пожертвований, остатков после строительства или вещей, которые на прежнем месте уже считались ненужными.

Центральные дорожки были выложены двумя рядами плит, но мимо будущей оранжереи проходила более узкая, однорядная. С обеих сторон её ограничивали невысокие подпорные стены из бутового камня. Из-за неровного рельефа почти вся территория Айфаара состояла из отдельных уровней и террас, которые приходилось укреплять, соединять ступенями и приспосабливать к существующему склону.

Площадка под оранжерею уже была выровнена и представляла собой вытянутую террасу длиной более пятнадцати и шириной около восьми метров. Продолжение террасы примыкало к банановой роще. Чуть ниже находилась кухня Ориса с балконом, переходившая в основную часть его дома. С площадки будущей оранжереи, были видны верхушки деревьев банановой рощи и отдельные участки каменных террас.

Первые работы по строительству оранжереи начались ещё летом, при моём непосредственном участии. Теперь, когда я вернулся на Айфаар в середине осени, строительство уже набрало обороты. Для меня эта работа была значительно интереснее прежнего рытья и укрепления русла речки. На наших глазах возникало отдельное здание: с металлическим каркасом, крышей, капитальными стенами и арочными окнами.

Архитектуру оранжереи мы не придумывали сами. Орис давал довольно подробные указания, что, где и каким образом следует сделать. Со стороны это выглядело так, будто он не сам проектировал сооружение, а пытался воспроизвести уже увиденную им конструкцию. Архитекторов и профессиональных проектировщиков к этой работе, насколько мне известно, не привлекали.

Когда возникал вопрос, например, о выборе металлических швеллеров или двутавров, Орис не выполнял привычных инженерных расчётов. Между тем от сечения и толщины металла напрямую зависели не только надёжность конструкции, но и её стоимость. Для крыши требовалось много металлопроката, поэтому даже небольшое увеличение его массы заметно повышало общие расходы. В подобных случаях Орис формулировал конкретный вопрос и, как у нас говорили, «кидал его на крест».

Он рассказывал, что обладает особой способностью получать ответ практически на любой достаточно точно поставленный вопрос. Ответом чаще всего становилась определённая цифра, процент вероятности или иное конкретное значение. Например, вопрос мог звучать так: какая толщина стенки двутавра необходима, чтобы на восьмиметровом пролёте он выдерживал конструкцию крыши оранжереи?

После этого Орис, по его словам, словно загружал вопрос во внутренний компьютер, особым образом сосредотачивался и ожидал ответа. Через несколько секунд на его «внутреннем экране» появлялась цифра, которую он сразу записывал или называл человеку, задавшему вопрос. Допустим, в случае с двутавром это могло быть значение «20 миллиметров»

Орис объяснял, что видел цифры перед собой на чёрном фоне, написанные фиолетовым цветом, — так же отчётливо, как текст на обычном мониторе. Изображение сохранялось столько времени, сколько ему требовалось, чтобы прочитать и зафиксировать ответ.

Этот процесс и назывался «кинуть на крест» или «бросить на крест». Насколько я помню тогдашние объяснения, название было связано с гадательной практикой, при которой в руке держат маятник и наблюдают за направлением его движения. Строго горизонтальное раскачивание означало отрицательный ответ, вертикальное — положительный, а промежуточный наклон позволял оценить вероятность в процентах.

Вместо обычного маятника Орис первоначально использовал свой нательный крест. Позднее, как он говорил, способность развилась настолько, что физический предмет стал ему не нужен: ответ возникал в сознании сразу, однако прежнее название сохранилось.

Орис почти теми же словами описал эту практику в опубликованной беседе «Беседы о медитациях и не только…». Рассказывая о чтении научных текстов, он говорил: «предложение прочёл — выставил процент». Даже не разбираясь глубоко в теме, он, по собственному утверждению, мог «бросить» прочитанное на достоверность и отбросить сведения, получившие менее пятидесяти-шестидесяти процентов.

На Айфааре этот метод применялся далеко не только к строительным конструкциям. Орис «кидал на крест» самые разные вопросы и довольно охотно помогал окружающим, когда тем требовалось принять решение или выяснить что-либо неизвестное. Нас поражали скорость и математическая точность появлявшихся значений. Правда, в большинстве случаев проверить эту точность мы не могли, да и обычно не пытались. Само наличие ответа уже воспринималось как подтверждение способности.

В памяти у меня сохранилась небольшая история, показывающая, насколько конкретными могли быть такие ответы.

Однажды брат из Москвы готовил баню и открыл кран, через который заполнялся испаритель. Это было самодельное устройство — небольшая прямоугольная ёмкость из нержавеющей стали с подогревом. В неё наливали воду до определённого уровня, после чего кран следовало закрыть.

В тот день брат отвлёкся и забыл это сделать. Лето было засушливым, воды катастрофически не хватало, и каждый литр находился на учёте. По несчастливому совпадению первым в баню пришёл Орис. Он и обнаружил открытый кран, из которого продолжала бесцельно течь вода.

Орис тут же «кинул на крест» вопрос о том, сколько воды успело вытечь с момента открытия крана. Внутренний компьютер выдал необычайно точный ответ: одна тысяча триста двадцать один литр.

Для брата эта цифра обернулась очередным уроком на внимательность и ответственность. Орис распорядился немедленно отправить его рыть траншею для прокладки водяной трубы — из расчёта по десять сантиметров за каждый потерянный литр.

Мне всё это казалось настоящей суперспособностью, причём не отвлечённой и мистической, а вполне применимой в повседневной жизни. Можно было только представить, сколько задач сумел бы решать человек, обладающий подобным источником точных ответов.

Например, можно подумать о фондовом рынке. Если способность действительно позволяла определять реальную стоимость любого актива или вероятность изменения его цены, её обладатель мог бы баснословно разбогатеть. Достаточно было сравнивать внутренне полученное значение с текущей рыночной ценой и видеть, в какую сторону рынок отклонился от справедливой стоимости. Оставалось лишь покупать недооценённое и продавать переоценённое. На сдачу можно было бы купить весь посёлок Голубой Залив, о чём Орис всегда мечтал.

На подобные идеи Орис косвенно отвечал. Он говорил, что не может использовать свои способности в эгоистических целях. Если попытаться превратить их в средство личного обогащения, они просто перестанут работать. Тогда это объяснение казалось мне вполне естественным: необычная способность словно сама содержала встроенное ограничение, не позволявшее проверить её самым очевидным и практически измеримым способом.

Что касается фондового рынка, позиция Ориса была скорее противоположной привычному подходу. Однажды он рассуждал, что при торговле можно было бы делать почти произвольные ставки на рост или падение стоимости актива, намеренно игнорируя внешние обстоятельства и не придавая значения новостям, графикам и прогнозам. Главное, по его мнению, заключалось не в анализе рынка, а в способности человека индивидуально перефокусироваться в тот вариант реальности, где выбранная ставка окажется успешной.

Эта мысль звучала на фоне обычной практики трейдеров и аналитиков, которые внимательно изучают технические индикаторы, следят за экономическими новостями и пытаются уловить каждый сигнал со стороны регуляторов. Орис считал всё это в значительной степени информационным шумом, отвлекающим человека от главного — собственного внутреннего состояния и направления, в котором он совершает перефокусировку.

Насколько эгоистично Орис использовал свои способности — вопрос сложный. Строительство оранжереи вряд ли можно было считать проявлением личной выгоды: оно естественно вписывалось в развитие духовного центра, а необходимость в отдельном помещении для растений давно назрела.

До этого экзотические цветы, пальмы и бананы на зиму приходилось распределять по разным помещениям Айфаара, включая кухню и спальню Ориса. От этого там получалась большая сырость и могла пойти плесень. Летом их снова выносили на улицу, и тогда в комнатах становилось немного просторнее для жизни и работы. Растения использовались как украшение территории, часть из них выращивали для последующей пересадки в открытый грунт, а излишки можно было продавать.

В более отдалённом будущем Орис собирался рассылать выращенную здесь рассаду на другие Айфаары, которые, по его представлению, должны были появиться в разных

городах и странах. Сама оранжерея виделась не просто хозяйственной постройкой, а прообразом будущей эколого-биоселекционной лаборатории.

Предполагалось, что работа с растениями уже сейчас способна вызвать внутренний резонанс у кого-то из братьев или сестёр с их более развитыми будущими версиями, занимающимися биологией, генетикой или селекцией. В айфааровской системе это означало, что обычный уход за рассадой или участие в строительстве могли стать первым звеном длинной цепочки интересов и выборов, которая однажды приведёт человека к серьёзной научной работе. Тогда подобная перспектива придавала даже простому хозяйственному делу дополнительный смысл.

Другой пример мне рассказала сестра из Тюмени. По её словам, однажды Орис пришёл к ней домой в «тонком теле» — то есть не физически, а в некой энергетической форме, присутствие которой можно было почувствовать.

Она считала себя человеком с повышенной чувствительностью и рассказывала, что иногда ощущает чужое присутствие в энергетическом поле окружающего пространства. В тот день чувство присутствия Ориса было, по её словам, особенно сильным и отчётливым. Само по себе это ещё можно было бы объяснить впечатлением, ожиданием или случайной ассоциацией. Но вскоре ей пришло личное сообщение от Ориса:

— Привет, а я приходил к тебе. Ты заметила?

Именно это сообщение делало историю для меня особенно убедительной. Оно не доказывало, что Орис действительно находился у неё в каком-то «тонком теле», но подтверждало по крайней мере одно: он сам утверждал, что приходил.

Здесь вопрос об эгоизме становился уже менее отвлечённым. Насколько этично было входить подобным образом в психическое пространство другого человека, если принять саму возможность такого действия? С какими намерениями это делалось — чтобы поддержать, проверить её чувствительность, произвести впечатление или просто из любопытства? Одно дело если бы это произошло с кем то из ближайших учеников на Айфааре. С человеком, который за этим и приехал, открыт и дал согласие на духовную работу. Но тот человек жил за пределами Айфаара и не являлся его учеником и так им и не стал в последующем.

Этот случай мог бы остаться только субъективным рассказом девушки, построенным на совпадении ощущений и последующего сообщения. Однако само сообщение, насколько мне известно, существует и при необходимости может быть проверено. Более того, подобные субъективные наблюдения повторялись у других девушек, но про сопроводительные сообщения я больше не слышал.

Орис нередко «бросал на крест» сведения, которые встречал в статьях, книгах и газетах, проверяя их, как он говорил, на достоверность. Материалы, получавшие высокий процент, он мог использовать при работе над собственными книгами или показывать нам для ознакомления.

Иногда он задавал вопросы из чистого любопытства или ради развлечения — во время общих собраний, бытовых разговоров и неформальных бесед. Он мог оценить, насколько продавец на рынке готов снизить цену, проверить степень гидроизоляции водяной ёмкости или определить эффективность лекарственного препарата. Любой достаточно конкретный вопрос можно было превратить в число, процент или иной ясный ответ.

Во время строительства оранжереи Орис обычно приходил к нам ближе к концу рабочего дня. К этому времени у прораба, сварщика и брата, отвечавшего за закупки, уже накапливалось множество вопросов. Нужно было определить толщину и высоту стен, выбрать подходящий металл и рассчитать его количество, решить, какие окна и стеклопакеты заказывать для будущей оранжереи.

Все эти вопросы Орис уточнял тем же способом — «бросал на крест». Мы стояли на строительной площадке среди камней, металла и незаконченных стен, а основные параметры будущего здания появлялись не из чертежей и инженерных расчётов, а из тех значений, которые, по словам Ориса, высвечивались на его внутреннем экране.

Планировалось, что только северная, задняя сторона оранжереи будет сложена из камня. Остальные стороны здания должны были получить почти сплошное остекление. Крышу тоже задумали прозрачной — из бирюзового поликарбоната, который, во-первых, можно было изгибать, а во-вторых, он пропускал внутрь достаточно солнечного света.

Арочная крыша была центральным элементом всей архитектуры. Для Ориса это имело принципиальное значение: здание должно было как можно точнее соответствовать той конструкции, которую он, по его словам, уже видел в параллельных группах миров. Поэтому вместо обычной односкатной крыши с уклоном с севера на юг предполагалось сделать девять последовательных арок, покрытых изогнутыми листами поликарбоната.

Со стороны готовая конструкция напоминала ряд соединённых между собой прозрачных сводов. Каждая арка имела собственный металлический контур и опиралась на общий каркас. Бирюзовый поликарбонат ложился поверх рёбер широкими полосами, повторяя их изгиб. Между отдельными сегментами оставались заметные линии креплений, из-за чего крыша выглядела одновременно лёгкой и технически сложной. На солнце поликарбонат становился почти голубым, а внутри окрашивал пространство прохладным бирюзовым светом.

Замысел был понятным, но совсем не тривиальным. Он требовал изобретательности с нестандартных инженерных решений. Было ясно, что прозрачную оболочку придётся делать именно из поликарбоната, однако сам каркас под него наиболее опытным братьям приходилось продумывать коллективно, непосредственно на месте.

С южной стороны заказали металлопластиковые окна с полукруглыми арками в верхней части. Такие формы вообще часто использовались на Айфааре — везде, где их удавалось предусмотреть ещё на этапе строительства. Девять открывающихся окон должны были быть одинаковыми, но последнее получилось заметно уже остальных.

Эта ошибка сильно раздражала Ориса. Несовпадение одного размера было хорошо видно даже неспециалисту: ряд одинаковых арочных окон внезапно обрывался более узким проёмом, словно в расчётах была допущена ошибка. Орис говорил, что такая непродуманность портит архитектуру всего здания. Доходило до того, что он связывал эту неточность с риском не попасть в нужные группы миров, где оранжерея уже существовала в правильном виде.

Под верхними арочными окнами шёл ещё один ряд обычных прямоугольных рам. Проёмы под остекление формировали металлическими швеллерами, из которых собирался основной силовой каркас стен. Сварочных работ было так много, что наш сварщик трудился почти без остановки. Он часто оставался после общего завершения рабочего дня и уходил со стройки последним.

Чтобы не задерживать остальных, в тех местах, где требовалась помощь, он сначала ставил металл на «прихватки» — делал короткие сварные соединения, пока братья удерживали швеллер в нужном положении. Полностью и надёжно проварить швы он мог уже позже, когда остальные расходились.

Особенно ответственные узлы вызывали у него беспокойство. Он спрашивал Ориса, насколько надёжен тот или иной шов, и Орис «кидал его на крест», называя конкретный процент. Если полученное значение казалось недостаточным, сварщик зачищал соединение и переделывал его.

Параллельно бригада сестёр-укладчиц заканчивала бутовые стены северной стороны здания. Там естественный каменистый склон частично входил внутрь будущего помещения, поэтому стена получалась неравномерной: где-то она поднималась почти до крыши, а где-то переходила в выступы природной породы. Камень, бетон и металлический каркас постепенно соединялись в одну конструкцию.

Раствор и бетон приходилось носить на стройку непрерывно. В больших количествах требовались песок, щебень и бутовый камень. Работу осложняло то, что подъехать к оранжерее вплотную на машине было невозможно. От места разгрузки до стройки по прямой оставалось около пятидесяти метров, но идти приходилось по дорожкам и между террасами.

Щебень мы переносили в металлических носилках. Однажды мы с братом из Белгорода сами придумали для себя испытание на предел прочности. С каждой новой ходкой мы считали количество загруженных лопат и добавляли ещё одну. Так продолжалось до тех пор, пока носилки не становились совсем неподъёмными.

Последние ходки давались особенно тяжело. Мы поднимали носилки одновременно, стараясь не перекосить их и не рассыпать щебень по дороге. От напряжения уже невозможно было разговаривать: всё внимание уходило на то, чтобы сделать следующий шаг и не опустить груз раньше времени.

Когда мы наконец добирались до стройки и высыпали щебень, напряжение исчезало мгновенно. На контрасте тело становилось таким лёгким, что казалось, будто можно действительно взлететь. Мы смотрели друг на друга и начинали смеяться — не потому, что происходило что-то особенно весёлое, а от внезапного облегчения и сознания того, что снова дотащили больше, чем сами считали возможным.

Деньги на строительство добровольно жертвовали последователи Ориса, у которых была такая материальная возможность. Средства старались экономить и расходовать максимально рационально. Нередко пожертвования делались адресно — под конкретную покупку, работу или строительный этап. Иногда деньги передавали «на усмотрение Ориса» или просто «лично Орису».

С другими способами привлечения средств ему, насколько я видел, везло значительно меньше. За несколько лет до моего приезда Орис одолжил двум своим последователям крупную сумму — около пятидесяти тысяч долларов — на организацию в Ялте небольшого производства тротуарной плитки. Такая плитка требовалась и самому Айфаару, поэтому для её изготовления приобрели формовочное оборудование и необходимые материалы.

Первые партии пошли на нужды центра. Именно этой плиткой выложили площадку на кострище, о которой я уже рассказывал. Сам замысел выглядел вполне разумно: продукция имела практическое применение, технология была понятной, а предприятие в перспективе могло стать постоянным источником оплачиваемой работы для айфааровцев, которым требовались деньги на собственное содержание.

За коммерческую часть проекта отвечал один брат, за технологическую — другой. Почему этот бизнес в итоге не состоялся, я достоверно не знаю. К моменту моего приезда от первоначальной идеи остались главным образом конфликт и требование вернуть долг.

На дверях кухни вместо обычного календаря висели четыре распечатанных листа с подневным расчётом задолженности, привязанным к конкретным датам месяца. Прошедшие дни вычёркивались, а напротив следующих была указана сумма, которая ежедневно увеличивалась. Долг рос на пятьдесят долларов в сутки. При таком темпе примерно за тысячу дней он должен был увеличиться ещё на пятьдесят тысяч долларов, то есть фактически удвоиться.

Эти листы висели на самом проходном месте и постоянно напоминали о неудавшемся предприятии. Для меня это выглядело необычно: финансовый конфликт, который в обычной жизни обсуждался бы между несколькими людьми, здесь становился частью общего пространства, наглядным уроком для всего коллектива.

Другой известный мне случай был связан с созданием коммерческого центра психофизиологической гармонизации организма. На этот раз Орис, насколько мне известно, не вкладывал собственных денег. Он предложил саму бизнес-идею и, воспользовавшись своей способностью «бросать на крест», дал высокую оценку вероятности её успешной реализации.

Люди, поверившие в проект, вложили собственные средства и время, однако предприятие оказалось неудачным. Я не знаю всех обстоятельств и не могу судить, была ли проблема в самой идее, в её реализации, в рынке или в отношениях между участниками. Но доверие к способности Ориса оценивать перспективы проектов эта история, по-видимому, серьёзно не поколебала. Через некоторое время похожая ситуация повторилась уже с другой бизнес-идеей.

Строительство оранжереи продвигалось скачками. За одним заметным этапом — например, установкой стеклопакетов — следовал долгий период более медленной работы над множеством мелких деталей, вроде сооружения опалубки для поддонов. Помогая с монтажом окон, я начал осваивать саму технологию и последовательность установки стеклопакетов.

В тот период произошла неприятная история. При установке одного из самых больших стёкол оно внезапно треснуло. Хорошо ещё, что не рассыпалось полностью. Заказать новое было и недёшево, и небыстро, поэтому повреждённый стеклопакет временно поставили на место. Позднее мы собрали деньги со всех, кто держал и переносил его в момент появления трещины, и заказали замену. Я тоже оказался в числе тех, кто участвовал в оплате.

Вообще стёкла в наших непрофессиональных руках трескались нередко. Со мной такое случалось несколько раз. Достаточно было при установке штапика ударить чуть сильнее, чем нужно, или попасть молотком под неудачным углом — и по стеклу могла сразу пойти трещина. Каждый раз новое стекло приходилось заказывать уже за свой счёт.

Таковы были негласные порядки Айфаара. Мы добровольно выполняли работу, часто не имея ни опыта, ни достаточной практики, но и последствия своего обучения оплачивали самостоятельно, не перекладывая их на Ориса или общий бюджет. В этом была своя логика ответственности, хотя в момент ошибки она ощущалась довольно сурово.

Особенно обидно было, когда стекло трескалось совсем немного и повреждение замечали не сразу. Тогда мог возникнуть соблазн оставить всё как есть и промолчать, надеясь, что никто не станет искать виновного. Я допускаю, что при незначительном ущербе и сам мог бы поддаться такому искушению, хотя конкретного случая сейчас уже не помню.

Страх, что Орис может «разоблачить» — был очень сильным. Поэтому даже небольшая трещина в стекле быстро превращалась не только в техническую проблему, но и в проверку собственной честности.

Опалубку на Айфааре собирали из подручных досок, уже бывших в употреблении, и затем использовали их снова и снова. На эту кропотливую, работу уходила едва ли не треть всего времени. Некоторые братья особенно хорошо с ней справлялись: они заранее видели будущую форму конструкции и понимали, как должны соединяться отдельные доски, подпорки и крепления. За такую скрупулёзность я особенно запомнил брата из Беларуси.

Помогая ему, я тоже понемногу осваивал это искусство терпения. Позднее научился самостоятельно собирать опалубку там, где она требовалась. Сооружение опалубки было, пожалуй, самой нетривиальной и штучной частью строительства. Для каждой новой конструкции её приходилось разрабатывать заново. У нас не было ни готовых комплектов, ни типовых проектов, ни заранее рассчитанных схем. Каждый раз нужно было придумать, какую форму должен принять бетон, чем удержать раствор, как закрепить доски и где установить распорки, чтобы вся конструкция выдержала заливку.

Это была долгая и во многом интеллектуальная работа. Именно на ней изобретательность развивалась в самом буквальном смысле. Нам постоянно приходилось решать небольшие инженерные задачи в условиях ограниченных материалов и опыта. Иногда подходящую доску заменяли несколькими короткими, а недостающую опору приходилось придумывать из того, что находилось поблизости.

Более простым этапом казалось армирование бетона. Арматуру нарезали по размеру, раскладывали внутри будущей конструкции и связывали проволокой. Подготовка вязальной проволоки и сама вязка не требовали большой физической силы, поэтому к этой работе часто подключалась бригада сестёр.

Финальным аккордом становилась заливка бетона. Перед ней опалубку укрепляли распорками с заметным запасом прочности, чтобы она не разошлась под весом раствора. Все крепления и упоры проверяли дважды. После нескольких часов подготовки особенно не хотелось обнаружить в самый ответственный момент, что одна из стенок начала выгибаться или течь. Хотя такие случаи тоже бывали в нашей практике.

Крупные заливки старались приурочить к субботникам, когда на Айфаар приезжало много гостей и рабочих рук становилось значительно больше. За три часа можно было замесить, перенести и уложить большой объём бетона. Прораб к тому времени уже накопил достаточно опыта, чтобы заранее определить, сколько людей потребуется и какой участок удастся завершить до конца субботника.

Меня всегда удивляла точность этих расчётов. Несмотря на внешнюю стихийность общей работы, мы почти никогда не задерживались по субботам к обеду. В назначенный момент последние вёдра с раствором оказывались на месте, поверхность выравнивали, инструменты откладывали в сторону — и вся большая движущаяся цепочка людей довольно быстро распадалась.

В минуты усталости или лени я иногда думал, что просто сменил одну учёбу на другую. Вместо теории теперь осваивал практику — бетон, металл, дерево, инструменты и организацию совместной работы. Эта мысль помогала мне рано вставать и продолжать трудиться до позднего вечера. Я убеждал себя, что время не потеряно: просто моё образование приняло другую форму.

Я понимал, что мои бывшие одногруппники тоже сталкиваются с расписанием, требованиями преподавателей и различными организационными трудностями. Они точно так же не могли считать себя полностью свободными людьми. В более широком смысле большинство окружающих ежедневно ходило на работу, подчинялось установленному порядку и зависело от обязанностей. Это я хорошо видел на примере собственных родителей.

Почему же именно я должен был стать исключением? Мне было девятнадцать лет, я только начинал самостоятельную жизнь и ещё ничего существенного в ней не добился. Альтернативный путь вовсе не обязательно оказался бы лучше. Возможно, он был бы физически легче, но цели облегчить жизнь именно себе у меня тогда не было. Сил и энергии было много, и мне казалось правильным тратить их на то, что я считал важным.

Постепенно оранжерея приобретала понятные очертания. Основные работы уже приближались к этапу покрытия крыши. Поликарбонат для этого закупили заранее. Полы и поддоны были забетонированы, в стяжку заложили электрический кабель для подогрева. Стеклопакеты установили, каменные стены возвели. Планировалось уже этой зимой перенести в новое помещение растения, которые до холодов оставались на улице.

К этому всё и шло, хотя в моём тогдашнем восприятии работа тянулась почти бесконечно. В обычные дни изменения происходили медленно и были почти незаметны. Можно было целый день резать металл, подгонять доски, готовить раствор или исправлять отдельные узлы, а вечером казалось, что здание почти не изменилось.

На субботниках ощущение времени становилось противоположным. Благодаря большому количеству людей и общей слаженной динамике за несколько часов удавалось увидеть результат, на который в будни ушли бы дни. Там, где утром лежали отдельные материалы и стояли незавершённые конструкции, к обеду уже появлялась готовая стена, залитый участок пола или установленный ряд окон.

Вообще время на Айфааре ощущалось иначе, чем в прежней жизни. Оно казалось более насыщенным и подвижным из-за постоянной смены событий, впечатлений и внутренних состояний. Лень могла перейти в сосредоточенность, затем в напряжение, после — в облегчение и благодарность. Энтузиазм сменялся лёгкостью, потом вспыхивали гнев, обида или ревность, а следом приходили примирение и прощение. Иногда весь этот эмоциональный круг успевал повториться несколько раз за один день.

Поэтому на Айфааре говорили, что один прожитый здесь год идёт за два. Мне кажется, что дело было не в особом течении времени, а в его плотности: каждый день приносил

столько разных задач, отношений и переживаний, сколько в моей прежней жизни могло растянуться на неделю.

В тот год мы успели завершить основные наружные работы и закрыть весь периметр оранжереи. Орис особенно настаивал на том, чтобы сделать это до наступления зимы. Из внутренней отделки успели только закончить пол с подогревом и выложить его зелёной плиткой. Впереди оставалось ещё много декоративной и отделочной работы. По замыслу Ориса, оранжерея должна была стать не просто хозяйственным помещением для зимовки растений, а особым пространством с тщательно продуманными деталями и сложным оформлением.

Орис рассказывал об этих деталях ещё до завершения строительства и через свои описания заранее создавал перед нами образ будущего помещения. Мы видели пока только камень, металл, стекло и незаконченные поверхности, но в его рассказах оранжерея уже существовала целиком.

Как уже видно из предыдущих эпизодов, на Айфааре ошибались все — в том числе и Орис. Право на ошибку формально признавалось: случившееся обсуждали, делали выводы и старались двигаться дальше. Долг по неудавшемуся производству тротуарной плитки так и не был погашен, однако второй брат, отвечавший за технологическую часть, насколько я понимаю, не имел отношения к финансовой стороне конфликта. Со временем он получил возможность реабилитироваться и вернуться в коллектив.

Опыт на Айфааре старались собирать по крупицам, словно золото из руды. Сам центр воспринимался как большой эксперимент по ускоренной эволюции группы добровольцев. Если бы опыт оказался успешным, предполагалось распространить его на всё человечество через строительство ста сорока четырёх тысяч Айфааров в разных городах и странах. Эта цифра была скорее символическим ориентиром, предложенным Орисом для конкретности: её можно было представить, включить в общий образ будущего и упоминать в праздничных тостах.

Ошибочным в итоге оказалось и первоначальное решение с крышей оранжереи. Поликарбонат, который мы с таким трудом установили на девять арочных секций, выдержал всего два сезона, и в эксплуатации показал себя недостаточно надёжным. Не оправдала ожиданий и система отопления с дровяной печью, на устройство которой тоже ушло немало времени и сил.

Через всю оранжерею протянули длинный горизонтальный дымоход из металлической трубы диаметром около двухсот миллиметров. Тяга в нём оказалась слишком слабой. Дрова плохо разгорались, а помещение регулярно заполнялось густым едким дымом. Вместо тёплого зимнего сада получалось пространство, в котором растения и люди временами оказывались окутаны продуктами горения или замерзать.

Результат, достигнутый осенью 2007 года, был быстрым, но во многом поверхностным и ненадёжным. Впоследствии крышу пришлось полностью разобрать и заменить плоской, из профилированного металла, отказавшись от первоначальных арок и поликарбоната. Полукруглые части оконных конструкций тоже пришлось отрезать. Печное отопление заменили обычной водяной системой с чугунными батареями, которые нагревались от угольного котла, установленного в отдельном помещении по соседству.

На все эти переделки снова потребовались материалы, деньги и большое количество человеческого труда. Теперь я вижу одну из причин в первоначальной самоуверенности Ориса и в недостаточной инженерной проработке проекта. Прорабы тоже не остановились, чтобы спокойно рассчитать возможные нагрузки, оценить эксплуатацию здания зимой и предложить Учителю более надёжные варианты. Они, по-видимому, не видели в этом необходимости, поскольку доверяли его решениям почти безоговорочно.

Такой подход можно назвать штурмовщиной: нужно как можно быстрее получить видимый результат, а возникающие сложности решить уже потом. История с оранжереей была не единственным подобным случаем, но одним из самых наглядных.

Со временем Орис начал менять своё отношение к практическим задачам и тоже делал выводы. Я со своими выводами несколько запоздал. Поверхностность и самоуверенность я успел частично перенять у него ещё до того, как понял их обратную сторону. Позднее эти качества привели меня к собственным серьёзным испытаниям.

Теперь я довольно быстро замечаю такие проявления и в себе, и в других людях. При этом сама скорость не всегда является недостатком. Поверхностный подход может быть оправдан, когда нужно быстро собрать первый прототип, проверить идею или убедиться, что выбранное направление вообще имеет смысл. Но он становится опасным, когда речь идёт о капитальном сооружении или сложном проекте со множеством взаимосвязанных переменных, где цена переделки оказывается намного выше цены предварительного расчёта.

Здесь каждый раз приходится искать соотношение между масштабом задачи, допустимым риском, временем и доступными ресурсами. На практике мы столкнулись с известной закономерностью, близкой к принципу Парето: основную часть видимого результата нередко удаётся получить сравнительно быстро, но доведение системы до устойчивого и надёжного состояния требует непропорционально больших усилий. Именно этих последних усилий при первоначальном строительстве оранжереи нам и не хватило.

К духовному эксперименту Орис подошёл, конечно, серьёзнее, чем к отдельным строительным решениям. И всё же теперь мне кажется, что и здесь в его подходе присутствовала определённая самоуверенность. Он слишком сильно поверил в свою способность быстро изменить нас и задал слишком высокую скорость внутренних преобразований.

На поверхности это действительно напоминало стремительную езду — почти такую же, как при первоначальном строительстве оранжереи. Внешние изменения были заметны сразу: человек принимал новые правила, менял привычки, имя, круг общения и представления о себе о об окружающем мире. Но внутренние процессы не всегда успевали за этой скоростью. Психическая конструкция могла выглядеть завершённой снаружи, оставаясь недостаточно устойчивой для долгой эксплуатации.

Осенью на Айфааре традиционно проходил праздник вина и урожая, носивший собственное название — «Первая капля». По общему устройству он напоминал уже описанный мной летний Праздник света: тот же большой шатёр, праздничное застолье, песни, стихи, танцевальные номера и заранее подготовленные костюмы. Однако у осеннего праздника была своя особенность — во время него ногами давили виноград для нового вина. Отсюда, насколько я понимаю, и происходило название: первая капля будущего напитка появлялась прямо на глазах у всех.

Накануне закупали несколько сотен килограммов винограда винных сортов — совиньон, изабеллу, шардоне и другие. До праздника он хранился в холодильной камере. За несколько часов до начала виноград выносили наружу, чтобы ягоды успели согреться и прикосновение к ним не было слишком холодным для босых ног.

«Первая капля» была подчёркнуто осенним праздником, и шатёр украшали иначе, чем летом. По стенам и под потолком развешивали виноградные лозы, листья и искусственные гроздья. На столах среди блюд стояли большие тарелки с настоящим столовым виноградом. Листья и фрагменты лозы добавляли к одежде, головным уборам и праздничным костюмам. Танцы, сценические номера, стихи и песни тоже старались связать с темой урожая, вина, щедрости земли и завершения тёплого сезона.

Еды, как и на других больших праздниках, готовили много и с заметным стремлением к разнообразию. На столах стояли майонезные салаты, овощные и фруктовые нарезки, выпечка, зелень, чесночные закуски и рыбные блюда На десерт подавали мороженое, торты и шоколад. Всё это выглядело особенно изобильным на фоне обычного айфааровского питания, где меню было значительно проще.

К столу выставляли вино предыдущих урожаев. Специально для него Орис заказал коричневые глиняные графины с фирменным изображением Христа. К графинам прилагались прозрачные хрустальные бокалы, также украшенные изображением Христа и надписью «Айфаар». Их заказали сразу с запасом на весь коллектив, чтобы праздничная посуда составляла единый комплект.

Перед началом торжества выдвигали и подготавливали два больших промышленных чана из нержавеющей стали, которые обычно использовались для замешивания теста. После прошлогоднего праздника они долго стояли без дела, поэтому их нужно было особенно тщательно вымыть, проверить и подготовить к винограду. Позднее именно в эти чаны участники по очереди заходили босыми ногами и начинали давить ягоды. Для надёжности, чтобы не перевернулись, чаны даже соединяли между собой спицами и проволокой.

Отдельную роль в любом празднике играло музыкальное сопровождение. Возле главного входа в шатёр, на первом столе прямо напротив Ориса, располагался своеобразный центр управления музыкой и освещением. Отсюда включали фонограммы, регулировали громкость и управляли световыми приборами, менявшими атмосферу шатра в зависимости от происходившего.

В те годы за музыку на праздниках отвечал один из братьев-музыкантов. Позднее эту роль принял на себя я. В наши обязанности входило заранее подготовить несколько музыкальных подборок и включать их в нужные моменты застолья, выступлений и

переходов между отдельными частями программы. Для меня это было понятным техническим делом, и я добровольно его подхватил.

Сначала во время застолья звучала классика мировой и советской эстрады, чаще всего в инструментальном исполнении или без слишком заметного текста — что-нибудь в духе Поля Мориа, Ричарда Клайдермана и Франсиса Гойи, а из советской эстрады — Муслима Магомаева, Юрия Антонова и других хорошо знакомых исполнителей. Такая музыка создавала праздничное настроение, но не требовала к себе постоянного внимания и не мешала разговорам за столом.

Позднее, когда появилось достаточно много студийных записей песен Ориса, он попросил полностью отказаться от сторонней музыки и перейти на айфааровский репертуар — даже во время торжественной части застолья. С этого момента музыка перестала быть просто фоном и всё плотнее включалась в общее смысловое пространство праздника. Как создавались эти совсем записи скоро я подробно опишу.

Со стороны работа звуковика могла казаться почти незаметной, но для меня она была напряжённой и довольно изнурительной. Вместо того чтобы спокойно наслаждаться блюдами, приготовленными поварами, и пробовать молодое вино, я почти всё время застолья должен был внимательно следить за происходящим.

Когда кто-то решался произнести тост, он вставал из-за стола. Важно было не пропустить этот момент и вовремя убавить музыку до уровня, на котором можно было расслышать обычно негромкий голос выступающего. Если Орис принимал тост без дальнейших вопросов и замечаний, становилось понятно, что разговор завершён. Тогда следовало снова поднять громкость и вернуть застолью торжественное музыкальное сопровождение.

Каждое такое движение регулятора было незаметно для остальных, но требовало постоянного внимания. Стоило отвлечься на разговор или потянуться к тарелке, как кто-нибудь уже вставал с бокалом, и музыка продолжала звучать слишком громко. Тогда могла возникнуть неловкая ситуация, человек не мог нормально начать тост, во первых из за того, что пришлось бы перекрикивать музыку, а во-вторых ему пришлось бы

самостоятельно привлечь внимание остальных. Пауза в музыке хорошо решала обе задачи. В такие моменты я чувствовал себя не участником праздника, а человеком, который обслуживает его ритм и должен всё время угадывать, что произойдёт в следующую секунду.

Вторая часть испытания начиналась сразу после застолья, когда переходили к творческим выступлениям. Нужно было заранее убедиться, что все фонограммы собраны, подписаны и расположены в правильном порядке. Но одной подготовки файлов было недостаточно. Часто мне приходилось в свободное время присутствовать на репетициях, включать музыку там же и записывать для себя нужную громкость, момент запуска и продолжительность каждого номера.

У каждого праздника был ведущий. Он объявлял выступления и делал перед ними небольшие художественные вступления, чтобы отдельные номера складывались в единую праздничную программу. Если возникала задержка, ведущий заполнял паузу разговором, шуткой или заранее подготовленным текстом. Очерёдность выступлений он составлял заблаговременно и придумывал смысловые связки между ними. Программа выступлений распечатывалась и раскладывалась по столам.

В начале программы обычно звучали песни и стихи. Чаще всего исполняли песни Ориса — хором, дуэтом или сольно. Их пели под фонограмму, без сопровождения или под живой аккомпанемент. Иногда текст песни не исполняли на мелодию, а читали как стихотворение, стараясь выделить его смысл отдельно от музыки.

Для песенных номеров звуковику нужно было заранее подготовить нужное количество микрофонов. Перед выступлением я устанавливал их на стойки, ставил подставки для инструментов и песенников, протягивал кабели, подключал всё к микшеру и проверял исправность оборудования. Отдельно приходилось подбирать оптимальную громкость микрофонов по отношению к фонограмме.

Обычно всё это настраивалось ещё на репетиции. Я включал аппаратуру, а затем отходил примерно к месту Ориса и слушал, как звучит номер оттуда. Возле колонок звук воспринимался совсем иначе, чем с противоположного конца шатра, поэтому оставаться рядом с пультом было недостаточно.

Если песни в основном звучали те, что написаны именно Орисом, то стихи других авторов звучали чаще. Вероятно, так было проще сохранить общую направленность праздника и при этом оставить участникам некоторую свободу выбора. После песен и стихов переходили к более театральной части: сценкам, актёрским номерам, танцам и конкурсам.

Танцы были самыми разными. Исполняли классические и парные номера, сальсу, бачату, танго, рок-н-ролл. Были групповые грузинские, русские, украинские, польские, восточные и другие национальные постановки. Иногда программа выглядела как небольшое путешествие по разным странам и эпохам, хотя все номера готовили те же люди, которых ещё утром можно было увидеть на кухне, стройке или в саду.

Если готовился танец, к уровню музыки добавлялось световое оформление и реквизит. Нужно было записать или запомнить, какие софиты, прожекторы и лазеры включать, в какой последовательности и в какие моменты номера. Если использовался видеофон, приходилось заранее получить у автора видеофайл, подготовить проектор, опустить экран и синхронно запустить изображение вместе с музыкой и освещением. После каждого

выступления нужно было быстро убрать со сцены лишнее оборудование и подготовить пространство для следующего номера.

Постепенно мне пришлось разобраться во всей этой технике: как она подключается, как работает и обслуживается и где искать причину неисправности, если что-то перестаёт работать. Накладок случалось немало. Иногда оборудование даже било током двести двадцать вольт прямо во время праздника, в коротких промежутках между выступлениями. Тогда я воспринимал это скорее как досадную мелочь. Для меня было важнее, чтобы праздник продолжался гладко, а моя работа оставалась почти незаметной для остальных.

Самой частой проблемой была акустическая обратная связь — резкий свист или гул, возникавший, когда микрофон начинал взаимодействовать с колонками. Такой звук внезапно бил по ушам всем присутствующим. Особенно, как мне казалось, доставалось Орису, и по его реакции было видно, что он крайне недоволен.

Ещё хуже было, если прямо во время номера сбивалась фонограмма. Продолжать выступление обычно уже не получалось. Недовольны оставались все: зрители не увидели номер целиком, а исполнители, долго готовившиеся к нему, не могли полностью реализовать свой замысел. Танец иногда удавалось запустить с середины, но с песней это было значительно сложнее: сбивались ритм, вступления и последовательность куплетов.

Светозвуковое оборудование постоянно пополнялось и усложнялось. Появлялись новые колонки, микрофоны, стойки, микшеры, музыкальные инструменты, прожекторы, лазеры, проекторы и генераторы дыма. Вместе с ними росло и количество проводов. Их приходилось постоянно распутывать, раскладывать так, чтобы они занимали меньше места, не мешали проходу и по возможности оставались незаметными.

Иногда во время танцевального номера Орис жестом показывал мне, что нужно включить определённый прожектор, прибавить или убавить звук. Поскольку громкая музыка с битом, по его словам, причиняла ему дискомфорт, я всё время искал компромисс: не сделать слишком громко для него и одновременно не разрушить замысел выступающих.

На праздниках Орис часто вставлял в уши беруши, особенно во время танцевальных номеров. Танцоры, напротив, просили прибавить музыку, чтобы она перекрывала шарканье ног по плитке. Выбор каждый раз был непростым, и окончательное решение оставалось за мной у пульта.

Таким образом, я становился незримым участником почти каждого номера. От моей работы зависели музыка, свет, микрофоны, видео и общий ритм программы. Поэтому на таких праздниках я уже не мог чувствовать себя обычным зрителем и просто наслаждаться происходящим. Даже когда номер шёл безупречно, часть моего внимания всё равно оставалась возле регуляторов, проводов и следующей фонограммы.

После песен и выступлений на празднике «Первой капли» начиналась третья часть — топтание винограда. Она тоже проходила под музыку, но для меня как для звуковика была уже немного проще. Освещение можно было зафиксировать, уровень громкости — тоже. В качестве фона включалась заранее подготовленная подборка подвижной танцевальной музыки, поставленная на случайное воспроизведение с короткой обрезкой вступлений и окончаний примерно по три секунды.

В большие чаны с виноградом залезали босиком почти по колено — по одному, по двое, иногда по трое. Чтобы не поскользнуться, люди держались друг за друга или за тех, кто стоял рядом и ждал своей очереди. Никакого строгого порядка не было: всё происходило спонтанно. Кто-то забирался в чан и начинал топтать виноград в такт музыке, одновременно танцуя, затем через некоторое время уступал место следующему.

Пока одни давили ягоды, другие подсыпали в чаны свежие порции винограда. Кто-то уже начинал вычерпывать сок, процеживать его от жмыха и переливать в большие пластиковые бочки объёмом примерно по шестьдесят литров. Сок собирали отдельно, жмых — отдельно. Те, кто выбирался из чанов, сразу ополаскивали ноги в тазах с водой, а затем могли присоединиться к танцующим вокруг. Полностью смыть виноград сразу удавалось не всегда. На коже и в волосах оставались мелкие кусочки мякоти и кожицы, которые позже начинали неприятно чесаться. Но в тот момент на такие мелочи обычно не обращали внимания.

Орис участвовал в топтании скорее символически. Он мог первым ненадолго залезть в чан, тем самым открыть процесс, а затем уступал место остальным и возвращался к своему месту, откуда наблюдал за происходящим. Примерно через час или полтора основная часть завершалась.

До самого конца Орис обычно не оставался. В какой-то момент он тихо уходил, предварительно передав помощникам, что делать с соком и жмыхом и куда всё отнести. Обычно бочки затем уносили в винный погреб.

Почти сразу начиналась уборка. Пол шатра и плитку приходилось тщательно отмывать от виноградного сока, который быстро растекался, попадал в швы и плохо смывался. Иногда уборку начинали ещё до того, как последние участники покидали чаны.

Для всех этих довольно сложных технических задач — ведения праздника, управления звуком и светом, фото- и видеосъёмки, работы с виноградом, бочками и последующей уборки — требовалось сохранять ясную голову и внимание. Полностью расслабиться удавалось далеко не всем. Это хорошо дисциплинировало и незаметно меняло сам характер праздника: из простого веселья он превращался в ещё одну форму служения.

Те, кто не был занят технической стороной, тоже по-своему служили общему делу. Они готовили номера, несколько недель репетировали их в свободное время, учили слова и движения, подбирали костюмы и приводили их в порядок. На самом празднике они тоже не могли полностью расслабиться: ждали своей очереди, заранее уходили переодеваться и готовиться, волновались, чтобы всё прошло так же гладко, как на репетиции, и чтобы в нужный момент ничего не забылось.

До этого те же люди участвовали в приготовлении праздничных блюд, угощений и украшении шатра. В результате праздник, который со стороны мог казаться днём отдыха, для большинства становился большим испытанием и нагрузкой и занимал почти весь день — особенно если учитывать подготовку до начала и обязательную уборку после.

Поэтому единственным временем для небольшого расслабления и сброса напряжения становился промежуток после основной части праздничной программы. Номера уже заканчивались, торжественные тосты были произнесены, на столах ещё оставалась еда, а музыка продолжала звучать фоном. В этот момент включали подборку обычных танцевальных ритмов, приглушали свет, и находились желающие выйти и станцевать уже вне программы — без репетиций и заранее подготовленного сценария.

Многие девушки приносили на пульт собственные подборки любимой музыки на случай, если им захочется выступить спонтанно. Я заранее держал эти записи под рукой и мог быстро включить сестре что-нибудь из её списка, иногда выбирая композицию по своему усмотрению.

Иногда Орис задерживался в шатре дольше обычного и оставался до этой части праздника. Тогда он мог сам предложить кому-нибудь выступить экспромтом, и отказаться от такого предложения было непросто. Здесь особенно ясно проявлялась позиция: «Я лучше тебя знаю, что тебе сейчас нужно». Возможно, человек сам не собирался танцевать и не чувствовал к этому никакой готовности, но предложение Ориса уже воспринималось как своеобразный урок или возможность преодолеть внутреннюю зажатость.

Изредка Орис выходил танцевать и сам. Иногда он вытаскивал с собой кого-нибудь для подтанцовки. Впрочем, так мог поступить любой выступающий, выбрав себе партнёра среди сидящих за столом. Меня тоже несколько раз вытаскивали, хотя давалось мне это с трудом. Я никогда особенно не любил танцевать и, если говорить честно, не люблю до сих пор.

После серии таких импровизированных выступлений начиналась завершающая часть праздника — общая дискотека. Звучала уже полноценная танцевальная подборка, и временами кто-нибудь подходил к пульту, чтобы перехватить управление очередностью музыки или предложить свой трек. Орис к этому времени обычно окончательно уходил, а дискотека могла продолжаться до поздней ночи.

Мне нравилось быть на ней диджеем. Иногда я и сам выходил танцевать, чтобы лучше чувствовать логику музыкальной последовательности и понимать реакцию людей на площадке. Поначалу это было непросто, но постепенно я запомнил несколько десятков удачных танцевальных композиций и начал понимать, какие ритмы лучше подходят, а какие худе.

Мы включали генераторы дыма, выключали свет и оставляли только лазеры и цветные прожекторы. Центральная часть шатра заполнялась танцующими. Кто-то танцевал до упада, кто-то присаживался на время за стол чтобы отдохнуть, подлить себе в бокал вино и пообщаться. Обстановка напоминала ночной клуб. Всё в дыму и зелёных лазерный лучах, музыка играет на полную громкость. Настолько это отличалось от торжественной части праздника что казалось уже другим помещением. Основную часть угощений и тарелок со столов уже успевали убрать.

На пульте у меня лежали студийные наушники. Пока одна композиция звучала на больших колонках, я уже прослушивал другие и выбирал подходящую для следующей очереди. Именно на этой стадии праздника я наконец мог по-настоящему расслабиться. Музыку разрешалось делать громче, уже не оглядываясь постоянно на реакцию Ориса, и не нужно было бояться, что небольшая ошибка разрушит чей-то долго готовившийся номер.

Если очередная композиция не нравилась танцующим, ребята начинали жестами показывать, что трек «не зашёл», и я сразу переключал на следующий — совсем как опытный диджей. Для меня самого это было заметным изменением. Ещё совсем недавно я был довольно зажатым человеком, далёким от танцев и дискотек, а теперь стоял за пультом, управлял настроением всей площадки и иногда даже выходил танцевать вместе со всеми.

О кроликах

К тому времени на Айфааре уже существовало довольно большое хозяйство. В нижней части территории, между дорогой и руслом речки, прямо под автомобильной стоянкой стояли два отдельно построенных временных сооружения хозяйственного назначения. Каркас у них был деревянный, а стены обшиты всем, что удавалось использовать: асбестоцементными плитами, шифером, пластиком и обрезками поликарбоната. Крыши сделали из волнистого пластикового материала.

В одном помещении находился крольчатник, в другом — курятник. В курятнике какое-то время пытались устроить ещё и грибницу, но с грибами дело не пошло. Вокруг него была огорожена площадка, где свободно ходили куры, петухи, индюки и гуси.

Крольчатник представлял собой два длинных ряда клеток с проходом посередине. Клетки располагались в два яруса: верхний примерно на уровне человеческого роста, нижний — прямо под ним. Дверцы, дно и перегородки делали из металлической сетки. Фанерные перегородки оказались непрактичными — кролики быстро их перегрызали. Под клетками устанавливались жестяные поддоны для отходов, а ниже, до самой земли, оставалось свободное пространство. Все дверцы открывались в центральный проход, так что животных было удобно кормить и осматривать.

В дальней части крольчатника на специальных полках хранились запасы сена. Сначала его покупали, а позднее начали заготавливать самостоятельно: косили траву, сушили её, затем плотно укладывали и перевязывали в удобные для перевозки тюки. После этого сено привозили на Айфаар и складывали в крольчатнике, где оно окончательно досыхало и постепенно расходовалось на корм.

И за курятником, и за крольчатником были закреплены свои ответственные.

За кроликами тогда отвечала моя девушка, и поэтому я охотно ей помогал. Мы приходили туда утром, днём и вечером, проверяли поилки, раскладывали сено, чистили клетки и наблюдали за молодняком. Кроме того, эта работа не была для меня совсем незнакомой. Мой дедушка Вова по отцовской линии когда-то держал в своём сарае кроликов и нутрий, и с детства я успел привыкнуть и к самим животным, и к некоторым особенностям ухода за ними. Среди кроликов у нас даже появился общий любимец — Мартын, которого мы почему-то выделяли среди остальных и относились к нему как к домашнему животному.

На Айфааре у каждого были свои обязанности, вокруг всегда находились люди, и остаться вдвоём удавалось не так часто. Поэтому даже совместный поход в нижнюю часть территории за сеном или несколько лишних минут после кормления животных приобретали для меня отдельную ценность.

— Ты опять пришёл помогать мне или всё-таки кроликам? — могла спросить она, пока я открывал очередную клетку.

— Конечно, кроликам. У меня с Мартыном серьёзные отношения.

— Вот я и чувствую, что у меня появился соперник.

— Не переживай. У него шансов немного.

— Почему?

— Он со мной даже не разговаривает.

— Может, просто умнее меня.

— Нет. Если бы был умнее, тоже выбрал бы тебя.

Она улыбнулась, толкнула меня плечом и тут же как ни в чём не бывало продолжила раскладывать сено.

Мне нравилась эта её способность легко переходить от серьёзного разговора к игре. Я сам был значительно более зажатым и воспринимал наши отношения более серьезно, а она умела время от времени снимать с них эту излишнюю серьёзность. Иногда после такой шутки она могла специально задержать на мне взгляд или сказать что-нибудь двусмысленное уже совсем тихо, чтобы услышал только я.

В девятнадцать лет я относился к этим отношениям очень серьёзно. Я почти сразу начал мысленно продолжать их далеко вперёд. Мне хотелось верить, что мы встретились не случайно и теперь будем долго идти рядом — буквально рука об руку. Айфааровское представление о множестве вариантов будущего только усиливало эту надежду: среди всех возможных сценариев мне особенно хотелось попасть именно в тот, где мы остаёмся вместе.

Иногда я мог говорить ей об этом гораздо серьёзнее, чем того требовал момент:

— Представляешь, если мы и через десять лет будем здесь вместе?

— Через десять? — она могла посмотреть на меня с улыбкой. — Ты уже всё распланировал?

— Не всё. Только самое важное.

— А Мартын там будет?

— Если будет достаточно духовно развиваться.

— Тогда придётся чаще с ним разговаривать.

— Вот этим займёшься ты. А я буду обеспечивать материальную часть нашей великой миссии.

— Сеном?

— Для начала сеном.

Наверное, со стороны в этом было много юношеской наивности. Мы знали друг друга ещё совсем недолго, а я уже мысленно строил совместное будущее на годы вперёд. Но тогда мне это не казалось ни поспешным, ни чрезмерным. Наоборот, после прежней неопределённости моей жизни сама возможность любить кого-то, вместе работать, ждать

вечера, искать друг друга глазами среди остальных людей и думать о будущем вдвоём давала мне очень важное ощущение опоры.

Время от времени самых взрослых и упитанных кроликов забивали к столу. Пока животных было немного, происходило это сравнительно редко. В наших заботливых условиях с размножением у них никаких затруднений не возникало — поголовье увеличивалось довольно быстро. Позднее, по мере развития хозяйства и увеличения поголовья, крольчатина стала появляться в айфааровском меню чаще.

В какой-то момент эту работу взял на себя и я. Тогда мне это казалось вполне естественным продолжением всего процесса. Мы специально разводили животных, кормили их и ежедневно за ними ухаживали не только из любви к живым существам, но и как часть хозяйства. Без нашего участия большинство этих кроликов вообще не появилось бы на свет. Кроме того, я с детства видел, что так же поступал мой дед, поэтому внутреннего культурного запрета на это у меня не было.

У Ориса существовало и духовное объяснение таких отношений между человеком и животными. В ответах на вопросы он говорил, что одна из земных ролей животных заключается именно в подобном служении людям. В его представлении жизнь существа не сводилась к существованию физического тела. Поэтому на энергетическом плане процесс его самопознания якобы не прекращался после забоя, а продолжался через дальнейшее взаимодействие с человеком — вплоть до того, что съеденная пища становилась частью человеческого организма.

В этом объяснении бытовая необходимость снова соединялась с общей айфааровской картиной мира. Даже то, что в обычном хозяйстве объяснялось бы просто выращиванием животных на мясо, здесь получало дополнительный духовный смысл. Но мне всё равно было жалко кроликов. Перед забоем я старался настроиться на максимально спокойное и благодарное состояние, мысленно напоминал себе, зачем это делаю, а иногда даже просил прощения у своего меньшего брата. Мне хотелось, чтобы всё произошло как можно быстрее и без лишних мучений.

Разумеется, сам кролик добровольно такой исход не разделял. Он чувствовал опасность, вырывался и сопротивлялся, поэтому приходилось ждать, пока животное немного успокоится. Затем всё происходило быстро. В тот момент я воспринимал это как ещё одну необходимую хозяйственную обязанность, которую мало кто готов был выполнять.

Со временем я освоил и всю дальнейшую подготовку кролика к приготовлению: снять шкуру, разделать тушку, отделить то, что пойдёт в пищу, от отходов, всё тщательно промыть. Для меня и это не было совершенно новым занятием. С детства я видел, как мой дедушка Вова возился с кроличьими шкурами, поэтому теперь попытался освоить и эту часть работы — хотя, конечно, до его сноровки мне было далеко.

Со шкурами приходилось заниматься довольно долго. С внутренней стороны нужно было как можно тщательнее удалить остатки жира и тканей. Если этого не сделать, после высыхания шкура становилась жёсткой, почти как фанера или плотный картон, и использовать её дальше было трудно. Поэтому в свободное время я подолгу обрабатывал каждую шкурку вручную, стараясь сделать внутренний слой — мездру — как можно более тонким и мягким.

Помню, однажды Орис проходил мимо и застал меня именно за этим занятием. Вокруг висело сразу несколько свежих шкур, сама работа была далеко не стерильной, и я тоже

успел испачкаться кровью. Орис прошёл совершенно спокойно, по-деловому, почти не проявив интереса. Но мне запомнился сам контраст этой картины. Человек, говоривший о самых высоких и «прогрессивных» духовных идеалах, на несколько мгновений оказался рядом со мной — каким-то почти средневековым мясником, убийцей животных и живодёром.

Иногда мне казалось, что в подобных занятиях через меня словно частично проявляется мой дед: те же практические интересы, похожая тяга самостоятельно что-то осваивать, такой же стихийно-экспериментальный подход к хозяйству и вообще к жизни.

Это хорошо укладывалось в учение Ориса о так называемых «чакрамных личностях». Под этим подразумевались относительно самостоятельные элементы сознания, сосредоточенные вокруг определённых интересов, желаний и типов опыта. Их совокупность, согласно этой системе, и формировала нашу текущую личность. Человеческое сознание при этом представлялось открытой системой: такие структуры могли проявляться через разных людей, если у них существовали подходящие «чакрамные каналы» — внутренняя восприимчивость к определённому опыту, интересам и способам поведения. Наследственность тоже могла способствовать такой близости, передавая от поколения к поколению соответствующие склонности.

Особенно отчётливо я стал размышлять об этом после смерти деда, случившейся примерно в тот же период. Я совершенно спонтанно приехал в Севастополь, чтобы навестить его с бабушкой и узнать, как у них дела. В тот же день дед умер при мне. К тому времени он уже около трёх дней находился в тяжёлом состоянии, почти без сознания, задыхаясь из-за отёка лёгких. Всю жизнь он много курил и ушёл сравнительно рано.

Кур забивать мне было почему-то легче, чем кроликов. Тогда они казались мне менее индивидуальными, более грубыми и глупыми. С птицей и сама процедура была другой. Сначала курицу нужно было поймать, хотя этим обычно занимался не я — мне приносили уже пойманную. Затем требовался один точный удар топором по шее. После этого тело ещё некоторое время продолжало рефлекторно двигаться, что делало весь процесс менее предсказуемым и более травмоопасным.

Однажды я убедился в этом на собственном опыте. Удерживая курицу левой рукой слишком близко к месту удара, правой я неудачно попал топором по указательному пальцу. На большой фаланге у основания пальца кожа оказалась рассечена почти до кости. К счастью, удар был не очень сильным.

В тот момент дело почему-то казалось важнее собственной руки. Я не сразу остановился, закончил то, что начал с курицей, и только после этого стал разбираться с повреждением. Палец пришлось зашивать в больнице. Шрам на нём сохранился у меня до сих пор — маленькое материальное напоминание об этой части айфааровского хозяйственного опыта.

Случались и менее драматичные приключения. Несколько раз кролики убегали из клеток, и тогда мы ловили их по территории. Обычно это в конце концов удавалось. Летом для них устраивали открытые загоны, чтобы они могли находиться на свежей траве, пока в нижней части Айфаара ещё не появился огород.

Были, к сожалению, и случаи болезней и гибели животных. Тогда мы связывали некоторые из них с ошибками в кормлении и, в частности, считали опасной быстро начинающую ферментироваться скошенную газонокосилкой траву.

Много труда требовала и заготовка сена. Его нужно было скосить, высушить, собрать, связать, привезти на Айфаар и разместить на хранение. Хозяйство вообще постоянно требовало внимания. Если из-за чьей-то забывчивости или небрежности страдали животные, Орис мог устроить виновному серьёзный духовный урок. Забота о кроликах и птице рассматривалась в этом смысле примерно так же, как полив закреплённого участка, уборка территории или выполнение строительной обязанности: ещё один практический способ воспитывать ответственность.

Со временем, однако, стало очевидно, что хлопот от собственного хозяйства получается едва ли не больше, чем реальной пользы. Продукты можно было без особых проблем покупать, а необходимость постоянно быть готовыми к автономному выживанию постепенно теряла прежнюю остроту. Ослабевала и тревога, связанная с ожидавшимися природными катаклизмами.

В какой-то момент на вечерних песнях подняли вопрос, имеет ли вообще смысл продолжать держать животных. Орис однозначно поддержал идею сворачивания хозяйства. При этом он говорил уже и о нравственной стороне вопроса: если мы можем обойтись без собственного животноводства, то незачем выращивать животных, чтобы затем самим же их убивать.

Речь не шла ни обо мне лично, ни о других людях, занимавшихся забоем. Само хозяйство прежде создавалось с одобрения Ориса и воспринималось как необходимая часть жизни Айфаара, поэтому и ответственность за изменение подхода он не перекладывал на исполнителей. Просто в какой-то момент мы решили, что дальше этим заниматься не будем. В принятой тогда системе координат это тоже можно было описать как переход к немного более качественному сценарию.

В тот период Орис заканчивал работу над новым песенником «Мой Завет — 2». В него вошло около трёхсот новых песен, а вместе с первым сборником общее количество должно было составить сакральное число из трёх пятёрок — 555, которое на Айфааре связывали с Божественной Любовью.

В текстах многих песен по-прежнему встречались привычные религиозные образы и понятия: Христос, Господь, Бог, Душа. Мне самому иногда было немного неловко произносить эти слова во время пения. В повседневной жизни Айфаара они не употреблялись в традиционно религиозном смысле. Гораздо чаще речь шла о них как о философских образах или обозначениях определённых состояний сознания. Поэтому в песнях временами возникала интонация, напоминавшая привычную христианскую духовную культуру, тогда как само учение Ориса уже значительно выходило за её рамки.

Орис постоянно размышлял о том, как распространять песни за пределами Айфаара. Одним из приоритетных направлений виделась христианская и общеобразовательная среда. Песни должны были стать более понятным входом в его духовную школу и привлечь внимание новых людей.

С книгами существовала очевидная проблема. Большинство текстов Ориса были сложными, насыщенными собственной терминологией и для неподготовленного читателя воспринимались очень тяжело. Человеку, впервые открывшему такую книгу, зачастую требовалось огромное терпение хотя бы для того, чтобы разобраться в нескольких страницах. Песни были значительно доступнее.

Предполагалось, что человек может сначала «срезонировать» — так у нас называли внутренний эмоциональный отклик — с простым и понятным содержанием духовной песни, заинтересоваться её автором, приехать на Айфаар, а уже здесь познакомиться с более сложными представлениями об уровнях сознания, параллельных мирах и устройстве мироздания. Рядом находились десятки единомышленников, способных объяснить основные идеи гораздо проще, чем они были изложены в книгах.

Мне кажется, песни действительно выполняли такую роль. Их содержание само по себе создавало образ автора как человека, глубоко занятого вопросами Любви, добра, самосовершенствования и служения людям. После такого первого знакомства и более сложное учение воспринималось уже иначе. Кроме того, сам образ жизни на Айфааре трудно было понять, совершенно не представляя его философской основы — идеи духовного развития и постепенного раскрытия разных уровней человеческого самосознания.

Когда второй песенник уже подходил к завершению и началась подготовка к изданию, Орис распорядился, чтобы все, кто хоть сколько-нибудь разбирался в музыке, временно отложили остальные дела и сосредоточились только на песнях.

Работа предстояла огромная. Для каждой композиции требовалось найти существующие ноты или подобрать их самостоятельно, затем перевести в цифровой вид. На основе обычной нотной записи нужно было создать полноценную фонограмму с несколькими инструментами, после чего записать вокал, свести дорожки и подготовить законченный мастер-трек. Если учитывать уже накопившиеся несколько сотен песен, объём выглядел невероятным.

Подошли к задаче в привычной для тогдашнего Айфаара манере — с наскока и в состоянии общего аврала. Людей, которые хотя бы немного понимали ноты или умели работать с музыкальными программами, временно сняли со стройки, кухни и хозяйственных работ и посадили за компьютеры. Таких набралось более десяти человек.

Срок поставили нереальный — около месяца.

Их максимально освободили от остальных обязанностей. Я хорошо помню этот период, хотя сам оставался скорее наблюдателем. Всё, что было связано с нотами и музыкальной теорией, проходило тогда совершенно мимо меня.

Музыкальная группа работала буквально день и ночь. Некоторые спали по два-три часа в сутки, ели почти на ходу и снова возвращались к компьютерам. Остальные старались всячески их поддерживать: приносили еду, помогали с бытовыми вопросами, подбадривали и по возможности избавляли от любых дел, которые могли отвлечь от основной задачи.

Вокруг этих людей возникло ощущение особой миссии. Их работа казалась чрезвычайно важной для всего Айфаара. Думаю, они и сами это чувствовали, хотя особенно гордиться своим положением времени у них не было — всё уходило на песни.

Процесс постепенно разделили на отдельные операции в зависимости от способностей каждого. Кто-то лучше подбирал ноты, кто-то занимался аранжировками, кто-то записывал вокал, кто-то сводил готовые дорожки. Постепенно начали появляться первые законченные фонограммы.

Орис очень внимательно следил за их звучанием. У него существовали достаточно строгие представления о том, какие музыкальные средства подходят для духовных песен. Выраженная ударная партия и тяжёлый отчётливый ритм не приветствовались, поскольку воспринимались как низковибрационные. Зато активно использовались хоровые партии, колокольчики, скрипки, духовые и другие инструменты, создававшие более мягкое и возвышенное звучание.

Лично на меня некоторые такие аранжировки производили несколько специфическое и временами посредственное впечатление. Они были узнаваемыми, самобытны, но ограничения заметно сужали возможности музыкантов.

Я не знаю, насколько сами участники музыкальной группы были согласны со всеми этими требованиями. Однако, сравнивая иногда промежуточные версии композиций с окончательными, я видел, что художественные представления музыкантов и Ориса не всегда совпадали. В раннем варианте могла появиться более выразительная ритмика или интересная инструментальная партия, а к окончательному утверждению она становилась значительно спокойнее.

Открыто спорить с Орисом никто не пытался. Музыканты советовались, предлагали варианты, иногда показывали несколько версий, но право окончательного решения оставалось за ним. Орис лично прослушивал каждую подготовленную фонограмму и каждую записанную песню прежде, чем она считалась утверждённой.

Отдельной частью работы была запись вокала. Орис сам определил состав тех, кто будет напевать песни. Помимо общего хора были и сольные исполнительницы — примерно пять или шесть человек.

В рабочее и свободное время они собирались в шатре, который на этот период фактически превратился во временную студию звукозаписи. Там записывали хоровые партии, а сольные — либо в том же шатре, либо в других подходящих помещениях. Я тогда в этом процессе не участвовал: вопросы с микрофонами, записью и остальным оборудованием они решали самостоятельно.

Постепенно участницы «спелись», привыкли друг к другу и поставили процесс на поток. В наиболее активные дни удавалось записывать по десять, а иногда и по двадцать песен. В это время вокруг шатра старались не шуметь. Даже обычные строительные работы поблизости приходилось согласовывать, если они могли попасть в запись. На дверях висели таблички: «Не входить, идёт запись».

После записи и сведения готовые песни передавали Орису. Он прослушивал каждую композицию отдельно и либо утверждал её, либо отправлял на переделку. Иногда давал исполнителям конкретные рекомендации: где изменить интонацию, на чём сделать смысловой акцент, какое состояние постараться передать. Если песня не проходила проверку, Орис обычно объяснял, что именно ему не понравилось — как на обычном, физическом уровне звучания, так и, по его словам, на «тонком плане».

Считалось, что вместе со звуком микрофон записывает и психическое состояние исполнителя. Его эмоции, внутренний настрой и качество переживания песни якобы сохраняются в записи, а затем при воспроизведении воздействуют на слушателя и даже на окружающее пространство. Характер такого воздействия, соответственно, зависел от состояния человека во время исполнения. Музыка, голос, интонация и сама звуковая запись становились лишь внешней оболочкой для этой более тонкой составляющей.

Орис связывал с этим и популярность многих эстрадных песен. По его мнению, если исполнитель глубоко отождествляется со смыслом песни и действительно переживает то, о чём поёт, его состояние передаётся слушателю. Человеку хочется снова включать ту же композицию, чтобы ещё раз испытать похожее эмоциональное переживание.

Сейчас мне очевидно, что успех популярной песни зависит ещё и от множества вполне обычных факторов — маркетинга, продвижения, узнаваемости исполнителя, качества производства, распространения и попадания в культурный контекст. Но тогда объяснение Ориса воспринималось как важное откровение. Не обязательно как единственная причина успеха, но как одна из главных.

Для усиления положительного воздействия песен использовали ещё один необычный приём. В готовую композицию могли добавить отдельную дорожку с записью Ориса, но полностью убрать из неё слышимый звук. В качестве исходного материала брали либо его собственное исполнение этой песни, либо запись одного из «сеансов перефокусировок», о которых я расскажу позже.

Предполагалось, что даже после удаления звуковой составляющей в цифровой дорожке каким-то образом сохраняется её энергоинформационная часть. Поэтому человек ничего дополнительного не слышал, но состояние Ориса, как считалось, всё равно присутствовало в окончательной записи и оказывало воздействие при её воспроизведении.

Первоначальный срок в один месяц пришлось несколько раз продлевать, а затем от него фактически отказались совсем. Часть людей постепенно вернулась к своим прежним обязанностям. Остальные вышли из аврального режима и продолжили работу уже в более нормальном темпе, без жёсткой даты завершения.

По ходу процесса к работе подключился брат-музыкант из Ялты. У него был собственный узнаваемый стиль аранжировок — более ритмичный, с богатым набором инструментов и некоторым оттенком классической ретро-эстрады. Лично мне его фонограммы нравились больше. Они казались живее и музыкально насыщеннее.

Орис, однако, не поддержал это направление как основное. Такие аранжировки оставили скорее для разнообразия, без особого акцента. Насколько я помню, дальше брат уже не развивал этот стиль в прежнем объёме.

По мере готовности утверждённые записи собирали на CD-диски и распространяли по тем каналам, которые тогда были доступны. Диски передавали потенциально заинтересованным людям — артистам, поэтам, музыкантам, чиновникам и другим адресатам, которые теоретически могли помочь песням выйти за пределы айфааровской аудитории.

Какой-то системной обратной связи от этих рассылок я не помню. Время от времени обсуждалась возможность включить ту или иную песню в образовательные или

культурные программы по линии государственных учреждений, однако на практике ни одна из таких перспектив, насколько мне известно, так и не реализовалась.

Тем не менее само появление большого количества записанных песен в интернете уже воспринималось как достижение. За каждой из них стоял труд многих людей: авторские тексты Ориса, поиск нот, аранжировки, запись вокала, сведение, исправления, повторные записи и прослушивания.

Главными слушателями в итоге оставались мы сами и читатели Ориса в других городах. Песни включали во время работы, в поездках, на встречах и праздниках. Они постепенно становились частью повседневной звуковой среды Айфаара.

Насколько оправданной была тогда гонка за количеством, мне сейчас трудно ответить однозначно. Мне кажется, что меньший объём мог бы дать сопоставимый результат при значительно меньшем напряжении. Можно было сначала сделать один небольшой альбом — хотя бы из десяти песен, — тщательно довести каждую композицию, наладить весь производственный процесс и получить художественную обратную связь не только от собственных единомышленников, но и от более широкой аудитории.

После этого было бы проще понять, что действительно работает, что стоит изменить в аранжировках, исполнении и подаче, а уже затем переходить к следующему десятку. Но тогда нам была ближе другая логика: если перед нами открывалась возможность сделать сразу много, хотелось сделать именно много — желательно ещё вчера.

На этом примере хорошо проявлялась характерная особенность подхода Ориса к собственному продвижению. Он стремился постоянно увеличивать объём опубликованных материалов — книг, песен, ответов, новых текстов. В своих публичных выступлениях он нередко подчёркивал именно количество созданного: сначала речь шла о более чем сорока книгах и примерно пятистах песнях. К сегодняшнему дню эти цифры, вероятно, стали значительно больше.

С одной стороны, это действительно свидетельствовало о его огромной работоспособности и усидчивости. Все основные бытовые заботы вокруг него брали на себя другие люди, поэтому большую часть собственного времени Орис мог посвящать написанию книг, песен, ответам на вопросы. Он воспользовался этой возможностью очень продуктивно.

Но в такой продуктивности была и определённая ловушка. Чем больше материалов появлялось, тем естественнее становилось продолжать делать то же самое — писать ещё одну книгу, ещё десяток песен, ещё несколько ответов. Количество постепенно превращалось не только в результат работы, но и в один из главных способов подтверждать её значимость.

Теперь мне кажется, что на каком-то этапе полезнее было бы часть этой энергии направить совсем в другую сторону. Не увеличивать библиотеку собственных произведений, а выходить за пределы уже существующей аудитории: участвовать в философских, научных и общественных конференциях, ездить на форумы, знакомиться с представителями современной интеллектуальной среды, лично выстраивать доверительные отношения с людьми из разных направлений науки, культуры, духовной и общественной жизни. Не ждать, пока они однажды сами откроют его книги, а приходить туда, где уже существовал профессиональный разговор.

Но, насколько я мог судить тогда, Орис был далёк от такого подхода. Его позиция была своеобразной: с ощущением огромной миссии, но во внешнем продвижении скорее выжидательной. Основные силы он направлял на оказание влияние внутри собственного духовного центра и на создание всё новых материалов. Если человек изначально не проявлял к нему интереса, Орис обычно не пытался добиваться его внимания. Не заинтересовался один — когда-нибудь придёт другой.

В этом смысле его стратегия напоминала паука, сидящего в центре собственной большой паутины. Паутина становилась всё сложнее, красивее и обширнее, но паук сам практически не покидал её пределов. Предполагалось, что нужные люди однажды сами соприкоснутся с этой системой, заинтересуются содержанием произведений, найдут Ориса, приедут на Айфаар, разберутся в учении, а затем понесут полученные знания дальше — в другие города, страны и на другие континенты.

Бескомпромиссность здесь тоже играла важную роль. Орис воспринимал себя не столько человеком, которому необходимо искать аудиторию, сколько уже существующей возможностью для других. Знание дано — теперь задача человека самому оказаться достаточно готовым, чтобы его заметить и принять.

Он неоднократно говорил, что Иисиидиология — созданное им учение об устройстве человеческого самосознания и мироздания — может быть понята человечеством далеко не сразу. Возможно, только через десятилетия или даже через сотни лет. Собственную задачу он видел прежде всего в том, чтобы получить это знание, адаптировать его к нашему миру и зафиксировать в книгах. По его словам, кроме него самого выполнить эту часть работы было некому. А дальнейшее распространение, популяризация и неизбежное упрощение сложных идей должны были стать уже задачей учеников.

В своих ответах на вопросы Орис порой, наоборот, старался говорить максимально провокационно и дискуссионно. Он выдвигал утверждения, которые в случае серьёзного общественного обсуждения могли бы вызвать острые споры. В книгах появлялись идеи, заявленные как открытия, способные существенно изменить существующие научные представления.

Возможно, расчёт состоял в том, что такие утверждения сами спровоцируют дискуссию. Учёные начнут возражать, сторонники — отвечать, появятся публичные споры, а вместе с ними и интерес к самим книгам. Но этого не произошло. Академическая среда не вступала с Орисом в заметный публичный диалог — ни с поддержкой, ни с серьёзной критикой. А без второй стороны даже самая провокационная идея не превращается в общественную дискуссию.

Нам всё это ещё только предстояло понять. В тот период, который я сейчас описываю, никто из нас почти не рассуждал о стратегии распространения учения в таких категориях. Мы были уверены, что существует высокая вероятность благоприятного развития событий — нужно лишь достаточно интенсивно и альтруистично совершать правильные выборы и тем самым перефокусироваться в соответствующие группы миров.

До переломного момента оставалось ещё примерно пять или шесть лет.

Мы читали книги Ориса с описаниями возможного благоприятного будущего, и эти картины действительно вдохновляли нас на поступки, которые тогда казались по настоящему героическими. В тех вариантах реальности уже существовали развитые Айфаары, новые технологии, иные отношения между людьми и всё необходимое для

спокойной и счастливой жизни. Нам хотелось верить, что это будущее находится совсем близко — ещё несколько правильных решений, ещё немного общей работы, и мы постепенно начнём в него входить.

Существовал даже довольно конкретный ориентир. Орис говорил, что важные события начнутся после того, как он завершит ровно двадцать томов Иссиидиологии и поставит их на свою заветную полку. Эта полка в наших представлениях была уже не просто мебелью с книгами, а своеобразным маркером будущего: когда последний, двадцатый том займёт предназначенное ему место, должно было начаться что-то значительно большее.

Верхний Айфаар

Зимой 2007 года на Айфааре неожиданно получило новый импульс одно из старых направлений, которое могло открыть совершенно новую веху в истории всего центра. Чтобы понять, почему эта идея вызвала столько надежд, нужно немного вернуться назад.

Первый прообраз Айфаара появился вовсе не в посёлке Голубой Залив, а на кордоне Воронцовка, на плато Ай-Петри, ещё в 2002 году. Там много лет пустовали два больших сооружения советского времени. Рядом находилось третье здание, в котором жил лесник.

Именно туда состоялся один из первых больших заездов читателей Ориса на своеобразный духовный «фестиваль». В палаточном лагере собралось более шестидесяти человек. В те годы серьёзных проблем с доступом на эту территорию ещё не возникало, туда регулярно приходили туристы. Кордон Воронцовка и сегодня остаётся частью одного из пешеходных маршрутов по Ай-Петри, с местом для отдыха и остановки путешественников.

Во время того первого фестиваля участники решили заняться расчисткой заброшенных зданий в качестве общего альтруистичного труда. Состояние помещений было плачевным: где-то они фактически использовались как свалка, где-то содержали животных, повсюду лежал старый мусор и битое стекло. Уже тогда Орис говорил, что из всего этого со временем может появиться прообраз будущего «города Света».

Работа была проделана огромная. Своими силами и за собственные средства участники собрали и вывезли тонны мусора, часть помещений расчистили и отремонтировали. С южной стороны пристроили жилой модуль с комнатами для гостей и приезжих. Появились водонапорная башня и баня. Построили большую закрытую деревянную беседку — своеобразный прообраз кострища — с крышей, очагом и дымоходом в центре.

Постепенно центр на Ай-Петри стал использоваться круглогодично, туда начали приезжать всё новые читатели Ориса. Именно он и назвался тогда Айфаар. С одной стороны, становилось понятно, что духовный центр действительно работает: люди узнают о месте и хотят туда приезжать.

С другой — постепенно проявилась очевидная проблема. Надёжных правовых оснований для постоянного пребывания там большого количества людей не было. Пока речь шла о палаточном лагере и небольших ремонтных работах, это ещё удавалось воспринимать как временную ситуацию. Но чем больше становился центр и чем заметнее были строительные изменения, тем вероятнее становилось внимание чиновников и контролирующих органов.

Для серьёзного развития требовалась устойчивая юридическая основа. Землю нужно было оформить таким образом, чтобы крупные вложения в строительство не зависели от чужого решения или изменения административной ситуации. Без этого мало кто был готов жертвовать значительные суммы: слишком велик был риск однажды потерять всё уже построенное. Для преодоления этого барьера, подумав более основательно, решили начать строить второй центр в поселке Голубой залив. Его начали называть «морской» или «нижний» Айфаар. А на база на Ай-Петри стала «горным» или «верхним» Айфааром

И вот в конце 2007 года появилась надежда, что участок на Ай-Петри всё-таки удастся оформить в частную собственность или получить на него иные достаточно надёжные права. Обсуждались готовящиеся изменения законодательства и юридические механизмы, которые якобы могли это позволить.

Практически сразу нашлись последователи, готовые вложить серьёзные средства в строительство полноценного духовного центра на этом месте. На этот раз решили действовать более основательно. Началась подготовка архитектурного проекта, чтобы не повторять многочисленные ошибки прежнего стихийного строительства, когда многие решения принимались непосредственно на площадке.

Существующие два больших здания планировали использовать по-разному. Центральное сооружение считали проще полностью снести и на его месте построить новое. Щебень и бетон, оставшиеся после демонтажа, предполагалось использовать для устройства нормальной подъездной дороги от трассы Ялта — Бахчисарай к самому центру.

Я видел чертёж будущего здания. По проекту это должен был быть огромный трехэтажный деревянный сруб — уже не временная постройка и не постепенно расширяющийся дом, а крупное сооружение, заранее рассчитанное под жизнь и деятельность большого количества людей.

Второе здание решили сохранить. Его планировалось укрепить, полностью реконструировать и дополнить необходимыми помещениями по периметру. Именно с него и решили начать работы, пока продолжалось оформление основной документации на землю.

В этом решении присутствовал и некоторый запасной расчёт. Даже если юридическая история с участком в итоге не сложится, реконструированное существующее здание, как тогда надеялись, всё равно сможет ещё долго служить интересам Айфаара — пусть уже не как центр будущего большого комплекса, а в значительно более ограниченном масштабе.

Теперь, когда предыстория стала понятнее, я могу перейти к тому моменту, когда сам оказался непосредственным участником этих событий.

Первая группа айфааровцев вместе с Орисом поднялась на Верхний Айфаар в конце осени и осталась там постоянно. В неё попала и моя девушка — к тому времени она уже давно жила в центре и хорошо знала и Верхний, и Нижний Айфаар.

Накануне их отъезда я тоже попросил у Ориса разрешения подняться наверх, но он сразу отказал, сказав, что я «ещё не готов». Тогда это прозвучало для меня вполне в духе Айфаара: право участвовать в некоторых процессах определялось не только практической необходимостью, но и предполагаемой внутренней готовностью человека.

Однако спустя некоторое время, уже накануне Нового года, Орис всё-таки вызвал меня в составе второй группы. Нужно было усилить строительную динамику, и наверх направляли дополнительную часть бригады с Нижнего Айфаара. В неё включили и меня.

Поднимались мы двумя машинами — микроавтобусом Renault и нашей грузовой «буханкой». Снега на плато в тот момент ещё не было, и дорога оставалась относительно благоприятной.

Поездки туда происходили регулярно, но обычно небольшими группами и на ограниченное время. Опытные братья дежурили на базе посменно — чаще всего по месяцу, в паре с одной из сестёр. Нередко это были уже сложившиеся пары в отношениях. Их задача во многом напоминала обычное сторожевое дежурство: следить за помещениями, хозяйством и самой территорией.

Когда было принято решение всерьёз развивать Верхний Айфаар, стало ясно, что одной дежурной пары недостаточно. Потребовались дополнительные рабочие руки, особенно строители, поэтому наверх начали вызывать людей с Нижнего Айфаара.

До этого я знал Верхний Айфаар только по фотографиям и рассказам тех, кто уже успел там пожить. Право подняться туда преподносилось как нечто, что ещё нужно было заслужить. Вокруг Верхнего Айфаара существовал слой легенд и мифов. Конечно, говорили об уникальности самого места — высокогорном плато, заповедной природе,

удалённости от обычной городской жизни. Но гораздо больше внимания уделялось его особой энергетике.

В представлениях Ориса это было почти сказочное место, словно выбранное в качестве промежуточной базы или ориентировочного пункта для более развитых внеземных цивилизаций «тонкого плана» — той невидимой части реальности, существование которой на Айфааре считалось такой же естественной частью мира, как физическое пространство.

Особое место в этих рассказах занимали так называемые фиолетовые лучи. По словам Ориса, на территории Верхнего Айфаара существовали мощные энергетические потоки, уходившие от земли куда-то в космическую бесконечность. Он считал это явлением почти уникальным в мировом масштабе и сам пытался понять его назначение.

Насколько я помню, даже для него эта тема оставалась не до конца ясной. Одной из версий было то, что лучи представляют собой нечто вроде межзвёздных маяков, оставленных цивилизациями, значительно превосходящими человечество по уровню развития. Они якобы служили для ориентации или навигации в масштабах, которые нам пока трудно представить.

Энергетика этих лучей считалась чрезвычайно сильной. Если долго находиться непосредственно внутри такого потока, он, по словам Ориса, мог оказывать трансформирующее воздействие на сознание и даже сопровождаться повышенным радиационным фоном. Именно поэтому Орис не сообщал остальным точного расположения лучей.

Была и ещё более необычная деталь: считалось, что эти потоки не обязательно находятся строго в одной точке, а способны немного перемещаться по территории, почти как если бы обладали собственным сознанием или хотя бы некоторой самостоятельностью.

В результате сам Верхний Айфаар воспринимался не просто как ещё одна строительная площадка. Мы считали, что находящиеся там фиолетовые лучи дают нам своеобразное «нечестное преимущество» — дополнительный эволюционный ресурс, способный ускорять внутренние изменения и духовное развитие за счёт своей особой энергии. Именно поэтому поездка наверх для многих казалась не обычной командировкой, а возможностью соприкоснуться с чем-то редким и почти недоступным в других местах.

В первый приезд Верхний Айфаар встретил меня туманом, ветром и морозом. Климат на плато заметно отличался от южного побережья Крыма: температура здесь в среднем была примерно на десять градусов ниже, часто налетал сильный ветер, а густые туманы могли за короткое время полностью скрыть окружающий пейзаж.

Поэтому и сам Верхний Айфаар впервые появился передо мной почти буквально из тумана. Подъехав к шлагбауму возле домика лесника, мы вышли из машин, вручную открыли его поворотом и проехали дальше, к нашим зданиям. С лесниками старались поддерживать добрые отношения, хотя обе стороны держали определённую дистанцию и не вмешивались без необходимости в дела друг друга.

Удивительная красота этих мест в тот день была почти полностью спрятана от нас. Горы, лес и дальние горизонты растворились в серой влажной пелене. Мне теперь нравится думать, что Верхний Айфаар при первой встрече повёл себя немного как красивая, но закрытая девушка: не спешил показывать себя незнакомому человеку, встретил холодно и

настороженно, словно сначала хотел убедиться в серьёзности моих намерений. Только позднее, после долгого знакомства, взаимного терпения и своеобразной привязанности, он постепенно открыл совсем другое лицо.

Мы остановились возле среднего здания, предназначенного в будущем под снос. Его называли «Белым домом»: стены действительно были белыми, а возле входа возвышались массивные квадратные колонны. Среди нас эти сооружения иногда с иронией воспринимались как наследие какой-то «древней высокоразвитой цивилизации» — настолько странно они смотрелись посреди горного плато, оставшиеся здесь ещё с советских времён.

К нашему приезду первая группа успела подготовить внутри три комнаты для проживания. Само здание находилось в довольно аварийном состоянии, и только эта небольшая жилая часть выглядела более-менее пригодной. Все три помещения вместе напоминали маленькую квартиру без кухни. В коридоре стоял небольшой «Булерьян» — металлическая дровяная печь, которая служила единственным серьёзным источником тепла. Когда не было электричества её хорошо растапливали, а ночью старались поддерживать огонь, оставляя двери всех комнат открытыми, чтобы тепло хоть немного распределялось между ними.

Я поселился в левой комнате, где стояло четыре или пять кроватей. Сами кровати были новые и вполне удобные, с хорошими матрасами. На каждой лежали подушка и тёплое одеяло. Потолок закрыли фанерой и оклеили фольгированным теплоизоляционным материалом — так же часто утепляли помещения и на Нижнем Айфааре.

Окно в моей комнате было наглухо закрыто утеплённым фанерным щитом. Дневного света из него не поступало совсем. В противоположной комнате, напротив, сохранилось обычное прозрачное окно, но там стояла только одна двуспальная кровать, предназначенная для жившей здесь пары. Третья комната находилась глубже внутри здания, вообще не имела окон и представляла собой вытянутое помещение сложной формы, словно часть когда-то существовавшего коридора впоследствии приспособили под жильё.

Так началось моё знакомство с Верхним Айфааром — совсем не с той стороны, которую обычно показывали на фотографиях и о которой рассказывали с восторгом.

Когда я сейчас вспоминаю первые дни там, в них почему-то остаётся лёгкое тоскливое чувство. Я оказался ещё дальше от своего привычного мира, чем на Нижнем Айфааре, — в ещё более замкнутом, уединённом и суровом месте. Вокруг было меньше людей, меньше бытового комфорта, меньше привычной красоты, открывающейся сразу. Это довольно сильно расходилось с тем, что первоначально привлекло меня в Айфааре: ухоженная территория, большой живой коллектив, ощущение постоянного движения и вдохновляющие картины будущего и свободы.

Тогда я ещё не знал, что со временем полюблю и это место, проведу здесь много счастливых дней и увижу Верхний Айфаар совершенно другим — солнечным, просторным и удивительно красивым. Пока же передо мной были холод, туман, незнакомое аварийное здание и ощущение, что я забрался ещё на одну ступень дальше от прежней жизни и дома, и что уехать отсюда в любой момент сложно.

Единственным безусловно радостным обстоятельством было то, что здесь мы наконец снова встретимся с моей девушкой после периода разлуки. На фоне всего остального это

имело для меня гораздо большее значение, чем я, возможно, хотел тогда признавать. Среди холодных стен, дровяной печки и неизвестности впереди существовал человек, которого я уже воспринимал как свою вторую половину, и сама мысль о нашей встрече заметно согревала первое впечатление от этого места.

Вскоре после размещения мы все направились в крайнее, основное здание центра. Оно находилось совсем рядом — примерно в сорока метрах от «Белого дома». Между зданиями проходила прямая бетонная дорожка, проложенная между двумя соснами. Между деревьями были натянуты верёвки, на которых сушили постиранные вещи. Эта простая бытовая деталь сразу показывала, что место, каким бы необычным оно ни представлялось в рассказах, давно жило совершенно обычной человеческой жизнью.

Главное здание тоже было одноэтажным, но очень высоким и массивным. Оно было построено из бетона и имело почти плоскую бетонную крышу. По моим воспоминаниям, его размеры составляли примерно сорок метров в ширину и около шестидесяти в длину.

Со стороны основного входа вдоль всей стены был устроен большой дровяной сарай. Он был плотно заполнен заранее напиленными поленьями и одновременно выполнял функцию своеобразного тамбура. Чтобы попасть внутрь основного помещения, сначала нужно было пройти через этот запас дров. Такая конструкция позволяла хотя бы частично отсекать ледяной ветер и холодный воздух, которые иначе сразу врывались бы внутрь при каждом открывании двери.

Дополнительные входы существовали и на двух смежных сторонах здания. Только противоположная стена была обращена непосредственно к лесной опушке. Там находились окна, за которыми начинался совсем другой мир: сосны, холмистое плато и, когда туман наконец расступался, огромное открытое небо.

Войдя в главное здание, я сначала оказался в большом прямоугольном помещении полухозяйственного назначения. Оно напоминало мастерскую или просторный технический зал, хотя было не слишком загромождено вещами. В дальней части слева находился ещё один выход на улицу с небольшим тамбуром. Справа напротив него была дверь в отдельное помещение, которое тогда использовалось как склад и было уже гораздо плотнее заставлено разными предметами.

По центру зал упирался в большие двустворчатые металлопластиковые двери с синими стеклопакетами. За ними уже чувствовалась Айфааровская обустроенность в которой люди постоянно жили и проводили много времени. Перед этими дверями стояли полки и холодильники. Пол был покрыт линолеумом, а возле входа теснилось большое количество обуви. Здесь переобувались, оставляя уличную обувь снаружи жилой части.

Именно здесь я впервые встретил уже знакомых мне по Нижнему Айфаару друзей. Они радостно приветствовали и обнимали прибывших и одновременно разбирали продукты и остальные запасы, которые мы только что привезли с собой. Всё нужно было распределить: часть разложить по полкам, скоропортящееся убрать в холодильники, остальное отнести в предназначенные для хранения места. Прибытие нашей группы сразу превратилось в небольшую коллективную хозяйственную операцию.

За синими дверями начинался так называемый Каминный зал.

Своё название он получил благодаря огромному декоративному камину, стоявшему в дальнем правом углу. Он был выше человеческого роста и по форме напоминал небольшой сказочный замок. Центральная часть представляла собой высокий угловой портал с открытой топкой, внутри которой дрова горели на специальной металлической конструкции с решётками.

По обе стороны располагались высокие дровники, оформленные как две декоративные башни с собственными крышами и арочными нишами. Сам камин был облицован светлой плиткой, а отдельные контуры, карнизы и крыши выделены контрастной синей. Дымоход тоже был закрыт светлой плиткой и поднимался почти до самого потолка. В верхней его части синими плитками был выложен христианский крест — ещё один знакомый для раннего Айфаара символ.

Каминный зал был очень большим и одновременно выполнял сразу несколько функций. Потолок поднимался примерно на пять метров, поэтому даже при большом количестве мебели помещение не казалось тесным.

Вдоль левой стены располагалась полноценная кухонная зона. Там стояли электрические и газовые плиты, холодильники, раковины и различная бытовая техника. Над рабочими поверхностями висело множество полок с посудой и кухонной утварью. Напротив них находился длинный открытый остров для нарезки и приготовления пищи, с несколькими рядами полок в нижней части.

Сразу за этим островом начиналась обеденная зона с большими столами. Вокруг стояли уже хорошо знакомые мне пластиковые стулья — белые и фиолетовые. Вдоль стен были расставлены диваны, так что после еды здесь же можно было остаться разговаривать или просто отдыхать.

На противоположной от входа стене располагался ряд из четырёх высоких одностворчатых металлопластиковых окон. А стена над входными дверями была

оформлена почти сплошной полосой зеркал. Под ними в один ряд установили настенные бра, которые давали дополнительное мягкое освещение.

Правая часть помещения, ближе к камину, воспринималась уже скорее как салон — просторная зона для отдыха и общения с диванами и свободной площадкой перед ними.

Слева от камина стоял ещё один «Булерьян» — большая дровяная печь, выкрашенная в серебристый цвет. У неё был отдельный дымоход: металлическая труба поднималась вертикально вверх и уходила прямо в потолок.

В ближнем правом углу находился вход в пристроенный санузел. Его сделали на возвышении, чтобы обеспечить необходимый уклон для отвода сточных вод. Внутри располагался ряд рукомойников, несколько туалетных кабинок и небольшой хозяйственный склад.

Между высокими ступенями, ведущими в санузел, и камином находился ещё один совершенно неожиданный для такого сурового горного здания элемент — действующий декоративный водопад с небольшим искусственным озером и цветной подсветкой.

Так в одном помещении соединялось сразу всё: кухня, столовая, гостиная, отопление, санитарная зона и почти театральный декор. После холодного «Белого дома» и хозяйственного помещения у входа, Каминный зал производил совсем другое впечатление. Здесь уже чувствовалась попытка не просто приспособить старое советское здание для жизни, а постепенно превратить его в узнаваемое айфааровское пространство — тёплое, немного вычурное и собранное из множества деталей, каждая из которых должна была сделать суровую горную базу хотя уютной и самобытной.

Когда я переобулся и вошёл в Каминный зал, Орис вместе с первой группой уже сидел за большим столом. На Верхнем Айфааре он воспринимался немного иначе, чем внизу. Здесь было меньше людей, меньше дистанции, и потому он казался ближе и доступнее. Жил он буквально рядом — в небольшом помещении, примыкавшем к Каминному залу со стороны кухни. Дверь в его комнату находилась слева от больших синих дверей. Окон там не было, отдельного санузла тоже; из удобств имелся душ с собственным водонагревателем, который мы называли «титаном».

Перед нашей группой ставилась большая задача: возобновить активную реконструкцию здания и постепенно превратить Верхний Айфаар во второй полноценный духовный центр — более уединённый, горный и, как тогда считалось, обладающий особенно сильной энергетикой.

Уже сам факт того, что меня сюда вызвали и теперь я находился на Верхнем Айфааре рядом с Орисом, воспринимался мной как некоторое повышение статуса и знак большего доверия. Ещё совсем недавно я просил разрешения приехать и услышал, что «не готов», а теперь меня вызвали сами.

После традиционных для наших встреч объятий — каждый приветствовал каждого — я нашёл свободное место за столом и положил себе что-нибудь перекусить. Наверное, в тот момент во мне одновременно присутствовали любопытство, лёгкое напряжение и чувство

причастности к чему-то более важному, чем моя прежняя работа внизу. Орис сидел теперь не в большом шатре среди десятков людей, а рядом, за обычным столом, и эта бытовая близость к нему поначалу ощущалась непривычно.

За едой обсуждали дальнейшие строительные планы. Здесь же, при всех, распределяли ближайшие задачи. Было только обеденное время, поэтому после короткой передышки мы встали из-за стола, пошли переодеваться и практически сразу приступили к работе.

Тоскливое чувство первых дней усиливалось ещё и вполне эгоистичными мыслями. Я понимал, что свободного времени наверху станет меньше. Интернета здесь не было, а значит, исчезала и возможность брать редкие удалённые заказы по 3D-визуализации. Физической работы, напротив, становилось заметно больше. Что сможет компенсировать эту перемену эмоционально, я тогда ещё не понимал.

Первые задания оказались на улице. Мы начали высаживать деревья вдоль дорожки, ведущей от главного здания к банному комплексу. Она была выложена уже знакомыми мне квадратными бетонными плитами. По обеим сторонам через каждые несколько метров стояли невысокие, примерно метровые металлические фонари с круглыми стеклянными плафонами.

Вдоль этой аллеи нам предстояло через каждые пару метров выкопать посадочные ямы и сформировать два ряда деревьев. Сами деревья мы тоже не получали из питомника — их находили в окружающем лесу, аккуратно выкапывали вместе с корнями и земляным комом, а затем вручную переносили к месту будущей посадки.

Погода делала эту работу значительно тяжелее. Земля после дождей и постоянной туманной сырости была мокрой и вязкой. Она быстро налипала на резиновые сапоги тяжёлыми комьями, и через некоторое время каждый шаг начинал требовать дополнительных усилий. Приходилось время от времени счищать грязь о камни или траву, но спустя несколько минут сапоги снова становились такими же тяжёлыми.

Одевались соответствующе. На мне было сразу несколько слоёв одежды: нижний слой, сверху свитер и поверх всего длинная утеплённая синяя куртка. На руках — рабочие перчатки, на ногах — высокие резиновые сапоги. Куртка довольно быстро пачкалась от земли и мокрых веток, а перчатки становились влажными почти сразу после начала работы. На фотографии того времени я стою с только что выкопанной молодой березкой в руках: длинный белёсый ствол лежит на плече, корни ещё в земле, сапоги в грязи, вокруг туман и мокрая трава. При этом я улыбаюсь так, будто всё происходящее представляло собой скорее приключение, чем тяжёлую физическую работу.

После посадки за деревьями долго ухаживали и регулярно их поливали. Несмотря на это, прижилось совсем немного. Удивительно, но то самое дерево, которое я несу на фотографии, оказалось одним из выживших. Оно растёт там до сих пор и за прошедшие годы превратилось уже во взрослое, крепкое дерево. За моей спиной видно «Белый дом».

После завершения посадок Орис сообщил свой прогноз: по его оценке, приживётся примерно каждое третье дерево. Насколько я могу судить сейчас, в итоге так и осталось даже меньше.

В тот день мы работали почти до вечера. Зимой на плато темнело рано, но даже с учётом этого рабочий день ощущался для меня длиннее привычного режима Нижнего Айфаара. В то время я ещё очень щепетильно относился к своему свободному времени, буквально считал его и старался сохранить хотя бы несколько часов для себя.

На Верхнем Айфааре эта привычка довольно быстро начала исчезать. Работа постепенно втягивала меня. Здесь гораздо чаще устраивали именно общие процессы, когда все одновременно занимались одним делом. В такой ситуации часы уже имели меньше значения. Если несколько человек вместе пересаживают деревья, заливают бетон или что-то переносят, трудно в определённый момент просто сказать: «Моё рабочее время закончилось», — развернуться и оставить остальных продолжать. Принцип не бросать своих как в беде так и общем процессе, тут выучивался на подсознательном уровне.

На Нижнем Айфааре было иначе. Территория там была значительно больше, работы сильнее разнесены по разным участкам, и человек мог относительно незаметно перейти от одного дела к другому. Даже если формально это оставалась всё та же хозяйственная деятельность, всегда существовала возможность немного переключиться на что-нибудь более приятное или спокойное. Наверху пространство и коллектив были компактнее. Во время той же посадки деревьев просто уйти одному было психологически намного сложнее.

При этом существовал важный бытовой ориентир — ужин. Еду готовили к определённому времени и ждали возвращения работающих. Поэтому окончание общего труда часто определялось уже не часами как таковыми, а моментом, когда вся группа наконец могла закончить начатое и вместе пойти есть.

Другой особенностью тогдашнего Верхнего Айфаара была довольно своеобразная ситуация с душем. Фактически нормальный душ находился только в комнате Ориса и в банном комплексе. Поэтому баню топили часто — практически через день. В остальные дни при необходимости можно было пользоваться душем там же.

Я, признаться, иногда эту процедуру пропускал. После работы мне казалось, что я не настолько успел испачкаться, чтобы ради душа устраивать отдельную экспедицию. Достаточно было снять грязные сапоги и рабочую одежду — и собственное состояние начинало казаться вполне терпимым. В девятнадцать лет представления о необходимом уровне бытового комфорта вообще довольно легко подстраиваются под обстоятельства.

Справедливости ради, и на Нижнем Айфааре ситуация с душем в то время была ненамного лучше, только бани там вообще не существовало. Временная душевая стояла на улице возле кухни, напротив «летнего кафе». Это была простая деревянная постройка с двумя кабинками и небольшим общим предбанником, где находились рукомойник и вешалки для одежды. Над ним были установлены два бойлера, обеспечивавшие горячую воду.

Желающих помыться обычно было больше, чем двух кабинок, поэтому возле душа регулярно образовывалась очередь. Своего времени можно было ждать на лавочке возле входа в летнее кафе, периодически поглядывая, кто вышел и сколько человек осталось впереди.

Самые яркие воспоминания об этом душе у меня связаны, как ни странно, с зимой.

Во время сильных морозов и снегопадов он превращался в ледяную декорацию. Я до сих пор помню, как открывал дверь и видел внутри замёрзшие кабинки, со всех сторон покрытые льдом и сосульками. Душевые шторки становились жёсткими, почти как листы пластика. Краны, стены и поддон тоже покрывались ледяной коркой.

Помыться сразу было невозможно. Сначала требовалось каким-то образом открыть горячую воду и оставить её течь, после чего выйти, закрыть дверь. Самому в это время проще было вернуться на кухню или немного подождать снаружи.

Через пять-семь минут горячий пар и вода постепенно отогревали кабинку. Лёд начинал сходить с крана и поддона, шторка снова становилась подвижной, и только тогда можно было зайти в предбанник, раздеться и наконец нормально помыться.

Особенно запомнился контраст ощущений: снаружи — морозный воздух и снег, внутри — горячий пар и почти тропическое тепло. А после душа снова приходилось выходить на холодную снежную поверхность. На блестящем в ночи снегу виднелись редкие следы предыдущего человека, а неподалёку светились запотевшие изнутри окна кухни. После горячей воды этот мороз и тёплый свет впереди ощущались особенно ярко. Этот временный душ прослужил довольно долго — около четырёх лет. За это время его несколько раз переносили и перестраивали. В какой-то момент он перестал быть полностью уличным, и зимой пользоваться им стало значительно проще.

Вернёмся снова на горный Айфаар.

После посадки деревьев нас, как обычно, ждал хороший и довольно разнообразный общий ужин, а затем — дровяная баня с парной и холодной купелью. Для меня этого оказалось достаточно, чтобы первое впечатление от приезда заметно смягчилось. Утренняя тоска, холод, мокрые сапоги и ощущение какой-то оторванности от привычной жизни к вечеру уступили место усталой расслабленности и удовольствию. После целого дня на сыром воздухе горячая баня воспринималась как награда.

В бане был и Орис. В более тесной и неформальной обстановке он много рассказывал о перспективах Верхнего Айфаара — о том, как должен преобразиться центр в ближайшие годы и насколько мало нынешнее состояние будет похоже на то, что появится здесь потом.

— Вы сейчас смотрите на всё это и видите старые стены, сараи, грязь, — говорил он примерно в таком духе. — А я смотрю и уже вижу другое место. Пройдёт время, и вы сами его не узнаете.

Кто-то спросил:

— То есть всё это здание останется?

— Это — да, но оно совершенно изменится. Здесь будут нормальные помещения, всё утеплим, обустроим. Будет красиво. Не просто база, куда приехали поработать и уехали, а настоящий Айфаар.

— А людей здесь много сможет жить?

— Столько, сколько будет нужно. Не надо сейчас цепляться за цифры. Сначала пространство должно подготовиться под людей, а люди — под пространство.

— А «Белый дом» всё-таки снесём?

— Конечно. Он свою функцию уже выполнил. На его месте будет совсем другое сооружение. Вы ещё будете вспоминать, как спали там в этих комнатках, и удивляться.

— А дорога? — спросил кто-то. — Если начнётся большое строительство, по этой дороге материалы нормально не завезёшь.

— И дорога будет. Всё постепенно подтянется. Главное сейчас не пытаться увидеть весь путь из сегодняшней точки. Мы делаем то, для чего уже появились возможности.

Кто-то спросил о сроках.

Орис улыбнулся:

— Вот сроки вы любите больше всего. Вам скажи год — потом будете каждый день смотреть на календарь. Всё будет зависеть от нашей динамики. Если правильно пойдём, некоторые процессы вообще начнут складываться намного быстрее, чем вы ожидаете.

— А если с землёй не получится?

— Значит, будет другой вариант. Вы слишком привязываетесь к одному сценарию. Наша задача — двигаться в нужном направлении, а не заставлять жизнь реализовывать именно тот вариант, который мы сейчас нарисовали у себя в голове.

Тогда такие ответы мне нравились. Они одновременно давали достаточно конкретный образ будущего и оставляли возможность объяснить практически любое отклонение от первоначального плана дальнейшим изменением сценария.

В горячем воздухе парной, после тяжёлой работы и общего ужина, рассказы о будущем воспринимались особенно хорошо. Утром я видел перед собой туманное плато, аварийные стены и предстоящий физический труд. К вечеру всё это уже становилось исходной точкой большого проекта, в котором мне тоже отводилось место.

Распорядок Верхнего Айфаара в целом напоминал нижний, только вся жизнь здесь была значительно компактнее. Людей меньше, расстояния короче, и потому почти всё происходило друг у друга на глазах.

Завтрак начинался примерно в половине девятого или ближе к девяти. Орис выходил есть вместе со всеми. По утрам он часто носил длинный белый домашний халат с синей вышивкой. Он доходил примерно до середины голени, свободно запахивался и на фоне обычных свитеров, спортивных штанов и рабочей одежды окружающих выглядел очень дрогим. По краям воротника, манжетам и вдоль борта была синяя орнаментальная вышивка — растительная или геометрическая, перекликавшаяся с привычными айфааровскими цветами.

Садился Орис всегда на одном и том же месте — напротив входа, на диване спиной к окну, ближе к кухонной зоне. Он занимал край дивана так, что пройти мимо него дальше было уже невозможно. Если кто-то хотел сесть на этот же диван, приходилось обходить столы и подходить с другой стороны. У остальных постоянных мест практически не было: каждый устраивался там, где в этот момент оставалось свободное пространство.

Утром при первой встрече мы, как и внизу, обнимались друг с другом, включая Ориса. После нескольких дней такая близость уже переставала казаться чем-то необычным: ты просыпался, переодевался, заходил в Каминный зал и через несколько минут сидел с Учителем за одним завтраком.

На кухне обычно включали записи айфааровских песен. Иногда Орис доставал свой телефон и сам запускал какую-нибудь музыку, причём достаточно громко. Сам аппарат тогда обращал на себя внимание. Большие сенсорные телефоны только начинали появляться, первый iPhone совсем недавно вышел на рынок, а у Ориса уже был крупный HTC с большим сенсорным экраном. По тем временам он казался устройством из ближайшего будущего.

Орис вообще заметно выделялся подобными вещами. Даже за общим столом у него был свой отдельный набор посуды и приборов: тарелки, чашки, бокалы, графины, ложки и вилки. Они не смешивались с обычной кухонной утварью.

Посуда была белой и синей, с тонким орнаментом, позолотой или металлическими декоративными элементами. У отдельных чашек были необычные ручки, бокалы отличались формой от тех, которыми пользовались остальные. Столовые приборы выглядели тяжёлыми и нарядными, с рельефными ручками. Даже небольшой графин или блюдце старались подобрать так, чтобы они сочетались между собой и с общей бело-синей айфааровской эстетикой.

Рядом с простой общей посудой это сразу бросалось в глаза. Тогда я воспринимал такие различия как естественную часть его положения. Орис был центром всей системы, и пространство вокруг него тоже постепенно приобретало особые признаки — от одежды и кресла до кружки или ложки.

За завтраками много разговаривали и шутили. Орис любил поддевать кого-нибудь из присутствующих, но чаще это происходило легко и добродушно, без ощущения унижения. Его шутки могли касаться характера человека, какой-нибудь вчерашней ситуации, бытовой привычки или заметной особенности поведения.

Иногда человек всё-таки реагировал болезненно. В таких случаях я не помню, чтобы Орис обязательно тут же превращал случившееся в публичный «урок». Скорее реакция оставалась самому человеку как материал для последующего наблюдения за собой.

Вечером, после песен, он мог сам рассказать о своём утреннем переживании и публично «разотождествиться» с ним — так на Айфааре называли попытку отделить себя от возникшей обиды, раздражения или другой нежелательной реакции, рассмотреть её со стороны и понять, какие внутренние причины её породили.

Орис такие признания приветствовал. Он мог прокомментировать ситуацию, предложить человеку посмотреть на неё иначе или обратить внимание на то, за что именно тот эмоционально зацепился. Это не выглядело способом самоутвердиться за чужой счёт. Наоборот, разговор чаще строился вокруг самого переживания и того, что с ним можно сделать.

За завтраком обсуждали и обычные новости: что происходит за пределами Айфаара, какие сообщения пришли от участников из других городов, кто собирается приехать, какие появились возможности или проблемы. Но ближе к концу разговор неизбежно переходил

к текущим работам. Определяли, кто и куда идёт, какие материалы нужны и что желательно успеть сделать за день.

Именно здесь, на Верхнем Айфааре, Орис начал казаться мне более человечным и близким, чем раньше. Внизу между ним и мной почти всегда существовало большое пространство — шатёр, десятки людей, установленный порядок встреч. Здесь же он был рядом гораздо чаще. Мы вместе завтракали, после работы могли оказаться в одной бане, за столом обсуждали стройку и бытовые задачи. Он подробнее рассказывал о своих планах, объяснял логику строительных решений, вспоминал эпизоды собственной прежней жизни и связывал всё происходящее с тем, как понимал духовное развитие.

На этом фоне ограничения Верхнего Айфаара постепенно стали восприниматься мной спокойнее. Сначала мне казалось, что у меня просто отняли часть уже привычной и приятной жизни внизу: больше свободного пространства, возможность заниматься своими делами, интернет, относительно понятный распорядок. Теперь же я начал видеть и другую сторону.

Взамен я получал ощущение большей включённости. Мы находились ближе к Орису, чаще слышали его самого и участвовали в процессе, которому придавалось большое значение. Тогда мне действительно казалось, что сделка вполне справедливая. Частью свободного времени можно было временно пожертвовать, если взамен появлялось чувство, что ты оказался немного ближе к самому центру происходящего.

Утренних песен на Верхнем Айфааре не было, и мне это тоже нравилось: утро получалось короче, и не приходилось тратить на пение дополнительное время. Считалось, что самого присутствия Ориса за завтраком и общения с ним уже достаточно, чтобы настроиться на день, воодушевиться и выйти на работу в хорошем внутреннем состоянии — не хуже, чем после утренних песен на Нижнем Айфааре.

Организация рабочего дня и перекуса в остальном мало отличалась от уже знакомого мне распорядка. Ближе к часу все постепенно собирались в Каминном зале. Снимали верхнюю рабочую одежду, переобувались, мыли руки и садились за тот же большой стол в обеденной зоне.

Сам перекус здесь был немного короче — примерно полчаса вместо привычного часа. После него снова расходились по своим участкам и работали примерно до пяти-шести вечера. Затем возвращались, переодевались, приводили себя в порядок и ужинали. Уже после ужина, спустя некоторое время, собирались на вечерние песни.

Получалось, что зимой значительная часть всей нашей жизни проходила практически в одном помещении. За одним и тем же большим столом мы завтракали, перекусывали, ужинали, обсуждали планы, новости и рабочие задачи, а немного позднее здесь же собирались на песни. Каминный зал одновременно был кухней, столовой, гостиной, местом для общих собраний и вечерних встреч. В условиях горной зимы такая компактность была вполне естественной: за дверями начинались холод, ветер и сырость, а внутри находилось всё основное пространство нашей совместной жизни.

Летом Верхний Айфаар заметно раскрывался наружу, и мест для общей жизни становилось гораздо больше. Завтракать могли уже на улице, за большим столом в форме буквы «Т». Перекус иногда устраивали прямо перед входом в главное здание, не уходя далеко от рабочих участков. Вечерние песни переносили в деревянную беседку возле костра, а иногда собирались просто на поляне под открытым небом.

Диванный зал

По субботам, как и на Нижнем Айфааре, устраивали общий субботник, а воскресенье старались оставлять свободным для чтения, отдыха и более спокойных занятий. К этому добавлялась баня — по выходным и обычно ещё через день среди недели. На фоне довольно напряжённого рабочего ритма она постепенно становилась одним из немногих способов глубоко расслабиться.

Тем временем развернулась большая реконструкция главного здания. Работы начались сразу на нескольких участках и были рассчитаны далеко не на один сезон. Общая логика состояла в том, чтобы постепенно отказаться от временного размещения в старом «Белом доме» — той самой импровизированной квартиры с закрытыми окнами — и создать в основном здании полноценные условия для жизни большого количества людей во время будущих заездов.

Одним из центральных участков стала внутренняя отделка огромного помещения, примыкавшего к Каминному залу. Позже оно получит название «диванный зал». Орис задумал его как отдельное пространство для отдыха и общения, но по масштабу замысла это должна была быть самостоятельная архитектурная композиция.

Здесь планировался ещё один большой камин, барная стойка, несколько рядов диванов и огромная декоративная стена, превращённая в подобие горной скалы. В одном пространстве Орис хотел соединить сразу несколько стихий — землю, огонь, воздух и воду. Землю должна была олицетворять сама массивная каменная композиция, огонь — встроенный в неё камин, а воду — каскад искусственных водопадов. Источник предполагалось устроить выше камина, откуда вода должна была стекать по каменным уступам вниз и собираться в двух сообщающихся чашах на уровне пола. Кроме того, в диванном зале заранее оставили место для большого аквариума. Воздух это уникальное сложное цветное освещение под потолком и на других уровнях. Тогда всё это ещё существовало в основном в разговорах и рассказах Ориса.

Рядом с будущим диванным залом, в другой половине здания, находился тот самый загромождённый склад, который я видел в первый день. Его тоже планировали полностью преобразить. Часть пространства должна была стать винным погребом и местом для хранения запасов, рядом предусматривался отдельный тамбур с холодильниками.

Но самым необычным помещением в этой части здания должен был стать так называемый президентский «Люкс» — отдельная небольшая квартира для временного размещения особо важных гостей с отдельной кухней. Предполагалось, что когда-нибудь на Айфаар смогут приезжать люди, общение с которыми окажется полезным для развития центра, и для них желательно иметь более комфортное и уединённое пространство, чем общее общежитие. В «Люксе» планировался собственный вход и возможность при необходимости почти полностью изолироваться от остальной жизни комплекса.

На этом замысел реконструкции не заканчивался. По периметру существующего здания собирались залить ленточный фундамент, отступив от наружных стен примерно на четыре-пять метров. На нём предполагалось возвести большую пристройку, которая практически окружила бы основное сооружение.

В этой новой части должны были появиться комнаты общежитий, дополнительные санузлы и душевые, хозяйственные склады, помещение системы отопления, а возле «Люкса» — отдельная веранда. Таким образом, старое советское здание собирались не просто отремонтировать, а постепенно обрастить новой оболочкой, существенно увеличив его полезную площадь.

К реконструкции подошли всё-таки не совсем стихийно. Для расчёта усиления существующих перекрытий привлекли знакомого архитектора из Ялты. Старое здание изначально не проектировалось под те изменения, которые мы собирались в него внести, поэтому нужно было понять, как дополнительно поддержать тяжёлые бетонные ригели крыши и одновременно создать запас прочности для дальнейших планов.

Решение получилось довольно массивным. Вдоль внутренних стен под бетонными ригелями устанавливались вертикальные металлические стойки из толстой квадратной трубы. Готовую трубу такого сечения, насколько я помню, не использовали: каждую стойку сваривали из двух мощных швеллеров, соединяя их в замкнутый квадратный профиль. Получались тяжёлые стальные колонны, которые принимали на себя часть нагрузки перекрытия.

При этом стойки намеренно не заканчивались под крышей. Их выпускали выше её уровня, оставляя сверху металлические продолжения. В этом уже содержался задел на следующий этап: существовала перспектива когда-нибудь устроить над плоской бетонной крышей огромную открытую видовую веранду. С высоты здания она должна была выходить непосредственно на просторы Ай-Петринского плато, и эти же силовые стойки предполагалось использовать как часть несущего каркаса будущей конструкции.

Даже при нашей тогдашней привычке браться за большие задачи было понятно, что объём работ огромный. Это уже был проект не на несколько месяцев и даже не на один год. Но в тот момент именно масштаб особенно вдохновлял: вокруг старого, местами ещё аварийного здания постепенно начинал проступать грандиозный образ будущего международного центра духовно интеллектуального развития, каким его видел Орис.

Особого разговора заслуживала длинная стена с камином в диванном зале, напротив окон. По своему замыслу она вообще не должна была восприниматься как обычная внутренняя стена здания. Орис хотел полностью разрушить ощущение ровной бетонной коробки и перенести внутрь помещения кусок самого Ай-Петринского плато — его скалы, каменные осыпи, пещеры и воду.

Камин он задумал особенно вычурным, почти безумным по масштабу и конструкции. Никакого привычного кирпичного портала, ровной облицовки или аккуратной каминной полки. Топка была огромной — её открытый портал поднимался больше чем на метр. Но и она сама должна была практически раствориться в общем нагромождении камня, словно огонь горит не внутри построенного человеком камина, а где-то в глубине естественной горной пещеры.

Для этого всю стену начали превращать в искусственную скалу. От пола примерно до двух третей её высоты постепенно поднималась массивная композиция из местного ай-

петринского камня. Внизу она была особенно тяжёлой и широкой, а наверху постепенно сужалась, отдельными уступами и выступами переходя обратно в стену. Камни укладывали нарочито неровно, избегая ощущения правильной кладки. Одни сильно выступали вперёд, другие уходили глубже, между ними появлялись естественно выглядевшие расщелины, карманы и небольшие полки. Саму поверхность выше тоже сделали рельефной, из плоской пляжной гальки, поэтому граница между «скалой» и обычной стеной постепенно исчезала.

Материалом для этой декорации служило само плато. Иногда мы садились в нашу грузовую «буханку» и ехали собирать камни по окрестностям. Искали их в естественных скальных развалах, стараясь выбирать разные по размеру и форме — от тех, которые один человек ещё мог спокойно поднять, до крупных тяжёлых глыб, которые приходилось грузить вместе. Особенно ценились неровные камни с выразительными гранями, трещинами и естественными выступами: в готовой композиции они выглядели интереснее правильных.

Камни эти, насколько я понимаю теперь, были в основном местным верхнеюрским известняком, из которого сложена значительная часть Ай-Петринского плато. У свежего камня был ещё один хорошо запомнившийся мне признак — странный резкий запах. Особенно сильно он ощущался, когда камень раскалывали или обрабатывали, и мне почему-то напоминал порох или серу. Уже значительно позже я узнал, что некоторые разновидности известняка действительно способны издавать при свежем сколе характерный запах из-за содержащихся в породе органических и серосодержащих соединений. Возможно, именно с этим мы тогда и сталкивались.

Потом всё привезённое постепенно перекочёвывало внутрь здания. Камни сначала раскладывали неподалёку от стены и перебирали, примеряя наиболее подходящие по форме. Особенно крупным элементам заранее искали место, потому что уже после установки двигать их было трудно. Здесь строительство становилось уже скульптурой. Нужно было не просто сложить прочную стену, а создать впечатление естественного хаоса — а искусственно создать убедительный хаос, как оказалось, совсем не так просто.

Один камень могли несколько раз поднимать, разворачивать другой стороной и снова снимать, пока он наконец не находил своё место. Где-то требовалось оставить глубокую тень, где-то сделать выступ, где-то, наоборот, заполнить слишком правильную линию. Постепенно из отдельных глыб начинал проступать общий рельеф, и бетонная стена всё меньше напоминала часть советского хозяйственного здания.

Особенно сложным центром всей композиции был сам камин. Над огромной топкой каменное нагромождение сильно выступало вперёд. Его передний край Орис хотел сделать похожим на раскрытую пасть какого-то каменного дракона. Если смотреть на готовый камин, такая ассоциация действительно возникает: тяжёлая верхняя масса нависает над тёмной глубиной топки, а отдельные неровные камни по краю напоминают зубы или чешую. При этом образ нигде не был прорисован буквально — никакой головы дракона как таковой не существовало. Она скорее угадывалась в самой форме скалы.

Но и на этом композиция не заканчивалась. Над камином, уже выше его «чёлки», располагался каскад небольших каменных ёмкостей и уступов. По задумке туда наливалась вода. Она должна была стекать сверху вниз по камням, разветвляться на небольшие ручьи и обходить камин с разных сторон. Получалось парадоксальное соседство двух стихий: в глубине скалы горел настоящий огонь, а по её поверхности двигалась вода.

При вечернем освещении это сочетание становилось особенно заметным. Синие лампы подсвечивали мокрый камень снизу и из глубины ниш, вода разносила их отражения по неровной поверхности, а возле топки появлялся совсем другой, тёплый свет. Огонь, вода, скала и холодная синяя подсветка существовали в одном небольшом пространстве, не пытаясь выглядеть естественными в буквальном смысле. Скорее это была наша фантазия на тему самой горы.

Постепенно архитектура начала захватывать и соседние элементы. Дверные проёмы перестали выглядеть как обычные прямоугольники в стенах и тоже оказались окружены арками из камнем. Сами двери мы сделали тяжёлыми и нарочито грубыми. Основой служила металлическая рама из уголка, внутри которой закреплялся толстый массив дерева. Дерево специально состаривали, подчёркивая его неровности и фактуру, после чего покрывали краской и лаком. Тёмные металлические поперечины, массивные петли и крупная фурнитура усиливали ощущение какой-то старой крепостной двери. Ручки тоже выбирали тяжёлые, латунные, чтобы обычная современная дверная фурнитура не разрушала созданный образ.

Постепенно исчезла сама исходная геометрия помещения. Остались потолочные балки — но под ними уже выросла какая-то самостоятельная каменная среда. Скала обволакивала камин, подходила к дверям, формировала ниши и уступы. В том же стиле была выполнена барнаая стойка и подставка для аквариума. Из камня выступали стволы деревьев со светильниками, над головой висело большое кривое бревно. Наверное, в этом и состоял главный архитектурный приём: создавалась впечатление, будто сама гора проросла внутрь здания и постепенно подчинила себе его правильные бетонные формы.

Для плато Ай-Петри это оказалось удивительно органичным художественным образом. Снаружи вокруг нас лежали настоящие каменные развалы, обрывы, дикий лес, туманы и огромные пространства. Внутри весь этот природный хаос становился огранённым бриллиантом – результатом приложения долгих усилий человеческого духа и интеллекта. То же самое происходило и с душами людей, которые участвовали в процессе этой огранки. Они сами превращались из диких необузданных и бесцельных в совершенные и красивые в результате долгой осознанной и целенаправленной работы над собой.

Мою душу предоставили в подмастерья к опытному брату, который умел складывать печи и камины. Как я уже писал, этот камин должен был стать центром будущего диванного зала — не просто источником тепла, а главным архитектурным элементом, вокруг которого постепенно выстраивалась вся композиция помещения.

Огромный каминный портал фактически прорубал стену между диванным залом и соседним помещением, которое называли «Люксом», если кто то забыл. Заднюю часть топки мы выкладывали уже со стороны Люкса из огнеупорного шамотного кирпича. Сам камин немного приподнимали над уровнем пола. В основании оставляли воздушный канал, необходимый для его работы и циркуляции нагретого воздуха. Над топкой в «Люксе» постепенно формировалась сложная кирпичная конструкция, переходившая в дымоход.

Рядом, всё в том же Люксе, находилась отдельная отопительная печь. Её дымоход был устроен сложнее обычной прямой трубы: внутри стены проходили три дымовых канала, чтобы горячие газы не сразу уходили наружу, а успевали отдать больше тепла массиву кладки и помещению. Так что для меня эта работа постепенно превратилась в практический курс сразу по каминам, печам и устройству дымоходов.

Мне всё это было новым и потому особенно интересным. Нас с мастером старались лишний раз не перебрасывать на другие участки, и за долгие часы совместной работы мы хорошо сработались. Орис сразу сказал, чтобы я учился и перенимал опыт. Я так и сделал. В этом был элемент его заботы и одновременно практический смысл. Печников Орис ценил.

Наш печник был уже взрослым человеком, примерно ровесником Ориса, высоким и физически крепким. Думаю, тогда он был и сильнее меня, и несопоставимо опытнее. Я мог довольно легко таскать кирпичи, месить красный глиняный раствор и делать тяжёлую работу, но он понимал, почему конкретный кирпич должен оказаться именно здесь, какой оставить зазор, как поведёт себя тяга и что произойдёт с конструкцией после нескольких сезонов нагрева. Я постепенно начинал видеть внутреннюю логику сооружения. За внешне простой кладкой обнаруживалось множество вещей: температурные расширения, тяга, сечение дымоходов, направление движения горячего воздуха, огнестойкость материалов.

Позднее этот брат стал приглашать меня на подработки уже за пределами Айфаара. Мы вместе выполняли частные заказы по строительству каминов и печей. Он находил клиентов, договаривался о цене, рассчитывал работу и отвечал перед заказчиком, а я помогал непосредственно на объекте. Деньги мы, разумеется, не делили пополам: мне он платил оговорённую сумму за рабочий день, вероятно значительно меньше той части, которая оставалась ему. Но для меня это было вполне справедливо. Он приносил заказ, обладал опытом и, что немаловажно, именно на нём лежала ответственность за все возможные ошибки. Я же одновременно зарабатывал и учился.

Через некоторое время я уже мог находить небольшие заказы самостоятельно. Спрос на подобную работу оказался устойчивым: человек, способный нормально сложить или отремонтировать печь, всегда кому-нибудь требовался. Один из самых необычных эпизодов моей трудовой биографии тоже появился именно благодаря этому ремеслу — однажды мне пришлось поработать настоящим трубочистом.

Наверное, поэтому и сейчас я высоко ценю способность человека что-нибудь делать собственными руками. Не только в смысле бытовой независимости, особенно полезной в непредсказуемые времена. Физический труд очень наглядно показывает реальную цену вещей и денег, особенно в юном возрасте.

Для моей тогдашней жизненной стратегии такая работа подходила почти идеально. Она позволяла не покидать Айфаар надолго, периодически зарабатывать необходимые деньги и одновременно приобретать навык, который можно было применить практически где угодно. В отличие от многих духовных целей, результат здесь был абсолютно осязаем.

Пока мы занимались печным комплексом, сами того не планируя, оказались почти в центре всей реконструкции диванного зала. Наш участок находился у главной стены, поэтому вокруг нас постоянно происходило что-нибудь ещё. Кто-то прокладывал проводку, кто-то занимался потолком и освещением, кто-то таскал материалы, а рядом постепенно росло огромное каменное нагромождение, которое должно было скрыть нашу очень рациональную кирпичную конструкцию и превратить её в ту самую дикую горную скалу.

Особенно много в этой работе было женского труда. Сёстры фактически лепили из камня значительную часть будущего рельефа стены. Это выглядело немного парадоксально: хрупкие девушки в рабочих комбинезонах, перепачканных раствором, создавали сооружение, которое в законченном виде казалось тяжёлым и очень монументальным.

Обычно сначала они долго смотрели на свободный участок стены, прикладывали несколько небольших камней, отходили назад и обсуждали, куда должна дальше «расти» скала. Здесь не существовало обычных ровных рядов, поэтому работа больше напоминала коллективную скульптуру.

— Сюда бы вот тот большой, — могла сказать одна из сестёр, показывая на глыбу, которую сама едва могла сдвинуть.

— Куда именно?

— Вот сюда. Только повернуть этим выступом наружу.

Мы с кем-нибудь из братьев подходили, поднимали камень.

— Нет, нет, чуть выше... Теперь левее. Подержите!

Пока мы стояли с тяжёлой глыбой в руках, они быстро смотрели на неё с разных сторон.

— Так хорошо. Только ещё сантиметров на десять вправо.

В такой момент особенно хорошо ощущалась разница между человеком, который поднимает камень, и человеком, который его «видит». Мне хотелось наконец поставить

тяжесть куда-нибудь и отпустить руки, а им было важно, чтобы именно этот выступ продолжил нужную линию будущей скалы.

Небольшие камни они укладывали сами. Набрасывали раствор, вдавливали в него очередной кусок известняка, заполняли промежутки более мелкими фрагментами, а затем снова отходили на несколько шагов и смотрели, что получилось. В резиновых перчатках раствор всё равно каким-то образом попадал на рукава, колени, обувь и иногда на лицо. К концу дня рабочие лыжные комбинезоны покрывались серыми и белёсыми пятнами так, что первоначальный цвет местами уже было трудно определить.

Иногда одна из сестёр могла долго возиться с каким-нибудь выступом, потом недовольно разобрать часть только что сделанного и начать заново.

— Что не так? — спрашивал кто-нибудь.

— Слишком правильно получается.

Для обычной кладки это звучало бы странно, но здесь было понятно сразу. Ровность как раз разрушала весь замысел. Скала должна была выглядеть так, словно никого не спрашивала, как ей удобнее расти.

Наверное, именно это мне и нравилось в происходившем вокруг. У нашей с мастером работы существовали довольно строгие технические правила: огонь невозможно убедить красивой идеей, а дым не станет идти в неправильный канал из уважения к духовному замыслу. Рядом же создавалась совершенно свободная декоративная форма, где камень можно было повернуть, стену — превратить в грот, а над камином оставить выступ, напоминающий голову какого-то фантастического существа.

Мы строили скрытый скелет, а вокруг него постепенно появлялось тело. И когда много месяцев спустя всё было закончено, большая часть нашей кирпичной работы полностью исчезла из виду. Человек, впервые входивший в диванный зал, видел только шамотный кирпич. Остальное было огромной светло синей скалой с глубокой пещерой с огнём внутри, и нависающими сверху камнями.

Пол в диванном зале был бетонным, но довольно кривым, и мы воспринимали его скорее как черновой. Позже поверх него залили новый сплошной слой бетона. После того как он высох, брат из Перми устроил в полу так называемую энергетическую звезду.

Технология сама по себе была очень простой. Из токопроводящей проволоки формировалась плоская конструкция в виде двенадцатиконечной звезды. Все места пересечения её рёбер тщательно спаивались между собой, а вершины дополнительно соединялись отдельным проводником в большой замкнутый круг. Затем всю конструкцию утапливали в бетон буквально на толщину проволоки и фиксировали раствором. Позже сверху постелили линолеум, и звезда полностью исчезла из виду.

Но, согласно объяснениям Ориса, исчезала она только на физическом плане. На «тонком плане» он якобы видел результат её работы как большой голубой энергетический поток, поднимающийся от пола к потолку внутри контура звезды.

Орис связывал это с сакральной геометрией и особым взаимодействием геометрических форм с пространственными проводниками энергии. При этом результат заранее не считался гарантированным. По его словам, многое зависело от того, кто именно создавал

такую конструкцию и с какими уровнями сознания был связан этот человек во время работы. Наша звезда, по его оценке, получилась особенно сильной и качественной.

Любопытной деталью было требование абсолютной электрической целостности всей схемы. Проволока не должна была иметь обрывов ни на рёбрах, ни в местах соединений. На одном из промежуточных этапов Орис сказал, что звезда почему-то «не работает». Пришлось искать возможный обрыв или не пропаянный контакт. После того как соединения проверили и один из участков перепаяли, Орис сообщил, что энергия начала нормально аккумулироваться и распространяться в окружающее пространство своими, как тогда говорилось, флюидами космической Любви и Мудрости.

Отдельного внимания заслуживало освещение диванного зала. Оно было устроено необычно и, как мне тогда казалось, очень удачно поддерживало весь замысел этого пространства — почти сказочного грота. Мы привезли из леса валежник, в том числе упавшие берёзовые стволы и крупные изогнутые ветви, о которых я уже писал, и закрепляли их на стенах именно в тех местах, где должны были появиться светильники. Сами светильники подвешивали к этим природным опорам на толстых цепях. Они напоминали старинные фонари и давали тёплый жёлто-янтарный свет. На фоне холодной белизны стен этот свет выглядел особенно живым и уютным.

Над барной стойкой на цепях, уходивших под потолок, висело большое дугообразное бревно. В него были встроены лампы, а проводка была аккуратно спрятана внутри. Кроме того, под потолком по всему периметру через небольшие промежутки шёл ряд маленьких холодных ламп и синих светодиодных точек. Они давали ровную фоновую подсветку, из-за которой весь зал был словно наполнен зимним сумраком или подводным свечением.

Отдельные источники света были встроены и в саму каменную массу стен. Подсветка размещалась в нишах, углублениях и возле водных элементов, в том числе в водостойком исполнении — там, где рядом была вода. Благодаря этому свет не просто освещал поверхность, а как будто выходил изнутри стены. Голубые и синие отсветы ложились на выступы, неровности и искусственные скалы, делая их объёмнее. Когда вода внизу двигалась, этот свет тоже начинал жить: слегка дрожал, переливался на потолке, скользил по выступам и отражался в каплях водопада возле камина. Из-за этого весь зал казался не статичным, а дышащим.

Освещение строилось на контрасте двух основных состояний. Первое — тёплое: огонь в большом камине, жёлтые фонари, мягкая регулируемая по яркости подсветка отдельных ниш, особенно за барной стойкой, где светился полукруглый проём с бочонками. Второе — холодное: синие и голубые точки под потолком, подсвеченный проход в глубине, холодный отблеск на белых стенах. Эти два слоя света не спорили между собой, а, наоборот, создавали особую атмосферу. Зал одновременно казался и тёплым убежищем, и ледяной пещерой.

Мне кажется, это освещение особенно хорошо соответствовало самому характеру Верхнего Айфаара. За стенами здания плато жило в резких контрастах: холодный туман мог за несколько минут смениться ослепительным солнцем, после спокойствия внезапно налетал ветер, зимой вокруг лежал снег и всё уходило в бело-серые оттенки, а потом облака разрывались и открывали неожиданно яркое синее небо. Внутри диванного зала этот же контраст словно воспроизводился искусственно. Холодный синий свет растекался по белым каменным стенам, напоминая о зиме и туманной синеве снаружи, а рядом горели тёплые жёлтые фонари и живой огонь камина. Получалось странное сочетание

горной прохлады и домашнего тепла — примерно такое же, каким постепенно становился для меня и сам Верхний Айфаар: суровый снаружи, но способный оказаться удивительно уютным, когда входишь внутрь.

Остальные стены зала решили просто облепить круглой плоской галькой с пляжа вместо плиток. Цветовое решение общее по оформлению диванного зала тоже было оригинальным. Пол и диваны были тёмно синие. Стены были покрашены эмалью с градиентом начиная тоже с синего внизу, с плавным переходам в белый на верхней части стен. Потолок тоже был белым из прямого пластикового сайдинга.

Работы продолжались всю зиму, весну, лето и часть очень. Природа горного плато в это время оставалась суровой и переменчивой. Снегопады, морозы и сильный ветер были обычным явлением. К счастью, значительная часть работ уже проходила внутри большого здания, где мы трудились дружным коллективом и были хотя бы защищены от погоды.

Орис в это время в основном работал над книгами в своей небольшой комнате, примыкавшей к диванному залу. Из-за нашей стройки ему часто приходилось пользоваться берушами. Мы работали с металлом, резали, сверлили, использовали тяжёлый электроинструмент, и шум временами стоял такой, что спокойно писать за соседней дверью без защиты слуха было бы трудно.

Распорядок оставался очень стабильным. Во многом вся жизнь Верхнего Айфаара подстраивалась под рабочий ритм Ориса, а тот в течение этого периода почти не менялся. Его точность действительно была практически поминутной — словно у одноимённой марки швейцарских часов. По Орису можно было точно определять время, когда он выходил на завтрак, когда возвращался к работе, когда появлялся за ужином и когда начинал вечерние песни.

По мере завершения отдельных этапов одни рабочие группы участников на верхнем Айфааре сменялись другими. Орис время от времени устраивал частичную ротацию и среди постоянных участников: если была возможность, кому-то давали передышку, а кого-то, наоборот, переводили на верхний Айфаар, чтобы сменить обстановку и включить в более интенсивный процесс.

На Нижнем Айфааре в это время, напротив, наступил относительный спад активности. Большая часть сил была переброшена на гору, и внизу работа всё больше сводилась к поддержанию хозяйства и уже существующей инфраструктуры.

К ноябрю 2008 года, менее чем за один год работы, диванный зал был уже полностью закончен. Во время одного из очередных больших заездов, Орис собрал нас там длинным зимним вечером. Зажгли новый камин, включили водопады и оставили только совсем тусклое декоративное освещение. Света было мало, и пространство растворялось в полумраке. Видны были лишь отдельные участки каменной стены, отсветы на воде, слабые синие огни и яркое живое пламя, которое время от времени выхватывало из темноты лица сидящих.

Диванов на всех не хватило, поэтому принесли ещё стулья. Орис сидел в центральном кресле совсем рядом с камином, и я устроился неподалёку — так, что мог одновременно слушать его и следить за огнём. В темноте его лицо то почти исчезало, то снова проявлялось в колеблющемся оранжевом свете. Когда пламя становилось выше, на нём проступали черты и складки, отблески в очках, седина в бороде, а потом всё опять уходило в тень. Голубой перстень на его указательном пальце переливался как магический артефакт.

Я время от времени подбрасывал дрова в огонь. Они с треском разгорались, и жар от камина постепенно становился таким сильным, что пришлось открыть окна. Из-за этого тяга ухудшилась, в зал стало затягивать больше дыма, и к запаху дерева и влажного камня добавился лёгкий дымный привкус. Но никто особенно не обращал на это внимания. Разговор продолжался.

Мы сидели намного дольше обычного — не расходились до глубокой ночи. Орис рассказывал о своей жизни, о прежних этапах своего духовного пути, о необычных способностях, о дальнейших перспективах Айфаара. Ему задавали вопросы, он подробно отвечал, иногда уходил в длинные отступления и снова возвращался к основной теме.

Зал был готов, жил своей жизнью и наконец выполнял то, ради чего мы столько времени трудились. Именно это давало мне редкое чувство настоящего удовлетворения. Не абстрактного, не связанного с обещанием будущего, а предельно конкретного. Я сидел в тепле, рядом горел камин, по камням текла вода, вокруг находились люди, с которыми мы прошли большой путь, создали всё своими руками, почти из ничего, преодолев немало трудностей и вложив в это место огромное количество сил.

Мне нравилось само ощущение завершённости. Обычно на Айфааре мы почти всегда жили немного впереди настоящего: строили ради того, что ещё только должно появиться, работали ради будущих Айфааров, читали о мирах, до которых ещё предстояло «перефокусироваться». Здесь же будущее на какое-то время перестало быть обещанием. Оно уже находилось вокруг меня — в тёплом камне возле огня, в шуме воды, в диванах, на которых теперь сидели люди. Всё это ещё недавно существовало только как разговоры в бане, чертежи, груды материала и отдельные рабочие задачи, а теперь стало законченным пространством.

Особенно приятно было понимать, что я знаю его изнутри буквально. За красивой стеной я помнил кирпичную кладку, дымоходы и металлические конструкции; за каменным рельефом — привезённые с плато глыбы, раствор и перепачканные рабочие комбинезоны. Я знал, сколько труда скрыто за тем, что теперь выглядело естественным и даже немного сказочным. Наверное, именно поэтому красота зала воспринималась мной особенно остро: я чувствовал небольшую долю собственного участия почти в каждой его части.

В тот вечер мне не хотелось анализировать, насколько рационально мы потратили столько времени и сил и можно ли было добиться того же результата проще. Я просто наслаждался тем, что получилось.

Одной из тем того вечера стали его так называемые сеансы перефокусировок. В нашей повседневной речи их чаще называли ещё проще — «лечениями». Орис рассказывал, как начал заниматься ими, что, по его представлениям, происходило во время такого воздействия и почему однажды возникла идея записывать эти сеансы на видео, чтобы человек мог пользоваться ими уже без его непосредственного присутствия.

По рассказу Ориса, заниматься подобными сеансами он начал ещё задолго до появления Айфаара. История отсчитывается от помощи матери, жившей тогда в Донецкой области: Орис утверждал, что дистанционно проводил для неё обезболивающие сеансы, когда сам находился в Крыму. Позднее он стал делать подобные процедуры знакомым и друзьям, а с 1996 года начал записывать их на видео для более массового использования.

Сам сеанс внешне мог выглядеть довольно непримечательно. На видеозаписи находился Орис, сосредоточенный на определённой задаче, связанной с конкретным заболеванием, органом или состоянием человека. Рядом с ним иногда стояли крупные друзы горного хрусталя или аметиста. Он делал круговые движения руками и пальцами с лёгкими раскачиваниями и периодическими сбросами этой энергии в сторону. Это было похоже на тушение пожара, которое я описывал ранее.

Объяснение механизма «лечения» было сложным и соединяло привычные научные термины с собственной системой представлений Ориса. Он говорил о гамма-ритмах мозга, высокочастотных мыслеформах, ауре и энергетических аналогах физических органов. Во время сеанса Орис, по его версии, формировал в своём сознании определённую «Мысле-Форму» — направленную программу восстановления, — а затем передавал её человеку в виде высокочастотного энергетического потока. При этом воздействовать предполагалось не столько непосредственно на больной орган, сколько на его более тонкую энергетическую составляющую, нарушение которой и рассматривалось как одна из глубинных причин физической патологии.

Тогда подобная смесь терминов производила на меня достаточно убедительное впечатление. В объяснении присутствовали частоты, мозговые ритмы, клетки, электромагнитные процессы — то есть слова, знакомые из обычной науки, — но соединялись они с вещами, существование которых принималось уже на доверии: аурой, ментальным и астральным планами, мыслеформами как самостоятельными энергетическими образованиями. Сейчас я бы гораздо осторожнее разделял эти два языка и не воспринимал такое объяснение как подтверждённый физический механизм. Но внутри тогдашней картины мира они соединялись для нас довольно естественно.

Особенно необычным было представление о самой видеозаписи. Считалось, что воздействие сохраняется не только в момент непосредственной работы Ориса, но и каким-то образом записывается вместе с цифровым видео. Причём звук не имел принципиального значения: его можно было полностью выключить, а сеанс, согласно этой модели, продолжал действовать. Даже утверждалось, что источник воздействия связан не столько с экраном, сколько с процессором устройства, воспроизводящего файл, хотя направление потока связывается именно с экраном.

Из этого следовала целая практическая система использования «лечений». Разные сеансы не рекомендовалось запускать одновременно, поскольку их программы якобы могли мешать друг другу. Один и тот же сеанс, напротив, советовали повторять много раз.

Существовала и практика «зарядки» воды. Ёмкость ставили рядом с воспроизводимым сеансом, после чего считалось, что вода принимает на себя соответствующие мыслеформы и может некоторое время сохранять их действие.

На Айфааре сеансы перефокусировок включали часто. Их встраивали в песни и таким образом они всё время воздействовали без звука на нас и окружающее нас пространство – за работой, за приемом пиши, в бане.

Важным условием считалось внутреннее состояние самого человека. Чем больше доверия, открытости и позитивного настроя он испытывал, тем лучше, по объяснению Ориса, мог воспринимать воздействие. Недоверие, агрессивность или сильное внутреннее сопротивление, наоборот, рассматривались как препятствие. Если человек не чувствовал эффекта, это могло объясняться не только неподходящим сеансом, но и его собственным психическим состоянием или наличием других, ещё не проявившихся заболеваний.

Это создавало довольно интересную логику восприятия результата. Улучшение естественно подтверждало действие сеанса. Отсутствие улучшения ещё не означало, что он не работает: воздействие могло, как считалось, уходить на другие проблемы организма, быть недостаточно многократным или плохо восприниматься самим человеком. Тогда я даже не замечал замкнутости такой системы объяснений: результат можно было интерпретировать внутри неё практически при любом исходе.

При этом Орис подчёркивал, что его сеансы отличаются от гипноза или «кодирования» и не должны насильственно вмешиваться в сознание человека. Мы, конечно, всё же понимали, что они не являются заменой официальной медицине, не гарантируют выздоровления и должны рассматриваться только как дополнение к назначенному врачом лечению. Если у кого-нибудь что-то болело или возникала проблема со здоровьем, вполне естественно мог прозвучать вопрос: «А лечение включал?» Само слово не требовало дальнейших объяснений. Все понимали, что речь идёт не о таблетке и не о визите к врачу, а об одной из записей Ориса, которую предполагалось поставить на воспроизведение и дать ей время «поработать».

По собственному опыту я не могу вспомнить случая, когда сеанс Ориса помог бы мне вылечить какое-то заболевание или заметно снять боль. Впрочем, серьёзных проблем со здоровьем у меня тогда, к счастью, почти не было, поэтому и проверять эту практику на себе особенно не приходилось.

Несколько раз я включал «лечения» своей бабушке. И вот здесь результат оказался для меня более однозначным: по её словам, ей действительно становилось легче. Я не могу сейчас уверенно сказать, с чем именно это было связано — с самим сеансом, эффектом ожидания, естественным изменением состояния или сочетанием разных причин. Но бабушка воспринимала улучшение вполне серьёзно и однажды даже попросила передать Орису от неё слова благодарности. Для меня тогда это, конечно, служило дополнительным подтверждением того, что в этих записях действительно может быть какое-то воздействие.

Сам себе я чаще включал не специальные лечебные сеансы, а универсальные записи, предназначенные для гармонизации сознания и общего внутреннего состояния. И здесь

субъективный эффект я действительно ощущал. После прослушивания мне нередко становилось спокойнее, легче сосредоточиться, появлялось ощущение внутренней собранности и какого-то мягкого эмоционального подъёма.

При этом я хорошо понимаю, насколько важную роль играло моё собственное отношение к происходящему. Я доверял Орису, был открыт этой практике и заранее допускал, что она может работать. В таком состоянии человек вообще гораздо внимательнее замечает любые изменения внутри себя. Если после сеанса становилось спокойнее или приятнее, я естественно связывал это именно с его воздействием. Что бы именно ни происходило — воздействовала ли запись каким-то образом, работало ли ожидание, расслабление, сосредоточение внимания или всё это вместе, — положительное изменение собственного состояния я тогда воспринимал вполне реально. Для меня в тот период этого было достаточно.

Звездный день рожденья

Ближе к лету жизнь на Верхнем Айфааре уже воспринималась мной не как разовая поездка или временная командировка, а как естественная часть общей айфааровской жизни. Между двумя базами довольно часто курсировали машины и люди, поэтому возможность спуститься вниз существовала почти всегда. Но присутствие Ориса наверху само по себе придавало этому месту больший вес, и мне хотелось оставаться здесь.

С середины весны природа на плато постепенно оживала. Сквозь длинные вереницы туманных и пасмурных дней всё чаще прорывались ясные, солнечные. В такие часы небо на Верхнем Айфааре становилось особенно чистым и глубоким, почти неправдоподобно синим. Облака двигались вокруг плато совсем иначе, чем я привык видеть у моря. Иногда их верхняя граница оказывалась непривычно близко к линии горизонта, и особенно ясно чувствовалось, что мы находимся высоко над побережьем.

У меня это вызывало ощущение какого-то отдельного мира — сказочного небесного королевства, ненадолго открывшегося между туманами.

Несмотря на то, что основная работа проходила внутри здания, с природой мы здесь соприкасались постоянно. Особенно мне нравилось выходить после бани. Она находилась ниже уровня земли, и после жаркой парной мы поднимались наружу и садились возле входа. Разогретое тело медленно остывало на прохладном воздухе, от кожи поднимался лёгкий пар. Можно было просто сидеть на закате, глубоко дышать чистым горным воздухом, слушать птиц и редкое потрескивание веток в лесу. Особенно хорошо мне запомнились запахи мокрой земли и травы, покрытой вечерней росой. Воздух становился прохладнее и плотнее, в нём появлялась свежесть, которую невозможно было почувствовать внизу, у моря.

К вечеру по полям начинал стелиться туман. Он не всегда приходил сплошной стеной — иногда сначала появлялся тонкими полосами в низинах, расползался между травой и только потом поднимался выше. На закате это выглядело особенно красиво: ещё сохранялся свет уходящего солнца, а земля уже постепенно растворялась в белёсой дымке. В такие минуты Верхний Айфаар снова становился похож на то самое сказочное небесное королевство, каким мне иногда представлялся в ясные дни, только теперь его границы не открывались, а, наоборот, медленно исчезали.

В свободные дни мы много читали и гуляли по окрестным лесам и полянам. Одной из самых необычных особенностей плато были многочисленные карстовые воронки — круглые углубления самой разной величины, напоминавшие небольшие кратеры, только без характерных земляных отвалов вокруг. Они встречались повсеместно: среди травы, возле леса, на открытых участках. Иногда одна воронка была совсем небольшой, а рядом открывалась другая, значительно глубже и шире.

К тому времени я уже оказался достаточно полезен на стройке и поэтому мог постоянно находиться на Верхнем Айфааре в небольшом составе людей, живших рядом с Орисом. Я привык к здешнему ритму. Мне нравилась работа, нравилась природа, нравился сам образ жизни. Первоначальная тоска, с которой я когда-то приехал сюда в холод и туман, почти исчезла.

И вот с наступлением лета, в одно из солнечных воскресных утр, произошло событие, которого я давно ждал. Орис в тот день почему-то задержался за завтраком дольше обычного. Так совпало, что и я никуда не торопился и тоже остался за столом. Постепенно остальные разошлись, и в какой-то момент мы оказались практически вдвоём.

Не я начал этот разговор. Орис сам обратился ко мне:

— Дима, ты до сих пор не получил духовное имя. Дело в том, что ты ещё внутренне не определился со своей жизнью, что для тебя Айфаар. Это не даёт тебе двигаться дальше.

К тому времени ситуация действительно становилась необычной. Уже год как я практически постоянно жил на Айфааре, находился рядом с Орисом, участвовал в строительстве и общей жизни центра — и при этом всё ещё оставался без тонового имени, как мы называли духовное имя, которое Орис определял человеку по предполагаемым особенностям его «тонких» вибраций.

Среди небольшого постоянного состава Верхнего Айфаара я был единственным без такого имени. Это было беспрецедентно. Иногда человек приезжал ненадолго и получал имя едва ли не в первые дни. Были мужчины, которые ходили без него значительно дольше, но они обычно не жили рядом с Орисом постоянно: приезжали на несколько недель, а затем возвращались домой.

Орис продолжил:

— Ты же гражданин Украины по документам. Если для тебя Айфаар действительно важен и ты связываешь с ним дальнейшую жизнь, почему бы тебе не воспользоваться своим положением в наших общих интересах? Глядишь, и на уровень имени выйдешь быстрее, если захочешь послужить.

Смысл его предложения довольно быстро стал понятен.

Моё украинское гражданство и крымская прописка действительно давали несколько возможностей, которые могли быть полезны Айфаару. Самым очевидным вариантом был фиктивный брак с одной из участниц, имевшей российское гражданство. В условиях тогдашнего Крыма это могло упростить для неё вопросы длительного проживания на территории Украины.

Второй вариант был значительно серьёзнее. Как человек, зарегистрированный в Крыму, я, насколько мы тогда понимали законодательство, имел право один раз в жизни претендовать на бесплатное получение от государства земельного участка. Формально сама земля могла предоставляться без оплаты или с минимальными официальными расходами, но на практике оформление, как мне объясняли, часто сопровождалось длительной бюрократией и значительными затратами на различные юридические вопросы.

И такой участок уже был на примете — возле Нижнего Айфаара, в Голубом Заливе.

Тогда я не воспринимал этот разговор как условие или скрытую сделку: сделаешь что-то полезное для Айфаара — получишь имя. Для меня это скорее выглядело как очередное испытание на внутреннюю определённость. Орис вообще хотел, чтобы человек рано или поздно переставал оставаться в подвешенном состоянии и ясно отвечал самому себе, куда он идёт и с чем связывает свою жизнь. Я в этом смысле был далеко не единственным потерянным. Выбор собственного пути рассматривался как одна из важных ступеней духовной школы.

Поэтому особого противоречия я тогда не видел. От меня не требовалось ни денег, ни тяжёлой дополнительной работы, ни отказа от чего-то значимого. В предложенных вариантах я видел прежде всего возможность использовать уже имеющееся у меня формальное положение в общих интересах. Даже вариант фиктивного брака казался мне скорее юридической процедурой, чем настоящим жизненным обязательством. Насколько я тогда это понимал, я мог вообще отказаться от этой идеи, а если соглашусь — впоследствии развестись, не связывая с таким браком ни совместную жизнь, ни общее имущество. Поэтому сам выбор воспринимался мной не как жертва, а как вопрос: готов ли я наконец перестать оставлять себе все двери открытыми и показать поступком, что действительно связываю своё ближайшее будущее с Айфааром.

В тот день после разговора с Орисом я всерьёз задумался о себе и о том, куда вообще собираюсь двигаться дальше. Причём дело было не столько в двух конкретных предложениях — браке или земельном участке. Они лишь заставили меня впервые более прямо посмотреть на собственное намерение оставаться в русле Айфаара.

Я не чувствовал какого-то внутреннего сопротивления. Мне не хотелось уезжать, не было ощущения, что я нахожусь здесь против себя. Но одновременно я никогда по-настоящему не задавал себе обратного вопроса: а зачем именно я хочу продолжать этот образ жизни и насколько далеко готов зайти?

До этого всё происходило довольно естественно. Как я уже писал, мной прежде всего двигал интерес быть полезным здесь и сейчас, участвовать в конкретном деле, жить в необычном месте среди интересных людей. Саморазвитие присутствовало где-то рядом, но скорее как естественное продолжение этой жизни, а не как заранее сформулированная главная цель. Мне казалось, что если я работаю, сталкиваюсь со своими слабостями, учусь взаимодействовать с людьми и нахожусь внутри среды, которая постоянно ставит перед человеком новые вопросы, то развитие происходит само собой.

Теперь же от меня как будто требовалось не столько сделать что-то новое, сколько назвать самому себе то, что до этого оставалось неопределённым. Вскоре я снова вернулся к разговору с Орисом и сказал, что готов послужить интересам Айфаара, используя те формальные возможности, которые давали мне гражданство и прописка.

К тому времени я уже знал, что практика фиктивных браков на Айфааре существовала. До 2014 года граждане Украины таким образом могли помогать российским участникам проще решать вопросы длительного проживания в Крыму. После изменения политической ситуации всё начало работать уже в обратном направлении, и спустя годы мне выпала возможность ещё раз повторить эту схему — только уже в качестве гражданина России. Но до этого тогда было ещё очень далеко.

В качестве возможной жены Орис предложил мне только одну кандидатуру, и выбор показался довольно точным. Это была молодая девушка из Зеленограда, всего на год младше меня. Несмотря на возраст, она уже давно находилась в айфааровском движении и имела определённый вес в его организационной жизни. Как раз появилась потребность, чтобы она осталась жить и работать на Айфааре, помогая по учёту расходов центра.

Причём Орис говорил не только о формальности брака. По его мнению, из нас могла получиться и настоящая пара.

— В этих отношениях ты получишь то, о чём мечтал, — сказал он мне.

Такие рекомендации были для него вполне характерны. Орис рассказывал, что ещё со школьных лет хорошо чувствовал, кто кому подходит и какие отношения между людьми могут возникнуть. По его словам, он довольно точно угадывал, кто с кем начнёт встречаться. Зная об этой особенности, люди иногда прямо спрашивали его о собственных романтических перспективах. Он обычно не отказывался отвечать, давал советы и делился своими интуитивными ощущениями.

И здесь возникала одна важная для меня деталь.

Моей тогдашней девушке — той самой, с которой когда-то началась моя первая айфааровская романтическая история, — Орис, насколько я знал, не рекомендовал меня как человека, который «ей на самом деле нужен».

Разумеется, такая оценка не могла совсем не повлиять на наши отношения. Сейчас уже невозможно понять, как они развивались бы без неё. Возможно, всё закончилось бы точно так же. Возможно, нет. Но когда рядом существует человек, которому оба придают большое значение и который говорит одному из вас, что другой — не тот партнёр, который ему действительно нужен, это неизбежно становится частью общего пространства отношений.

Мы тогда ещё оставались вместе, как мне казалось. Во время разлук практически каждый день созванивались. Когда снова оказывались одновременно на Айфааре, садились рядом за столом, гуляли, разговаривали, старались поддерживать друг друга. Она периодически уезжала в Москву на заработки или оставалась на Нижнем Айфааре помогать по хозяйству, а я всё больше времени проводил наверху.

К этому моменту Верхний Айфаар уже перестал быть для меня чужим местом. Я чувствовал себя здесь уверенно, был нужен на стройке, знал распорядок, людей,

помещение, свои задачи. Я уже мог долго жить здесь без неё и не испытывать той первоначальной растерянности, с которой приехал зимой.

Но именно это, возможно, делало изменения в наших отношениях ещё заметнее.

Когда почти вся жизнь проходит внутри небольшого коллектива, отношения трудно спрятать в отдельную личную комнату. Они постоянно существуют на виду: кто рядом с кем садится, кто после ужина идёт гулять, кто кого ждёт, кому первым улыбается, с кем дольше разговаривает. Даже если окружающие специально не обращают внимания, ты сам начинаешь замечать множество мелочей, которым в обычной городской жизни, возможно, вообще не придал бы значения.

Мы виделись всё реже, и я чувствовал, что отношения постепенно угасают. Причём мне казалось, что чувства уходят прежде всего у неё, а не у меня. Для меня это было болезненно. Сейчас я гораздо лучше понимаю, почему всё происходило именно так. Главной причиной была моя полная неопытность в отношениях и почти беспомощность в том, что касалось женщин. Ей было важно постоянно чувствовать себя особенной, желанной, замеченной. Она любила флирт, любила открытое восхищение, яркую эмоциональную реакцию, ей нужно было слышать и видеть, что её красота, настроение, женственность действительно производят впечатление.

А я рядом с ней был скорее как тлеющий уголёк. Чувства во мне были, и довольно сильные, но наружу я выпускал их скупо. Я был сдержанным, закрытым, застенчивым, слишком ментальным. Мне было проще часами рассуждать о какой-нибудь технической задаче или устройстве мира, чем вовремя сказать женщине несколько простых слов, которые ей действительно хотелось услышать. В бытовой и эмоциональной стороне отношений я был гораздо слабее, чем в своих привычных интеллектуальных интересах.

Теперь мне кажется, что мы просто говорили на разных языках близости. Я мог любить глубоко и серьёзно, строить внутри себя большое совместное будущее, быть стабильно преданным и готовым помогать, но всё это далеко не всегда считывалось снаружи. Ей же, вероятно, было важно не только знать о моём отношении, но и постоянно чувствовать его в живом контакте — во взглядах, словах, комплиментах, лёгкости, игре, внимании к её женской стороне. Тогда я воспринимал происходящее не как несовпадение способов выражать чувства, а как разрушение очень важной части своей будущей жизни. Мне её не хватало.

Причём не только физического присутствия. Не хватало прежней определённости — ощущения, что мы движемся куда-то вместе. Когда-то я быстро успел построить внутри себя большую картину нашего будущего: мы остаёмся рядом, развиваемся, работаем, поддерживаем друг друга и каким-то образом идём дальше «рука об руку, душа в душу». Я относился к этому совершенно серьёзно. Поэтому исчезал для меня не просто роман, а целый вариант собственной жизни, который я уже успел эмоционально принять как реальный.

Особенно тяжело мне давалась ревность. Она действительно любила флиртовать. Не для того, чтобы сделать мне больно, не из желания специально вызвать реакцию. Просто такой была её манера общения — живая, открытая, лёгкая. Она могла быстро устанавливать эмоциональный контакт с людьми, шутить, улыбаться, играть интонациями. В этом мы были почти противоположностями.

Я был более сдержанным, спокойным, замкнутым и склонным всё обдумывать. Там, где для неё лёгкий флирт мог закончиться через несколько секунд вместе с самой ситуацией, я способен был потом ещё долго прокручивать её в голове, восстанавливать интонации, взгляды, жесты и придумывать к ним продолжение.

Наверное, значительную часть боли я сам создавал себе именно этим.

Одно случайно увиденное общение могло в моей голове постепенно превращаться в целую историю. Я начинал искать смысл там, где его, возможно, вообще не было, сравнивать себя с другим человеком, вспоминать предыдущие эпизоды и соединять их в одну картину. Чем больше думал, тем убедительнее она становилась.

В условиях Айфаара это приобретало ещё дополнительный оттенок. От меня ожидалось, что я буду наблюдать собственную ревность, искать в ней эгоизм, зависимость, страх потери, желание обладать другим человеком и постепенно «разотождествляться» с этими состояниями. И я действительно старался это делать.

Но духовная теория совершенно не отменяла обычного человеческого переживания.

Можно было сколько угодно понимать, что ревность — это моя собственная реакция, но от этого не становилось приятно видеть женщину, которую я любил, легко и тепло общающейся с другим мужчиной. Иногда внутри одновременно жили две позиции: одна пыталась анализировать происходящее как учебный материал, а другая просто хотела, чтобы она снова смотрела так же на меня.

На эти переживания тогда уходило огромное количество эмоциональных сил. И всё же наши отношения не оборвались резко. В этом, наверное, и была одна из самых трудных их особенностей. Если бы произошёл большой конфликт или окончательное расставание, появилась бы хотя бы ясная точка. У нас же близость постепенно уменьшалась, сохраняя при этом многое хорошее.

Мы продолжали общаться, помогать друг другу, иногда гулять, поддерживать друг друга в сложных ситуациях. Между нами оставалось доверие и общее прошлое. Просто то, что когда-то казалось любовной историей с большим будущим, постепенно становилось чем-то другим.

В какой-то момент мне пришлось признать вещь, с которой я долго не хотел соглашаться: мои первоначальные планы не осуществятся.

Мы уже не шли к той совместной жизни, которую я когда-то успел себе представить. Оставались дружба, человеческая привязанность и ощущение духовного родства. Но образ двух людей, которые дальше будут идти для меня к тому времени уже разрушился. И именно на этом фоне Орис сам вдруг предложил мне другую девушку и сказал, что в этих отношениях я могу получить то, о чём мечтал.

Ориса довольно часто спрашивали в личных разговорах именно об отношениях. Возможно, для многих это был второй по значимости вопрос после духовного развития, а иногда, думаю, и первый. О развитии сознания можно было рассуждать публично, задавать вопросы после песен, обсуждать книги. Но когда речь заходила о конкретном человеке — кто кому подходит, стоит ли продолжать отношения, кого выбрать из двух возможных партнёров, — такие разговоры обычно происходили наедине.

В этом не было ничего исключительно айфааровского. Вопрос любви и выбора партнёра всегда занимал людей, где бы они ни находились. Но на Айфааре к обычной человеческой неопределённости добавлялся авторитет Ориса как человека, которому приписывалась способность видеть глубже привычных психологических проявлений. Поэтому его мнение могло иметь значительно больший вес, чем совет обычного друга.

Теперь я понимаю, что такое положение давало ему довольно сильный инструмент влияния на формирование пар внутри коллектива. Не обязательно в смысле заранее продуманного управления людьми. Скорее сам факт, что к нему приходили за окончательной подсказкой, позволял одним отношениям невольно придать дополнительный импульс, а другим — ослабить его. Сказанное им могло стать частью реальности уже потому, что оба человека начинали учитывать это мнение в собственном поведении. Тогда я об этом почти не задумывался.

Между тем я дал согласие на формальный брак.

Для этого нам нужно было съездить в ялтинский ЗАГС и подать заявление. В один из очередных спусков с Верхнего Айфаара мы вдвоём поехали в Ялту, оформили документы и получили дату регистрации — примерно через месяц.

К тому моменту фиктивные браки на Айфааре уже не были чем-то необычным. Моя тогдашняя девушка, например, в момент нашего знакомства сама состояла в таком браке с невысоким братом из киевской группы, который появлялся на Айфааре не слишком часто.

Иногда такие пары выглядели со стороны совсем неправдоподобно. Разница в возрасте между женихом и невестой могла составлять двадцать или даже тридцать лет. Я не знаю точно, как формировались все эти союзы: назначал ли Орис конкретных людей, предлагал несколько вариантов или участники сами договаривались между собой, получив его одобрение. Особенно подозрительно подобные возрастные сочетания, насколько я помню, выглядели для сотрудников ЗАГСа. В обычной жизни такие браки встречались не каждый день, а у нас иногда следовали один за другим.

При этом мы старались обставить регистрацию максимально натурально. Из костюмерной доставали белое платье, жених надевал пиджак, появлялись шампанское и остальные знакомые свадебные атрибуты. Наряжали не только участников, но и автотранспорт. Для меня в этом было что-то игровое. Я прекрасно понимал юридическую природу происходящего, но внешне всё выглядело как настоящая свадьба, и временами возникало ощущение, будто я участвую в съёмках фильма, где каждый знает свою роль и старается сыграть её убедительно.

С моей стороны каких-либо заметных материальных расходов такая свадьба не требовала. Я предполагаю, что определённые расходы несла мама невесты, поскольку именно она была заинтересована в решении вопроса с легализацией дочери. Но эти деньги, насколько я понимаю, не являлись каким-то заработком Айфаара. Скорее речь могла идти о компенсации организационных затрат, которые в совокупности, вероятно, были даже больше.

Айфаар обеспечивал транспорт до Ялты и обратно, а после официальной регистрации устраивал уже настоящий праздник.

Когда молодожёны возвращались из ЗАГСа, Орис лично встречал их на крыльце. Он выходил в праздничной одежде, с хлебом и солью, как в традиционном свадебном обряде, и торжественно приветствовал новую пару. Там же он давал своё благословение на союз.

После этого все переходили в шатёр. К нашему приезду столы уже были накрыты, играла музыка, места распределены и всё ожидало начала праздника. Молодожёнам отводили отдельные почётные места рядом друг с другом.

Бывало, что ради удобства в один день объединяли сразу несколько регистраций. Я помню праздники, где одновременно чествовали, например, три пары. Тогда получалась уже коллективная свадьба.

Для молодожёнов заранее готовилась и небольшая творческая программа. Пара могла разучить совместный танец и исполнить его в начале торжества. Заказывались большие свадебные торты, использовались привычные праздничные украшения. Внешне всё максимально приближали к общеизвестной свадебной традиции, хотя все участники прекрасно понимали, что юридическая форма и реальные личные отношения далеко не всегда совпадают.

После торжественной части праздник переходил в уже хорошо знакомый мне айфааровский ритм — примерно такой же, как на «Первой капле» или «Празднике света». Угощение, тосты, музыка, песни, подготовленные номера, танцы.

Получалось довольно странное сочетание формальности и искреннего праздника. Брак мог быть изначально фиктивным, заключённым ради документов, но сам день его регистрации проживался коллективом совершенно по-настоящему: люди наряжались, готовили еду, репетировали танцы, поздравляли молодожёнов и создавали для них настоящий праздник.

На самом деле большинство таких браков были по-настоящему фиктивными. Сейчас мне даже кажется, что нарочитая близость свадебных праздников к традиционным обрядам содержала в себе какую-то невольную, а может быть и вполне осознанную иронию по отношению к обычным социальным представлениям о семье.

Иногда «молодожёны» в реальной жизни состояли в отношениях совершенно с другими людьми. Они торжественно сидели рядом за свадебным столом, принимали поздравления, танцевали, разрезали торт, а после окончания официальной части могли спокойно пересесть к своим настоящим партнёрам и дальше вести себя так, словно ничего особенного не произошло. Все присутствующие знали реальное положение вещей, поэтому никакой драмы в этом не видели.

В таком отношении к браку словно подчёркивалось, что сама социальная форма семьи не имеет большой самостоятельной ценности, если не соответствует тому, что на Айфааре считалось эволюционной целесообразностью человека. Штамп в паспорте оставался всего лишь штампом. Значение имели реальные отношения, внутренний выбор и направление жизни.

Ещё заметнее это проявлялось в отношении к детям. В обычной социальной традиции свадьба естественным образом ассоциируется с созданием семьи и возможным рождением ребёнка. На самом Айфааре рождение и воспитание детей не предполагалось, и, насколько я помню, никто из постоянно живущих там особенно к этому не стремился.

Здесь важно уточнить позицию Ориса. Он не выступал против рождения детей вообще — у него самого были дети. Ограничение касалось именно жизни на Айфааре. Если человек хотел семью и детей, он мог жить за его пределами, воспитывать их и строить обычную семейную жизнь. Никто не объявлял такой выбор неправильным или недостойным. Просто это считалось уже несколько другим жизненным путём.

Совмещать постоянное служение Айфаару с воспитанием ребёнка непосредственно внутри центра не предполагалось. Были семьи, которые жили неподалёку, растили детей и по мере возможностей приезжали на общие мероприятия или помогали в каких-то делах. Их за это не осуждали. Эти два пути могли расходиться на какое-то время, а затем снова пересекаться.

Тогда я воспринимал подобное разделение довольно спокойно. Если человек сознательно выбирает определённый образ жизни, казалось естественным, что он принимает и связанные с ним ограничения. Сейчас эта тема представляется мне значительно сложнее. После того как у меня самого появились дети, я стал смотреть на этот выбор совсем иначе. Именно тогда я впервые по-настоящему понял, насколько огромной бывает ответственность за другого человека, когда он действительно от тебя зависит. Ребёнка нельзя отложить до завтра, передать другому участнику по графику или объяснить собственную невнимательность плохим внутренним состоянием. Его нужно кормить, лечить, защищать, успокаивать, зарабатывать для него деньги, принимать решения и быть рядом не тогда, когда удобно, а тогда, когда это необходимо.

На этом фоне многое из того, что мы годами воспринимали на Айфааре как серьёзную школу ответственности, сегодня кажется мне несколько искусственным и даже игровым. Мы могли глубоко переживать из-за того, что кто-то вовремя не закрыл кран, забыл полить участок, неправильно выполнил поручение или подвёл остальных в хозяйственном процессе. Из таких ситуаций делались большие выводы о зрелости человека, его эгоизме и способности отвечать за коллектив. Тогда мне это действительно казалось важной тренировкой характера.

Но реальная ответственность за ребёнка оказалась для меня несопоставимой по масштабу. Там цена ошибки уже определяется не внутренней интерпретацией Учителя и не тем, насколько хорошо ты прошёл очередной «урок». Перед тобой просто живой человек, которому может быть больно, страшно или плохо, и твоя ответственность существует независимо от любых духовных объяснений. После этого некоторые прежние испытания стали выглядеть в моей памяти как тренировочный полигон — возможно, по-своему полезный, но всё-таки очень далёкий от той ответственности, которую приносит обычная человеческая жизнь.

Но для меня собственная свадьба всё-таки оказалась чем-то большим, чем просто новый штамп в паспорте, хотя первоначально я был уверен в обратном. Разумеется, после регистрации мы с моей новой женой не начали внезапно жить как обычная супружеская пара. У каждого оставались свои комнаты, обязанности и привычный круг общения. Юридическая процедура сама по себе ничего не меняла. И всё же внутри меня появилась какая-то новая точка отсчёта: теперь я был женат.

Само по себе это звучало непривычно.

Я начал иначе смотреть и на девушку, которая ещё недавно воспринималась мной просто как одна из духовных сестёр. Теперь я невольно присматривался к ней уже как к молодой

привлекательной женщине, с которой теоретически могла быть связана и какая-то настоящая история.

Тем более что слова Ориса о том, что в этих отношениях я могу получить «то, о чём мечтал», оставались где-то рядом и невольно направляли внимание. После болезненного угасания прежней любви сама возможность нового начала одновременно привлекала и немного настораживала. Я ещё эмоционально не до конца вышел из предыдущих отношений, но передо мной уже словно открывали другую дверь.

Поначалу между нами проявлялся лёгкий полушутливый флирт вокруг самого факта нашего нового статуса. Формально мы уже были мужем и женой, хотя в реальности ещё почти не знали друг друга как мужчина и женщина. Это само по себе создавало довольно смешные ситуации.

— Ну что, жена, как семейная жизнь? — мог я пошутить при встрече.

— Пока муж не очень старается, — могла она ответить в том же тоне.

— Так у нас первый месяц. Испытательный срок.

— А потом?

— Потом будем решать, продлевать ли контракт.

Подобные шутки позволяли осторожно прощупывать новую дистанцию между нами, не делая происходящее слишком серьёзным.

Я начал чаще садиться рядом с ней за столом, искать возможности поговорить вдвоём, помогать ей в каких-то делах или просто задерживаться рядом немного дольше, чем требовала обычная вежливость. При этом формальный статус давал для такого сближения идеальное оправдание: если кто-нибудь замечал наше общение, мы ведь всё-таки были «мужем и женой».

В этом было некоторое психологическое удобство. Мне не нужно было проходить обычный путь от первого знакомства к вопросу, взаимна ли симпатия и допустимо ли сделать следующий шаг. Самый формальный шаг — свадьбу — мы уже каким-то абсурдным образом сделали первым. Всё остальное теперь можно было узнавать в обратном порядке.

Но за этой комической ситуацией постепенно появлялся и настоящий интерес.

Я смотрел на неё и пытался понять, действительно ли Орис увидел между нами что-то, чего я пока не замечаю. Мне становились интересны её характер, реакции, манера разговаривать, то, как она ведёт себя среди людей. Меня привлекало в ней прежде всего то, что по складу характера она была во многом ближе ко мне самому, чем моя предыдущая девушка. Она была интеллектуальной, утончённой и немного романтичной. Мы были ровесниками, и это тоже создавало ощущение большей внутренней соразмерности.

Особенно мне нравилось, как она говорила. Она хорошо владела речью, умела ясно формулировать мысли и не прятала их за общими фразами. На общих собраниях могла совершенно спокойно высказать собственное мнение при всех, прямо обозначить, с чем

согласна, а с чем нет, задать Орису вопрос или ясно и подробно сформулировать своё предложение. Для столь молодой девушки эта внутренняя свобода производила на меня впечатление. Я сам тогда чаще сначала долго обдумывал мысль внутри и только потом иногда решался её произнести, поэтому её способность говорить открыто и точно казалась мне наиболее смелой версией того качества, которое я хотел в себе видеть.

Постепенно я начал замечать в ней не только духовную сестру и читателя Ориса, но и молодую привлекательную девушку, с которой мне действительно могло быть интересно вдвоём. В ней не было той яркой, постоянно играющей наружу эмоциональности, которая одновременно притягивала и мучила меня в прежних отношениях. Здесь привлекательность ощущалась иначе — спокойнее, тоньше, через разговор, совпадение взглядов, способность понимать друг друга с нескольких слов. Возможно, именно поэтому слова Ориса о том, что в этих отношениях я могу получить «то, о чём мечтал», постепенно переставали казаться мне просто его очередным предположением.

После прежних отношений я уже хорошо знал, насколько быстро способен мысленно достроить будущее вокруг понравившегося человека. Поэтому, возможно, где-то внутри старался быть осторожнее. Но двадцатилетний я всё равно оставался человеком, которому очень хотелось любить и быть любимым. А теперь рядом находилась молодая привлекательная девушка, официально называвшаяся моей женой, и Учитель, мнению которого я тогда доверял, прямо сказал, что именно в этих отношениях я могу найти то, чего раньше искал.

Мне нравилось ещё и то, что, в отличие от прежних отношений, здесь я совершенно спокойно мог познакомить девушку со своими родителями. Я был уверен, что она им понравится и что они смогут порадоваться за меня, а заодно, возможно, немного иначе посмотреть и на мою жизнь на Айфааре.

Осенью мы съездили к ним в Севастополь. Познакомились, посидели вместе, хорошо и тепло пообщались. Она действительно всем понравилась, и для меня это было важно. В какой-то момент ситуация вообще начала казаться подозрительно удачной – фиктивный брак неожиданно начал превращаться в реальные отношения, родители приняли её хорошо. Всё словно складывалось само собой, и где-то внутри уже возникало осторожное ощущение: если всё настолько гладко, то в чём же будет подвох?

Первые проблемы появились ближе к концу осени.

Я уделял ей меньше внимания, чем ей хотелось. Иногда брал заказы и небольшие подработки по трёхмерной графике и мог подолгу сидеть за компьютером, полностью погружаясь в работу. Для меня это было естественным состоянием: если появлялась интересная техническая задача, я легко выпадал на несколько часов из всего остального мира.

Она же, в отличие от моей предыдущей девушки, окружала меня почти тотальной заботой и вниманием. Сначала это было приятно. После отношений, в которых мне постоянно не хватало близости и подтверждения чувств, я словно получил всё это с избытком. Но довольно скоро избыток начал ощущаться именно как избыток.

Мне становилось тесно.

К тому времени мы стали жить вместе в отдельной тупиковой комнате — той самой без окон. Внешне всё происходило спокойно: никаких постоянных конфликтов, громких

выяснений или очевидной несовместимости. Но в этой спокойной совместной жизни постепенно проявилась разница в наших потребностях.

Ей хотелось значительно большего взаимного погружения. Больше совместного времени, внимания, разговоров, выражения чувств, каких-то поступков с моей стороны, подтверждающих серьёзность отношений. Я же довольно быстро обнаружил, что мне достаточно гораздо меньшей интенсивности близости. Мне хотелось иметь собственное пространство — возможность спокойно работать, заниматься своими интересами, иногда просто находиться одному и не ощущать, что этим я уже кого-то лишаю необходимого внимания.

Это было довольно парадоксально. Ещё совсем недавно я мучительно переживал из-за женщины, которая давала мне слишком мало близости. Теперь рядом находилась другая, готовая дать её гораздо больше, чем я сам мог принять.

Тогда я не умел увидеть эту разницу именно как различие потребностей. Думаю, и она тоже не вполне понимала, что происходит. Для неё моя отстранённость могла выглядеть как охлаждение или недостаток любви. Для меня её постоянное внимание постепенно превращалось в давление, хотя само по себе было проявлением привязанности и заботы.

Напряжение постепенно накапливалось и в конце концов несколько раз вылилось с её стороны в сильные эмоциональные срывы. После этого я решил прекратить именно романтическую часть наших отношений и вернуть их в прежние рамки — духовного родства и формального брака. Мы оставались юридически мужем и женой, продолжали жить в одном айфааровском пространстве, но как пара уже не существовали.

К счастью, одна она оставалась недолго. Вскоре у неё появились отношения с другим человеком — более романтичным и внимательным братом-музыкантом, тем самым, который играл на гитаре. Дальше начинается уже их личная история, и рассказывать её здесь было бы неправильно.

Я же, насколько помню своё состояние, искренне радовался за них. Мне было видно, что рядом с ней оказался человек, способный дать ей именно то внимание и эмоциональное участие, которых от меня она так и не получила. Возможно, где-то внутри я даже немного завидовал им — не болезненно, а скорее с тихой симпатией к той лёгкости и естественности, с которой у другого получалось то, что для меня самого в отношениях всегда требовало гораздо больших усилий.

В свою очередь, мы с первой девушкой опять каким-то образом сблизились и попытались вновь восстановить прежние отношения. На время это удалось, но мы снова столкнулись с теми же преградами – ревностью и несовпадением эмоциональных выражений.

В тот ранний период становления айфааровской семьи отношения внутри пар ещё были довольно нестабильными. Люди сходились, пробовали пожить вместе какое-то время и постепенно понимали, насколько подходят друг другу. Иногда отношения складывались, иногда довольно быстро распадались, после чего появлялись новые союзы — и весь цикл мог повторяться снова. Так происходило у многих.

При этом речь всё-таки шла именно о парных отношениях, где есть два постоянных партнёра. Системы свободных отношений в обычном смысле на Айфааре не приживались. Однако айфааровские представления о допустимом позволяли, при согласии обоих

партнёров, одному из них провести кратковременную, иногда разовую интимную встречу с другим человеком.

Отказать партнёру в такой возможности могло восприниматься как проявление эгоизма и собственничества. Объяснялось это прежде всего необходимостью внутренней проработки: человеку якобы нужно было реализовать какое-то локальное желание, чтобы перестать постоянно к нему возвращаться. Предполагалось, что после подобного опыта напряжение исчезнет, а человек освободится от навязчивого интереса и сможет спокойнее продолжать существующие отношения.

На практике всё, как мне теперь кажется, было значительно сложнее.

Иногда такая встреча становилась своеобразной «дегустацией» другого партнёра — возможностью проверить не только эмоциональную симпатию, но и сексуальную совместимость. И если возникало сильное взаимное притяжение, оно вполне могло оказаться весомее прежних рассуждений о духовной целесообразности и правильности уже существующей пары.

Для отношений это становилось довольно серьёзным фактором нестабильности. Человек мог получить разрешение на единичный опыт, а затем обнаружить, что хочет продолжить отношения уже с новым партнёром. Для того, кого оставляли, вся теория о свободе от собственничества и необходимости духовной проработки, конечно, не отменяла вполне обычной человеческой боли.

Ревность, страх потери, чувство предательства и обиды никуда не исчезали только потому, что им давали другое духовное объяснение.

Однажды напряжение дошло даже до физической драки между двумя сёстрами из-за одного мужчины. Одна из них уже состояла с ним в отношениях и жила вместе с ним. Появление другой женщины вызвало настолько сильную реакцию, что произошёл серьёзный скандал. После этого Орис действительно изгнал первую сестру с Айфаара на три года за устроенный ею дебош. Ни сразу, ни потом, спустя три года, она так и не вернулась — думаю что, сил или желания снова войти в эту жизнь у неё уже не нашлось. Мужчина же остался с новой женщиной.

Орис в публичных беседах часто критиковал учеников за собственничество и духовный эгоизм по отношению к их партнеру, если они не понимают или препятствуют возможности реализации их потребностей на стороне. Он утверждал, что это разрушает их отношения сильнее всего. На самом деле, как потом мне стало известно, он сам проявлял собственничество по отношению к своей тогдашней партнерше, позволяя себе при этом «краткосрочные эксперименты». К тому же их отношения тоже не были такими уж стабильными и абсолютно устойчивыми. Он сменил как минимум троих постоянных партнерш за десять лет.

Если оглянуться на историю отношений братьев и сестёр, кто подолгу находятся на Айфааре, получается довольно любопытная картина. За эти годы почти все люди успели попробовать отношения со всеми подходящими по возрасту представителями противоположного пола в коллективе. Со временем ситуация изменилась. Людей стало меньше, а оставшиеся пары постепенно стабилизировались. Отношения стали значительно продолжительнее и устойчивее.

Почему именно это произошло, я сказать не могу. Возможно, люди просто стали старше и лучше понимали собственные потребности. Возможно, накопленный опыт научил их меньше идеализировать новые отношения и внимательнее относиться к уже существующим. Наконец, нельзя исключать и совсем прозаическое обстоятельство: коллектив уменьшился, а вместе с ним сократилось количество новых свободных людей, с которыми вообще можно было бы попробовать построить другую пару.

Вся эта история айфааровских отношений сама по себе могла бы стать материалом для отдельного социологического исследования. В небольшой закрытой группе на протяжении многих лет почти на глазах разворачивался своеобразный эксперимент: духовная идеология пыталась переосмыслить ревность, собственничество, верность, сексуальное влечение и само понятие пары, а люди при этом продолжали оставаться людьми со своими привязанностями, желаниями и страхами.

Мне особенно интересно, что, несмотря на довольно свободное отношение к возможности кратковременных связей, большинство всё равно стремилось именно к устойчивой паре. Это желание оказывалось удивительно живучим. Но устойчивость конкретного союза зависела уже от множества вещей — характеров, возраста, эмоциональной совместимости, сексуального притяжения, общего опыта, взглядов на жизнь и самой среды, в которой существовала пара.

Возможно, всё это было чем-то вроде многократно ускоренной модели обычных социальных отношений. В привычной жизни человек за ограниченный период успевает близко узнать сравнительно немного потенциальных партнёров. У нас же круг общения был тесным, люди постоянно находились рядом, а сама система допускала значительно более свободное изменение отношений. Теоретически это позволяло за то же время сравнить больше вариантов и в конце концов остановиться на человеке, который лучше подходит по совокупности разных качеств.

Если бы такая модель действительно работала именно так, можно было бы предположить, что в конечном счёте она способна сделать людей счастливее: каждый следующий выбор постепенно приближал бы человека к более подходящему партнёру. Но для настоящего эксперимента потребовалось бы значительно больше добровольных участников, а главное — возможность наблюдать за их отношениями многие годы. На Айфааре выборка была слишком маленькой, чтобы делать из нашего опыта какие-либо серьёзные выводы.

Кроме того, сам путь к предполагаемому результату оказывался довольно болезненным. Чтобы один человек нашёл более подходящего партнёра, другой часто должен был пережить потерю, ревность, чувство ненужности или предательства. Вероятно, именно поэтому человеческие общества за свою долгую историю выработали множество культурных и моральных ограничений вокруг сексуальных отношений, брака и верности. Такие нормы, среди прочего, уменьшают количество ситуаций, в которых постоянный поиск лучшего варианта способен разрушать уже существующие связи.

На Айфааре дух изобретательства и социальной инженерии проявлялся даже здесь. В каком-то смысле мы пытались спорить с привычными механизмами человеческого поведения, сознательно заменяя часть устоявшихся правил другими. При этом у нашей системы тоже существовали собственные предохранители, которые должны были удерживать психику и отношения от разрушения.

Такими предохранителями считались общее духовное устремление, достаточно детальная теория устройства человека и мироздания, доверие к способности Ориса видеть причины

происходящего глубже нас самих и постоянная практика работы с негативными состояниями. Предполагалось, что человек не просто испытывает ревность, злость или обиду, а наблюдает за ними, разбирает их причины и старается как можно быстрее выйти из реакции.

Пока все участники одинаково принимали эти правила и действительно старались контролировать себя, серьёзных открытых конфликтов в большинстве случаев удавалось избегать. Но сами негативные переживания никуда не исчезали. Наоборот, очень многие поводы для внутренней работы возникали именно в сфере личных отношений. Ревность и обида, насколько я помню даже по себе, были одними из самых частых состояний, с которыми приходилось разбираться.

Когда человек не справлялся с накопившимся внутренним напряжением, он мог сам отправить себя на так называемые «солнечные дни» — систему исправительных работ, о которой я уже рассказывал раньше. Со временем эта практика стала гораздо более формализованной.

Разница заключалась в том, что Орису уже не требовалось лично искать для каждого нарушение, устраивать разбор, грозить изгнанием, а затем оставлять возможность договориться о более мягком варианте. Было введено простое правило: если человек находился в негативном состоянии дольше двух минут и не смог с ним справиться, он должен был в тот же день прекратить обычную работу и выйти на «солнечные дни».

После этого он обращался к куратору или прорабу, который подбирал для него подходящий участок работы. Особенно подходящими считались тяжёлые физические задачи — земля, бетон, камень. Человек работал от рассвета до заката три дня подряд. Днём перерывов на еду не предусматривалось. После захода солнца он возвращался в общежитие, мог поесть на общей кухне и отдохнуть перед следующим днём.

Таким образом, внутреннее переживание довольно быстро приобретало совершенно материальные последствия. Ещё утром человек мог ревновать партнёра или несколько минут прокручивать в голове обиду, а через некоторое время уже копал землю или таскал камни, зная, что следующие три дня его распорядок будет определяться этой реакцией.

После окончания «солнечных дней» история не считалась завершённой. На ближайшем общем собрании после вечерних песен ожидался открытый отчёт. Человек рассказывал, из-за чего вышел на исправительные работы, что именно с ним происходило, как прошли эти три дня и к каким выводам он в результате пришёл.

Орису уже не приходилось постоянно выполнять неприятную роль того, кто лично замечает проступок и назначает наказание. Человек должен был сам наблюдать за собой, фиксировать нарушение и самостоятельно отправляться отрабатывать его последствия.

Но возможность внешней проверки оставалась. Орис время от времени напоминал, что способен увидеть, насколько честно соблюдается правило. По его словам, он мог «просмотреть» все конфликтные ситуации человека за день или своим способом «кинуть на крест», определив, сколько таких эпизодов было и насколько быстро человек сумел выйти из каждой реакции.

Поэтому полностью приватным внутреннее состояние всё равно не становилось. Даже если никто вокруг не заметил твоей обиды или ревности, оставалась мысль, что Орис при необходимости способен её обнаружить.

Люди выходили на «солнечные дни» довольно часто, некоторые — неоднократно и даже из-за похожих ситуаций. Особенно часто поводом становились всё те же личные отношения: ревность, обида, ощущение несправедливости, ожидания от партнёра. Получалось, что одна и та же эмоциональная тема могла возвращаться снова и снова, несмотря на предыдущие три дня тяжёлой работы и последующий публичный разбор.

Иногда Орис всё-таки сам назначал человеку «солнечные дни». Теперь для этого уже не требовалось прежнего театрального изгнания, коллективного суда и последующих переговоров о возможности остаться. Он мог просто сказать, что человек должен выйти на исправительные работы.

Такие случаи действовали на остальных отрезвляюще и держали всех в определённом напряжении. Причём поводом могла стать уже не только очевидная бытовая ошибка, которую видели окружающие, но и внутренняя негативная реакция, с которой человек, по оценке Ориса, не справился достаточно быстро.

Позже Орис добавил ещё одно правило, которое делало эту систему значительно жёстче. Теперь ответственность распространялась не только на собственную негативную реакцию. Если рядом с тобой другой человек — например, партнёр — входил в обиду, раздражение или ревность, а ты не смог помочь ему выйти из этого состояния за те же две минуты, то ты тоже считался участником произошедшего и должен был отправиться на «солнечные дни».

После этого пары нередко выходили на исправительные работы уже вместе, плечом к плечу. Один не справился со своей реакцией, второй не сумел достаточно быстро его успокоить — и оба на следующие три дня оказывались с лопатами, камнями или бетоном. В этом была своя внутренняя логика: отношения рассматривались как общее пространство, за состояние которого в равной степени отвечают оба человека.

Не могу сказать, что в конечном счёте эта система работала так эффективно, как предполагалось. По крайней мере мой собственный опыт постепенно заставил меня в этом сомневаться. Те глубокие эмоциональные механизмы, которые формировались в человеке очень долго и связаны с гневом, завистью, ревностью, страхом, обидой, стремлением к признанию, не исчезали после нескольких циклов тяжёлой работы и правильных выводов на общем собрании.

Я проверял это на себе. Можно было три дня работать от рассвета до заката, подробно разобрать ситуацию, искренне решить, что теперь всё понял, а через некоторое время столкнуться почти с тем же переживанием снова. Внешняя форма менялась быстрее, чем внутренняя реакция. И даже несколько выходов на солнечные дни тоже не решали проблему. В какой-то момент духовная работа шла настолько интенсивно, что выходили на такие работы очень часто и по много раз с небольшими перерывами. Иногда даже перерыв не успевали сделать, как снова выходили или продлевали из-за новой ситуации, случившейся в ходе работы. Иногда отдельные люди намерено усложняли себе наказание не тремя днями, а семью или десятью и даже больше.

Время шло, а общий заметный результат был не очевиден. Со временем это, как мне кажется, стало порождать приспособленчество. Человек уже лучше понимал, какие состояния допустимы, сколько времени можно в них находиться, что нужно сказать самому себе и как потом правильно объяснить случившееся окружающим. Постепенно рядом с настоящей внутренней работой появлялось всё больше формального отношения к самой процедуре.

Пожалуй, именно здесь особенно хорошо проявилась разница между изменением поведения и изменением самого человека. Поведение действительно можно довольно быстро поставить в жёсткие рамки. Можно научиться не повышать голос, вовремя остановить спор, сказать правильную фразу, пойти работать и потом публично разобрать произошедшее. Но это ещё не означает, что исчезла сама ревность, страх или обида. Постепенно практика «солнечных дней» стала применяться всё реже, а затем почти сошла на нет.

Это было довольно большое отступление от темы и одновременно забегание вперёд. Теперь я хочу вернуться в лето 2008 года, на Верхний Айфаар, к тому самому разговору, когда Орис впервые предложил мне использовать возможности, которые давали моё гражданство и крымская прописка.

Я согласился и на фиктивный брак, и на идею с земельным участком, но произошло это не сразу. Никто не требовал от меня ответа в ту же минуту. У меня было время спокойно всё обдумать, и больше всего я размышлял даже не о самих предложениях, а о том, какое место Айфаар вообще занимает в моей жизни и хочу ли я связывать с ним дальнейшее будущее.

До этого я почти год жил довольно короткими отрезками времени. Мне нравилось то, чем я занимался сегодня: стройка, люди рядом, новые задачи, природа, разговоры, ощущение участия в большом общем деле. Я редко спрашивал себя, где хочу оказаться через пять или десять лет. В девятнадцать-двадцать лет такая неопределённость казалась совершенно естественной. Но предложение Ориса впервые заставило посмотреть на Айфаар не как на интересный этап жизни, который может когда-нибудь закончиться, а как на возможное направление всей дальнейшей дороги.

Я пытался представить, что будет, если просто уеду. Вернусь в Севастополь, восстановлюсь или поступлю куда-нибудь ещё, найду обычную работу, начну постепенно строить самостоятельную городскую жизнь. Ничего страшного в этом сценарии не было. Наоборот, он выглядел вполне нормальным и понятным. Но именно поэтому в нём тогда не было для меня особого притяжения. Я уже успел попробовать обычную студенческую жизнь и пока не чувствовал, что мне хочется вернуться к ней только потому, что так делают большинство людей моего возраста.

Айфаар же, при всех его сложностях, постоянно давал ощущение движения. Каждый месяц происходило что-то новое. Я осваивал строительство, работал с техникой, занимался трёхмерной графикой, участвовал в организации праздников, учился жить внутри большого коллектива, сталкивался со своими эмоциональными слабостями, слушал разговоры о вещах, о которых до этого вообще никогда не задумывался. Даже если отбросить всю духовную составляющую, сама плотность опыта была для меня огромной.

Особенно важным было ощущение собственной полезности. Я уже не чувствовал себя случайным гостем, которого терпят из вежливости. На Верхнем Айфааре у меня были конкретные навыки и задачи. Я умел работать руками, постепенно разбирался в строительстве, мог помогать с компьютерами, был молод, физически вынослив и готов много работать. Мне нравилось видеть непосредственный результат своих усилий — вчера здесь был голый склон, а сегодня появлялась конструкция, помещение или ещё один законченный участок.

Именно это тогда сильнее всего и удерживало меня. Мне хотелось быть частью чего-то, что только создаётся. Не прийти в уже готовую систему и занять приготовленное место, а участвовать в её строительстве — буквально таская камни и замешивая бетон.

Духовное развитие при этом оставалось для меня важным, но не существовало отдельно от всей этой жизни. Я не представлял себя человеком, который приехал исключительно ради учения Ориса и готов был бы годами только читать книги и медитировать. Мне была интересна вся совокупность: люди, идеи, строительство, творчество, отношения, необычные эксперименты с образом жизни. Я воспринимал всё это как одну среду, в которой одновременно можно было что-то делать руками и пытаться лучше разобраться в самом себе.

Был и ещё один простой мотив, который в двадцать лет трудно недооценивать: здесь моя жизнь казалась значительно интереснее обычной. Я находился в горах, среди людей из разных городов и стран, рядом с человеком, которого тогда считал необычным Учителем, участвовал в создании места, которому приписывалось большое будущее. На фоне этого перспектива вернуться к привычной последовательности «учёба — работа — квартира — бытовые заботы» воспринималась мной слишком предсказуемой.

При этом я не чувствовал, что принимаю какое-то бесповоротное решение на всю жизнь. Наверное, если бы тогда мне сказали: «Ты обязан прожить здесь следующие десять лет и уже никогда не сможешь изменить выбор», — я бы задумался гораздо серьёзнее. Но передо мной такого условия не стояло. Я мог оставаться столько, сколько считал нужным, а если однажды пойму, что этот путь перестал быть моим, — уйти. Эта мысль, окончательно снимала внутреннее сопротивление.

Я рассуждал так: мне здесь интересно, я полезен, мне нравится эта жизнь и я не вижу места, куда хотел бы уйти сильнее. Значит, зачем заранее отказываться от возможности

продолжать? Если Айфаар окажется действительно моим путём — это проявится со временем. Если нет — никто физически не удерживает меня здесь.

С сегодняшней точки зрения я понимаю, что решение было гораздо серьёзнее, чем мне тогда казалось. Каждый год, проведённый внутри определённой среды, постепенно связывает человека с ней отношениями, навыками, привычками, представлениями о мире и кругом близких людей. Уйти через пять лет уже совсем не то же самое, что уйти через пять месяцев. Но двадцатилетний я об этом практически не думал.

Тогда логика была значительно проще: мне нравилось то, что происходило со мной сейчас, я видел впереди множество интересных дел и не чувствовал внутренней причины от них отказываться.

Поэтому через некоторое время я вернулся к Орису уже с определённым ответом. Я был готов использовать свои формальные возможности в интересах Айфаара — и в вопросе брака, и в вопросе получения земельного участка.

Двадцать первого июля 2008 года я, как обычно, пришёл на вечерние песни на Верхнем Айфааре. Летние дни были длинными, поэтому начинали мы ещё засветло. В тот вечер пели в помещении: так было проще и быстрее собраться, чем каждый раз организовывать всё на улице.

Пели песни из первого, синего песенника. Именно этот сборник мне тогда нравился больше всего. В нём было много ярких и вполне конкретных для нашего воображения образов: космическое братство, смысл земных воплощений, духовная эволюция человека, перспектива каких-то гораздо более высоких состояний сознания. Эти песни не просто говорили о том, что нужно становиться лучше. Они предлагали целую картину мира, в которой наша нынешняя жизнь была лишь небольшим эпизодом огромного пути.

В тот день мне удалось особенно глубоко войти в это состояние. Обычно во время песен какая-то часть внимания всё равно оставалась снаружи: я мог заметить человека напротив, подумать о работе, вспомнить недавний разговор. А тогда всё это словно постепенно отошло на второй план. Я расслабился и почти полностью погрузился в смысл слов.

В какой-то момент окружающие люди и само помещение перестали восприниматься мной отдельно от того, о чём мы пели. Возникло очень цельное чувство: будто все наши обычные дела — стройка, отношения, усталость, ошибки — вдруг оказываются маленькими частями какого-то гораздо большего движения.

Меня пробрало до мурашек по спине, а потом неожиданно появились слёзы. Это не было ощущением грусти. Скорее меня захлестнуло сильное устремление к той глобальной духовной цели, о которой говорили песни. Мне вдруг очень захотелось самому когда-нибудь приблизиться к этому состоянию и не просто изменить собственную жизнь, а каким-то образом участвовать в повышении самосознания людей вообще.

Тогда подобная мысль не казалась мне ни чрезмерной, ни высокопарной. Наоборот, в том эмоциональном состоянии она воспринималась реалистичной: если человек способен становиться более осознанным сам и помогать в этом другим, значит, именно этим и стоит заниматься. После песен, как обычно, начались разговоры с Орисом и ответы на вопросы.

На следующий день, двадцать второго июля, мы снова собрались примерно в то же время. Орис пришёл на песни с хорошо знакомой мне жёлтой папкой. В ней хранились списки тоновых имён. Он положил её рядом с собой на стол. Одного этого было достаточно, чтобы я сразу обратил на неё внимание.

Папка пролежала рядом с Орисом всё время, пока мы пели. Я старался не отвлекаться на неё, но полностью забыть о её присутствии уже не мог. Среди людей, находившихся тогда рядом с Орисом, я, насколько помню, только два человека оставались без тонового имени — это был я и девушка Лена, которая приехала туда не так давно. Я уже ничего не ожидал получить, было просто любопытно, какое там имя и не моё ли вдруг оно на этот раз, хотя вряд ли моё.

И всё же сами песни снова прошли для меня в очень возвышенном состоянии. В них снова возникали те же большие образы, и после переживания предыдущего вечера я словно продолжал находиться на той же внутренней волне.

Но где-то рядом всё время лежала жёлтая папка. Её появление в тот день явно было не случайным. И в этом внутреннем фоне особенно ярко звучали те образы, которые мы пели накануне и в тот день — образы, где человеческая жизнь представала как путь странников, пришедших «из звёзд» и временно забывших о своём происхождении.

В этих песнях звучала почти мифологическая картина: группа душ, некогда собравшихся в едином круге, покидает свой «дом», чтобы пройти через плотность земного опыта. Они несут с собой свет и внутреннюю память о состоянии единства, которое здесь превращается в задачу — вспомнить и передать.

Особенно сильно врезался в сознание мотив возвращения: ощущение, что всё происходящее на Земле — это не просто развитие, а путь обратно, через испытания, через утраты и искажения, к исходному состоянию ясности.

В этих образах было что-то одновременно возвышенное и трагическое. С одной стороны — героический масштаб миссии, космическая ответственность. С другой — ощущение неизбежного искажения: как будто свет, проходя через плотную материю человеческих жизней, неизбежно тускнеет, забывается, теряется.

И именно поэтому мотив «пробуждения» звучал так настойчиво. Он не был мягким или нейтральным — он всегда содержал в себе внутренний призыв, почти крик: вспомнить, не уснуть, не раствориться окончательно в земной инерции.

В такие моменты легко возникало чувство, что сама реальность делится на два слоя: один — привычный, бытовой, где люди живут, работают, устают; и другой — тонкий, где всё это оказывается лишь сценой для гораздо более значимого процесса возвращения сознания к себе.

Когда песни закончились, Орис открыл папку и нашёл заранее подчёркнутое имя.

Прочитать его с первого раза ему не удалось. Он несколько раз попробовал произнести слово с разными ударениями, словно подбирая правильное звучание. Потом наконец остановился на одном варианте, посмотрел прямо на меня — уже без прежних провокаций, игры или интриги — и сердечно поздравил.

Наступил мой момент.

Я поднялся со своего места и обошёл большой стол, за которым мы только что пели. Подошёл к Орису и обнял его, принимая поздравление.

— Твоё имя означает «Верный во всём», — сказал он.

Потом немного поразмышлял вслух о том, как эту формулу можно понимать.

Для меня она действительно оказалась двусмысленной. «Верный» — это и преданный, сохраняющий верность чему-то, и одновременно тот, кто связан с истиной, с верностью самого знания.

Если понимать первое значение, то вопрос сразу возникает: кому или чему я верен? Тогда мне показалось — людям, которые для меня важны. Сейчас я бы это интерпретировал более широко – прежде всего себе, своему внутреннему выбору и той цели, и принципам которые считаю правильными (верными).

Если же брать второе значение, оно хорошо ложилось на другую мою черту — стремление докопаться до объективной картины, понять, как всё устроено на самом деле, а не просто принять удобное объяснение.

Сама возможность нескольких толкований мне нравилась. Я вообще никогда особенно не любил однозначность. Слишком простые ответы быстро начинали меня утомлять, особенно если за ними чувствовалось требование больше не задавать вопросов.

В тот момент, конечно, я об этом так подробно не рассуждал. Тогда прежде всего было чувство долгожданного признания. Мне хотелось улыбаться, хотелось снова и снова мысленно повторять новое имя и привыкнуть к тому, что теперь оно действительно моё. Наверное, было и лёгкое чувство торжества: год я оставался человеком без имени, видел, как их получают другие, и иногда уже начинал задаваться вопросом, получу ли своё вообще.

Внешне после этого ничего не изменилось. Я уже давно жил вместе со всеми, работал, участвовал в общих делах и не нуждался в имени для того, чтобы чувствовать себя частью

коллектива. Никто не стал относиться ко мне иначе, и никаких новых привилегий оно не давало. Но внутри какая-то незавершённость исчезла.

До этого оставался неприятный вопрос: если имя всё никак не появляется, не означает ли это, что я всё ещё не принадлежу к той группе сознаний, о которой постоянно говорилось? Не является ли это знаком, что перспективы моего дальнейшего пути здесь ограничены?

Теперь такой вопрос отпал.

В тогдашнем мировоззрении тоновые имена связывались с идеей «звёзднорожденных» сознаний — большой группы сознаний, которые якобы ещё задолго до земного воплощения договорились прийти вместе на Землю, встретиться в определённое время и выполнить сложную, но почётную миссию: помочь человечеству расширить представления о себе и передать новое Знание.

И на фоне тех песенных образов, где души словно спускались из звёздных пространств, проходили через забвение и снова стремились к пробуждению, получение имени переживалось как восстановление собственной принадлежности к этой духовной миссии.

В тот вечер мне могло казаться, что я наконец перестал стоять где-то рядом с этой историей, а соприкоснулся с бесконечностью. Не просто молодой парень, случайно задержавшийся на Айфааре дольше первоначально задуманных трёх недель, а человек, у которого здесь есть своё место, своё имя и, возможно, своя часть общей задачи.

Именно поэтому двадцать второе июля стало для меня тогда чем-то вроде второго дня рождения — не обычного, а духовного, или, как мы могли бы сказать, звёздного.

Была у этой истории и другая сторона, которую тогда я не замечал.

Стоит только представить, какое впечатление всё происходящее могло произвести на моих родителей — особенно на отца. Именно родители когда-то дали мне имя, с ним я вырос, с ним они знали меня всю жизнь. Для меня получение тонового имени воспринималось как духовное событие, ещё одна ступень внутри выбранного пути. Для отца, который не был погружён в айфааровскую систему представлений и не воспринимал её так же серьёзно, всё это могло выглядеть совсем иначе.

Тем более что впоследствии я пошёл значительно дальше символического использования нового имени и официально сменил документы, полностью заменив фамилию, имя и отчество. Сейчас, когда я сам стал отцом, я гораздо легче могу поставить себя на его место. И мысли, которые приходят при этом, для меня не самые приятные.

Представляю, что чувствовал бы сам, если бы мой единственный сын однажды пришёл и сообщил, что решил отказаться от имени и фамилии, которые носил с рождения, а вместо них взять имя, полученное от духовного Учителя. Причём сделал бы это, не обсудив решение со мной и даже особенно не пытаясь понять, что я по этому поводу чувствую.

Наверное, прежде всего мне было бы больно.

Для отца моя фамилия и имя означали совсем не то, что означали для меня тогда. Это была не просто строчка в паспорте. Фамилия связывала меня с семьёй, с ним самим, с родом. Имя было тем словом, которым он называл меня с детства. Даже отчество непосредственно указывало на нашу связь.

И вот всё это я однажды заменил.

Я не говорил ему: «Я отказываюсь от тебя». Более того, внутри себя вообще ничего подобного не чувствовал. Но поступок мог звучать именно так, независимо от того смысла, который вкладывал в него я сам.

Мне кажется, отец воспринял это очень болезненно — как своего рода предательство, отказ от семьи и той опоры, которую семья давала мне все предыдущие годы. Возможно, в этом было и чувство личного оскорбления: будто имя, которое он дал своему сыну, оказалось для сына недостаточно хорошим и было заменено именем, данным другим человеком.

Особенно тяжёлым, наверное, было то, что этим другим человеком являлся Орис. Человек, которого я встретил совсем недавно по сравнению со всей предыдущей жизнью, постепенно приобретал для меня настолько большое значение, что имя, связанное с ним и его учением, в конце концов вытеснило из официальных документов имя, полученное от родителей.

Тогда я совершенно не смотрел на ситуацию с этой стороны.

Мне казалось очевидным: моя жизнь принадлежит мне, я взрослый человек и сам решаю, как её строить. Я не считал, что должен получать разрешение родителей на выбор мировоззрения, места проживания, профессии или имени. В двадцать лет сама идея самостоятельности воспринималась довольно прямолинейно: если решение касается меня, значит, принимать его должен я.

В этом была определённая правда. Но сейчас я понимаю, что самостоятельность не обязательно требует игнорировать чувства близких. Можно принять собственное решение и всё же сначала поговорить. Объяснить. Выслушать. Дать другому человеку возможность сказать, что для него означает твой поступок.

Я этого не сделал.

Перед сменой имени я не сел и не попытался спокойно обсудить с отцом происходящее. Решение уже созрело внутри моей айфааровской реальности и воспринималось настолько естественным, что семейная точка зрения казалась чем-то внешним и второстепенным.

Позже, увидев его реакцию, я не раз пытался объяснить, что мой поступок не был направлен лично против него. Я говорил, что у меня нет к нему никаких претензий или старых обид, от которых я таким образом пытаюсь освободиться.

— Для тебя я всё равно остаюсь Димой, — примерно так я пытался это объяснять.

Я приводил в пример монастыри и другие духовные традиции, где человек при вступлении на определённый путь получает новое имя. Говорил, что воспринимаю его не как отрицание предыдущей жизни, а как обозначение новой. Что старое имя условно связано с одной жизненной программой — учёба, работа, дом, снова работа, — а новое

для меня символизирует другой путь, в котором главное место занимает духовное развитие и служение выбранной цели. Мне эти объяснения тогда казались достаточно логичными.

Отцу, насколько я понимаю, — не очень.

Да и теперь я вижу их слабое место. Можно сколько угодно говорить человеку, что фамилия и имя — всего лишь формальность, но если для него они связаны с семьёй, памятью, родством и собственной жизнью, то одним рациональным объяснением этого чувства не отменить.

Мы не перестали общаться. И сейчас я особенно благодарен отцу за то, что этого не произошло. Он мог отдалиться гораздо сильнее, мог вообще решить, что больше не хочет иметь дела с сыном, который настолько демонстративно выбрал для себя другую идентичность. Но он этого не сделал.

Спасибо ему за это. Для меня это действительно важно.

И всё же отношения между нами заметно охладели. Я это чувствовал. Возможно, не только из-за имени — к тому времени между моей жизнью и жизнью родителей уже существовало достаточно много других различий. Но смена имени, думаю, стала одним из тех поступков, которые увеличили расстояние между нами.

Сейчас мне жаль, что я поступил именно так.

Не обязательно потому, что само решение взять другое имя было неправильным. Здесь я до сих пор могу понимать того молодого себя, который хотел обозначить таким образом новый этап жизни. Мне жаль другого: что я не посчитал нужным всерьёз подумать о человеке, для которого моё прежнее имя имело значение не меньшее, чем новое имя имело значение для меня.

Если отец когда-нибудь прочитает эти строки, я хочу попросить у него за это прощения.

Наверное, это один из немногих поступков той части моей жизни, о которых я сегодня действительно жалею. Не потому, что теперь хочу переписать собственное прошлое, а потому, что только спустя годы смог в полной мере увидеть вторую сторону ситуации — не глазами двадцатилетнего человека, уверенного в своём праве самостоятельно выбирать судьбу, а глазами отца.

Трансформация Ориса

Как я уже писал, во многих песнях Ориса раннего периода довольно широко использовались явно религиозные образы и обращения: Бог, Христос, Господь, Душа. Меня это немного удивляло, потому что в повседневной жизни сам Айфаар никогда не был особенно религиозным местом в традиционном смысле. Для некоторых участников эти понятия действительно имели глубокое христианское значение, но большинство воспринимало их скорее как философские символы — удобные и всем понятные обозначения каких-то более общих духовных категорий. Именно так Орис их и объяснял в своих комментариях и ответах на вопросы.

В какой-то момент Орис решил от подобной двоякой лексики почти полностью отказаться.

Почему именно это произошло, я достоверно не знаю. Возможно, появилась какая-то обратная связь от религиозной среды. Возможно, он увидел, что обилие христианских символов слишком легко создаёт вокруг Айфаара образ религиозного объединения или даже секты. Скорее всего, причин было сразу несколько и к ним добавился здравый смысл: сделать песни более светскими и универсальными, то есть ближе к тому, каким в действительности уже был сам Айфаар.

Однажды Орис просто объявил, что собирается заменить в текстах песен религиозные понятия — Бога, Христа, Господа и другие подобные обращения — более нейтральными словами.

Работы оказалось неожиданно много.

Он последовательно проходил практически по всем песням и менял отдельные строки. Иногда изменение было совсем небольшим: достаточно было заменить одно слово так, чтобы сохранились ритм, рифма и общий смысл. В других случаях приходилось переписывать целый куплет или припев. Не многие песни оставили без изменений, потому что удаление религиозного образа разрушило бы саму основу текста.

Но самое интересное началось после того, как новые варианты были готовы. Наши песенники уже существовали в печатном виде. Это были цветные сборники, где каждая страница имела собственный фон и оформление, поэтому просто зачеркнуть старые слова и подписать сверху новые выглядело бы слишком небрежно.

Для обновления напечатали специальные «патчи» — небольшие фрагменты страниц с уже исправленными строками. Их сделали цветными и совместили с теми же частями фоновых изображений, что были в оригинальном песеннике. Нужно было аккуратно вырезать такой фрагмент и наклеить его точно поверх старого текста, как кусочек пазла.

Работа была довольно скрупулёзной. Каждый в свободное время обновлял собственный песенник, постепенно заклеивая устаревшие строки новыми. Если всё сделать аккуратно, исправление практически не бросалось в глаза.

На бумажных текстах дело, конечно, не закончилось. Многие песни к тому времени уже существовали в виде студийных записей, поэтому изменённые места пришлось перепевать. Но к этому времени работа с музыкой на Айфааре уже стала достаточно системной: были музыканты, фонограммы, аппаратура, вокалисты, отработанный процесс

записи. Технически задача уже не представляла особой сложности — требовалось главным образом время. Постепенно обновили и аудиозаписи. Старые версии старались из обращения убрать.

Примерно в этот период Орис начал довольно заметно пересматривать и другие части своего прежнего творчества, включая книги. Тогда мне казалось, что меняется не столько само его мировоззрение, сколько способ, которым он хочет представить его внешнему миру. Если использовать современный язык, происходило что-то похожее на пересмотр стратегии продвижения. Как будто он стал лучше понимать, с какой аудиторией хочет разговаривать и какие формы мешают этому разговору.

Из шатра исчезло висевшее там прежде изображение Христа. Икон и других очевидно религиозных символов вообще стало меньше. Часть ранних книг Орис попросил убрать из свободного распространения — в том числе из интернета и физической продажи.

Но постепенно я начал замечать, что изменения всё-таки глубже простой замены слов.

Примерно с того же периода Орис перестал говорить о прежних сценариях «Преображения Земли»: возможных катастрофах, «левитационных лучах», звездолётах, появляющихся над определёнными районами планеты, телепатических контактах в внеземных разумом, и других образах, которые ещё совсем недавно занимали заметное место в наших разговорах о будущем.

Всё отчётливее намечался курс от духовно-эзотерического языка к тому, что Орис сам хотел видеть более академическим направлением.

Постепенно он начал отмежёвываться от астрологии и знаков зодиака, хотя раньше мог включать подобные представления в общую картину мира и давать им собственные трактовки. Всё реже использовалась традиционная восточная терминология чакр. Исчезали привычные эзотерические представления, которые ещё недавно казались вполне естественными частями его объяснений.

Особенно заметно изменилось представление о том, что происходит с сознанием человека после смерти.

Раньше в разговорах и книгах могла использоваться довольно привычная для эзотерики модель: существует Душа или тонкая составляющая личности, после смерти физического тела продолжающая существовать в иных, невидимых для нас слоях реальности. Эти уровни представлялись находящимися как бы параллельно нашему миру и одновременно тесно связанными с ним. Сюда же относились идеи «эфирного тела», способного при определённых состояниях отделяться от физического тела и самостоятельно перемещаться.

За сравнительно короткое время большая часть этой картины была пересмотрена.

Для некоторых учеников подобные изменения, насколько я видел, давались тяжелее. Они уже успели привыкнуть к прежним объяснениям и воспринимали их не как временную гипотезу, а как описание того, как мир устроен на самом деле. Теперь же им предлагалось отказаться от целого пласта представлений, ещё недавно рассказывавшихся с большой уверенностью.

Но серьёзного открытого противоречия это почти ни у кого не вызвало. Доверие к Орису оставалось сильнее привязанности к отдельным концепциям.

Сам он объяснял происходящее примерно так: прежние представления соответствовали более раннему уровню понимания, а теперь в результате его постоянных глубинных медитаций ему открываются более точные и глубокие закономерности устройства мироздания. Поэтому старые модели нужно не защищать только потому, что они когда-то были высказаны, а оставлять позади.

Фактически целые пласты прежнего учения переосмысливались и отправлялись в архив вместе с десятками небольших книг и брошюр, написанных на эти темы.

На смену привычной эзотерической конструкции постепенно приходила идея многомирия и непрерывных «перефокусировок» сознания — переходов между бесчисленными вариантами реальности.

Мне этот образ тогда был особенно понятен ещё и потому, что примерно в те же годы среди айфааровцев пользовались популярностью книги Вадима Зеланда «Яблоки падают в небо». В частности, обсуждалась его концепция пространства вариантов.

Между двумя системами я видел определённое сходство. И Зеланд, и Орис говорили о множестве возможных вариантов реальности и о том, что человек каким-то образом своим состоянием и выбором оказывается в определённой линии событий. В качестве научной аналогии в подобных разговорах могла вспоминаться многомировая интерпретация квантовой механики, связанная с именем Хью Эверетта.

При этом я не воспринимал одного автора как человека, просто переписавшего другого. Подходы были совершенно разными.

Зеланд предлагал сравнительно простую и практичную модель. Его интересовало прежде всего то, что человек может попробовать сделать со своей жизнью, исходя из этой картины мира. Он и сам не претендовал, насколько я это тогда понимал, на подробное научное описание механизма происходящего.

Орис двигался в противоположную сторону. Его новая система постепенно превращалась в огромную теоретическую конструкцию с множеством уровней, собственными терминами, звуковыми «космическими кодами», классификациями сознаний и всё более сложным описанием процессов «перефокусировок». Обычная чакрамная схема человека тоже постепенно преобразовывалась в значительно более разветвлённую структуру, через которую, по его представлениям, проявлялись различные уровни сознания.

Теоретической глубины становилось всё больше. Иногда настолько много, что сам язык начинал мешать пониманию. Орис мог строить огромные сложноподчинённые предложения почти на целый абзац, вводя в них несколько новых терминов сразу. Чтобы свободно читать такой текст, нужно было сначала освоить отдельный словарь — ещё один пояснительный том.

В этом смысле между нами есть забавное сходство, которое я замечаю сейчас, работая над этой книгой. Я тоже способен очень подробно и дотошно описывать один небольшой эпизод, разбирая собственные ощущения, обстоятельства и мысли со всех сторон. Правда, у меня есть существенное преимущество: я описываю конкретные события собственной

жизни, которые по крайней мере происходили в определённом месте, с конкретными людьми и в определённое время.

Иссиидиология — так впоследствии стала называться новая система Ориса, сокращённо ИИ, — уходила в совершенно противоположную область. Она становилась всё более абстрактной и всё дальше от непосредственной повседневной жизни.

Мне иногда было трудно понять не только то, как применить её практически, но даже то, каким образом можно было бы проверить отдельные её наиболее конкретные утверждения. Связь с квантовой физикой, на которую периодически делались ссылки, тоже оставалась для меня скорее ассоциативной, чем рабочей: я не видел, каким именно экспериментом или расчётом можно было бы соединить одну систему с другой.

Но именно научная перспектива, насколько я тогда понимал Ориса, начинала особенно его привлекать. Он надеялся, что новая концепция со временем сможет привлечь внимание исследователей и получить если не признание, то хотя бы серьёзное обсуждение. И в таком контексте прежний багаж эзотерических сюжетов становился скорее помехой.

Если ты хочешь представить себя философом и источником новой фундаментальной концепции сознания, довольно трудно одновременно оставлять рядом старые рассказы о гороскопах, «эфирных телах», скором Преображении Земли и звездолётах, которые должны прилететь за избранными.

Поэтому часть прежних текстов, видеозаписей, книг, песен и ответов на вопросы постепенно исчезала из обращения. Тогда я относился к этому скорее положительно.

Мне самому более светский и условно научно ориентированный образ Айфаара нравился значительно больше прежнего. Я тоже думал, что такой подход способен заинтересовать гораздо более широкий круг людей, чем религиозная или откровенно эзотерическая форма. Мне хотелось, чтобы Айфаар воспринимался не как очередная догматичная духовная секта, а как место, где люди пытаются исследовать сознание, развиваться и создавать новую философскую систему, экспериментировать.

В произошедших изменениях я видел и определённую черту самого Ориса, которая мне тогда нравилась. Он не выглядел абсолютно догматичным человеком, навсегда привязанным ко всему, что когда-либо сказал. Он мог пересматривать собственные представления, отказываться от старых концепций и менять язык, которым разговаривал с людьми.

Кроме того, мне казалось, что он способен чувствовать изменения настроений своих читателей и учитывать их. В моих глазах это выгодно отличало живое развивающееся учение от религиозных систем, в которых однажды сформулированные положения могли превращаться в неизменные догматы и ритуалы на столетия.

Тогда такая гибкость давала мне дополнительное чувство уверенности в собственном выборе. Мне казалось, что Айфаар не застыл, что он способен меняться вместе с нами и с окружающим миром, а человек, находящийся у его руля, чувствует направление движения и умеет вовремя корректировать курс. И на этом фоне будущее снова выглядело очень большим.

Жизнь на Верхнем Айфааре

Жизнь на Верхнем Айфааре, как я уже отмечал, заметно отличалась от привычного ритма в Голубом Заливе. Здесь иначе ощущалось время, да и сам коллектив большую часть года был значительно меньше и теснее. Люди постоянно находились рядом, работали над одними и теми же задачами, вместе ели и отдыхали, поэтому происходящее становилось общим для всех.

Орис тоже жил наверху не постоянно. Он приезжал на достаточно продолжительные периоды, затем мог снова спуститься на Нижний Айфаар и через некоторое время вернуться. Именно здесь я впервые по-настоящему столкнулся с режимом авральных работ.

Например, становилось известно, что через две недели Орис собирается снова подняться наверх. К его приезду хотелось во что бы то ни стало закончить какой-нибудь важный участок строительства, чтобы уже можно было им пользоваться.

Так произошло с президентским «Люксом» за стеной Диванного зала. К тому моменту он, насколько я помню, уже приближался к завершению, но, как это часто бывает на стройке, за словами «почти готово» скрывалось огромное количество мелочей. Нужно было что-то доделать, что-то установить, покрасить, подключить, подправить. По отдельности каждая задача казалась небольшой, но вместе они складывались в солидный объём работы.

Если бы мы успели закончить номер до очередного приезда Ориса, он уже мог бы переселиться туда из своей маленькой тёмной комнаты возле Каминного зала. Этого всем очень хотелось. Новый «Люкс» был несравнимо просторнее и удобнее, и возможность встретить Ориса полностью готовым помещением воспринималась как подарок Учителю.

Но, как обычно, объём работы мы недооценили. Очень быстро выяснилось, что для выполнения всего задуманного за оставшиеся две недели работать придётся практически круглосуточно. Так мы и сделали.

Я уже не помню, кто именно предложил перейти на такой режим. Не исключаю, что завершение «Люкса» к приезду Ориса было одним из поставленных им условий или пожеланий. В других похожих ситуациях он действительно нередко становился главным инициатором аврала — достаточно вспомнить историю с массовой записью новых песен. Но в данном случае я не хочу утверждать то, чего точно не помню.

Сам процесс был интересен тем, насколько быстро небольшой коллектив мог перестроить всю свою жизнь вокруг одной конкретной задачи с конкретным сроком. Люди словно на время собирались в единый рабочий механизм.

Первым делом пытались найти дополнительное время. Свободные часы почти исчезали. Песни сокращали или на какое-то время могли совсем убрать. На кухню направляли меньше людей, а пищу старались готовить проще, чтобы не тратить лишние силы на сложные блюда. Начинали работать раньше и заканчивали глубокой ночью. В отдельных случаях сокращалось даже время сна.

Но довольно быстро становилось понятно, что бесконечно добавлять рабочие часы невозможно. Тогда начиналась другая, более интересная часть — оптимизация самого процесса.

Мы разбирали, что можно сделать быстрее, какие операции выполнять одновременно и кого куда поставить. Человека старались направлять именно туда, где его опыт приносил наибольший результат. Если кто-то хорошо выполнял сложную специализированную работу, его уже не отвлекали на перенос материалов или уборку. Для этого находили помощников, которые подавали инструмент, приносили материалы, готовили рабочее место и выполняли простые вспомогательные операции. За счёт этого опытный человек мог непрерывно заниматься именно тем, что умел лучше остальных.

Одновременно приходилось продумывать последовательность работ. Если где-то должен был высохнуть бетон, раствор, краска или другой материал, значит, это место требовалось подготовить заранее, чтобы потом не остановилась вся цепочка. Пока один участок сохнет, другая группа должна заниматься чем-то ещё. Какие-то процессы можно было запустить параллельно, другие, наоборот, нельзя было начинать до завершения предыдущих.

Стройка постепенно превращалась для меня в задачу по оптимизации системы. Приходилось учитывать и физическое состояние людей. Тяжёлую работу старались чередовать с более лёгкой, чтобы человек не выдохся за первые несколько дней. Если кто-то долго таскал материалы или работал с бетоном, потом ему могли дать менее тяжёлую задачу, где требовались скорее аккуратность и внимание.

Конечно, далеко не всё происходило идеально и не всегда настолько рационально, как я описываю это сейчас. Аврал оставался авралом: усталость накапливалась, какие-то решения принимались в последний момент, что-то приходилось переделывать. Но сама необходимость уложиться в жёсткий срок действительно заставляла искать решения, до которых в спокойном режиме мы могли бы и не додуматься.

Мне нравилась эта сторона общей работы.

Небольшая группа людей без сложной административной системы могла быстро распределить обязанности, перестроить привычный распорядок и сообща двигаться к вполне осязаемой цели. Срок заставлял мыслить сразу на нескольких уровнях: не только «как сделать эту стену», но и кто её будет делать, что в это время делает соседняя группа, какие материалы понадобятся завтра и какую операцию нужно запустить сегодня, чтобы послезавтра не возник простой.

Для меня это оказалось хорошей практической школой организации и гибкости мышления. Однажды ещё на Нижнем Айфааре Орис увидел, как я выполняю какую-то работу в саду, и сказал мне очень простую фразу:

— Дима, всегда думай, прежде чем что-то сделать.

В ней самой по себе не было ничего необычного. Такое наставление мог дать отец, мастер на стройке или преподаватель. Но почему-то именно эта фраза запомнилась мне очень хорошо. Она прозвучала в подходящий момент, когда я уже мог проверить её смысл не теоретически, а собственными руками.

Со временем я всё чаще замечал, насколько большая разница бывает между человеком, который сразу начинает действовать, и человеком, который сначала хотя бы несколько минут пытается представить весь процесс целиком. На стройке эта разница была особенно наглядна. Иногда пять минут размышлений экономили несколько часов работы. А иногда и целый день переделок.

В авральном режиме само планирование занимало сравнительно небольшую часть времени. Основное происходило уже непосредственно в работе. Мы почти непрерывно что-то делали, а способы ускорить или перестроить процесс часто находили прямо по ходу дела.

Этому способствовало и то, что все участники находились внутри самого процесса. У нас не было отдельного прораба, который только распределял задачи и наблюдал со стороны. Коллектив тогда был слишком маленьким — обычно не больше десяти человек. Даже тот, кто координировал работу, сам таскал материалы, что-то устанавливал, резал, прикручивал или помогал другим.

Мы работали рядом, буквально плечом к плечу. В «Люксе» одновременно шли плиточные и отделочные работы, устанавливалась сантехника, прокладывалась и подключалась электрика, доделывались двери, мебель и различные мелочи, без которых помещение всё ещё нельзя было считать законченным.

Сам президентский «Люкс» представлял собой обособленную часть здания — что-то вроде небольших автономных апартаментов. Его основной объём состоял из спальни и кухни. Позже, ближе к лету, к ним добавилась закрытая отапливаемая веранда с блоком санузлов.

Спальня была устроена довольно необычно. Почти всё её пространство занимала огромная спальная площадка — назвать её обычной кроватью было трудно. По сути, это была большая сплошная полка-подиум высотой до уровня подоконника, на которую поднимались по нескольким ступеням. Поверхность предназначалась под матрасы, а вокруг в отделке использовалось огромное количество зеркал и белоснежной кафельной плитки.

Зеркала вообще были одним из главных элементов интерьера «Люкса». Ими оформлялись стены возле спального места, отдельные поверхности возле бассейна и часть кухни. За счёт этого относительно небольшие помещения визуально становились значительно шире и сложнее: пространство многократно повторялось в отражениях.

Одна из стен спальни и часть центрального прохода были отделаны массивными местными камнями в том же свободном скульптурном стиле, который уже использовался в Диванном зале. Камни не пытались уложить в правильную геометрическую кладку. Они выступали из стены, образовывали ниши и неровности, создавая впечатление, что внутрь обычного помещения снова проник кусок горы. Камни покрыли белой эмалью и сверху автомобильным лаком. На полу была белая плитка.

В спальне находилось одно большое наружное окно и ещё два внутренних окна, выходивших в кухонную зону. Входная дверь с улицы и дверь между спальней и кухней тоже имели прозрачное остекление. Чтобы при необходимости полностью изолировать помещение от света и посторонних взглядов, на окно и наружную дверь повесили тяжёлые плотные шторы. Закрытые, они полностью затемняли комнату.

Напротив огромного спального подиума находилась широкая ванна – бассейн из строительных блоков. Она была облицована белой плиткой. В ней же располагались душ и бойлер, а окружающие поверхности снова были оформлены зеркалами.

Над спальным местом закрепили плоский телевизор. Он был связан с небольшим центром управления, размещённым на полке между наружным окном и дверью.

Вся спальня получилась довольно откровенно ориентированной на приватность и романтическую атмосферу. Если когда-нибудь высокопоставленный гость приезжал бы на Верхний Айфаар не один, трудно было представить для него более подходящее место.

Спальню от кухни отделяла небольшая перегородка, частично выполненная из блоков, частично — из стеклопакетов. Дверь между помещениями тоже была прозрачной, поэтому даже при разделении зон они визуально оставались связанными.

На кухне находилась та самая техническая часть каминного комплекса, о которой я уже писал. Через стену сюда выходили дымоход и задняя, углублённая часть топки большого камина Диванного зала. Рядом мною была устроена отдельная кирпичная печь на дровах.

Со стороны кухни весь кирпичный массив аккуратно облицевали синей керамической плиткой, поэтому инженерная конструкция стала восприниматься уже как часть интерьера. На полу тоже легла синяя плитка.

Вдоль задней стены установили кухонную стенку с мойкой, рабочей поверхностью, шкафчиками и полками для посуды и утвари. Там же разместили бытовую кухонную технику.

Одна из стен кухни была практически полностью закрыта зеркалами. Это снова зрительно увеличивало помещение, хотя одновременно создавало немного непривычное ощущение — обычная маленькая кухня многократно отражалась сама в себе. Рядом с ней стоял небольшой стол и два стула.

Потолок здесь был уже совсем другим чем в остальных помещениях здания. Использовали подвесную систему офисного типа «Армстронг» — металлический каркас с квадратными панелями. Она позволяла сравнительно быстро закрыть коммуникации и получить ровную поверхность без сложных штукатурных работ.

На фоне каменной отделки, зеркал, массивного каминного блока и стандартного подвесного потолка интерьер получался довольно эклектичным. Здесь одновременно соседствовали элементы гостиничного номера, обычной квартиры, романтических апартаментов и той своеобразной айфааровской декоративной эстетики, которая уже проявилась в Диванном зале.

В декоре использовались небольшие светильники, текстиль, декоративная посуда, растения и предметы в бело-синей гамме Айфаара.

За стеной «Люкса» планировался небольшой винный погреб — уменьшенный аналог того, что уже существовал на Нижнем Айфааре. Активная фаза его строительства тогда ещё не началась, но часть будущего наполнения уже привезли.

Там хранилось несколько десятков ящиков выдержанного крымского вина. Кроме них стояли несколько больших пластиковых бидонов объёмом примерно по шестьдесят

литров с коньяком. Сам коньяк, предназначался не для непосредственного употребления, а для виноделия — его использовали при изготовлении и закреплении некоторых новых вин. Поэтому даже ещё не законченный винный погреб уже постепенно начинал выполнять свою функцию: стены и отделка могли подождать, а содержимое к этому времени уже было на месте.

Работа в тот авральный период кипела полным ходом. Мы действовали быстро и слаженно, как единый механизм. При этом по внутреннему ощущению эти две недели тянулись бесконечно. Изо дня в день выполнялись десятки, а иногда и сотни мелких операций, каждая из которых сама по себе казалась незначительной, но без неё нельзя было перейти к следующему этапу.

Среди моих непосредственных задач было возведение перегородок из блоков, установка металлопластиковых рам для окон и дверей, а затем монтаж стеклопакетов. Я собирал подвесной потолок — от крепления основных направляющих до укладки последних потолочных панелей в готовый каркас. Помогал плиточницам и отделочницам готовить растворы, краски и материалы, участвовал в установке тяжёлого оборудования и сантехники.

Проще, наверное, перечислить то, чем я почти не занимался: электрикой и непосредственно укладкой плитки.

Электрическую часть обычно замыкал на себе один из наиболее опытных братьев. Здесь цена ошибки всегда была слишком высокой, поэтому коллективной самодеятельности не допускали. А с плиткой прекрасно справлялись сёстры, у которых к тому времени руки были набиты уже сотнями квадратных метров уложенной керамики. Они работали заметно быстрее меня, поэтому особого смысла учить ещё одного начинающего плиточника в разгар аврала не было.

В последние дни казалось, что мы живём непосредственно внутри стройки. Закончил одну задачу — тут же находишь следующую. Где-то нужно было подать инструмент, где-то удержать конструкцию, где-то принести ещё мешок смеси или помочь вдвоём поднять то, что одному человеку уже не взять.

В итоге мы успели буквально впритык — точно к приезду Ориса.

Накануне работали почти всю ночь. Основное строительство уже было завершено, но оставалось то самое множество последних мелочей, от которых зависит ощущение готового помещения. Мы выносили инструмент, обрезки материалов, пустые банки и упаковку, отмывали полы и плитку от строительной пыли, развешивали тяжёлые шторы, расставляли кухонную утварь по новым полкам.

Кто-то протирал зеркала и стеклянные двери, снимал с них последние следы монтажа и защитную плёнку; кто-то расставлял посуду, проверял светильники, бойлеры, краны и слив; кто-то застилал кровать и поправлял текстиль, чтобы ещё несколько часов назад строительное помещение окончательно превратилось в жилое.

Именно эта последняя ночь запомнилась мне особенно хорошо по ощущению общего движения. Пока в одной части комнаты кто-то ещё что-то прикручивал, в другой уже начинали убирать. Ожидание приезда Ориса само по себе подогревало общий азарт. Мы знали, ради какого момента всё это делаем, и хотелось успеть окончательно — чтобы он вошёл уже в полностью готовое помещение.

После такой подготовки его приезд ощущался особенно торжественно. А когда всё наконец состоялось, коллектив словно одновременно сделал один большой выдох.

Можно было хотя бы ненадолго вернуться к обычному режиму Верхнего Айфаара — тому самому размеренному распорядку, который устанавливался в присутствии Ориса: работа по графику, общие приёмы пищи, песни, разговоры и ответы на вопросы, банные дни.

Орис переселился в новый «Люкс», а его прежняя маленькая комната рядом с Каминным залом перешла в общее пользование. За кем-то одним её уже не закрепляли: там жил тот, кому она была нужнее или удобнее в данный период.

Позже, когда Орис стал проводить на Верхнем Айфааре меньше времени, и сам «Люкс» постепенно начал использоваться другими. В основном его предоставляли парам, но относились к помещению особенно бережно. Мне тоже несколько раз доводилось там пожить, когда появлялась такая возможность.

Однако некоторые сознательно отказывались от «Люкса», даже если он стоял свободным. Причина была вполне айфааровской. Люди опасались, что помещение, в котором обычно жил и спал Орис, может каким-то образом на «тонком плане» аккумулировать их личную энергетику. А потом, когда Учитель снова поселится там и будет медитировать или спать на той же огромной кровати, эта накопленная энергетика якобы сможет понизить качество его состояний. Поэтому пользование «Люксом» для кого-то было приятной возможностью, а для кого-то — излишней ответственностью.

Такие периоды авралов потом неоднократно повторялись на Айфааре — в разное время, в разных местах и разным составом людей. Они составляли отдельную, контрастную часть нашей жизни. Случались не регулярно и не слишком часто, поэтому долгое время воспринимались скорее как событие, чем как постоянная тяжёлая повинность. И продолжаться могли совершенно по-разному: иногда один-два дня, иногда несколько недель, а отдельные периоды растягивались почти на месяцы.

Причины тоже бывали разными.

Иногда нужно было подготовиться к приезду Ориса. Иногда ожидался большой заезд своих же айфааровцев, и требовалось срочно увеличить количество жилых мест или закончить помещения общего пользования. А иногда аврал становился частью коллективного «урока»: Орис считал, что общая динамика на Айфааре стала недостаточно позитивной, людям не хватает энтузиазма, альтруизма или единства, и тогда трудовой рывок должен был это состояние изменить.

В таком режиме мы достраивали общежитие на Верхнем Айфааре перед большим новогодним заездом. Позже торопились закончить веранду перед очередным приездом Ориса. На Нижнем Айфааре аврально завершали новую костюмерную перед зимними праздниками, а затем большую кухню, потому что старая уже перестала справляться с возросшим количеством людей. Так же быстро ремонтировали домик Ориса перед его возвращением с Верхнего Айфаара. Были ночные работы возле большого уличного бассейна: поднимали уровень отдельных участков, занимались облицовкой мозаикой, стараясь успеть к открытию летнего купального сезона.

Потом была целая череда больших авралов, связанных со строительством спа комплекса — сначала одних объектов, затем других, как на Нижнем, так и на Верхнем Айфааре. В

таком же режиме завершались отдельные комнаты общежития, оранжерея и другие помещения.

И это только те эпизоды, которые сейчас отчётливо сохранились в памяти. На самом деле их было больше. Посчитать все уже невозможно.

Если посмотреть на эти работы не с духовной, а с организационной точки зрения, в них действительно было много полезного опыта.

Представьте условия: жёсткий срок, ограниченные материалы, множество людей с совершенно разной физической формой и техническими навыками, стихийно развивающаяся стройка, где не существует план, и одновременно необходимость принимать десятки решений на ходу.

В такой среде поневоле учишься действовать в условиях неопределённости. Нужно быстро понять, что сейчас действительно важно, а что можно отложить. Кого поставить на сложную работу, а кому дать простую. Где добавить людей, а где десять человек только будут мешать друг другу. Что необходимо закончить сегодня, потому что завтра высохнет раствор и можно будет двигаться дальше, а какой участок совершенно спокойно подождёт ещё неделю.

Наверное, именно поэтому мне долгое время такие периоды скорее нравились. В них чувствовалась всеобщая мобилизация. Люди становились ближе друг к другу. Каждый старался вложиться максимально — физически, умственно, а часто и эмоционально. Если кто-то выбивался из сил, ему помогали. Если человек лучше понимал какую-то задачу, к нему прислушивались независимо от возраста или формального положения. В такие моменты особенно хорошо работала взаимовыручка.

Команда действительно сплачивалась. Сам Орис непосредственно в подобных строительных авралах, насколько я помню, обычно не работал. Чаще он становился их инициатором или причиной появления конкретного срока, а результат в конечном счёте служил всему Айфаару, хотя иногда речь шла и непосредственно об улучшении условий его собственного проживания.

Если Орис находился рядом, роль его могла быть разной. Когда мы, например, работали над реконструкцией его домика на Нижнем Айфааре, он мог подойти, поговорить с людьми, подбодрить. Помню, однажды он даже угощал работавших глинтвейном.

В других ситуациях — особенно если аврал объявлялся как коллективный духовный урок — всё выглядело иначе. Тогда Орис мог занимать подчёркнуто жёсткую позицию: критиковать темп, сокращать сроки, выражать недовольство общей динамикой. Он становился тем самым строгим Учителем, которого коллектив должен был убедить не словами, а результатом. И мы старались его «задобрить» — прежде всего тем, что работали ещё быстрее.

Поначалу подобная игра ролей даже добавляла энергии. Был конкретный вызов, общий противник в виде срока и понятный момент, когда можно будет сказать: получилось. Но с годами такие режимы начали восприниматься тяжелее. Физическая усталость накапливалась уже быстрее. Кроме того, далеко не всегда удавалось действительно рационально использовать всех участников.

Особенно это становилось заметно, когда людей было много. Для основной задачи могли объективно требоваться, например, пять опытных человек, а в режиме общего аврала оказывались двадцать. Тогда остальным приходилось искать работу где-нибудь рядом — иногда связанную с основным процессом лишь косвенно.

Кто-то убирал территорию, кто-то переносил материалы, которые можно было перенести и завтра, кто-то занимался второстепенным участком. Формально все трудились вместе с коллективом и в том же напряжённом режиме, но непосредственное приближение главного результата от их участия могло быть минимальным.

Если бы часть таких людей спокойно продолжала свои обычные дела половину дня, итоговый срок почти не изменился бы. Но общая динамика аврала распространялась на всех. Когда вокруг люди работают с раннего утра до ночи, трудно сказать: «А моя задача сейчас не критична, поэтому я пойду отдыхать». Даже если организационно это было бы вполне разумно, психологически такой поступок уже выглядел как выпадение из общего движения.

Со временем я стал замечать эту обратную сторону всё сильнее. Внешняя красота и развитость Айфаара во многом действительно держались на подобных скрытых историях. Благодаря таким рывкам строительство шло быстро, появлялись новые помещения, обновлялась территория, создавались интерьеры, которые потом производили сильное впечатление на приезжавших людей.

Но человек, приехавший на неделю, две или три, видел главным образом уже результат. Он видел чистую кухню, красивый Диванный зал, благоустроенные дорожки, оранжерею, бассейн, баню, уютные комнаты. Он не знал, что какая-нибудь декоративная стена могла быть закончена в четыре часа утра, что несколько ночей подряд кто-то спал по несколько часов или что перед его приездом десятки людей на время полностью перестроили свою жизнь ради завершения очередного объекта.

Конечно, мы делали всё это и для себя. Мы действительно улучшали собственные условия жизни и потом сами пользовались результатами труда. Но цена этой красоты со стороны была далеко не очевидна. За спокойным, ухоженным и сказочным пространством Айфаара скрывались совсем не сказочные вещи — грязные рабочие перчатки, строительная пыль, недосып, сотни мелких решений и люди, которые в очередной раз договорились с собой, что отдохнут уже после того, как всё будет закончено.

Но не только праздники и авралы были характерной частью айфааровской жизни. Существовала и другая, ещё менее заметная для приезжих сторона — дежурства на Верхнем Айфааре.

Я уже писал, что долгое время центр на Ай-Петри существовал фактически в замороженном состоянии, когда основная задача сводилась к поддержанию уже созданной инфраструктуры. В такой же режим он снова перешёл после того, как сорвались перспективы юридического оформления территории в 2009.

Возможно, теперь условия стали даже тяжелее, потому что в какой-то момент Верхний Айфаар оказался отрезан от электричества и воды. Продолжать полноценное развитие в таких обстоятельствах было невозможно. Оставалось сохранять то, что уже построено, ждать лучших времён и, пользуясь нашим тогдашним языком, надеяться на более благоприятные варианты миров.

Для этого было решено каждый месяц отправлять наверх сменную пару добровольцев. Эти люди должны были жить там постоянно, следить за хозяйством, поддерживать здания и территорию в порядке и одновременно выполнять роль своеобразной охраны.

Я к таким дежурствам относился без особого энтузиазма.

Главный их недостаток для меня заключался даже не в бытовых неудобствах. Человек на целый месяц практически выпадал из основной динамики Айфаара, которая к тому времени снова полностью сосредоточилась в Голубом Заливе. Именно туда приезжали новые люди, там проходили встречи, праздники, разговоры, возникали новые знакомства и постоянно что-то происходило.

Наверху же жизнь становилась совершенно противоположной — медленной, тихой и изолированной. К этому добавлялся отрыв от привычных благ цивилизации, а для меня особенно чувствительным было отсутствие нормального доступа к интернету. Он уже стал частью моей работы, способом получать заказы, общаться и оставаться связанным с внешним миром.

Другие относились к месячному дежурству гораздо спокойнее. Особенно если наверх отправлялась романтическая пара. Для двух близких людей такой месяц мог восприниматься совсем иначе — как возможность наконец побыть вдвоём, отдохнуть от постоянного присутствия коллектива, больше разговаривать, гулять и сосредоточиться друг на друге. Или, наоборот, вообще не разговаривать ни с кем, взяв обет молчания на десять дней или две недели. Это заметно переносит фокусировку с внешнего мира на внутренний.

Единственным бесспорным благом и главным магнитом Верхнего Айфаара для всех нас оставалось само место.

Ай-Петринское плато, лес, туманы, поля, чистый горный воздух — всё то, что когда-то заставило меня постепенно полюбить Верхний Айфаар, никуда не исчезало. Возможность провести там целый месяц была поэтому своеобразным компромиссом. С одной стороны — красота, тишина и почти полное уединение с природой. С другой — выпадение из общей жизни, бытовые ограничения и ощущение, что всё интересное в это время происходит где-то внизу.

Когда подходил срок очередной смены, учитывалось не только желание человека, но и то, насколько давно он в последний раз дежурил наверху. Если предлагали поехать тем, кто уже недавно провёл там месяц, они вполне могли отказаться, напомнив, что среди постоянных участников остаются люди, которые ещё вообще не проходили такую смену.

Иногда желающих долго не находилось. Тогда возникала особенно неприятная ситуация: человек, который уже находился на Верхнем Айфааре, не мог просто собрать вещи и уехать, потому что хозяйство нельзя было оставить совсем без присмотра. Если смена не приезжала, ему приходилось ждать, конечно, по его личному согласию. Так месячное дежурство могло незаметно растянуться на два, а иногда и на три месяца.

И в таких случаях остальные скорее испытывали к оставшемуся человеку благодарность, чем завидовали его возможности пожить среди красивой горной природы. Все хорошо понимали цену такого уединения.

Быт тоже был довольно аскетичным. В некоторые периоды продукты для месячного проживания приходилось покупать за свой счёт. А поскольку постоянно ездить вниз за покупками было неудобно и дорого, запасы старались привезти сразу.

Это автоматически делало рацион предельно простым. Нужно было рассчитывать продукты так, чтобы они долго хранились, и чтобы их хватило на несколько недель. Свежие продукты постепенно заканчивались первыми, после чего оставалось то, что можно было хранить долго.

Я тоже дежурил на Верхнем Айфааре, как и остальные, и не один раз. К счастью, больше месяца подряд оставаться там в таком режиме мне никогда не приходилось.

Обычно на вахте одновременно находилось всего два-три человека. Мои дежурства выпадали на разные времена года — зиму, весну, лето и осень, — и каждое ощущалось совершенно по-своему. Один раз я жил там со своей тогдашней девушкой, с которой у меня были романтические отношения. В другой раз моим напарником стала старшая сестра уже пенсионного возраста, с большим жизненным и духовным опытом.

Даже при одинаковом распорядке внутренне это были совсем разные месяцы. Имело значение, кто рядом с тобой и какое время года встретило тебя на плато. Ай-Петри каждый раз словно показывал другую сторону своего характера.

Особенно хорошо мне запомнилось одно из первых таких дежурств. Я как раз снова оказался без постоянной пары, и для смены меня объединили со старшей сестрой. Мы собрали необходимые вещи и продукты, поднялись на Верхний Айфаар и разгрузились.

Почти сразу после приезда на меня навалилась та сильная юношеская тоска, которая в те годы время от времени ещё возвращалась ко мне.

Это было физическое ощущение отрыва. Только что где-то внизу оставалась привычная айфааровская жизнь: люди, разговоры, новые приезды, постоянное движение. А теперь впереди лежал целый месяц почти полной изоляции. Я прекрасно понимал, что это всего несколько недель и потом смена закончится, но в первые дни они казались едва ли не бесконечными.

Время наверху вообще умело растягиваться.

Особенно зимой, когда световой день был коротким, вокруг подолгу стоял туман, выпадал снег и уже во второй половине дня начинало темнеть. К этой внутренней тяжести добавлялась физическая работа. Зимой мне приходилось самостоятельно обеспечивать дровами помещения, которые мы использовали и отапливали.

Дрова тогда хранились в виде брёвен, то есть просто взять готовое полено из аккуратной поленницы было нельзя. Сначала бревно нужно было распилить бензопилой на подходящие по длине части, затем каждую расколоть ещё на три-четыре полена. После этого всё перетаскивалось внутрь и складывалось рядом с печами так, чтобы запас был под рукой.

И через некоторое время процесс начинался снова.

При зимнем расходе топлива заниматься этим приходилось почти через день. Световой день короткий, погода холодная, вокруг снег или сырой туман, а отложить заготовку невозможно: вечером печь придётся топить.

В этом был очень наглядный вид ответственности. Если летом какую-то хозяйственную работу ещё можно было перенести, то зимой отсутствие подготовленных дров ничего не заменяло. Электричества не было.

Отдельным испытанием была бензопила.

Её необходимо было регулярно обслуживать, следить за цепью, подтягивать и затачивать её. При активной работе цепь довольно быстро тупилась, особенно если случайно задеть землю или камень. А когда пила начинала плохо резать, вся работа сразу замедлялась и становилась физически тяжелее.

Хуже всего было, если она вообще выходила из строя.

На Верхнем Айфааре обычно имелось несколько старых бензопил, поэтому какое-то время проблему можно было решать по нашему обычному техническому принципу: брать одну неисправную пилу и переставлять на неё ещё живые детали с другой. Так из нескольких постепенно собиралась одна рабочая.

Мне, с моим интересом к технике, такая возня сама по себе была понятна и в чём-то интересна. Но одно дело чинить инструмент из любопытства, а другое — понимать, что если сейчас его не восстановить, то скоро придётся пилить дрова каким-то другим способом.

Когда очередная бензопила окончательно приходила в негодность и восстановить её уже не получалось, возникал вопрос о покупке новой.

Иногда инструмент приобретался за собственные деньги. Иногда несколько братьев, которые пользовались им особенно активно и, соответственно, больше участвовали в его износе, складывались вместе. В этом виделась определённая бытовая справедливость: больше пользовался — больше участвуешь в замене.

Хотя уже тогда в этой логике было некоторое противоречие.

Бензопила была нужна не кому-то из нас лично. Мы не заготавливали дрова для собственного дома и не использовали инструмент в частном хозяйстве. Она обслуживала

инфраструктуру самого Айфаара. Но поскольку общий бюджет воспринимался как нечто, что нужно максимально беречь, часть расходов довольно естественно перекладывалась на тех, кто непосредственно работал с инструментом.

Тогда я относился к этому значительно спокойнее. Если нужно купить бензопилу, чтобы завтра было чем пилить дрова, гораздо проще было скинуться и решить проблему, чем долго рассуждать, из какого именно фонда она должна оплачиваться.

Другой моей постоянной обязанностью было каждый день на несколько часов запускать бензиновый генератор. Это требовалось прежде всего для поддержания температуры в холодильниках и морозильниках, особенно летом.

И здесь снова приходилось разбираться в устройстве техники, потому что генератор периодически имел неприятную привычку отказываться заводиться именно тогда, когда был особенно нужен. Другого полноценного источника электроэнергии не существовало. Приходилось разбирать, искать неисправность и пытаться восстановить всё на месте.

Однажды износился трос ручного стартера — тот самый, за который нужно резко потянуть, чтобы запустить двигатель. Сначала я временно переставил подходящий узел с другого генератора, благодаря чему удалось продолжить эксплуатацию. Позже новый трос пришлось купить за собственные деньги и заменить.

Такие бытовые эпизоды хорошо показывают, чему на практике учила меня тогдашняя жизнь. Если что-то сломалось, рассуждать можно только ограниченное время. После этого всё равно приходится принимать какое-то решение. Такие ситуации довольно быстро развивали бытовую изобретательность, приспособляемость и общую гибкость мышления. Сейчас я даже не представляю, где ещё я мог бы получить подобный опыт в настолько сжатом и концентрированном виде.

В зимнее время в моём распоряжении был ещё и снегоход. Он использовался для возможной экстренной транспортировки по плато, поездок за брёвнами и других хозяйственных задач. Имелся запас бензина, большой набор инструментов, строительных материалов, крепежа и всевозможных хозяйственных вещей. На Верхнем Айфааре существовал полноценный склад, из которого при необходимости можно было достать почти всё для небольшого ремонта или монтажа.

Большинство ремонтных работ мы выполняли самостоятельно. Если чего-то не умели, учились друг у друга. Более опытный брат показывал тому, кто сталкивался с задачей впервые, а через некоторое время уже этот человек мог объяснить то же самое следующему.

Мне довелось даже вручную при момощи лома и кувалды перебортировать колесо нашего УАЗа, когда во время одной из поездок по плато мы прокололи шину. Если же я сам был непосредственно причастен к какой-нибудь поломке или происшествию, то воспринимал восстановление как свою прямую обязанность. Сначала пытался разобраться сам. Если не получалось — искал более опытного брата и просил помощи.

Так постепенно вырабатывалась важная для жизни привычка: не оставлять после себя проблему в надежде, что кто-нибудь другой потом её решит.

Днём одной из главных моих обязанностей оставалась подготовка дров. Но этим работа с отоплением не заканчивалась. Ночью нужно было поддерживать огонь в печах. Поэтому полноценного непрерывного сна иногда тоже не получалось.

Приходилось просыпаться примерно раз или два за ночь, вставать и обходить печи, подбрасывая дрова. Потом возвращаться в постель, снова засыпать — и через некоторое время повторять всё сначала.

Отдельной постоянной проблемой была вода.

Её запас почти всегда приходилось беречь. Воду старались собирать отовсюду, откуда это было возможно. Дождевую воду из небольших ёмкостей перекачивали в более крупные подземные хранилища. Оттуда её затем насосом поднимали в водонапорную ёмкость, чтобы дальше она могла поступать в систему уже самотёком.

После пожара на водонапорной башне прежние ёмкости были уничтожены, и пришлось придумывать временное решение. Как часто случалось на Айфааре, временное решение потом оказалось самым долговечным.

На краю крыши большого здания, рядом с трубой первого камина, установили пластиковую ёмкость на один кубометр. Вокруг неё соорудили защитный утеплённый каркас, рассчитанный в том числе на близость горячей дымовой трубы. К баку подвели систему наполнения и подачи воды.

Уровень контролировался вручную с помощью простого поплавкового указателя. Поплавок внутри ёмкости был связан нитью с видимым индикатором, выведенным примерно к уровню правого окна Каминного зала. По его положению можно было определить, сколько воды осталось.

Когда указатель опускался ниже подоконника, это означало, что запас подходит к минимальному уровню и пора включать насос. После этого нужно было запомнить, что насос работает, подождать необходимое время и вовремя его выключить. Последний пункт был особенно важен.

Автоматического отключения не было. Если отвлечься и забыть о включённом насосе, кубовая ёмкость постепенно переполнялась. Вода начинала переливаться через край на крышу, а оттуда часть её могла попасть внутрь и залить Каминный зал.

Получалась характерная для тогдашнего Верхнего Айфаара система: вполне рабочая, придуманная из доступных средств, но требующая постоянного человеческого внимания.

Весь наш быт там был устроен именно так. Электричество появлялось, если ты запустил генератор. Тепло сохранялось, если ночью не забыл подбросить дрова. Вода текла из крана, если до этого кто-то собрал её, перекачал наверх и вовремя выключил насос. За обычными удобствами, которые в городе возникают словно сами собой, здесь всегда можно было увидеть конкретную цепочку человеческих действий.

В итоге зимнее дежурство состояло не столько из созерцательного одиночества среди гор, сколько из довольно плотной цепочки хозяйственных задач. И всё это происходило на фоне той самой медленной тишины Ай-Петри, в которой первое время мне особенно остро слышалась собственная тоска.

В обязанности моей напарницы, старшей сестры, входило прежде всего приготовление еды — как для нас самих, так и для двух больших овчарок с длинной красивой шерстью, которые постоянно жили на Верхнем Айфааре.

Их звали Буля и Муля. Они были братом и сестрой, родились на Айфааре и со временем стали всеобщими любимцами. Отношение к ним было семейным. Я помню, как Орис мог просто валяться с ними на траве, играя и обнимая их, а один из братьев из Москвы однажды забирался к ним прямо в большую собачью будку, стоявшую внутри деревянной беседки.

Собаки жили в просторном загоне, огороженном сеткой-рабицей. Площадь там была несколько соток, где они могли свободно бегать. Свободы им, впрочем, всё равно постоянно не хватало.

Буля и Муля были удивительно изобретательны в поисках способов выбраться наружу. Стоило укрепить одно место в ограде, как через некоторое время обнаруживалась новая попытка: где-то они подкапывались под сетку, где-то находили слабое крепление или начинали настойчиво проверять участок, который казался им перспективным. Поэтому периметр приходилось регулярно осматривать и усиливать.

Иногда эта борьба с их стремлением к свободе превращалась в интеллектуальное соревнование. Мы пытались представить, где собака попробует выбраться в следующий раз, а они, похоже, занимались тем же самым по отношению к нам.

Кормить такую пару тоже было отдельной хозяйственной задачей. Для них варили большие кастрюли каши, иногда с различными добавками. Продукты шли из общего хозяйства Айфаара. Моя напарница занималась этим чаще, но временами кашу для собак готовил и я сам.

Кроме кормления, на меня ложилась ещё одна обязанность — два раза в день, утром и вечером, выводить Булю и Мулю гулять по плато.

Вдвоём они были и тяжелее, и физически сильнее меня. Чаще всего я ходил с ними один, держа сразу два длинных толстых поводка. Намордников на них не было.

Сначала подобные прогулки требовали постоянной готовности к неожиданному рывку. Если собаки расходились в разные стороны, я со временем придумал простой способ: сцеплял поводки так, чтобы часть усилия они компенсировали друг другом. Тогда одна тянула влево, другая вправо, и мне оставалось только удерживать равновесие всей конструкции.

Гораздо хуже было, если обе внезапно решали устремиться в одну сторону.

Особенно опасно было когда они замечали какую-нибудь живность. Достаточно было движения в траве или запаха поблизости — и две овчарки одновременно превращались в серьёзную тяговую силу. Один хороший синхронный рывок вполне мог сбить меня с ног.

Несколько раз подобные попытки происходили, но я жестко давал им понять, что такое поведение недопустимо. Постепенно мы привыкли друг к другу. Я научился заранее

замечать ситуации, которые могли их возбудить, сокращать поводок и переключать внимание, а они стали лучше меня слушаться.

Через некоторое время прогулки уже вошли в привычку. За месяцы моих разных дежурств мы с Булей и Мулей, кажется, исходили почти все доступные нам тропы вокруг Верхнего Айфаара. Одни маршруты уходили через лес, другие выводили на открытое плато, третьи петляли вдоль полян и карстовых воронок.

Иногда тропа могла долго идти между деревьями, где даже днём сохранялась влажная прохлада, а потом внезапно выводить на открытое пространство с низкой травой. В ясные дни далеко просматривались складки плато, лесные полосы и «шары» военной базы. В тумане тот же самый маршрут мог полностью измениться: знакомые ориентиры исчезали уже через несколько десятков метров, деревья проступали из белой дымки по одному, а собаки чувствовали дорогу значительно увереннее меня.

Весной и в начале лета поля бывали яркими от молодой травы и цветов, осенью становились более сухими и приглушёнными, а зимой привычные тропы иногда полностью исчезали под снегом. Особенно хорошо запоминались резкие переходы погоды, характерные для плато: несколько минут назад вокруг было ясно, а потом откуда-то снизу начинал наползать туман и постепенно съедал весь горизонт.

Во время этих прогулок мы встречали много диких животных. Мне запомнились зайцы, лисы, косули, куропатки и огромное количество полевых мышей.

Особенно сильно собак интересовали именно мыши. Они могли неожиданно остановиться посреди поля, несколько секунд напряжённо прислушиваться или принюхиваться, а затем начинали с невероятным усердием раскапывать землю носами и передними лапами. Земля летела во все стороны, морды быстро становились грязными. Если им удавалось добраться до мышиной норы и поймать хозяина, добыча исчезала мгновенно — иногда вместе с приличным количеством земли, налипшей вокруг.

Для меня наблюдение за этими собаками тоже было отдельным напоминанием о том, насколько иначе они воспринимают то же самое пространство. Я видел красивую поляну, туман или лесную дорогу. Они читали её прежде всего запахами: где недавно прошла косуля, где в траве сидит мышь, где остановилось дикое животное.

Настроение у Були и Мули, как и у людей, тоже бывало разным.

Иногда они совершенно не хотели идти гулять. Выходили из загона без всякого энтузиазма, плелись рядом, постоянно разворачивались назад и всем своим видом показывали, что сегодняшний маршрут считают лишней затеей. В такие дни прогулка обычно получалась короткой. Приходилось почти тянуть их от дома, а они всё время норовили повернуть обратно. Через некоторое время я сдавался, и мы возвращались.

А бывало наоборот.

Стоило только появиться возле загона с поводками, как они сразу понимали, что сейчас будет прогулка. Начинали носиться вокруг, прыгать, кружиться от радости, мешая мне сделать именно то, чего сами так ждали. Попасть ошейником на шею возбуждённой овчарки иногда оказывалось сложнее, чем потом пройти с ней несколько километров.

Я вообще никогда не относился к людям, которые любят собак. Для меня забота о Буле и Муле была прежде всего одной из обязанностей дежурного, частью того же служения Айфаару, что заготовка дров, генератор или вода.

Но сами прогулки мне нравились. В них хотя бы появлялся повод на несколько часов уйти от хозяйственных забот, взять двух огромных овчарок и просто идти куда-нибудь по плато. Иногда после долгого дня именно эти прогулки становились для меня самой естественной возможностью снова заметить, в каком необыкновенном месте мы всё-таки жили.

Долгими вечерами мы много времени проводили в Каминном зале. Читали книги Ориса и другие источники, слушали записи его ответов на вопросы, смотрели фильмы. Много разговаривали — иногда о прочитанном, иногда просто о жизни, обмениваясь опытом, которого у людей разных поколений и с разными судьбами было предостаточно.

Летом на Верхнем Айфааре мне нравилось значительно больше.

Длинные солнечные дни позволяли почти всё свободное время проводить на улице. Не нужно было постоянно заготавливать дрова для отопления — они требовались в основном для бани, если мы решали её протопить. Исчезала и зимняя необходимость всё время следить за печами. Хозяйственных забот оставалось достаточно, но пространство вокруг словно становилось значительно шире.

Летом я гулял не только с Булей и Мулей, но и один. Свободного времени было много, и я любил просто выбирать направление и уходить по Ай-Петри куда-нибудь без особой цели.

Примерно за сорок минут через лес можно было дойти до края скального обрыва. В ясную погоду оттуда открывался огромный вид на море и Южный берег Крыма. Где-то далеко внизу оставалась обычная жизнь: по шоссе двигались крошечные автомобили и автобусы, виднелись населённые пункты, дома, дороги. С такой высоты вся эта суета становилась игрушечной.

В некоторых точках можно было одновременно увидеть и Верхний, и Нижний Айфаар. Наверху — плато, леса и наша небольшая база, а далеко внизу, ближе к морю, — Голубой Залив. В таких местах особенно наглядно ощущалось, насколько разными были эти два

места, хотя для нас они являлись частями одной жизни, и насколько они относительно близко расположены.

Тропы на Ай-Петри проходили через тенистые леса и открытые цветущие луга. Иногда мне встречались целые поляны, почти полностью покрытые ромашками. Летом их вообще было очень много.

Трава на плато отличалась от той, к которой я привык возле моря. Она не превращалась к середине лета в сплошную сухую выгоревшую массу, а во многих местах долго оставалась живой и зелёной. Встречалась дикая земляника — совсем мелкая, но удивительно вкусная. Нужно было долго собирать её, чтобы набралось хотя бы немного, зато каждая ягодка имела очень насыщенный вкус.

На открытых холмистых участках большими пятнами цвёл горный чабрец. Вместе с другими луговыми травами — шалфеем, лимонником, мелиссой — он создавал тот особый запах, который я до сих пор связываю с летним Ай-Петри. Воздух в тёплые дни был густым, пряным, немного сладковатым.

Я часто собирал эти травы на зиму. Чабрец, мяту, лимонник и другие растения сушили, а потом добавляли в чай. Гулял по лугам, постепенно наполняя пакет, и при этом никуда особенно не торопился.

Однажды во время такой прогулки я увидел одинокую лошадь. Она свободно паслась на лугу — без седла, уздечки и привязи. Я подошёл к ней, и она меня не испугалась. Каким-то образом мне даже удалось забраться ей на спину прямо так, без седла. Сейчас я понимаю, что это было довольно самонадеянно, но тогда мне просто повезло: лошадь оказалась очень спокойной и, вероятно, привыкшей к людям.

Я проехал на ней метров пятьдесят, потом спрыгнул и поблагодарил за неожиданную дружбу. Неподалёку росло дерево с маленькими дикими яблоками. Я нарвал несколько и покормил её. Получилась короткая, совершенно бессмысленная с практической точки зрения история, но именно такие эпизоды почему-то особенно хорошо сохраняются в памяти.

В другой раз на удалённом склоне большого холма я нашёл огромный гриб — почти правильный шар размером с небольшой мяч. Это был горный шампиньон, весивший больше килограмма. По форме он почему-то напомнил мне белые сферические сооружения военной базы на плато, только в миниатюре.

Грибы на Ай-Петри вообще казались мне какими-то сказочными.

Недалеко от нас находилась небольшая дубрава, где на одном и том же участке после сырой погоды регулярно появлялось множество крупных грибов, которые мы называли подосиновиками. Они росли очень быстро, были чистыми, крепкими, с большими ровными плотными шляпками.

Собирать их было большим удовольствием: не нужно долго искать по одному маленькому грибу. За сравнительно короткую прогулку можно было набрать столько, сколько мы вдвоём физически не смогли бы съесть свежими. И вкус у них был великолепный. Из грибов готовили супы и разные горячие блюда, и даже самая простая еда получалась очень насыщенной.

Излишки мы сушили. Грибы нарезали крупными кольцами или пластинами, нанизывали на длинные нитки, словно большие бусы, и развешивали под крышей деревянной беседки. Там они постепенно подсыхали на воздухе. После полного высыхания их снимали с нитей и складывали в холщовые мешки, где они могли долго храниться и не отсыревать.

Зимой достаточно было достать горсть таких грибов, замочить их и сварить суп — и кусочек летнего Ай-Петри снова появлялся на кухне. Да и просто сушёными они мне тоже нравились.

Обычных строительных работ во время дежурства, как правило, не было. Верхний Айфаар в тот период уже не развивался прежними темпами. Но хозяйственных задач всегда оставалось достаточно, и перед сменой мы специально обсуждали их с теми, кто уезжал.

Мне обычно оставляли несколько дел, которые не требовали большого коллектива и которые я мог выполнять в произвольном порядке — в зависимости от погоды, времени и собственного настроения.

Например, можно было разобрать и рассортировать хозяйственный склад, где за годы накопилось огромное количество инструмента, крепежа, остатков материалов и самых разных вещей. Или выкосить траву вокруг зданий, чтобы территория не зарастала.

Совсем ничего не делать месяц было бы, наверное, даже тяжелее, чем работать.

При этом на Верхнем Айфааре почти полностью исчезало ощущение внешнего давления, которое постоянно присутствовало внизу. Здесь не было ежедневных «уроков» Ориса, публичных разборов и общей плотной коллективной динамики. Я оставался в значительной степени наедине с самим собой и с тем человеком, с которым приехал на смену.

И именно поэтому очень многое зависело от совместимости двух дежурных.

Если мы были похожи по ритму жизни и представлениям о порядке, никаких серьёзных сложностей не возникало. Один занимался своим, другой своим, вечером встречались за едой или в Каминном зале, разговаривали, а при необходимости помогали друг другу.

Но если характеры и привычки заметно различались, месяц становился гораздо длиннее.

Возникали маленькие бытовые несогласия: когда лучше приготовить еду, как распределить хозяйственные дела, сколько расходовать воды, что нужно сделать сегодня, а что спокойно подождёт. В большом коллективе подобные различия растворяются между множеством людей. Когда вас всего двое, от них никуда не деться.

Особенно чувствовал я это в дежурствах со старшими сёстрами. Иногда в их отношении ко мне появлялась лёгкая родительская интонация — как к молодому человеку, который ещё многого не знает и которого нужно направлять. Возможно, с их точки зрения это было совершенно естественно: жизненного опыта у них действительно было значительно больше. Но двадцатилетнему мне такое отношение не особенно нравилось.

Я уже считал себя вполне самостоятельным человеком, умел чинить генераторы, заготавливать дрова, управляться с хозяйством, месяцами жил вдали от родителей и привык сам решать возникающие проблемы. Поэтому даже доброжелательное наставничество иногда воспринимал как недооценку собственной взрослости.

В такой изоляции особенно хорошо становилось видно, что духовная совместимость и бытовая совместимость — далеко не всегда одно и то же. Можно одинаково относиться к большим вопросам устройства мира, петь одни песни и разделять общую цель, но при этом совершенно по-разному понимать, когда нужно мыть кастрюлю, сколько воды можно потратить или стоит ли сегодня обязательно косить траву.

144 000 Айфааров

Первые годы моей жизни на Айфааре уже остались позади. И поскольку мне удалось продержаться там достаточно долго, я постепенно перестал чувствовать себя гостем. Скорее я уже воспринимал себя младшим партнёром в общем деле — человеком, который ещё многого не знает и многому учится, но уже несёт свою часть ответственности.

Орис постоянно стремился к тому, чтобы его идея повсеместного создания Айфааров и просвещения людей стала естественной частью не только его собственной жизни, но и нашей. В перспективе речь шла о создании огромного количества подобных центров — 144 000. Для нас это звучало как далёкая глобальная цель, а повседневная жизнь в Голубом Заливе воспринималась своеобразной подготовкой к ней.

Получалось, что даже самые обычные бытовые дела приобретали дополнительный смысл. Строя стену, организуя праздник, работая на кухне, принимая новичков или решая очередную хозяйственную проблему, мы учились тому, что когда-нибудь должно было пригодиться уже при создании своих Айфааров.

Ощущение временного пребывания у меня к тому времени практически исчезло.

Я оставался одним из самых молодых постоянных участников, но уже приобрёл немалый практический опыт и был плотно включён во многие процессы. Некоторые участки работы мог вести самостоятельно, без постоянных подсказок более опытных братьев. По сравнению с приезжавшими новичками я и сам уже чувствовал себя человеком, который многое знает об устройстве нашей жизни и способен что-то объяснить другому.

Постепенно изменилось и отношение ко мне внутри коллектива. Мне кажется, появилось определённое уважение — прежде всего потому, что свою приверженность выбранному пути я доказывал не словами, а тем, что оставался, преодолевал преграды и довольно быстро учился новым вещам.

При этом особой исключительностью это не было. Способность быстро осваивать незнакомые занятия вообще была характерна для многих постоянных айфааровцев. Сегодня человек мог впервые взять в руки какой-нибудь инструмент, а спустя некоторое время уже вполне уверенно выполнять работу самостоятельно. Сравнивать друг друга по принципу «кто лучше» у нас вообще не было принято, поэтому собственные успехи я воспринимал скорее как естественную часть общего роста.

Я уже гораздо лучше ориентировался и в человеческих отношениях внутри коллектива. Понимал, с кем мне легко работать и разговаривать, с кем возникает мгновенное взаимопонимание, а с кем совместимость значительно меньше и приходится сознательно искать общий язык. В первые месяцы Айфаар казался мне единой духовной семьёй. Спустя несколько лет я уже видел внутри этой семьи множество очень разных характеров. Это было более взрослым взглядом на коллектив: общая идея сама по себе вовсе не делала людей одинаковыми.

Постепенно несколько спокойнее стала и моя финансовая ситуация. Появились разные способы зарабатывать, а собственные расходы при айфааровском образе жизни оставались сравнительно небольшими. Время от времени мне попадались удалённые заказы на трёхмерную визуализацию. Иногда я выезжал в Севастополь на неделю или две

и занимался устройством каминов и печей — к тому времени этому ремеслу я уже достаточно хорошо научился. Заказов в городе было много.

Чаще мы зарабатывали вместе с другими ребятами. Не уезжая с Айфаара надолго, небольшой группой мы выезжали на различные строительные подработки, выполняли определённый объём и возвращались обратно в пределах окрестных поселков.

Денег этих, впрочем, хватало лишь на текущую жизнь. Создать настоящую долгосрочную финансовую подушку у меня не получалось. После очередной работы появлялся запас примерно на месяц, в лучшем случае на два. Затем снова нужно было думать, где заработать дальше.

Сейчас такое положение кажется мне довольно уязвимым. У меня практически не было финансовой защиты от серьёзных жизненных обстоятельств. Могла возникнуть проблема со здоровьем, потребоваться неожиданная поездка или крупная покупка. Наконец, существовала сама возможность, что однажды моя жизнь на Айфааре по каким-то причинам закончится, а начинать новую придётся практически без накоплений.

Но тогда я воспринимал эту незащищённость значительно спокойнее. В песнях мы пели о том, что лучшая защита — это доброта. В самой айфааровской философии тоже постоянно звучала мысль о доверии жизни: если человек движется в правильном направлении и действует достаточно альтруистично, необходимые возможности появляются тогда, когда они действительно нужны.

Мне эта позиция тогда нравилась. Она снимала необходимость постоянно бояться будущего. При этом материальная ответственность оставалась. Что-нибудь могло сломаться непосредственно в моих руках — инструмент, техника, стекло или другой предмет, — и тогда по принятой у нас логике возникала обязанность компенсировать ущерб. Несколько таких ситуаций происходило и со мной. К счастью, суммы оказывались подъёмными.

Более опытные братья иногда даже брали деньги в долг у Айфаара — фактически у Ориса, — если возникала какая-то серьёзная и неотложная необходимость.

А вот возвращать такие долги, конечно, было значительно сложнее.

Помню один довольно необычный случай. У одного из братьев долг со временем накопился и затянулся, и тогда Орис предложил ему совершенно новую для всех нас практику, которую назвал «Долговая яма».

Смысл её был одновременно символическим и вполне физическим. Человек на некоторое время должен был оставить привычные дела, взять кирку и лопату и отправиться копать большую яму. Предполагалось, что в процессе работы эта яма будет всё сильнее ассоциироваться в его сознании с самим долгом — с ощущением финансового бремени, из которого он никак не может выбраться.

Этот брат оказался первым, кто испытал такую практику на себе. Причём это был тот самый брат, который нам уже хорошо знаком — тот, что угощал всех самсой и вообще отличался щедростью и гостеприимством.

Копать ему предложили не где-нибудь в лесу, а с практической пользой для Айфаара — за Нижним огородом, на месте будущей компостной ямы. Размер должен был быть

достаточно большим, чтобы человек мог полностью поместиться внутри и спокойно лечь. Получалось что-то действительно похожее на могилу: примерно два метра в длину, около двух в ширину и почти столько же в глубину. За несколько дней он выкопал огромную яму. Но на этом практика только начиналась.

По условиям нужно было самому спуститься в свою «долговую яму» и провести там три дня и три ночи, не выходя наружу. Всё это время человек должен был удерживать устойчивую внутреннюю связь между своим долгом и пространством, в котором находился.

Идея заключалась в том, что он буквально проживает состояние «нахождения в долгу», доводит этот образ до предела, а затем по истечении трёх суток самостоятельно выбирается наружу и символически оставляет яму позади. После этого следовало мысленно отпустить её с благодарностью и уже без прежнего внутреннего груза двигаться дальше.

Практика воспринималась как работа с подсознанием. Предполагалось, что сам долг создаёт внутри человека тяжёлое состояние — страх, вину, ощущение тупика, постоянную фиксацию на нехватке денег. А пока человек остаётся в таком состоянии, он якобы сам мешает появлению новых финансовых возможностей. «Долговая яма» должна была разорвать эту внутреннюю связь.

В нашей тогдашней логике считалось, что после такого сильного символического переживания финансовая ситуация может неожиданно измениться: появится работа, новый заказ, кто-то вернёт старый долг или возникнет иной источник денег, позволяющий наконец рассчитаться.

При этом сам долг брату Орис, насколько я помню, не простил. Видимо, действие практики предполагалось не на кредитора, а именно на сознание должника и его способность привлечь в свою жизнь новые финансовые возможности. Я уже не помню, как именно дальше сложилась финансовая ситуация у этого брата и как ему удалось вернуть долг. Не помню и того, чтобы кто-то позже добровольно повторял на Айфааре эту практику. Поэтому судить о её эффективности я не могу. В моей памяти она так и осталась скорее единичным экспериментом — одним из тех случаев, когда внутреннюю проблему на Айфааре пытались превратить в конкретное физическое действие: взять лопату, выкопать собственный долг в земле, несколько дней буквально посидеть внутри него, а потом попытаться из него выйти.

Всё дальше уходила моя прежняя жизнь. С институтом я к этому времени полностью прервал отношения. Я просто однажды перестал приходить и больше не появился. Вместе с институтом почти сразу исчезло и общение с большинством моих бывших одногруппников. Мы не ссорились. Просто наши жизни очень быстро разошлись.

Ещё недавно мы сидели рядом на лекциях, обсуждали экзамены и жили в одной системе координат. Теперь они продолжали привычный путь — учёба, диплом, работа, — а я строил духовный центр, жил под новым именем, осваивал печное дело и рассуждал о будущем появлении тысяч Айфааров.

Связь с родителями я, напротив, никогда не прерывал. Регулярно приезжал в Севастополь, встречался с ними, разговаривал, старался поддерживать отношения. Но постепенно изменилось само ощущение этих поездок. Когда-то я уезжал из родительского дома на Айфаар. Теперь всё было наоборот: я приезжал с Айфаара к родителям в гости.

Квартира оставалась той же, родители оставались моими родителями, многие вещи лежали на прежних местах, но внутреннее ощущение дома уже переместилось. Основная моя жизнь происходила в другом месте, среди других людей и вокруг совершенно других задач.

Вещи, которые в первые годы казались необычными, постепенно стали восприниматься как нормальная часть жизни. Я привык и к постоянному внутреннему напряжению, связанному с самоконтролем, и к общей неопределённости нашего образа жизни, где трудно было заранее представить, чем ты будешь заниматься через несколько месяцев.

Мне очень нравилось жить в большом коллективе, почти постоянно находясь у всех на виду. Постепенно исчезло ощущение, что вокруг меня собрались случайные люди, которых я просто встретил в одном необычном месте. Я уже многое знал практически о каждом: откуда человек приехал, чем занимался раньше, каким был его путь на Айфаар, что ему здесь давалось легко, а с чем он постоянно сталкивался.

Мне особенно нравилось наблюдать за новичками. Я уже примерно представлял, что они могут чувствовать в первые дни. Через них иногда получалось снова посмотреть на привычную айфааровскую жизнь свежими глазами. Было интересно отвечать на их вопросы, помогать освоиться и обсуждать первые впечатления. Да и сами приезжавшие люди часто оказывались далеко не простыми. У многих за плечами была насыщенная жизнь, интересная профессия или необычный опыт, и мне было чему у них учиться.

Для разговоров времени хватало. На стройке или во время работ в саду можно было часами делать что-то руками и одновременно разговаривать. Так и труд становился легче, и день проходил быстрее. К тому времени я уже сам мог отвечать на многие вопросы новичков о саморазвитии в рамках принятой на Айфааре системы взглядов. Мог рассуждать о том, как лучше поступить в конфликте, почему не стоит сразу обвинять другого человека, как попытаться увидеть собственную ответственность за происходящее и найти в неприятной ситуации возможность для развития.

Хочется верить, что хотя бы часть этих советов действительно кому-то помогала.

Многие принципы сами по себе были достаточно мудрыми и оптимистичными. Вместо поиска виноватого человеку предлагалось сначала посмотреть на собственные действия и

реакции, как причины проявления такой ситуации. Вместо того чтобы надолго застревать в обиде, тоже попробовать понять причины ситуации. Вместо вопроса «Почему со мной так поступили?» — задать себе другой: «Что я могу из этого понять и сделать дальше?»

Конечно, как я уже показывал раньше на примере «солнечных дней» и других практик, доведённая до крайности идея личной ответственности могла превращаться уже в совершенно иной механизм. По прошествию времени я понимаю, что чувство личных границ у многих из нас было очень сильно деформировано, за годы жизни на Айфааре. Мы долго отождествили свою личность с коллективом и ставили интересы коллектива часто выше своих личных. Именно на это были направленны многие принятие обычаи и практики. Эта деформация иногда не давала услышать свои истинные внутренние желания и мотивы. Они отправлялись в подсознание и потом служили источниками постоянных негативных реакций, которые не исправлялись духовной работой и солнечными днями. Для отдельных участников, по моему мнению, вред от такой деформации со временем оказался больше, что позитивный результат духовного развития. Они потеряли возможность выстраивать адекватные социальные связи за пределами центра и попали в достаточно неустойчивые жизненные ситуации. В моём случае, произошло иначе, но в этом есть доля везения.

Постепенно осваивался не только я. То же самое происходило с братьями и сёстрами, которые приехали примерно в моё время и тоже остались жить на Айфааре постоянно. У каждого постепенно формировалась собственная профессиональная ниша.

Я, например, был «вольным каменщиком» поскольку довольно хорошо освоил каменные работы: строительство каминов и печей, кладку стен и перегородок из бута, кирпича, ракушечника, газобетона, пеноблоков, шлакоблоков и других материалов. Если возникала соответствующая задача, уже было понятно, что меня можно поставить на неё и забыть.

У другого брата таким направлением стала сантехника. Постепенно он практически полностью замкнул на себе вопросы водоснабжения Айфаара — довольно непростого хозяйства, особенно в условиях периодических засух, эксплуатации множества насосов, накопительных ёмкостей и постоянно изменявшейся инфраструктуры.

Для него исчезла та первоначальная неопределённость, когда утром можно получить совершенно незнакомую задачу и не знать, справишься ли с ней вообще. У него появился свой участок, планы на месяцы вперёд и возможность при больших работах привлекать помощников. Другой брат примерно так же закрыл на себе электрику.

Если внимательно посмотреть на тогдашнюю жизнь Айфаара, почти каждый постоянный участник постепенно занимал определённую нишу и за несколько лет приобретал в ней довольно серьёзную практическую квалификацию. Орису такой принцип нравился, и он видел в нём рациональность: не заставлять всех одинаково хорошо уметь всё, а позволять человеку развиваться в том направлении, где он оказывается наиболее полезен.

Со временем подобная специализация стала распространяться и за пределы строительства.

Я, например, кроме каменных работ занимался звуковым и световым оборудованием на праздниках. Кто-то специализировался на записи вокала и работе с песнями. Другие редактировали книги, занимались текстами, печатными материалами или организационными проектами.

Орис говорил, что в будущем на настоящих Айфаарах физического труда почти не останется. Основная деятельность людей будет связана с различными просветительскими проектами, исследованиями, творчеством и распространением Знания. По его словам, мы ещё будем с ностальгией вспоминать наши бетономешалки и иногда даже скучать по ним.

Тогда такая перспектива казалась вполне естественным продолжением происходящего. Мы действительно постепенно двигались от ситуации, когда большая часть сил уходила на строительство элементарной инфраструктуры, к всё более специализированным интеллектуальным и творческим задачам. Вместе с нами довольно быстро менялся и сам духовный центр.

Это не было движением по заранее написанному плану. Скорее происходило постоянное ручное управление процессом: появлялись новые идеи, менялись приоритеты, какие-то направления неожиданно становились главными, а другие постепенно исчезали.

То же самое происходило и с философией Ориса. Как я уже писал, она заметно менялась непосредственно в процессе написания книг.

Окончательное оформление нового направления я связываю с моментом, когда появилось название **«Иссиидиология»**. На официальной истории Айфаара это событие относится к

августу 2009 года; там же приводится авторская расшифровка названия — **«новейшие космологические представления о Вселенной и человеке»**. Позже сам день появления Иисиидиологии стал для нас отдельной памятной датой.

Само название звучало уже совершенно иначе, чем прежняя духовно эзотерическая терминология – «Благая Весть». В нём явно чувствовалась претензия на отдельную область знания — новую дисциплину.

Для меня это было продолжением той тенденции, которую я уже описывал раньше: от религиозных и эзотерических образов — в сторону более светского и внешне наукообразного языка. Старые материалы постепенно убирались с сайтов и из распространения, а основное внимание переключалось на новую систему.

Одним из первых крупных циклов нового этапа стало «Бессмертие доступно каждому», которое мы сокращённо называли БДК. В нумерации с самого начала была необычная особенность. Первая книга, над которой тогда работал Орис, имела номер не первый, а десятый. Предполагалось, что вся Иисиидиология будет представлять собой единую большую систему томов.

Седьмым и восьмым томами предполагалось сделать два песенных сборника «Мой Завет». Девятый номер отводился словарю новой терминологии. «Бессмертие доступно каждому» занимало последующие тома, а первые шесть номеров оставались за будущими «Основами Иисиидиологии» — наиболее фундаментальной и сложной частью системы.

Получалась необычная последовательность создания всей системы: сначала писались более доступные «Комментарии к Основам» и отдельные части будущей конструкции, а уже потом Орис собирался вернуться к фундаментальным томам, с которых читателю по логике следовало бы начинать изучение Иисиидиологии.

Сам Орис объяснял это тем, что два уже существовавших тома «Благой вести» фактически и были ранними прообразами будущих «Основ». Он намеревался позже полностью переработать и значительно расширить их — вместо двух книг создать шесть подробных фундаментальных томов, когда для такой работы наступит подходящий момент.

А пока предпочитал заниматься более эмоционально понятным и доступным циклом «Бессмертие доступно каждому». По его замыслу, такие книги должны были стать для читателя более мягким входом в новую систему: сначала заинтересовать близкой и понятной каждому темой жизни и смерти, а уже затем, при желании, привести к значительно более сложным «Основам Иисиидиологии».

Сами тексты «Бессмертие доступно каждому» первоначально строились вокруг вопросов читателей и ответов Ориса. Помощники брали аудиозаписи его бесед, выбирали подходящие вопросы и ответы и выстраивали из них своеобразный каркас будущей книги, располагая материал так, чтобы одна тема постепенно переходила в другую и в совокупности раскрывала идею бессмертия. Потом этот материал попадал к Орису.

Он проходил по подготовленному тексту, менял формулировки, дополнял ответы и подробно разворачивал отдельные мысли. В результате от первоначального устного разговора порой оставалось совсем немного. Короткий ответ, который когда-то занимал несколько минут после вечерних песен, мог превратиться в несколько страниц сложного теоретического текста.

Здесь всё заметнее проявлялась одна особенность его языка. Орис и в устных ответах постоянно использовал собственные термины и выражения. Если бы человек, совершенно не знакомый с Айфааром, случайно вошёл в помещение во время такой беседы, некоторые фрагменты разговора могли показаться ему произнесёнными на другом языке.

Мы же постепенно к этому привыкли. Сначала незнакомое слово резало слух. Потом несколько раз встречалось в книге, звучало в ответах Ориса, обсуждалось между нами — и через некоторое время становилось частью обычного внутреннего словаря.

Если первые его книги о странствиях души, далёких мирах, контактах с внеземными цивилизациями ещё можно было читать как философско-эзотерическое рассказы, то в Иисиидиологии читатель попадал в совершенно другой уровень сложности. Даже мне, человеку, который много лет жил рядом с Орисом, слушал его объяснения, знал основные термины и уже привык к этому языку, новые книги приходилось читать медленно. Иногда по несколько раз перечитывать один и тот же абзац и постоянно борясь чтобы не заснуть.

В одном предложении могли одновременно встретиться «НУУ-ВВУ-Форма», «ЛЛУУ-ВВУ», «ротационный Цикл», «Стерео-Типы», «Энерго-Плазма», «ИИССИИДИ-Центры», «Универсальный Фокус Самосознания», «Фокус Пристального Внимания», «резонационная зона», «Чистые Космические Качества» и ещё несколько понятий, каждое из которых имело собственное определение где-то в предыдущих томах.

Причём трудность заключалась не только в самих новых словах. Даже если условно заменить каждый термин его коротким определением, предложение всё равно оставалось чрезвычайно плотным. В нём одновременно описывались сознание, выбор, время, параллельные формы личности, частотные состояния, механизм внимания и устройство многомерной реальности. Читатель ещё не успевал понять одну конструкцию, как внутри неё уже появлялись две следующие.

Например, за длинной цепочкой терминов иногда скрывалась относительно простая по смыслу мысль: человек в каждый момент выбирает тот вариант дальнейших событий, который больше соответствует его текущему внутреннему состоянию. Если сказать только это, идея будет понятна любому человеку.

Но Орису было недостаточно сформулировать её таким образом. Он стремился описать предполагаемый механизм максимально подробно: что именно выбирает, откуда выбирает, между какими структурами происходит выбор, какая часть сознания в этом участвует, каким образом всё связано с частотами и в какой системе существуют остальные варианты. В результате простая исходная мысль обрастала таким количеством конструкций, что сама уже исчезала внутри них.

Тогда эта сложность производила на меня положительное впечатление. Если книга настолько трудна и содержит столько незнакомых понятий, невольно возникает ощущение, что за ними скрывается огромная глубина, которую я пока просто недостаточно подготовлен понять. Особенно когда вокруг находятся люди, которые тоже относятся к тексту как к серьёзному Знанию.

Я не понял абзац — значит, нужно прочитать предыдущие главы. Не понял определения — значит, надо открыть словарь терминов. Не вижу связи с известной физикой — значит, современная физика пока не дошла до этого уровня. Такая система практически не имела естественной точки, в которой читатель мог бы спокойно сказать: «Возможно, проблема не во мне. Возможно, сама мысль изложена слишком сложно или недостаточно ясно».

Сейчас я воспринимаю подобный язык иначе. Для меня сложность сама по себе больше не является признаком глубины. Если идея действительно сложная, хороший текст, наоборот, должен постепенно уменьшать расстояние между ней и читателем: дать образ, пример, объяснить понятие обычными словами, затем показать связи и только после этого вводить специальную терминологию.

У Ориса обычно происходило обратное. Чем глубже он уходил в новую систему, тем больше возникало собственных терминов, а определения этих терминов состояли уже из других терминов. Это создавало своего рода замкнутую языковую среду.

Например, выражение «Фокус Пристального Внимания» само по себе ещё можно интуитивно понять. Но затем выясняется, что это ССВУУ-ССММ, являющийся компонентом УФС, который через «скррууллерртную систему» осуществляет выбор между вариантами «ротационных Циклов» различных НУУ-ВВУ-Форм. После этого первоначально знакомое слово «внимание» уже перестаёт помогать.

Особое впечатление производили звуковые названия вроде «ССВУУ-ССММ», «НУУ-ВВУ» или «ЛЛУУ-ВВУ». Они были частью внутренней системы Ориса и, по его представлениям, не являлись произвольно придуманными словами. Но для внешнего читателя они выглядели именно как совершенно новая искусственная терминология, которую сначала нужно выучить, прежде чем вообще начинать спорить о содержании.

И здесь возникала одна из главных проблем с тем научным направлением, на которое тогда делалась такая большая ставка.

Текст внешне всё сильнее становился похож на специализированную теорию. В нём были системы, конфигурации, частоты, волны, структуры, резонансы, пространственно-временные процессы. Но научная терминология обычно позволяет специалистам точнее договориться о наблюдаемом явлении. Здесь же большинство основных объектов существовало только внутри самой Иссиидиологии.

Нельзя было взять прибор и измерить ССВУУ-ССММ. Нельзя было экспериментально показать НУУ-ВВУ-Форму рядом с другой НУУ-ВВУ-Формой. Нельзя было указать физику на «скррууллерртную систему» и предложить независимо проверить её свойства. По крайней мере я не понимал, как это можно сделать.

Представляю человека, который случайно открывает книгу сразу на таком месте. Он читает первый абзац. Потом второй. Доходит до «узкокачественной динамики Творческой Активности Фокуса Пристального Внимания», затем до «скррууллерртной системы», возвращается к началу предложения, пытается вспомнить, что такое УФС, замечает ещё две ссылки на определения — и, скорее всего, закрывает книгу. Не потому, что он глуп или недостаточно духовно развит. Просто цена входа в текст оказывается слишком высокой.

И мне кажется, именно здесь проявилась определённая трагедия всей попытки перевести учение Ориса из эзотерического пространства в академическое. Он действительно делал язык всё менее религиозным, убирал Христа, чакры, эфирные тела и привычные эзотерические образы. Но освободившееся место заполнялось не общепринятым научным языком, а новой, ещё более сложной собственной терминологией. Для нас тогда всё это выглядело движением в сторону науки. Со стороны же эффект мог быть противоположным: не открытая научная теория, а ещё одна замкнутая система понятий.

Позже один из экспертов, с которым мне довелось обсуждать подобные концепции, сказал фразу, которая хорошо запомнилась:

— Я знаю около пятидесяти таких систем, замкнутых самих на себя и претендующих на объяснение практически всего мироздания.

Для меня это было неожиданно. До того Иссиидиология казалась чем-то уникальным по самому масштабу замысла. А тут выяснялось, что подобные универсальные конструкции вообще можно в каком-то смысле коллекционировать.

У многих из них, как мне объяснили, есть характерная общая черта: каждая претендует на особую, окончательную картину мира, но при этом редко вступает в содержательный диалог с другими похожими системами. Они существуют рядом, однако не замечают друг друга. Каждая строит собственный язык, собственный понятийный аппарат и собственную внутреннюю логику. Это само по себе ещё ничего не доказывает и не опровергает. Но для меня постепенно стало важным наблюдением: масштаб теории и количество новых терминов вовсе не гарантируют её уникальности.

Орис, в свою очередь, вполне рационально объяснял необходимость сложного языка Иссиидиологии. По его словам, многие явления, которые он пытался описывать, просто не имели подходящих обозначений в человеческом языке. Если речь идёт о разных уровнях сознания, типах реальностей, структурах восприятия или других трансцендентных процессах, их нужно как-то различать между собой. Без отдельных названий невозможно даже начать обсуждать, чем одно явление отличается от другого и как они связаны между собой.

В этом объяснении была своя логика. Если для какого-то понятия действительно нет подходящего слова, термин приходится вводить. Так происходит и в науке, и в философии, и вообще в любой области, где человек начинает описывать нечто новое.

Орис сводил проблему к простой формуле: если сразу сказать, что «всё есть Бог», то дальше обсуждать нечего. Всё уже соединено, одним словом, но это слово ничего не объясняет в деталях. Чтобы рассуждать о структуре мироздания, нужно разделять процессы, уровни и состояния хотя бы на языке.

Тогда мне этот аргумент казался убедительным. Сейчас я бы добавил к нему только один вопрос: новый термин действительно помогает точнее различить наблюдаемое явление или лишь создаёт ощущение, что такое явление хорошо описано?

Само появление нового слова ещё не означает появления нового объекта. Иногда термин действительно позволяет увидеть и описать то, что раньше трудно было сформулировать. Более того, сам такой способ построения системы не обязательно порочен. В математике тоже сначала вводятся определения и исходные положения, а существование некоторых объектов затем доказывается косвенно — через их отношения с другими элементами системы. Но здесь есть принципиальная граница. Математическое доказательство показывает, что объект существует **внутри принятой системы аксиом**.

Здесь есть ещё одно важное уточнение. Математические объекты сами по себе вовсе не обязаны существовать в мире как физические вещи. Мы не встретим в природе число i, функцию или векторное пространство в буквальном смысле. Это абстрактные конструкции человеческого мышления. Но они способны с поразительной точностью

описывать реальные отношения, а построенные с их помощью теории — предсказывать результаты, которые затем можно независимо измерить.

Поэтому сила математики применительно к физическому миру заключается в том, что между математической моделью и наблюдаемой реальностью возникает проверяемое соответствие.

Именно этого соответствия мне не хватает в случае Иссиидиологии. ССВУУ-ССММ тоже вполне может рассматриваться как абстрактный объект некоторой модели мира. Само по себе это не является недостатком. Вопрос возникает дальше: какое независимое наблюдение или измерение показывает, что именно эта конструкция действительно описывает устройство реальности?

Если математическая модель говорит, что при определённых условиях мы получим конкретный результат, этот результат можно проверить независимо от автора модели. Если же существование объекта подтверждается только его связями с другими объектами той же системы, а источник сведений обо всей системе доступен лишь одному человеку, то перед нами пока нет того моста между абстракцией и реальностью, который сделал математику столь мощным инструментом науки.

С такими понятиями Иссиидиологии, как ССВУУ-ССММ, мне сейчас видится другая ситуация. Его существование раскрывается через отношения с другими введёнными объектами, те — через следующие, и постепенно возникает огромная взаимосвязанная конструкция. Она может быть внутренне последовательной, но если ни один участок этой цепи невозможно проверить независимо от самой Иссиидиологии, то взаимная связанность терминов ещё не становится доказательством существования обозначаемых ими сущностей. В лучшем случае она показывает непротиворечивость некоторой модели мира — но не то, что сам мир действительно устроен именно так. В математике можно независимо повторить доказательство. В Иссиидиологии можно было независимо изучить описание, но невозможно было повторить получение исходного знания.

Если предположить как исходное положение, что существует множество параллельных вариантов реальности и что текущее состояние сознания определяет, какому из них человек соответствует, огромное количество последующих положений Иссиидиологии начинает складываться довольно логично. Тогда становятся понятны и «перефокусировки», и идея более и менее качественных сценариев, и утверждение о том, что изменение себя изменяет окружающую реальность.

Более того, у этой аксиомы есть привлекательные аналоги в других областях. Психология действительно показывает, что внутренние установки человека влияют на его восприятие, решения и отношения с окружающими. Мы замечаем одни черты людей и пропускаем другие, по-разному интерпретируем одни и те же события и собственным поведением увеличиваем вероятность определённых ответных реакций. Поэтому на субъективном уровне человек действительно во многом живёт в мире, соответствующем устройству его сознания.

Даже идея множества возможных сценариев имеет отдалённую ассоциацию с некоторыми интерпретациями квантовой механики. Но именно здесь важно не перепутать красивую аналогию с доказательством. Квантовая теория не говорит, что нравственное или психологическое состояние человека выбирает для него соответствующую ветвь Вселенной. Этот дополнительный переход уже является предположением Иссиидиологии.

И потому главный вопрос возникает не к внутренней логике системы. Если принять исходную аксиому, многое действительно начинает объясняться. Вопрос в другом: каким независимым способом можно проверить саму аксиому?

Если хороший поступок приводит к хорошему событию — можно сказать, что человек перефокусировался в более благоприятный сценарий. Если вслед за хорошим поступком происходит несчастье — всегда можно предположить, что без него сценарий оказался бы ещё хуже, что проявилась другая часть сознания или что последствия относятся к более сложной цепочке выборов. Тогда практически любой возможный результат можно согласовать с исходной теорией.

И здесь, я подхожу к самой глубокой границе, за которой дальнейший спор уже теряет смысл. Если исходную аксиому невозможно независимо проверить, остаётся либо принять её, либо не принять. Можно годами изучать все последующие построения Иссиидиологии, разбираться в терминологии, находить в ней внутренние соответствия, сопоставлять её с психологией, философией или отдельными образами современной физики. Но в самом основании всё равно останется вопрос: действительно ли состояние нашего сознания определяет тот вариант объективной реальности, в котором мы оказываемся?

На сегодняшний день я не знаю способа это доказать. Но и окончательно опровергнуть подобное утверждение чрезвычайно трудно, особенно если речь идёт о множестве параллельных сценариев, между которыми человек якобы непрерывно «перефокусируется». Поэтому в самой глубине системы остаётся акт доверия.

Человек либо говорит: «Да, я допускаю, что мир устроен именно так», — и тогда огромное количество последующих идей начинает складываться для него в единую картину. Либо отвечает: «Я не вижу достаточных оснований принять это исходное положение», — и тогда вся последующая конструкция остаётся для него интересной, возможно красивой, но всё-таки гипотетической моделью.

Именно здесь я сейчас вижу наиболее существенное сходство Иссиидиологии с теологией. Любая религия имеет в основе положения, которые невозможно вывести из более простого человеческого опыта. Бог существует. Сознание не заканчивается смертью тела. Существует душа. Мир имеет определённый замысел. Есть некая реальность, лежащая за пределами непосредственно наблюдаемой.

Верующий может привести аргументы, личный опыт, свидетельства других людей, философские рассуждения, внутреннюю согласованность своей традиции. Но в какой-то конечной точке всё равно остаётся утверждение, которое принимается как исходное. С Иссиидиологией, как мне кажется теперь, происходит нечто подобное.

Только вместо Бога, души и загробного мира предлагается другая фундаментальная архитектура реальности: бесконечное множество уже существующих сценариев, формы самосознания, непрерывные «перефокусировки», соответствие качества сознания определённым вариантам развития событий и целая система более глубоких структур Мироздания. Скорее я назвал бы это альтернативной системой устройства мира на фундаментальном уровне**.**

Она предлагает собственный ответ на те же предельные вопросы, которыми тысячелетиями занимались теология и философия: что представляет собой человек, что лежит в основе реальности, почему с нами происходят именно эти события, существует ли

смерть как окончание личности и от чего зависит направление нашей дальнейшей жизни. Иисиидиология говорит о формах самосознания, сценариях, качественности состояний и перефокусировках. Но в определённой точке обе системы требуют от человека сделать похожий интеллектуальный шаг: принять некоторое фундаментальное утверждение о невидимом устройстве реальности, которое пока невозможно проверить обычным независимым способом. И дальше уже очень многое зависит от того, сделал человек этот первый шаг или нет. Если сделал — последующие элементы начинают поддерживать друг друга и постепенно складываются в целостный мир. Если нет — та же самая конструкция остаётся сложной системой гипотез.

Наверное, поэтому многолетние споры о таких мировоззрениях редко заканчиваются окончательной победой одной из сторон. Спорящие часто обсуждают не отдельные следствия, а стоят на разных исходных основаниях. Один человек уже принял аксиому. Другой — ещё нет. И прежде чем обсуждать всё огромное здание, построенное над ней, имеет смысл сначала честно спросить себя: на каком основании я принимаю сам фундамент?

Если говорить именно про первую книгу Иссиидологии – десятый том – «Бессмертие доступно каждому», то в целом она производила довольно характерное впечатление философско-эзотерического манифеста. По стилю текст достаточно тяжёлый. Сами отдельные предложения понять можно, но читать их подряд непросто. Почти каждое предложение содержит несколько крупных абстрактных понятий: «Информация», «Самосознание», «Бессмертие», «Восприятие», «Коллективный Разум», «Формы», «Временные Потоки», «Духовная Цель». Их ещё и выделяют заглавными буквами, отчего они визуально превращаются почти в специальные термины. Возникает впечатление, что читателю нужно знать внутренний словарь, хотя формально большинство слов общеупотребительные.

Например, фраза про «совокупное взаимодействие бессмертных Сознаний всех одновременно существующих во всех Временных Потоках самосознательных Форм» грамматически читаема, но представить, что конкретно имеется в виду, уже трудно. Человек может понять слова по отдельности и при этом не получить ясного образа целого. Именно этим Иссиидиология сильно отличается от популярной литературы по саморазвитию: там обычно сложная идея упрощается до житейского примера, а здесь сравнительно простая мысль часто помещается внутрь всё более сложной системы понятий.

При этом текст нельзя назвать эмоционально сухим. Наоборот, его задача во многом эмоциональная. Постоянно используются «Бессмертие», «Мечта», «Любовь к Жизни», «грандиознейшая Цель», «невероятные возможности», «абсолютно вечен». Читателю предлагается очень привлекательная перспектива: смерть не окончательна, возможности человека практически безграничны, мечты имеют онтологическое основание, ограничения существуют главным образом в сознании. Для определённого человека это может давать мощное ощущение надежды, масштаба и личной значимости.

Я думаю, наиболее привлекательным такой текст и был для людей, которые во что то верят, интересуются эзотерикой, метафизикой, идеей бессмертия сознания, множественностью миров, развитием сверхспособностей или вообще ищут всеобъемлющую картину мироздания. Особенно если человек переживает период мировоззренческого поиска и ему хочется не отдельных практических советов, а ответа сразу на большие вопросы: зачем жить, что происходит после смерти, насколько велики возможности человека, есть ли у существования глобальная цель.

Для человека с естественно-научным складом ума впечатление, вероятно, было противоположным. Его довольно быстро могли начинать раздражать переходы между научной терминологией и метафизическими выводами. Например, слово «Энергия» вызывает ожидание физического понятия, но используется уже не в строгом физическом смысле. То же происходит с «Информацией». Возникает ощущение научности языка без соответствующего научного способа обоснования. То есть форма местами напоминает теорию, а механизм аргументации остаётся философско-эзотерическим.

Есть ещё одна интересная особенность: текст не оставляет пространства для сомнения. Формулировки очень категоричны: «объективно ничего невозможного нет», «любой из вас обладает всеми мыслимыми способностями», «он знает, что он вечен, абсолютно вечен». Автор говорит не «я предполагаю», «в рамках моей концепции» или «возможно», а сообщает устройство реальности как установленный факт. Для убеждённого читателя это создаёт ощущение силы и уверенности автора. Для скептического — наоборот, может производить впечатление чрезмерной самоуверенности.

При этом некоторые отдельные идеи вполне понятны и даже независимо от всей метафизической конструкции могут эмоционально работать. Например, мысль о том, что наличие большой цели делает жизнь насыщеннее; что жизненная усталость усиливается при отсутствии смысла; что представление о собственных возможностях влияет на поведение человека. Если отделить их от утверждений о буквальном бессмертии и сверхспособностях, это уже гораздо более доступные психологические наблюдения. Но Орис не отделяет одно от другого: психологическое, философское, эзотерическое и условно-научное у него соединены в одну систему.

Изнутри она обещает огромный масштаб: бессмертие, космическую эволюцию, неограниченные способности, новую картину реальности. Но новому читателю сначала приходится пройти через плотный слой терминологии и принять несколько далеко не очевидных исходных положений. И только после этого для лояльного читателя система начинает выглядеть связной.

Если делать общий анализ книги, я бы сказал так: эмоциональная энергия текста высокая, доступность средняя или низкая, доказательность низкая, категоричность очень высокая, а ощущение масштаба — чрезвычайно высокое. Он скорее должен не столько объяснить читателю устройство мира, сколько заставить его почувствовать: «передо мной раскрывают очень большую тайну». Для определённого типа читателя именно это и будет главным притяжением.

Была ещё одна деталь, которая сегодня кажется мне особенно важной, хотя тогда я не воспринимал её как серьёзную проблему.

Вся эта сложная терминология Иссиидиологии — НУУ-ВВУ, ЛЛУУ-ВВУ, ССВУУ-ССММ и множество других непривычных сочетаний звуков — подавалась не просто как система условных обозначений, придуманных автором для удобства. Орис придавал им гораздо более фундаментальное значение.

Он объяснял, что это космические коды. Их необычное звучание якобы связано с самими энергоинформационными структурами, которые они обозначают. Такой код должен был работать как гиперссылка во Вселенной: человек сосредотачивается на нём в определённом медитативном состоянии и получает возможность настроиться непосредственно на соответствующее явление, структуру или пласт информации.

Именно поэтому, насколько я тогда понимал, Орис и давал нам эти труднопроизносимые сочетания. Предполагалось, что они нужны не только для чтения его книг. В перспективе человек, достаточно развивший собственное сознание, должен был иметь возможность самостоятельно пользоваться этим языком как инструментом познания.

Более того, в разные периоды он прямо говорил, что в будущем ученики смогут сами медитировать на эти коды и на их основе писать новые тома, которые будут так же подробно раскрывать отдельные аспекты устройства мироздания, как это делал он сам. То есть предполагалась не просто передача знания, а его дальнейшее самостоятельное «разворачивание» через те же самые коды.

Параллельно существовало ещё одно важное утверждение: что эти коды адаптированы под русский язык, и что при использовании их на других языках, например на английском, их всё равно необходимо произносить в русской фонетике, поскольку именно так они «связаны» со своей исходной энергоинформационной структурой.

За все годы моей жизни на Айфааре я не помню ни одного человека, который с помощью какого-либо из этих кодов самостоятельно получил бы в медитации новую содержательную информацию о той структуре, которую код обозначал, а затем смог бы предъявить её независимо от Ориса. Насколько мне известно, этого не произошло и позднее.

Люди могли медитировать, испытывать какие-то состояния, видеть образы, чувствовать тепло, поток энергии, эмоциональный подъём или собственные ассоциации. Но это совсем не то же самое, что независимо открыть через «гиперссылку» неизвестную прежде информацию, а затем сравнить результат с тем, что получил другой человек. Единственным источником содержательной расшифровки этих кодов оставался сам Орис.

Именно он сообщал, что означает очередное сочетание звуков. Он же описывал структуру, к которой оно относится, её функции, связи с другими структурами и место во всей системе Иссиидиологии. Остальные уже изучали полученное описание.

Тогда это не казалось мне противоречием. Объяснение существовало заранее: Орис обладает гораздо более развитыми медитативными способностями, поэтому способен получать информацию там, куда остальные пока просто не могут добраться. Мы ещё недостаточно подготовлены. Такая логика вполне укладывалась в общую модель духовной школы. Учитель умеет то, чему ученикам только предстоит научиться.

Но годы шли. Люди медитировали, занимались саморазвитием, читали десятки книг, осваивали всё более сложную терминологию, старались повышать качество своих состояний — а разрыв между источником знания и его потребителями по существу не сокращался.

«Гиперссылки Вселенной» оставались ссылками, которые открывались только на одном компьютере. Сейчас именно это кажется мне одним из самых слабых мест всей конструкции.

Если код действительно объективно связан с определённой информационной структурой и предназначен для настройки человеческого сознания на неё, то естественно ожидать хотя бы принципиальной воспроизводимости. Пусть сначала очень редкой. Пусть результат получат два человека из ста. Пусть информация будет неполной или искажённой. Но хотя бы кто-то другой должен в какой-то момент самостоятельно увидеть нечто, чего он предварительно не прочитал у Ориса, а затем получить подтверждение совпадения.

Иначе невозможно понять, что именно мы наблюдаем. Перед нами действительно универсальный код, существующий независимо от автора, или просто термин, смысл которого существует только потому, что Орис когда-то этот смысл ему присвоил? Это различие принципиально.

Если я придумываю слово для нового понятия и затем подробно объясняю, что под ним понимаю, в этом нет никакой проблемы. Так возникает множество научных и философских терминов. Их ценность определяется тем, помогает ли понятие точнее описывать реальность.

Но если утверждается, что само слово не придумано, а получено из объективной информационной структуры Вселенной и способно предоставлять к ней доступ другим

людям, тогда уже появляется возможность проверки самого этого утверждения. И именно такой проверки, насколько я знаю, так и не произошло.

Разумеется, и сейчас я не могу доказать, что Орис не переживал в медитациях именно то, что описывал. Чужой внутренний опыт вообще невозможно проверить напрямую. Я могу только сказать, что за годы рядом с этой системой не увидел независимого способа отличить информацию, действительно полученную из какого-то внешнего источника, от информации, возникающей в сознании самого автора. Тогда эта проблема решалась доверием к Учителю. Теперь она для меня становится центральной. Если существует дверь, которую называют универсальной, но за десятилетия открыть её способен только человек, который сам сообщил нам о её существовании и единственный рассказывает, что находится по ту сторону, то рано или поздно возникает вполне естественный вопрос: действительно ли перед нами дверь — или всё это время мы смотрели на очень убедительно нарисованный вход.

Была ещё одна особенность Иссиидиологии. Само её чтение на Айфааре воспринималось не только как способ узнать, как именно устроено мироздание. Оно подавалось ещё и как своеобразная духовная практика.

Предполагалось, что попытка удерживать внимание на длинных сложных конструкциях, разбираться в новых понятиях и связывать между собой множество уровней описания сама по себе развивает интеллект и расширяет Самосознание. Даже если человек понял прочитанное далеко не полностью, несколько часов такой сосредоточенной работы уже могли считаться полезными. Получалось, что книга действовала сразу в двух качествах: как источник Знания и одновременно как тренажёр сознания.

Это существенно меняло отношение к непониманию. Если обычную книгу я читаю двадцать страниц и в конце не могу объяснить, о чём именно шла речь, у меня естественно возникает вопрос к качеству текста. Здесь же непонимание можно было интерпретировать как часть собственного развития. Сегодня я ещё не способен вместить эту информацию, но само усилие постепенно готовит сознание к более глубокому пониманию.

Поэтому необязательно было даже ставить перед собой практическую цель однажды разобраться во всей конструкции целиком. Можно было просто читать Иссиидиологию, погружаться в её язык, останавливаться на отдельных мыслях и получать удовольствие от самого ощущения соприкосновения с чем-то огромным.

Этому сильно помогал и общий тон книг. Орис писал чрезвычайно уверенно. Речь никогда не шла о предположениях, рабочих гипотезах или возможных вариантах интерпретации. Перед читателем разворачивалась уже готовая картина Вселенной, описанная человеком, который знает, как она устроена.

А внутри этой картины находилось множество идей, которые сами по себе были эмоционально привлекательны: бессмертие сознания, огромный потенциал человека, возможность постоянного развития, смысл существования, Любовь, творческое отношение к жизни, перспектива более гармоничного человечества. Даже если я терял нить где-нибудь среди «ротационных Циклов», «Чистых Космических Качеств» и очередных звуковых кодов, общий эмоциональный вектор оставался вполне понятным и позитивным.

Именно сочетание невероятной сложности и абсолютной уверенности автора производило особое впечатление. Ты понимаешь далеко не всё, но чувствуешь, что перед тобой якобы существует огромная завершённая система, в которой ответы уже есть. Просто тебе пока не хватает подготовки, чтобы их увидеть. И тогда само чтение становилось чем-то похожим на соприкосновение с большой тайной. Или даже с научной фантастикой, которая вдруг оказывалась не фантастикой, а описанием реального устройства мира, каким-то образом сошедшим к нам прямо из его самых глубоких слоёв. Не обязательно было понимать всё до конца. Уже само ощущение, что за непривычными словами скрывается огромная и цельная картина Вселенной, могло увлекать и заставлять снова возвращаться к тексту.

С переходом к Иссиидиологии появилась и ещё одна возможность, которой раньше не было. Научная форма изложения позволяла окружать новые книги отзывами людей, обладавших вполне реальными академическими степенями.

Здесь важно понимать разницу. Сам по себе положительный отзыв кандидата или доктора наук на книгу ещё не превращает её в признанный научный труд и не создаёт автоматически научную цитируемость. В академической среде цитируемость возникает, когда работу действительно начинают цитировать в других научных публикациях, учитываемых соответствующими библиографическими системами. Российская система мониторинга научной деятельности, например, отдельно учитывает публикации и их цитирование в научных базах данных. Но для обычного читателя фамилия доктора физико-математических, медицинских или других наук на первых страницах книги всё равно производит совсем другое впечатление, чем отзыв просто преданного последователя.

И именно такие люди среди читателей Ориса действительно были. Некоторые приезжали к нему прежде всего как к духовному Учителю, задавали личные вопросы, интересовались его представлениями о сознании и мироздании, а одновременно являлись кандидатами или докторами наук в своих профессиональных областях — медицине, физике и других направлениях. Поэтому с появлением новых книг они становились особенно ценными участниками работы.

Насколько я помню, от таких людей ожидались рецензии или вводные отзывы к новым книгам, которые они подписывали уже собственным именем и с указанием научной степени. Это позволяло представить текст внешнему читателю не просто как книгу духовного автора, а как работу, к которой с интересом отнеслись представители академического сообщества. Для человека, впервые взявшего такую книгу в руки, разница была существенной.

Если на обложке и первых страницах он видел совершенно незнакомое имя Ориса и множество ещё более незнакомых терминов, всё это могло вызвать естественное сомнение. Но рядом появлялась фамилия доктора или кандидата наук, который писал о значимости идей, необычности подхода или перспективности дальнейшего исследования. И психологически это уже становилось своеобразным мостиком доверия.

Однако здесь существовал нюанс, который я тогда не замечал. Эти учёные не были независимыми внешними экспертами, случайно получившими рукопись на профессиональное рецензирование. В первую очередь они сами являлись читателями Ориса, интересовались его учением, приезжали на Айфаар, доверяли ему и его способностям. То есть сначала возникало личное мировоззренческое сближение с автором, а уже потом их научный статус начинал работать на представление его книг внешнему миру.

Некоторые из них участвовали и непосредственно в подготовке текстов: редактировали отдельные фрагменты, обращали внимание на формулировки, помогали сделать язык более похожим на научный и, насколько могли, соотносили отдельные рассуждения со своей профессиональной областью.

Получался любопытный процесс взаимного усиления.

Орис давал огромную новую картину мироздания и уверенность в том, что она получена из непосредственного глубинного источника. Учёные, уже доверявшие ему как духовному авторитету, помогали облекать эту картину в более академическую форму. А их реальные степени и должности, в свою очередь, придавали книгам дополнительный внешний вес.

Тогда мне это казалось вполне естественным и даже очень перспективным. Если человек всю жизнь занимается медициной или физикой, имеет научную степень и при этом видит в Иссиидиологии серьёзный потенциал, значит, думал я, возможно, между новым Знанием и настоящей наукой действительно начинает появляться мост.

Сейчас я относился бы к подобному аргументу значительно осторожнее.

Научная степень сама по себе подтверждает профессиональную квалификацию человека в определённой области, но не делает автоматически верными все его мировоззренческие убеждения за пределами этой области. Доктор медицинских наук вполне может иметь собственные взгляды на устройство Вселенной, бессмертие или многомирие, но его степень по медицине не является проверкой этих взглядов. Тем более если человек уже эмоционально и мировоззренчески включён в ту систему, которую рецензирует.

Наверное, самый важный вопрос здесь состоял именно в независимости оценки. Одно дело, если незнакомый с Орисом физик получает текст, разбирает конкретные утверждения своей области, показывает, с чем они согласуются, с чем противоречат известным данным и что можно проверить экспериментально. Совсем другое — если текст оценивает человек, который уже считает Ориса духовным Учителем и изначально допускает, что тот способен получать знания способом, недоступным обычной науке.

Но тогда мы почти не разделяли эти две роли. Для нас человек одновременно мог быть учёным и духовным искателем, и противоречия в этом не виделось. Напротив, именно такие люди казались наиболее перспективными проводниками Иссиидиологии в академическую среду: они уже понимали язык Ориса и одновременно знали язык науки.

В то время для меня сам факт появления возле книг фамилий людей с научными степенями выглядел ещё одним признаком того, что предсказанный переход наконец начинается. Казалось, что Иссиидиология постепенно выходит из стен Айфаара и делает первые шаги туда, куда Орис давно хотел её привести, — в пространство официального интеллектуального обсуждения.

Теперь вам стал понятнее контекст, в котором мы тогда существовали. В тот период Иссиидиология постепенно становилась новой точкой притяжения всей айфааровской жизни. Помню, как однажды Орис сказал совершенно прямо:

— Я могу сделать так, что у нас тут будет толпа.

При этом сам он в определённый период предпочитал подолгу жить и путешествовать по Юго-Восточной Азии, снимая там виллу. Иногда его не было на Айфааре по полгода. С нами он поддерживал связь по видеосвязи, а мы время от времени готовили для него небольшие ролики о том, что происходило в Голубом Заливе.

Когда Ориса не было, приезжих становилось заметно меньше. Многие люди приезжали в первую очередь именно ради возможности увидеть его, послушать ответы на вопросы и пообщаться лично. Узнав, что Орис находится за границей, они откладывали поездку до его возвращения.

Для нас этот период ощущался несколько спокойнее. Общее внутреннее напряжение снижалось, хотя даже из другой страны Орис каким-то образом умудрялся устраивать отдельные коллективные «уроки». А перед его возвращением нередко начинался уже знакомый мне режим авральных работ: хотелось что-то закончить, привести территорию в порядок, подготовить очередной объект к приезду.

При этом работа самого Ориса над книгами никогда не замедлялась. Новые тексты выходили один за другим, и мы активно их изучали.

Появились коллективные семинары по чтению Иссиидиологии. Мы собирались вместе, читали фрагменты, пытались разбирать определения и обсуждали, как понимаем очередные сложные конструкции. Позже стали проводиться и онлайн-семинары, к которым могли подключаться люди из других городов.

Именно на этом фоне, во время одного из приездов Ориса, и появилась идея создания **144 000 Айфааров**.

Насколько я помню, разговор состоялся после одного из субботних обедов, когда вместе находилось довольно много людей и обсуждались дальнейшие перспективы движения.

Под Айфааром теперь подразумевалось уже не только конкретное место в Голубом Заливе или на Ай-Петри. Это должна была быть модель совместного проживания последователей Ориса и проводников его Знания — небольшой центр, в котором люди изучают Иссиидиологию, развиваются сами и постепенно выводят её идеи во внешний мир.

Предполагалось, что в дальнейшем подобные центры будут заниматься не только духовным саморазвитием. Иссиидиологию хотели продвигать в более светские направления — в науку, биологию, физику, химию и другие области знания.

Новые Айфаары, по замыслу, должны были появляться естественным образом. В разных городах и странах находились бы читатели, которым идея настолько близка, что они добровольно готовы вложить средства в создание такого центра — не как в коммерческий проект, а из гуманитарных и мировоззренческих соображений.

Организаторами и управляющими на местах должны были становиться уже подготовленные ученики Ориса, которых он сам по согласованию направлял бы в новые

центры. Фактически на каждом таком Айфааре кому-то из нас предстояло взять на себя часть той роли, которую на первоначальном Айфааре выполнял Орис: объяснять Знание, отвечать на вопросы, организовывать коллективную жизнь, помогать новичкам разбираться в принципах саморазвития.

Сам Орис при этом уже не был бы постоянно привязан к одному месту. Он должен был курсировать между многочисленными Айфаарами, приезжать с лекциями, проводить встречи и отвечать на вопросы.

Масштаб в 144 000 центров тогда воспринимался как образное преувеличение, обозначающее конкретность и глобальность цели. Для её осуществления, согласно тогдашней логике, требовалось прежде всего одно — последовательно «перефокусироваться» в те варианты будущего, где такая сеть Айфааров уже существует. А практически это означало две вещи: продолжать работать над собой и как можно шире распространять новое Знание за пределами нашего небольшого круга.

Распространение постепенно становилось общей задачей. Каждому предлагалось подумать, чем именно он может быть полезен. Одним из самых очевидных инструментов уже становился интернет. И тут произошла довольно забавная перемена. Многие старшие айфааровцы, ещё недавно довольно далёкие от социальных сетей, начали массово заводить аккаунты, учиться делать публикации и репостить цитаты из книг Ориса.

У меня отношения с интернетом к тому времени давно были налажены, и я оказался одним из наиболее активных пользователей этого направления. Я создавал группы Ориса в основных социальных сетях и практически ежедневно размещал там короткие цитаты — мысли о саморазвитии, отношениях, ответственности, сознании, жизненных целях. Подбирал фрагменты так, чтобы они были относительно самостоятельными и понятными без чтения всей книги.

Такие публикации активно распространялись внутри уже существующего круга последователей. Люди ставили отметки, делали репосты, отправляли цитаты знакомым. За счёт этого постепенно формировалась достаточно широкая сеть распространения материалов. Позже я действительно видел, что некоторые новые люди впервые узнавали об Айфааре именно через социальные сети.

Это было важным изменением. Раньше человек чаще попадал к нам через книги, знакомых или личные рекомендации. Теперь между случайным пользователем интернета и Айфааром могло оказаться всего несколько кликов.

На сайте Ориса новые электронные книги выкладывались в свободный доступ. Их можно было читать бесплатно, что хорошо соответствовало идее максимально широкого распространения Знания. Печатные издания при этом по-прежнему продавались за деньги.

Для меня вся эта работа была уже гораздо ближе к тому будущему Айфаара, о котором Орис говорил раньше. Бетон, сад и строительство никуда не исчезли, но рядом с ними постепенно появлялась другая деятельность — тексты, интернет, онлайн-семинары, распространение информации. Казалось, что мы понемногу начинаем переходить от строительства самого Айфаара к строительству его внешней сети.

Образ жизни на Айфааре постепенно менялся, становился более зрелым и устоявшимся. Всё больше появлялось творческих и интеллектуальных проектов, не связанных

непосредственно с физическим трудом. Почти все они так или иначе были направлены на распространение Иссиидиологии, книг и песен Ориса.

Мы снимали и монтировали небольшие проморолики, а постепенно стали делать и более сложные документально-рекламные передачи на отдельные философские темы — например, о бессмертии. Одна из таких работ сохранилась до сих пор. На YouTube, насколько мне известно, ещё можно найти наш двадцатиодноминутный ролик по запросу «Конца света не будет!», связанный с циклом «Бессмертие доступно каждому».

Мы делали его коллективно. Сначала вместе разрабатывали структуру и сценарий, обсуждали формулировки, редактировали текст. Орис лично вносил в него свои правки. Потом записывали дикторский голос, а я уже подбирал под весь материал видеоряд и музыку, соединял их с текстом, титрами и надписями на экране в видеоредакторе.

Ролик получился очень позитивным и вдохновляющим — во всяком случае, именно таким мы его и задумывали. Он был приурочен к очередному айфааровскому празднику. К тому времени уже сложилась традиция готовить к праздничным датам какие-нибудь видеоматериалы и выкладывать их в общие группы.

Сначала такие ролики были внутренними. Мы показывали сам Айфаар, рассказывали о происходивших событиях, поздравляли людей из других городов, делились новостями центра. Но постепенно стали делать материалы более универсальными, чтобы они одновременно решали две задачи: оставались праздничным подарком для своих и при этом могли заинтересовать человека, который вообще ничего не знает об Айфааре.

Мне эта работа давалась сравнительно легко. Компьютеры, монтаж, интернет и работа с изображением были для меня привычной средой. Но далеко не всем айфааровцам переход от бетономешалки к компьютеру давался столь же естественно.

Среди нас было немало людей, особенно старшего поколения, очень далёких от цифровых технологий. Они могли прекрасно работать руками, организовывать хозяйство, заниматься кухней или строительством, но создание видеоролика, работа с сайтом или ведение социальной сети оставались для них чужой областью. Поэтому реальный круг людей, способных постоянно участвовать в таких проектах, был значительно уже общего состава Айфаара.

Сейчас я понимаю и другую проблему: при всей нашей активности эта работа всё равно была недостаточно системной и масштабной по сравнению с заявленной целью. Если действительно ставить перед собой задачу распространить новое мировоззрение по всему миру и в перспективе создать 144 000 Айфааров, для этого требовалась уже не просто группа энтузиастов, которая занимается продвижением в свободное от строительства время. Нужна была полноценная профессиональная система.

Направлений становилось слишком много. Нужно было переводить книги и песни на другие языки. Делать новые аранжировки и записывать песни. Снимать клипы и видеоролики. Вести страницы в социальных сетях. Размещать материалы в сторонних группах и на форумах, общаться там с людьми. Поддерживать сайт, своевременно выкладывать новые книги и обработанные ответы Ориса на вопросы, придумывать для них понятные и привлекательные названия.

Нужно было заниматься переводами, редактурой, дизайном, звуком, видео, распространением — и при этом продолжать обслуживать большое хозяйство, строить,

готовить еду, ухаживать за территорией и выполнять все остальные привычные обязанности. Даже тридцать человек физически не могли одинаково хорошо и постоянно охватывать всё сразу.

По моим ощущениям, большинство просветительских интернет-проектов занимало тогда, возможно, десять-двадцать процентов времени тех наиболее активных людей, которые вообще были способны ими заниматься. Исключением оставалась работа с песнями: ей Орис традиционно придавал значительно больший приоритет, поэтому на запись и обработку музыкального материала ресурсов выделялось больше.

Орис регулярно призывал нас активнее работать в интернете и расширять распространение Иссиидиологии. Но физическая нагрузка на Айфааре ещё долго продолжалась почти по прежней инерции и редко пересматривалась с точки зрения новых приоритетов. Получалось некоторое противоречие.

Мы уже говорили о всемирном распространении Знания, международных переводах и тысячах будущих центров, но значительная часть людей по-прежнему была занята тем, что строила очередную стену, ремонтировала помещение, готовила еду или обслуживала территорию.

Конечно, инфраструктура была необходима. Существовало вполне обоснованное опасение: если продвижение действительно сработает и на Айфаар одновременно захотят приехать десятки новых людей, их просто негде будет поселить.

Какое-то время это действительно было серьёзным ограничением. Когда же количество жилых мест и общая инфраструктура позволили принимать более крупные группы, появился новый формат организованных тематических заездов.

Их назвали **Слоулингами**.

Насколько я помню, собственный термин был выбран в том числе для того, чтобы отличить наш формат от привычных духовных слётов, фестивалей, тренингов и ретритов. Слоулинг должен был восприниматься как отдельная айфааровская форма знакомства с образом жизни и Иссиидиологией.

Это уже был признак более зрелой стадии центра.

Раньше человек мог просто приехать на Айфаар, поселиться и постепенно сам разбираться, зачем он здесь и что именно может получить. Теперь мы начали заранее задавать структуру его пребывания.

В начале года на сайте публиковалось несколько тематических программ будущих заездов. Они отличались продолжительностью и содержанием. Человек мог заранее выбрать интересующее направление и приехать уже не просто «посмотреть Айфаар», а на конкретную программу.

Мы рассчитывали расписание по дням. Физический труд и субботники в нём по-прежнему оставались, но занимали уже значительно меньшую долю времени. Гораздо больше внимания уделялось лекциям, семинарам, разговорам и тематическим блокам, которые заранее продумывались и связывались между собой.

В программу входили совместные выезды и прогулки, досуг, песни, общие приёмы пищи, обсуждения и различные коллективные занятия. У нас не было йоги и медитаций. По сути, получался своеобразный лагерь духовного развития, только организованный вокруг собственной философии Айфаара.

Мы и здесь не обладали каким-то заранее готовым рецептом. Формат создавался непосредственно в процессе. Экспериментировали с продолжительностью занятий, количеством лекций, соотношением интеллектуальной нагрузки и отдыха, тематикой отдельных блоков. Смотрели, когда люди устают, что им интересно, какие темы оказываются слишком сложными, а какие вызывают больше вопросов.

Орис очень внимательно следил за развитием этого направления и регулярно давал свои рекомендации. Ключевые решения проходили через его утверждение. Без его согласия существенные изменения в программу, насколько я помню, не вносились.

После заездов мы собирали обратную связь участников и старались корректировать следующий формат. Постепенно появилась задача сделать Слоулинги понятными не только людям, которые уже несколько лет читали Ориса, но и практически неподготовленному человеку.

Это было важным изменением. Если раньше Айфаар в значительной степени ожидал, что человек сначала заинтересуется книгами, что-то поймёт сам и только потом приедет, то теперь мы пытались создать понятную точку входа непосредственно на месте.

Участие в программе имело фиксированную стоимость. Деньги поступали в общий фонд и использовались на содержание Айфаара и проведение самого заезда.

Лично мы за работу на Слоулингах ничего не получали. Все постоянные айфааровцы участвовали в них в рамках общей жизни центра. Но появление оплачиваемых программ постепенно изменило хотя бы бытовую сторону вопроса: средства на продукты и часть текущих расходов уже обеспечивались самим мероприятием, поэтому нам не приходилось отдельно складываться на собственное питание.

Во время большого заезда практически каждый постоянный участник получал какую-то функцию. Кто-то становился ведущим, проводил лекцию или семинар. Кто-то организовывал программу, сопровождал группу или отвечал на вопросы новичков. Другие занимались хозяйственной частью — готовили еду, обеспечивали помещения, транспорт, аппаратуру, уборку. Часто один человек выполнял сразу несколько ролей.

Получалось, что Айфаар постепенно начинал превращаться из места, куда люди просто приезжали посмотреть на необычную духовную общину, в центр с понятным продуктом для внешнего человека: заранее обозначенной программой, расписанием, темами, организацией проживания и представлением о том, что именно гость должен получить за несколько проведённых здесь дней или недель.

Айфаар в своей более зрелой фазе становился для меня ещё привлекательнее и всё больше соответствовал тому, каким я когда-то хотел его видеть хотя бы по внешней форме. О содержании мы тогда задумывались значительно меньше, во многом оставляя его Орису. Зато вокруг уже возникала насыщенная творческая среда: песни, видеоролики, семинары, выступления, первые попытки выйти за пределы самого центра.

Одним из заметных направлений такой просветительской деятельности стал созданный у нас ансамбль «Айфаар».

В его основной состав входили преимущественно сёстры, которые и раньше активно участвовали в записи и исполнении песен Ориса. При этом состав не был закрытым. Если на Айфаар приезжала девушка, которая хорошо пела и хотела проявить себя, она могла на какое-то время присоединиться к группе и участвовать в отдельных выступлениях.

Ансамбль, конечно, постоянно выступал на наших собственных праздниках и субботниках, но постепенно начал выходить и во внешний мир.

Мы стали участвовать в местной культурной жизни Ялты, Севастополя, Симеиза, Голубого Залива и других мест Южного берега. Постепенно познакомились с организаторами культурных мероприятий, администраторами концертных площадок и людьми, связанными с местной творческой средой. Нас приглашали на городские праздники, фестивали, концерты, мероприятия ко Дню Победы и другим памятным датам. Выступали как под открытым небом, так и в концертных залах, санаториях и домах культуры. Среди площадок мне запомнились ялтинский санаторий «Долоссы», санаторий Черноморского флота, Дом офицеров в Севастополе и другие места.

Однажды мне даже удалось договориться с директором моей бывшей школы о выступлении ансамбля в школьном актовом зале. Для меня это было особенно необычно. Я вернулся туда уже совсем в другом качестве — не бывшим учеником, а человеком, который привёз с собой целую творческую группу. На концерт пришли некоторые мои школьные учителя. После выступления ко мне подошёл учитель труда Степан Адамович и поблагодарил за хорошее дело. Почему-то именно это короткое признание мне хорошо запомнилось.

Я почти всегда сопровождал ансамбль и фактически был его постоянным техническим участником. Если на площадке уже работал свой звукорежиссёр и всё необходимое оборудование было установлено, я занимался видеосъёмкой. Если готового звука не было, то техническая часть ложилась на меня. Мы везли колонки, микрофоны, пульт, стойки, кабели, музыкальные инструменты и всё остальное, необходимое для выступления.

К тому времени этот процесс был у меня хорошо отлажен. После многочисленных айфааровских праздников я уже хорошо представлял, что и в какой последовательности нужно подключить, как провести саундчек, где могут возникнуть проблемы и что лучше иметь с собой про запас.

Иногда я и сам выходил на сцену вместе с ансамблем — как мужской голос в общем хоре. Несколько раз пробовал читать перед публикой наизусть тексты песен Ориса как стихи. А вот ведущим концерта мне побывать так и не довелось. В отличие, например, от моей первой жены, которой эта роль подходила значительно больше.

Для выступлений я занимался ещё и оформлением афиш. Делал макеты на компьютере, после чего мы их печатали и расклеивали в разрешённых для этого местах. Это была уже настоящая концертная деятельность: договориться о площадке, подготовить программу, сделать афишу, привезти аппаратуру, провести репетицию, выступить и потом всё собрать обратно.

Сценический образ ансамбля тоже постепенно стал узнаваемым.

Сёстры сами разработали и сшили одинаковые костюмы, а Орис участвовал в формировании общего образа и задавал направление. Получились ярко-синие платья ниже колен с крупным белым горошком, приталенные широкими белыми поясами и с пышными юбками — явная стилизация под женскую моду 1950-х годов. Образ дополняли белые перчатки, светлая обувь, крупные светлые бусы и соответствующие причёски. Все участницы были светловолосыми, что ещё сильнее объединяло их визуально в одну сценическую группу. При всей простоте одежда выглядела празднично и немного в ретро стиле, без попытки превратить исполнительниц в привычный церковный или эзотерический хор.

Перед концертами участницы выбирали из песен Ориса будущую программу. Сам Орис тоже давал рекомендации, какие произведения лучше взять. Со временем мы начали учитывать и реакцию зрителей. Уже примерно знали, какие песни воспринимаются легче, какие вызывают больше улыбок или эмоционального отклика.

Поэтому программа могла строиться довольно гибко. Рядом с весёлыми и наиболее популярными песнями ставили более спокойную, задумчивую композицию, требовавшую внимания к словам.

Так мы понемногу продвигали себя на местном уровне.

О нас начинали узнавать люди из творческой среды, появлялись новые знакомства и приглашения. Но сейчас особенно хорошо видно, насколько всё это оставалось небольшим по масштабу по сравнению с глобальными планами Айфаара.

Мы говорили о тысячах будущих центров, о распространении Иссиидиологии по всему миру, о выходе на науку и культуру — и одновременно очень радовались очередной возможности спеть несколько песен перед небольшой аудиторией в санатории или ялтинском концертном зале.

Наверное, эта деятельность тогда была в большей степени нужна нам самим. Она позволяла чувствовать, что мы действительно выходим за пределы своей территории, что Айфаар не только разговаривает сам с собой, но постепенно начинает входить в окружающую культурную жизнь. Для участников ансамбля это было ещё и настоящее творчество — репетиции, костюмы, сцена, новые площадки, поездки, зрители.

Очень многое в развитии ансамбля держалось на энергии той самой старшей сестры, с которой мне когда-то довелось вместе дежурить на Верхнем Айфааре.

Здесь её качества раскрылись особенно ярко. Она обладала огромным энтузиазмом, организаторской энергией и удивительной способностью легко устанавливать контакты с людьми. Именно через неё во многом завязывались наши отношения с местной творческой интеллигенцией и организаторами мероприятий. Она уверенно чувствовала себя на сцене и всю свою жизнь посвящала творчеству и служению Айфаару.

К сожалению, её не стало как раз в период наиболее активного развития ансамбля. Для всех нас это была большая потеря. Приехали её родственники и дети. Прощались с ней по христианской традиции. Было сказано много хороших слов о её жизни, и, насколько я помню, близкие увидели ту её сторону, которую, возможно, раньше знали не полностью: сколько сил, времени и энергии она отдавала людям и той жизни, которую сама для себя выбрала.

Этот уход мы воспринимали двояко. С одной стороны, всё выглядело как физическое, земное завершение жизни — с болезнью, возрастом и естественными ограничениями тела. С другой стороны, внутри нашего мировоззрения существовало понимание многомировой интерпретации, в которой никто окончательно не исчезает и не «умирает» в абсолютном смысле, а сознание как бы продолжает своё существование в сценариях, более соответствующих его внутренним устремлениям и качествам. Так мы тогда и пытались это для себя объяснить и принять. Но при всём этом оставалось очень ясное и простое человеческое ощущение: в этих конкретных жизненных сценариях мы с ней уже больше не встретимся.

После её ухода равноценной замены в организационной части ансамбля уже не появилось.

Для меня её смерть имела и ещё один, более сложный смысл. Началось всё, насколько я помню, с сравнительно небольшой бытовой травмы. Но организм уже был далеко не молодым, за плечами оставались годы очень интенсивной жизни и большой физической нагрузки. Я не хочу сейчас устанавливать между этими вещами прямую медицинскую причинно-следственную связь — для этого у меня нет оснований. Но тогда особенно трудно было не заметить разрыв между нашим представлением о возможностях сознания и совершенно материальной уязвимостью человеческого тела.

Мы много говорили о бессмертии, более благоприятных вариантах миров, потенциальном омоложении и возможности постепенно прийти к таким состояниям через череду всё более качественных и альтруистичных выборов. Но человеческая жизнь продолжала иметь свой вполне физический предел. И оказалось, что количество альтруистичных выборов, которые человек ещё успеет сделать на пути к далёкому идеальному будущему, тоже ничем не гарантировано.

Сейчас ансамбль «Айфаар», насколько я понимаю, уже не представляет собой тот единый постоянный коллектив, который существовал тогда. Название стало общим: последователи Ориса в разных городах могут собираться и выступать с его песнями на различных творческих мероприятиях.

Выход идей Ориса во внешний мир в этот период происходил уже не только через книги, песни, интернет и выступления ансамбля. Начали появляться и первые признаки того, что идея строительства Айфааров в других странах может перейти из разговоров в практическую плоскость.

Сначала нашёлся человек, готовый участвовать в создании центра в США. К тому времени там уже существовала небольшая группа читателей Ориса. Начать решили с приобретения дома с земельным участком на юге страны, во Флориде.

Немного позже появилась перспектива ещё одного Айфаара в Германии, недалеко от Розенхайма. Там местный предприниматель, немец, был готов приобрести небольшую гостиницу в горной местности и использовать её для организации духовного центра.

Оба проекта возникли не в результате какой-то широкой международной кампании, а прежде всего через личные связи последователей Ориса, живших за границей. Именно через таких людей Иисиидиология постепенно находила первые точки опоры за пределами русскоязычного пространства.

Сам Орис к тому времени, как я уже писал, тоже довольно много путешествовал.

Хорошо помню одну его фразу, сказанную примерно в начале этого нового периода. Смысл её был в том, что не следует слишком рассчитывать на первоначальное признание в России. По его мнению, наша страна во многом ориентируется на Запад, поэтому если серьёзное признание удастся сначала получить там, то затем оно гораздо легче придёт и сюда. В этом рассуждении хорошо укладывалась и известная фраза: «Нет пророка в своём отечестве».

Новые центры в США и Германии получили собственные звуковые Космические Коды — так же, как прежде свое кодовое название получил морской Айфаар. Для нас это означало, что они уже включены в общую будущую структуру не просто как случайные дома, принадлежащие последователям, а как полноценные точки предполагаемой всемирной сети. Разумеется, происходящее нас очень радовало.

После разговоров о 144 000 будущих Айфааров впервые начинало появляться что-то материальное за пределами Крыма. Где-то далеко возникал реальный дом, находился человек, готовый вложить собственные средства, собиралась небольшая группа единомышленников. Это воспринималось как подтверждение того, что наши многолетние устремления постепенно начинают воплощаться.

Такие события очень сильно укрепляли доверие к Орису и его представлениям о будущем.

Если ещё недавно 144 000 центров существовали только как красивая перспектива, то теперь можно было сказать: вот первый появляется в Америке, вот следующий намечается в Германии. Значит, процесс начался. Оставалось работать над собой ещё интенсивнее и помогать ему развиваться.

Тогда мы совсем не задавались вопросом, что именно является причиной первых успехов. Действительно ли возникала массовая общественная потребность в новой философии — или пока речь шла только о нескольких людях, которые лично доверяли Орису и были готовы использовать собственные ресурсы для воплощения его идей.

На том этапе мы этого просто не могли знать. Но довольно быстро проявилась первая практическая проблема: с кем именно должны были работать зарубежные Айфаары?

Основная масса книг Ориса существовала на русском языке. Качественных переводов было мало, а сложнейшая терминология Иссиидиологии сама по себе плохо переносилась в другой язык. Недостаточно было механически перевести предложение слово за словом. Нужно было ещё каким-то образом передать его смысл человеку с другим языком и культурным контекстом.

И снова начался знакомый нам мобилизационный режим.

Через интернет среди последователей Ориса бросили клич: требовались добровольцы для максимально быстрого перевода книг прежде всего на английский и немецкий языки.

Работу удалось достаточно хорошо организовать. Люди распределяли между собой тексты, переводили отдельные части, проверяли друг друга, согласовывали терминологию. Процесс действительно двигался довольно быстро.

Но даже так мы всё равно не успевали за Орисом. Он продолжал писать новые книги быстрее, чем добровольческие группы успевали переводить уже написанные. А перевести Иссиидиологию было значительно сложнее, чем обычный литературный текст. Собственные термины, длинные предложения и тонкие смысловые различия требовали постоянных согласований.

К тому же мы ещё совершенно не понимали, какой именно материал вообще способен заинтересовать иностранного читателя.

Книги?

Короткие ответы Ориса?

Песни?

Видеоролики?

Сама идея жизни в Айфааре?

Мы могли только пробовать.

Поэтому первой естественной аудиторией зарубежных центров представлялись русскоязычные диаспоры. Этим людям не требовалось переводить книги и объяснять особенности языка Ориса через другую культуру. Казалось логичным сначала найти местных русскоязычных читателей, сформировать вокруг них устойчивое сообщество, а уже затем постепенно выходить к более широкой аудитории.

Такие попытки предпринимались — в том числе через книги и песни, — но заметного результата, насколько я помню, они не дали.

Мы не знали даже приблизительно, сколько человек из тысячи случайно познакомившихся с материалами вообще заинтересуются подобной тематикой. Сколько из заинтересовавшихся откроют книгу. Сколько смогут пройти через сложность её первых

глав. Сколько после этого захотят познакомиться с Айфааром, и какое количество из них будет готово не просто приехать один раз, а серьёзно включиться в движение.

Предполагаю, что на каждом следующем этапе оставалась лишь небольшая часть предыдущей группы. А для физического центра это становилось принципиальным вопросом. Под кого именно мы строим зарубежный Айфаар?

Само присутствие имени Ориса ещё не создавало автоматически достаточного потока иностранных посетителей. Чтобы дом или небольшая гостиница действительно стали постоянно действующим центром, требовалась аудитория — люди, которые приезжают, участвуют в программах, помогают содержать место и формируют вокруг него жизнь.

Иначе объект неизбежно оставался на содержании того человека, который первоначально вложил в него деньги.

В случае с американским проектом эта проблема какое-то время казалась не такой острой. Сам дом в США мог иметь самостоятельную ценность для владельца независимо от судьбы духовного центра. Даже если там будут собираться всего десять-двадцать читателей Ориса раз в несколько месяцев, недвижимость от этого не исчезает и не становится совершенно бесполезной.

Кроме того, постоянное присутствие кого-то из наших людей на месте позволяло рассматривать такой дом как долгосрочную базу.

Не обязательно ожидать мгновенного результата. Можно было начать примерно так же, как когда-то начинался Айфаар в Голубом Заливе: жить на месте, постепенно знакомиться с людьми, распространять книги, проводить небольшие встречи и год за годом формировать вокруг центра собственную среду.

Именно эту перспективу особенно поддерживал Орис. Он видел в американском направлении большие возможности и постоянно подогревал энтузиазм людей, которые взяли на себя организацию проекта. Им предлагалось не останавливаться из-за первоначального отсутствия массового интереса, а продолжать вкладывать время, силы и средства, воспринимая нынешний небольшой масштаб лишь как начало гораздо более крупного процесса.

С немецким проектом всё оказалось значительно сложнее. Для его развития нам даже пришлось дважды организовывать централизованные поездки группы айфааровцев вместе с Орисом. Нужно было на месте привести в порядок здание и территорию, приспособить бывшую гостиницу под жизнь духовного центра и фактически попробовать запустить там тот же процесс, который когда-то естественным образом сложился в Голубом Заливе.

Периодически туда приезжали наши ребята и включались в уже привычный режим авральных работ. Переделывали гостиничные номера, обустраивали общую кухню, занимались территорией и другими хозяйственными задачами. Мы хорошо знали этот путь: сначала создать пространство собственными руками, наполнить его жизнью, а потом уже приглашать туда людей.

Какие именно финансовые и юридические договорённости существовали между Орисом и владельцем объекта, я не знаю, поэтому могу говорить только о том, как ситуация воспринималась мной со стороны.

Мне кажется вполне вероятным, что предприниматель смотрел на проект не только как на чистую благотворительность. Орис уже был достаточно известным в своём кругу духовным писателем, имел книги, читателей, постоянный центр в Крыму и репутацию человека с необычными способностями. Можно было предположить, что всё это постепенно привлечёт в Германию новых людей.

При успешном развитии проекта владелец гостиницы естественным образом становился бы местным посредником между Орисом и новой европейской аудиторией — в том числе достаточно обеспеченными людьми, интересовавшимися духовными практиками, философией и необычными представлениями об устройстве мира.

Для немецкой аудитории сам Орис и его мировоззрение могли выглядеть довольно экзотично. Впрочем, даже для нас, русскоязычных людей, выросших примерно в одной культурной среде с ним, многое в Айфааре когда-то было настоящей экзотикой.

Получалось, что владелец гостиницы шёл на определённый риск: предоставлял недвижимость и оплачивал или принимал на себя часть затрат, связанных с существованием русского духовного центра в Германии, при отсутствии понятного потока посетителей и проверенной экономической модели.

При этом, насколько я понимаю, речи о передаче самой недвижимости Айфаару не шло. Гостиница оставалась собственностью инвестора, что с его стороны было вполне рационально.

Но содержать полноценный гостиничный объект в ожидании будущей популярности было значительно дороже, чем просто иметь частный дом, как в американском варианте. Поэтому времени на доказательство жизнеспособности модели у немецкого проекта объективно было меньше.

И здесь постепенно проявилась проблема, которой в нашем первоначальном энтузиазме мы не замечали. Мы пытались за год или два воспроизвести за границей то, что в Крыму формировалось значительно дольше.

Успех Айфаара в Голубом Заливе не возник просто в тот момент, когда Орис написал книгу. Ему предшествовали годы общения с читателями, многочисленные книги, ответы на вопросы, личные встречи, духовные сеансы, переписка и постепенное формирование круга людей, которым были близки именно его способ объяснять мир и сами темы, о которых он говорил.

Причём этот язык формировался внутри понятной нам культурной среды и во многом отвечал на вопросы, которые тогда действительно волновали значительную часть русскоязычной аудитории.

Немаловажным был и исторический фон.

В постсоветские годы интерес к эзотерике, нетрадиционным духовным учениям, целительству и различным способам расширения человеческих возможностей был очень велик. По телевидению проходили массовые сеансы воздействия и «заряжали» воду. Миллионы людей всерьёз интересовались экстрасенсами, альтернативным лечением и различными духовными системами. На этом фоне и собственные сеансы лечений Ориса воспринимались не как нечто совершенно чужеродное, а как часть уже существовавшего культурного пространства.

Особенно важно, что всё это происходило на фоне очень специфического исторического перелома. В позднем СССР официальная коммунистическая идеология уже заметно теряла прежнюю силу, а после распада страны миллионы людей почти одновременно лишились привычной системы координат, которая десятилетиями объясняла, как устроен мир, к чему должно стремиться общество и во что вообще следует верить. Освободившееся пространство быстро начали заполнять самые разные идеи. В 1989 году по Центральному телевидению шли массовые сеансы Кашпировского и Чумака, перед экранами «заряжали» воду; немного позже миллионы людей понесли деньги в финансовые пирамиды вроде МММ, поверив обещаниям почти невероятной доходности.

Одновременно по всей стране распространялись новые религиозные и духовные движения: Свидетели Иеговы, саентология, «Ашрам Шамбала», возникшая ещё в конце 1980-х, Церковь Последнего Завета Виссариона и множество менее известных групп. У Виссариона позднее даже появилось собственное поселение — «Обитель Рассвета», в Красноярском крае. По моим воспоминаниям, в Крыму подобных духовных школ, целителей и небольших общин тоже было особенно много. Это было необычное время огромное количество людей словно заново учились выбирать, кому доверять и во что верить.

В такой атмосфере появление очередного человека, предлагавшего цельную систему мироустройства, объяснение болезней, предназначения и будущего человечества, воспринималось совсем иначе, чем воспринималось бы в другой стране. К этому добавлялись местные знакомства, люди, готовые помогать, определённые отношения с представителями власти и множество других обстоятельств, сложившихся именно здесь, в Крыму. В совокупности всё это создало очень специфическую среду, в которой Айфаар смог появиться и развиваться.

Мы же тогда склонны были воспринимать достигнутый результат не как сложное сочетание личности Ориса, времени, места, социальной среды и множества удачно совпавших обстоятельств, а прежде всего как естественное подтверждение силы самого Знания.

Если книги и песни действительно отражают универсальные законы мироздания, казалось нам, то география не должна иметь большого значения. Следовательно, в Германии нужно было делать примерно то же самое: переводить книги Ориса, переводить песни, распространять материалы, работать над собой и продолжать «перефокусироваться» — то есть своими внутренними состояниями и поступками двигаться к более благоприятным вариантам развития событий.

И именно здесь, как мне теперь кажется, могла скрываться одна из ловушек нашего мышления. Наличие переведённой книги совершенно не означало наличие читателей. Сам факт существования автора нескольких десятков книг не означал, что незнакомый человек обязательно захочет разбираться в его крайне сложной философии. А заявления о необычных способностях Ориса мало что значили для человека, который никогда с ним не встречался и не имел причин заранее ему доверять.

На Айфааре доверие формировалось постепенно. Человек приезжал, общался с нами, попадал в необычную атмосферу, видел красивую территорию, слушал песни, разговаривал с Орисом, наблюдал наш образ жизни. Только всё это вместе могло произвести сильное впечатление. Просто положить переведённую книгу на стол в Германии было совсем не то же самое.

Даже сама гостиница не обладала тем эмоциональным эффектом, который создавал Айфаар в Голубом Заливе. Крымский центр был целиком создан руками людей, которые там жили. Каменные стены, дорожки, оранжерея, шатёр, бассейны, сад — за каждым объектом существовала своя история общего труда. Для приезжавшего человека всё это могло создавать ощущение материализованной идеи.

Готовая гостиница, приобретённая человеком с достаточными финансовыми возможностями, такого эффекта автоматически не создавала. Она оставалась в первую очередь объектом недвижимости, который при необходимости можно было снова использовать как гостиницу, продать или приспособить под другую задачу.

В каком-то смысле то же самое относилось и к американскому дому. Сам факт покупки недвижимости ещё не означал появления нового Айфаара. Нужны были люди. Причём не просто десять читателей, готовых иногда приехать на выходные, а достаточно большая устойчивая среда, внутри которой находились бы организаторы, лекторы, хозяйственники, новые постоянные участники и люди, готовые годами поддерживать весь процесс.

Сегодня мне кажется, что именно зарубежные проекты впервые поставили перед нами вопрос о воспроизводимости айфааровской модели. Можно ли взять то, что произошло в Голубом Заливе, перенести в другую страну и получить примерно тот же результат? Если да, то какие именно элементы системы обеспечивают этот результат?

Тогда мы такими категориями не рассуждали. Внешне происходящее, наоборот, казалось огромным успехом. Ещё недавно мы только говорили о будущей сети Айфааров, а теперь существовала Германия, появился американский проект, переводились книги, люди ездили между странами, вкладывались реальные деньги.

Для человека внутри процесса всё это выглядело именно так, как должно было выглядеть начало большого международного движения. Сейчас же мне кажется возможным посмотреть на тот период и иначе. Возможно, это было первое серьёзное столкновение Ориса и всей нашей системы с вопросом, который невозможно было решить только внутренней уверенностью: насколько Айфаар способен существовать вне той уникальной среды, в которой он первоначально возник?

Тот период отмечался ещё и заметным ростом числа читателей Ориса в разных городах России, Украины и Восточной Европы. Крупные группы существовали в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Казани, Набережных Челнах и других городах. На сайте Ориса публиковались их контакты, так что человек, заинтересовавшийся книгами, мог найти единомышленников рядом с собой, не приезжая сразу в Крым.

Такие группы существовали довольно давно — фактически ещё до появления самого Айфаара как постоянного центра.

Участники обычно собирались по выходным на несколько часов. Постепенно это становился небольшой круг друзей и единомышленников. Вместе пели песни Ориса, обсуждали книги и вопросы саморазвития, передавали последние новости с Айфаара. Те, кто уже успел побывать в Голубом Заливе, рассказывали остальным о своих впечатлениях, после чего нередко начинали планировать следующую совместную поездку.

Для многих именно такая городская группа становилась промежуточной ступенью между случайным знакомством с книгами Ориса и полноценным погружением в айфааровский образ жизни. Человек сначала просто приходил на встречу, знакомился с людьми, постепенно осваивал нашу терминологию, начинал слушать песни, только потом приезжал на Айфаар не совсем с нуля. В городах дальнего зарубежья ничего сопоставимого тогда не существовало. Поэтому, если смотреть на это теперь, ожидание, что там сами собой начнут органично возникать полноценные Айфаары, кажется мне самонадеянным.

Особенно интересной была одна группа в Прибалтике. Город и имена её участников я здесь сознательно называть не буду. Люди, входившие в неё, были далеко не рядовыми жителями своей страны. Многие выросли ещё в Советском Союзе, прекрасно знали русский язык и одновременно принадлежали уже к местной творческой интеллигенции. Среди них были музыканты, актёры, режиссёры, продюсеры — достаточно известные у себя люди, имевшие связи как внутри местной культурной среды, так и среди представителей российской эстрады.

На Айфаар они приезжали довольно часто и никогда особенно не скрывали, кто они и чем занимаются. При этом внутри нашего коллектива их внешний статус почти растворялся. Они работали на стройке вместе со всеми, участвовали в общей жизни, пели песни, приезжали и на Верхний, и на Нижний Айфаар, зимой и летом. Могли выполнять обычные физические работы точно так же, как человек, не имевший никакой публичной известности.

Для меня это тогда тоже было впечатляющим подтверждением силы Айфаара. Люди, которые в обычной жизни привыкли к сцене, концертам, профессиональной культурной среде и вниманию публики, приезжали сюда и совершенно добровольно становились частью нашего общего строя. Орису они доверяли очень глубоко и воспринимали его как уникального духовного Учителя.

По мере того как Айфаар входил в зрелую фазу, эта творческая группа даже расширялась. Люди общались между собой в своей профессиональной среде, рассказывали знакомым о необычном месте в Крыму, кто-то заинтересовывался и тоже приезжал. Когда началась общая волна воодушевления, связанная с Иссиидиологией, зарубежными Айфаарами и перспективой выхода идей Ориса в широкий мир, они очень активно её подхватили.

При этом напрямую превращать собственное публичное творчество в исполнение песен Ориса или открытую проповедь Иссиидиологии они, насколько я помню, всё-таки не стали. Влияние проявлялось тоньше — через изменение самого характера творчества.

Вместо прежних более привычных эстрадных и танцевальных композиций появлялись спокойные песни с философским и духовным содержанием. В аранжировках становилось больше классических инструментов, струнных, скрипок, меньше тяжёлого баса и электронной основы. Связь с Иссиидиологией при этом особенно не скрывалась. Люди из их города, которые тоже читали Ориса, вполне могли найти на этой почве общий язык с известными им артистами.

Для нас всё это было чрезвычайно вдохновляющим. После появления зарубежных Айфааров возникало ощущение, что теперь идеи Ориса начинают проникать ещё и в профессиональную культуру. Причём не через малоизвестных энтузиастов, а через людей, уже обладавших именем, связями и собственной аудиторией.

На волне этого энтузиазма возникла ещё более неожиданная идея — попробовать выйти уже в политику.

По рекомендации Ориса участники этой группы начали обсуждать создание собственной политической партии и возможность участия в выборах. Программу разрабатывали совместно, но Орис принимал в этом очень активное участие. Пользуясь огромным доверием группы, он предложил значительную часть положений и говорил о них с привычной для него уверенностью.

Он утверждал, что способен чувствовать состояние и потребности «коллективного сознания» страны — некоторого общего психического поля её населения — и поэтому понимает, какие идеи будут особенно востребованы людьми.

Программа, насколько я её помню, была в целом гуманистической и социальной: больше справедливости, меньше коррупции, защита людей, развитие общества. Во многом это были универсально привлекательные цели, которые трудно не поддержать.

Но Орис предлагал и совершенно конкретные механизмы. Например, рассуждая о борьбе с коррупцией, он говорил, что для реального результата недостаточно конфисковывать имущество самого осуждённого чиновника. Ответственность следовало распространять и на имущество его ближайших родственников, чтобы заранее убрать возможность переписывать на них незаконно нажитые активы.

Тогда такие рассуждения звучали для меня удивительно основательно. Орис, который ещё недавно говорил с нами о Космических Кодах, перефокусировках и устройстве Самосознания, теперь так же уверенно рассуждал о политической системе, выборах и механизмах борьбы с коррупцией.

И сама конкретность происходящего производила, пожалуй, даже более сильное впечатление, чем содержание отдельных предложений. Ещё несколько лет назад мы строили стены духовного центра в Голубом Заливе. Теперь обсуждали Айфаары в США и Германии, среди читателей появлялись известные артисты, а люди, глубоко доверявшие Орису, собирались создавать политическую партию в европейской стране. Масштаб возможных последствий казался фантастическим.

Мне тогда совсем нетрудно было поверить, что у них действительно есть шанс добиться серьёзного результата на выборах. Они были известны у себя в стране, обладали публичностью, связями и профессиональным опытом общения с массовой аудиторией.

А поскольку духовный авторитет Ориса для них был очень велик, мне представлялось, что вместе с их возможным политическим весом косвенно вырастет и влияние самого Ориса. Не обязательно выходить на сцену лично, думал я тогда. Иногда достаточно, чтобы твоим взглядам доверяли люди, которые уже находятся на виду и способны воплощать их в своих решениях.

Особенно символично, что всё это происходило как раз в период выхода десятого и последующих томов «Бессмертие доступно каждому», где много говорилось о практически безграничном человеческом потенциале и возможностях, раскрывающихся при освобождении сознания от привычных ограничений.

По моим внутренним ощущениям, вокруг нас словно происходила наглядная иллюстрация этих идей. Возможности самого Ориса как будто постоянно расширялись. Сначала небольшая группа читателей, потом собственный центр, книги и сотни песен, затем иностранные проекты, люди науки, известные представители творческой среды, а теперь уже и перспектива выхода в политику.

А вместе с его возможностями в нашем восприятии росли и возможности всех нас. Мы находились рядом с человеком, который, постепенно выходит далеко за пределы обычного духовного центра. И каждое новое направление — зарубежный Айфаар, известный последователь, научная рецензия, политический проект — становилось ещё одним аргументом в пользу того, что выбранный нами путь действительно ведёт куда-то очень далеко.

Тогда мне было трудно посмотреть на эти события иначе. Они не просто поддерживали веру в исключительность Ориса — они словно последовательно цементировали её реальными, видимыми событиями.

Влияние той самой «творческой группы» со временем дошло даже до российской эстрады.

Есть тексты песен известных исполнителей, которые, были напрямую вдохновлены идеями Иссиидиологии, хотя само это слово в них нигде не звучало. Человек, никогда не читавший Ориса, скорее всего, вообще не заметил бы связи. Но знакомому с его книгами отдельные образы и формулировки были достаточно узнаваемы.

В этих песнях появлялся почти пророческий тон: ожидание скорого большого открытия, перехода человечества в какое-то новое состояние, намёки на приближение более совершенного будущего. Некоторые детали слишком хорошо перекликались с тогдашними идеями Ориса, чтобы для меня это выглядело случайным совпадением.

И всё же, насколько я могу косвенно судить по реакции аудитории, подобное направление творчества большого отклика не получило.

Мне тогда казалось, что произошло даже некоторое отторжение. Эти песни не стали особенно популярными, а позже артист вернулся к более привычному для своей аудитории материалу и больше уже настолько явно в пророческий жанр не уходил.

Если смотреть на это сегодня, получается довольно интересный эксперимент. Идеи Ориса были вынесены за пределы Айфаара, очищены от большей части специальной терминологии, облечены в профессиональную музыку и переданы через человека, уже имевшего большую аудиторию.

Но даже в таком виде они не прошли тот довольно суровый и совершенно безличный фильтр, которым является массовый слушатель. Люди просто не обязаны интересоваться идеей только потому, что она кажется чрезвычайно важной её автору.

Примерно в тот же период начали затухать и политические амбиции нашей прибалтийской группы. Проект партии, который совсем недавно выглядел почти фантастическим по своим перспективам, очень быстро потерял динамику, так и не успев приобрести сколько-нибудь серьёзного политического веса.

Постепенно время больших надежд сменялось временем, когда приходилось смотреть на фактические результаты. Мы много лет готовились к выходу во внешний мир. И вот наконец вышли. Но внешний мир не оказался пустым пространством, которое только ждало, когда мы принесём ему новое Знание.

Он жил своей жизнью, имел собственные интересы, культурные привычки, научные критерии, политические процессы и огромную конкуренцию за человеческое внимание. Наши попытки войти в него в нескольких направлениях словно прошли сквозь эту плотную среду почти без заметного следа — как расчёска сквозь волосы: движение было, усилия были, а сама масса после этого сразу смыкалась.

Зарубежные Айфаары не смогли за короткое время доказать свою востребованность. Толпы людей не поехали туда за ответами о глубинном устройстве Вселенной.

Ансамбль «Айфаар» выступал на местных площадках, но вокруг него не возникало массового движения. Иногда перед нами находилось всего несколько десятков зрителей. Они могли с удовольствием слушать знакомые мелодии, смотреть на яркие ретрокостюмы и общее сценическое представление, но совершенно не обязательно после этого интересовались философским содержанием песен.

Политика оказалась ещё дальше от Иссиидиологии, чем мы представляли. Попытка передать её идеи через профессиональную эстраду тоже не вызвала того эффекта, на который можно было надеяться. Научное сообщество не вступило с Орисом в большой спор через его книги. Оно в основном просто не заметило их.

Получалась странная картина. По форме мы делали многое правильно: издавали книги, переводили их, снимали видео, создавали сайты, группы в социальных сетях, выступали на сценах, искали контакты с учёными, артистами и предпринимателями, пытались открывать центры в других странах. Активности было много.

Но постепенно становилось заметно, что проблема, возможно, находится уже не только в форме распространения. Содержание не находило той аудитории, которую мы ожидали.

На Айфааре подобное положение обычно объяснялось иначе. Считалось, что мы просто находимся в таких вариантах мира, где лишь очень небольшой процент людей пока способен «срезонировать» с тем уровнем информации, который мы пытаемся передать.

То есть отсутствие массового интереса не обязательно свидетельствовало о проблеме самого продукта. Оно могло, наоборот, подтверждать его слишком высокую для текущего состояния человечества сложность.

В рамках нашей системы это снова было вполне логичным объяснением. Если тебя не понимают, значит, возможно, ты действительно говоришь слишком сложно. Но можно сделать ещё один шаг и спросить: а почему тогда не попробовать говорить иначе? Упростить. Изменить язык. Убрать часть терминологии. Начать не с устройства многомерного мироздания, а с понятных человеку проблем. Проверить, какие идеи действительно помогают людям, а какие остаются привлекательными только внутри уже убеждённой группы.

Мне кажется, именно здесь особенно проявилась одна из важнейших черт Ориса. Он никогда не хотел «прогибаться» под аудиторию. Для него это было частью жизненного принципа: не опускать содержание до текущих запросов людей, а самому удерживать более высокое качество и постепенно подтягивать окружающих к нему. Поэтому основной ответ на отсутствие результата снова находился не во внешней стратегии, а внутри нас самих.

Нужно было ещё лучше работать над собой. Сохранять более позитивные состояния. Не снижать качество своих выборов. Продолжать распространять Знание. Дольше удерживать направление. И «перефокусироваться» в те варианты будущего, где всё это уже становится востребованным.

Чем больше влияние Ориса распространялось на реальные решения других людей, тем дороже становились возможные последствия такого подхода. Одно дело — самому годами писать книги, не получая широкого признания. Другое — когда вокруг тебя люди вкладывают в эту перспективу собственные деньги, профессиональную репутацию, недвижимость, годы жизни и возможность развивать другие направления.

Всё это происходило под знаком большой духовно-альтруистичной цели, а потому сами затраты воспринимались как доказательство серьёзности служения. И я был частью этой логики ничуть не меньше остальных. Нам тогда действительно не хватало спокойного прагматизма.

Мы умели очень много работать, могли мобилизоваться, терпеть неудобства, быстро учиться и вкладывать в проекты огромное количество энергии. Но значительно хуже умели задавать неприятный вопрос: если результат снова не появился, не следует ли пересмотреть саму гипотезу?

Впрочем, существует и другая сторона. Возможно, для подобных целей действительно требовалось намного больше времени. Если человек принципиально не хочет адаптировать свою философию под существующий спрос и считает, что общество должно когда-нибудь дорасти до неё само, тогда нужно быть готовым ждать не год и не десять лет.

Возможно — несколько поколений. Орис именно так временами и говорил. Он допускал, что настоящее понимание Иссиидиологии может прийти только через десятки или даже сотни лет и что оценивать её судьбу по реакции современников преждевременно. Нельзя исключить, что он действительно был внутренне готов заплатить такую цену временем.

Но были ли готовы к этому остальные? Этот вопрос становился уже гораздо более личным. Потому что наши собственные жизни не измерялись столетиями. И когда несколько процессов, которые ещё совсем недавно казались началом огромного прорыва, один за другим быстро потеряли динамику, это подействовало на многих довольно тяжело. И тогда я впервые начал серьёзнее спрашивать себя: какую цену лично я готов заплатить за эту глобальную цель? Ещё десять лет? Двадцать? Всю оставшуюся жизнь?

Эти события происходили до 2014 года. Их своеобразной кульминацией для меня стало лето 2013-го, когда дела пошли плохо уже и у нас в Крыму. Тогда пришлось окончательно закрывать Верхний Айфаар. По сути, это была целая операция по демонтажу имущества духовного центра. Я уже рассказывал, насколько рачительно на Айфааре относились к материальным вещам. Чтобы понять масштаб этого отношения на практике, достаточно представить, что именно мы затеяли перед окончательным уходом с Ай-Петри.

На плато поднялась группа постоянных участников и приехавших помогать ребят — примерно два десятка человек. Наша задача состояла в том, чтобы за короткое время разобрать и вывезти буквально всё, что ещё можно было хоть как-то использовать повторно. Начали с самого очевидного — мебели. Разбирали и вывозили кровати, диваны, кухонные стенки, шкафчики, полки, столы, пластиковые стулья. Затем пошла техника: холодильники, морозильные камеры, бойлеры, обогреватели, телевизоры, различная аппаратура.

Основной транспорт состоял из грузового УАЗа-«буханки» и арендованного грузовика. Иногда за один день УАЗ успевал сделать две ходки между Верхним и Нижним Айфаарами. Его боковые окна изнутри были закрыты непрозрачной фанерой. Это позволяло плотнее загружать внутреннее пространство и, что было не менее важно, не привлекать лишнего внимания соседних лесников постоянным движением набитой вещами машины.

Когда всё отдельно стоящее имущество закончилось, начали разбирать уже сами конструкции здания, извлекая из них строительные материалы. Снимали металлопластиковые окна и двери — как внутренние, так и наружные. Только фасад со стороны лесников старались до последнего сохранять в прежнем виде, чтобы снаружи происходящее не было слишком заметно.

Потом дошла очередь до сантехники. Сняли раковины и всё остальное, что можно было демонтировать без разрушения. Осторожно вывезли множество зеркал. Остались только те, которые были намертво посажены на строительный клей, в частности некоторые зеркала в президентском «Люксе». Разумеется, забрали всё содержимое винного погреба.

Отдельной задачей оказался хозяйственный склад — настоящая концентрация многолетней айфааровской жизни. Там лежали крепёж, фитинги, соединения, детали неизвестного уже назначения, исправные и сломанные инструменты, генераторы, бензопилы и множество другого хозяйственного имущества. Всё это сортировали, грузили и отправляли вниз. Ничего не выбрасывали и не оставляли. Работали очень быстро. Ломать, как известно, не строить. То, на создание чего когда-то уходили недели и месяцы, теперь исчезало за часы.

Лесники окончательно поняли, что происходит, когда большая часть ценного уже была вывезена и дело дошло до последних элементов фасада, обращённого в их сторону. Насколько я тогда понимал ситуацию, если бы они разобрались раньше, то вполне могли попытаться остановить демонтаж — например, перекрыв проезд. С их точки зрения, всё имущество, которое осталось бы внутри комплекса после нашего ухода, должно было перейти вместе с территорией в их распоряжение. К счастью для нас, до этого не дошло, и основную часть материальных ценностей мы успели вывезти.

С хозяйственной точки зрения всё происходящее было совершенно рационально. Эти окна, двери, техника, мебель, инструменты и оборудование ещё могли пригодиться на Нижнем Айфааре или в других проектах. Оставить всё это просто так означало бы

потерять имущество, в которое были вложены большие деньги и огромное количество труда.

Но эмоционально происходящее воспринималось совсем иначе. Особенно для меня — человека, который непосредственно участвовал в строительстве значительной части того, что теперь приходилось разбирать. Я снимал окна, которые когда-то устанавливал. Заходил в помещения, где ещё недавно представлял совершенно другое будущее. Где мы топили камин вместе со всеми и Орисом, слушая его рассказы про прекрасное будущее. Видел стены, полы, коммуникации, знакомые до мелочей, потому что многое здесь проходило через мои собственные руки. Получалось, что мы прощались с целой эпохой, разбирая её буквально по частям.

Для меня Верхний Айфаар был не просто зданием на горном плато. Именно здесь я когда-то получил своё духовное, «космическое» имя. Здесь многому научился, осваивал новые профессии, высаживал сад, дежурил месяцами, ходил по лесам, работал в авральном режиме и строил планы на очень далёкое будущее. Когда всё это создавалось, каждая задача означала созидание будущего. Теперь каждое снятое окно означало обратное.

В каком-то смысле я своими руками разбирал не только построенный нами центр, но и собственные прежние перспективы, хотя тогда ещё вряд ли позволял себе сформулировать это настолько прямо. Нам помогали ребята, приехавшие на Айфаар ненадолго. Для них происходящее, думаю, не могло иметь той же эмоциональной тяжести. У них просто не было такой связи с этим местом. Можно было быстро открутить раму, вынести мебель, загрузить машину и увидеть в этом прежде всего очередную большую хозяйственную задачу. Для меня за каждым предметом тянулась история.

При этом внешне я, насколько помню, продолжал работать примерно так же, как и остальные. Нужно было успеть, машина ждала, следующий груз уже готовили, времени сидеть и предаваться воспоминаниям просто не было. Вся эта операция заняла около двух недель.

Сейчас, когда я пишу об этом спустя много лет, мне кажется, что тот короткий период повлиял на меня гораздо сильнее, чем я тогда осознавал. Некоторые чувства, которые сейчас становятся достаточно очевидными, в тот момент я почти не замечал — или предпочитал не замечать. Проще было заниматься конкретным делом: открутить, разобрать, погрузить, отвезти. Наверное, именно поэтому теперь я ощущаю эмоциональную сторону тех дней значительно яснее. Я сильнее привязываюсь к своим местам и мне тяжело даются переезды.

Место вообще всегда значило для меня очень много. И до сих пор значит. Особенно место, в которое вложены собственные силы и с которым связаны годы жизни, близкие люди, счастливые моменты и представление о будущем. На Верхнем Айфааре эта связь для меня оказалась особенно сильной. Мы когда-то строили его как часть будущего. А летом 2013 года я впервые собственными руками разбирал это будущее.

Заканчивался 2013 год, приближался переломный 2014-й. На рациональном уровне мы все понимали, что решение оставить Верхний Айфаар было в той ситуации единственно возможным. Его полноценное существование становилось всё труднее и с юридической, и с практической точки зрения, а после референдума 2014 года и перехода Крыма под российскую юрисдикцию прежняя неопределённость вокруг этой территории окончательно потеряла перспективу.

При этом сама жизнь Айфаара продолжалась. Люди остались рядом. Остались книги, песни, собаки, привычные отношения и дружба. Мы потеряли место, но не потеряли друг друга, и в тот момент именно это оказалось особенно важным. В большой семье люди вообще являются главной ценностью. Тогда я почувствовал это всей душой. Мы продолжали жить вместе, работать, разговаривать, поддерживать друг друга, поэтому тяжесть закрытия Верхнего Айфаара довольно быстро растворялась в повседневной жизни Нижнего.

Более того, мы старались воспринимать произошедшее не как поражение, а как удачно проведённую эвакуацию. Основную часть имущества удалось сохранить. Окна, двери, мебель, техника, инструменты, сантехника и другие материалы не пропали, а постепенно находили новое применение на Нижнем Айфааре. Что-то устанавливалось в новых помещениях, что-то отправлялось на склад и ждало своего часа. В этом была привычная для нас хозяйственная рациональность: если вещь ещё способна служить, ей обязательно найдут вторую жизнь.

Даже собаки, Буля и Муля, переехали вместе с нами. Для них оборудовали отдельный большой загон вокруг серого вагончика, и привычный распорядок сохранился — их по-прежнему выводили гулять два раза в день. Получалось, что значительная часть Верхнего Айфаара в буквальном смысле спустилась с горы вниз и растворилась в Нижнем: в его окнах, мебели, инструментах, хозяйстве и дальнейших стройках.

Наверное, именно тогда я особенно хорошо усвоил, насколько человеческая общность помогает переживать материальные перемены. Вещи вообще могут обесцениваться очень быстро и правильно закладывать для них конечный срок эксплуатации и амортизации. Самое надёжное в нашем материальном мире что может быть, это дружба и отношения с людьми, у которых правильные духовно нравственные установки. Со временем они становятся только прочнее и теплее, они очень устойчивы. Потом они переходят между поколениями, поддерживают по жизни и открывают новые перспективы.

Важно уметь замечать среди множества встречающихся людей тех, с кем действительно возможно долгосрочное человеческое союзничество. Не пользоваться ими, а вкладываться в отношения: помогать, уделять внимание, быть рядом в сложные периоды и самому становиться человеком, на которого можно рассчитывать. Такие инвестиции не подвержены инфляции и выгоднее любой валюты. Когда между людьми существует настоящее доверие и способность действовать вместе, материальные потери действительно оказываются гораздо менее страшными. Можно лишиться помещения, оборудования или привычного уклада, а потом в другом месте снова поставить стол, повесить светильники, привезти инструменты, приготовить общий ужин — и пространство постепенно снова начнёт становиться своим.

Мы уже не раз проделывали это на Айфааре. Сначала появлялись люди и отношения между ними, а потом вокруг этих отношений довольно быстро возникал материальный мир: кухня, мастерская, сад, место для встреч, музыка, праздники. В этом смысле состояние пространства действительно было для меня одним из видимых отражений качества человеческих связей. Там, где люди долго и с интересом делали что-то вместе, постепенно появлялись порядок, уют и множество вещей, которые один человек, возможно, никогда не стал бы создавать только для себя.

Тем же летом 2013 года произошло ещё одно событие, которое позже оказалось важным уже лично для меня. Мы с ансамблем «Айфаар», как обычно, ездили с концертами по Крыму, и одна из таких поездок привела нас на большой эзотерический фестиваль «Сказочный город», проходивший на побережье за Алуштой, в сторону Феодосии, неподалёку от посёлка Морское.

Там мы проводили песенную медитацию. Среди участников фестиваля к нам присоединилась девушка примерно моего возраста. Получилось так, что во время пения и медитации мы оказались рядом. Разговаривали, смеялись, и постепенно обратили друг на друга внимание.

— Вы все вместе живёте? — спросила она, кивнув в сторону нашей группы.

— Многие из нас — да. В Крыму есть центр, Айфаар. Живём, работаем, песни поём.

— И не надоедаете друг другу?

— Конечно, надоедаем, — засмеялся я. — Наверное, в этом и заключается половина духовного развития.

Она тоже рассмеялась.

— А песни вы сами пишете?

— Тексты пишет Орис. Мы их поём на известные мелодии.

— Странно, но мне нравится. Очень светло получается.

— Приезжай как-нибудь к нам, сама посмотришь, что это за место.

— Может быть, и приеду.

Кажется, её действительно заинтересовал не только сам ансамбль. Ей понравились наши песни, идея служения людям и тот образ большой семьи, который мы тогда представляли во внешний мир. Позже, уже в том же году, она начала приходить на встречи айфааровской группы в своём городе. И так совпало, что примерно в этот период я тоже приехал туда и побывал на одной из таких встреч. Было видно, что она постепенно сближается с нашим кругом.

Я тоже следил за этим с каким-то особенным интересом, хотя в то время мы оба состояли в отношениях с другими людьми. Ничего определённого между нами ещё не происходило, но её появление я почему-то отмечал среди множества других новых знакомых.

Следующим летом она впервые приехала уже непосредственно на Айфаар. Хорошо помню её первый день. Я встретил её на территории и с улыбкой поприветствовал уже «на айфааровской земле». Она улыбнулась в ответ, и дальше наше сближение пошло как-то само собой — без заранее принятого решения и без чёткого момента, когда знакомство вдруг превратилось во что-то большее.

Я уже рассказывал об особенностях отношений на Айфааре. Границы между дружбой, духовной близостью и парными отношениями у нас вообще были значительно менее

устойчивыми, чем в обычной жизни. К тому же и в своих тогдашних отношениях я не чувствовал себя до конца счастливым.

Они существовали, в них было много хорошего, но мне всё время недоставало чего-то важного. Мы скорее были попутчиками, которые вместе выбрали один большой путь, чем двумя людьми, сознательно выбравшими прежде всего друг друга и чувствующими личную ответственность друг за друга. Айфаар почти всегда стоял выше наших отношений.

Если одному из нас хотелось провести вечер вдвоём, но объявлялась общая работа или мероприятие, приоритет почти автоматически отдавался Айфаару. Если нужно было на несколько недель уехать на стройку, дежурство или другую общую задачу, само желание оставаться рядом с партнёром не считалось достаточной причиной отказаться. Личные планы могли легко переноситься ради субботника, приезда Ориса, подготовки праздника или помощи кому-то из коллектива. Даже конфликт внутри пары рассматривался прежде всего как материал для духовной работы каждого, а не как отдельная проблема двух людей.

В этом была и сила нашего образа жизни, и его ограничение. Мы действительно учились не замыкаться друг на друге. Но иногда вместе с эгоистической привязанностью легко отодвигалась в сторону и совершенно нормальная человеческая потребность быть для кого-то особенно важным. Кроме того, мы заметно различались по возрасту. Я был младше и в тех отношениях не чувствовал за собой той ведущей, опорной роли, которая, как я постепенно начинал понимать, была для меня всё более важна. Я набирался жизненного опыта очень быстро.

После приезда новой знакомой наступил довольно противоречивый период. Уже в первый месяц мне предложили на некоторое время уехать на заработки. В составе небольшой айфааровской бригады каменщиков мы отправлялись примерно на месяц работать на строительстве огромного цементного завода.

И я уехал. Вместо летнего Айфаара, где появилась девушка, которая всё сильнее меня интересовала, я оказался в небольшой деревне, в заброшенном доме вместе с тремя друзьями. Днём — тяжёлая физическая работа на стройке, вечером — простой быт и усталость. Я очень ясно почувствовал, почему вообще оказался здесь. Мне нужны были деньги.

Несмотря на годы жизни в духовном центре, множество освоенных профессий и вполне взрослый возраст, моё материальное положение оставалось настолько неустойчивым, что для решения самых элементарных бытовых вопросов я был вынужден на месяц исчезнуть из собственной жизни и отправиться туда, где в данный момент можно было заработать физическим трудом каменщика на строительстве цементного завода. Куда я очень не хотел бы больше никогда ехать. Это была полная противоположность Айфаару и его духовным отношениям.

Если я с трудом обеспечивал даже самого себя, то о какой серьёзной ответственности ещё за одного человека можно было говорить? Эта мысль тогда стала для меня болезненной. До этого нехватку денег всегда можно было объяснить привычными для Айфаара категориями. Главное — правильно жить, заниматься полезным делом, доверять Жизни, а необходимые возможности появятся. И действительно, каким-то образом они часто появлялись: подработка, случайный заказ, помощь, стройка. Но находясь вдали от

Айфаара и целыми днями укладывая кирпичи на огромном промышленном объекте, я впервые особенно остро почувствовал обратную сторону такой свободы.

Я почти не управлял собственным временем. Если мне требовались деньги, я ехал туда, где была работа. Если Айфаару требовалась моя помощь, я оставался на Айфааре. Между этими двумя обстоятельствами для моей собственной жизни оставалось не так много пространства. Тогда у меня появилась новая мечта. Я захотел научиться зарабатывать интеллектуальным трудом — желательно удалённо, самостоятельно распоряжаясь своим временем и не зависи постоянно от того, где именно сегодня нужен каменщик, монтажник или ещё одна пара рабочих рук.

Мне хотелось работать головой, получать от этого удовольствие и при этом иметь достаточно денег, чтобы бытовые обстоятельства перестали каждый раз определять мои решения за меня. Сейчас такая цель кажется обычной. Но тогда для меня она была образом другой жизни. Я представлял себе возможность находиться там, где сам хочу находиться, работать за компьютером и не уезжать на месяц только потому, что иначе у меня просто не будет средств.

И рядом с этой мечтой всё чаще возникала мысль о новой знакомой. Мне хотелось, чтобы мы сблизились. Но в этом желании было уже не только романтическое притяжение. Вместе с ней мне словно хотелось попробовать проявить ту часть самого себя, которая до этого в моей жизни ещё не появлялась. Я много лет отвечал за разные участки общей работы. Мог отвечать за стройку, аппаратуру, мероприятие, конкретное помещение, инструмент или выполнение поставленной задачи. Но всё это была ответственность функциональная.

Мне же постепенно хотелось другого — научиться заботиться о конкретном человеке не потому, что сегодня на меня возложена такая обязанность, а потому, что я сам его выбрал. Быть не просто хорошим участником общего дела, а человеком, который способен создавать собственное небольшое пространство жизни и отвечать за него. Тогда я ещё не противопоставлял эту мечту Айфаару.

Наоборот, мне казалось, что одно вполне может естественно продолжать другое. Но, оглядываясь назад, я вижу, что где-то именно здесь начал появляться новый вопрос, которого прежде ещё не существовало: кроме общей цели, общего служения и общего будущего — какая жизнь должна быть лично моей?

Думаю, именно в тот год во мне очень отчётливо проснулась потребность, которую я тогда воспринимал как вполне естественную для взрослого мужчины: не просто участвовать в общей жизни, а самому за кого-то отвечать, строить близкие отношения и создавать собственное пространство.

Дело было даже не столько в конкретной девушке, сколько во мне самом. Я чувствовал, что для дальнейшего развития мне необходим опыт, который на Айфааре невозможно было получить в полной мере. Здесь я уже научился отвечать за работу, выполнять обещания, преодолевать физические нагрузки, взаимодействовать с коллективом. Но личная ответственность за другого человека требовала совсем другого качества участия.

Это устремление оказалось настолько сильным, что дальнейшие события начали развиваться довольно быстро. Мне удалось завоевать расположение новой девушки напором, искренностью, активным участием в её жизни и теми достоинствами, которые она во мне видела. Сначала она сопротивлялась этому сближению, тем более что

препятствий действительно хватало: мы оба пришли к нему не из совершенно свободного пространства.

Мои прежние отношения особенно обостряли ситуацию. Между двумя женщинами возникло соперничество. Насколько я тогда это ощущал, для каждой победа в нём становилась в какой-то степени подтверждением собственной исключительности.

Даже само существование препятствия, тоже усиливало эмоциональное напряжение. То, что нельзя было просто и спокойно получить, становилось желаннее. Старые отношения создавали барьер для новых, а барьер, вместо того чтобы остановить сближение, только увеличивал притяжение. При этом мы с новой девушкой уже видели и вполне реальные основания считать, что можем хорошо подойти друг другу.

Её привлекали мой накопленный духовный опыт, серьёзность и высокая планка требований к собственной жизни. Меня в ней, наоборот, притягивали лёгкость, открытость и какая-то почти детская непосредственность. Иногда эта непосредственность переходила в упрямство и сильную эмоциональность, что позднее неоднократно становилось причиной наших конфликтов. Но тогда те же качества вызывали во мне прежде всего желание заботиться о ней, помогать и быть рядом.

К осени 2014 года мы уже фактически стали парой, преодолев первоначальные препятствия. Она была деятельной и тоже стремилась самостоятельно обеспечивать себя. Занималась йогой и вела собственную группу в Ялте. Я в это время всё серьёзнее занимался программированием — начал делать сайты на заказ и постепенно превращать это в источник стабильного дохода.

Жизнь складывалась относительно благополучно, если не считать неизбежных бытовых ссор и эмоциональных столкновений. Она была очень упрямой и способна была переживать какую-нибудь ситуацию с той непосредственной силой, с какой четырёхлетний ребёнок переживает происходящее здесь и сейчас. Эта черта в ней, насколько я могу судить спустя годы, сохранилась и позже. Но главное заключалось в другом: у нас постепенно формировалась уже не вполне типичная айфааровская пара.

Она не была настолько внутренне связана с Айфааром, чтобы считать пребывание там безусловной целью на максимально долгий срок. Для неё центр был важной частью жизни, но не обязательно самой жизнью. И я постепенно понимал, что однажды это может поставить передо мной непростой выбор.

К тому времени я прожил на Айфааре уже более семи лет. Основные принципы его духовной жизни были мне хорошо знакомы. Я знал наизусть почти все песни, прошёл множество физических испытаний и «солнечных дней», годами участвовал в строительстве и общей жизни. Некоторые вещи, которые когда-то требовали постоянных объяснений и внутренней борьбы, уже стали частью характера.

Ответственность. Честность. Открытость. Инициативность. Способность не бросать начатое. Я всё меньше ощущал, что для сохранения этих качеств мне необходимо постоянно находиться внутри Айфаара. Возможно, тогда я ещё не формулировал это настолько явно, но часть духовной школы уже словно переместилась из внешних правил внутрь меня самого. Одновременно отношения с девушкой заставляли гораздо серьёзнее заниматься материальной стороной жизни.

Теперь расходов стало больше, а вместе с ними появилась необходимость зарабатывать не случайно, от подработки к подработке, а систематически. Я выбрал то, что действительно оказалось мне интересно, — программирование и информационные технологии.

Причём я не просто устроился куда-нибудь на постоянную работу. Сам образ моей жизни этого не позволял. Мне нужно было совмещать заработок с обязанностями на Айфааре, поэтому я фактически стал мелким предпринимателем: сам искал заказчиков, договаривался о работе, оценивал сроки и стоимость и выполнял проекты по мере своей загрузки.

Айфааровские обязанности я продолжал выполнять так же исправно, как раньше. Звук на мероприятиях, монтаж видеороликов, работа с социальными сетями и другие уже закрепившиеся за мной направления. Но теперь рядом с ними появился ещё один процесс — регулярная оплачиваемая работа, которой я уже не был готов каждый раз жертвовать ради очередной общей инициативы.

Новые направления на Айфааре я почти перестал брать на себя. Если участие в каком-то процессе не было обязательным, всё чаще позволял себе не участвовать. Например, заметно реже ходил на семинары по изучению Иссиидиологии. Меньше общался с приезжими и уже не стремился уделять каждому новому человеку столько внимания, сколько делал раньше.

Когда в общих правилах появились положенные дни отдыха от строительных работ, я начал ими пользоваться. Мой статус постоянного айфааровца позволял вести себя свободнее. Я уже доказал свою надёжность за предыдущие годы и не чувствовал необходимости постоянно подтверждать её присутствием во всех возможных процессах.

Пока остальные сидели на кухне, разговаривали о духовных вопросах или участвовали в какой-нибудь общей встрече, я находился в нашей «Студии» и за айфааровским компьютером программировал очередной сайт для собственного заказчика.

Внешне я всё ещё был внутри центра. Но часть моего внимания уже постепенно перемещалась куда-то за его пределы. Программирование я осваивал практически полностью через работу. Я всегда считал, что лучший способ чему-нибудь научиться — поставить себя в положение, когда результат действительно нужен. Для этого достаточно иметь развитое чувство ответственности, и тогда все остальные практически навыки появятся в результате её реализации.

Никаких специальных платных курсов я не покупал. Необходимой информации в интернете уже хватало: документация, форумы, статьи, чужие примеры кода. Нужно было просто достаточно долго сидеть и разбираться. И постепенно оказалось, что программирование вовсе не является какой-то недоступной технологией космической сложности. По крайней мере на том уровне, который требовался мне для создания сайтов, гораздо важнее были усидчивость, внимание к деталям и способность долго работать с текстовой информацией.

Иногда я даже думал, что у программиста и писателя должны развиваться какие-то похожие навыки. И тот и другой часами смотрят в текст, замечают мелкие несоответствия, переставляют элементы местами и пытаются добиться того, чтобы сложная конструкция наконец начала работать как единое целое.

Учился я довольно жёстким способом. Размещал в интернете объявление, находил заказчика, договаривался о работе и брал предоплату. После этого пути назад уже не оставалось. Если я обещал сделать сайт, его нужно было сделать — независимо от того, успел ли я к этому моменту разобраться во всех технологиях, которые для него понадобятся.

Я сам создавал себе стрессовую ситуацию, а потом мог сутками работать, чтобы уложиться в обещанный срок, одновременно читая документацию и разбираясь с очередной технической проблемой. Первый заказ давался тяжело. Второй — уже немного легче. После нескольких выполненных проектов то, что ещё недавно казалось непонятным, превращалось в обычный рабочий инструмент.

При общении с заказчиками мне неожиданно пригодилось многое из того, чему я научился на Айфааре. Я умел производить впечатление человека надёжного и ответственного, но важнее то, что действительно старался таким быть. Орис много лет требовал от нас честности в самых обычных вещах: не обещать то, чего не собираешься выполнить, признавать собственные ошибки, не перекладывать ответственность, доводить взятое на себя дело до результата.

Первоначально все эти качества должны были помогать нам воплощать общую духовную миссию и привлекать к Айфаару людей своим примером. У меня же они постепенно начали работать и в совершенно обычной профессиональной жизни. Если я понимал, что не успеваю закончить проект в срок, то сам первым звонил заказчику и объяснял ситуацию. Обычно задержка была небольшой, и мы спокойно договаривались о новой дате. Я никогда не исчезал со связи. Не пытался задним числом поднять стоимость только потому, что неправильно оценил объём работы. Если выяснялось, что проект потребует вдвое больше времени, чем я рассчитывал, это прежде всего было моей ошибкой оценки, а не проблемой заказчика.

Старался проявлять инициативу и не просто механически делать то, что попросили, а предлагать более качественное решение, если видел его. Наверное, именно здесь некоторые айфааровские принципы впервые получили для меня совершенно независимую проверку. Честность, ответственность и готовность помогать оказались полезны не потому, что об этом говорил Орис и не потому, что они должны были приблизить нас к какому-то более благоприятному варианту Вселенной. Они просто работали в обычных отношениях между людьми. Заказчик видел, что на меня можно рассчитывать, и возвращался с новой работой или рекомендовал другим.

А я всё сильнее чувствовал ценность собственной профессиональной независимости. После тех поездок на тяжёлые стройки мне очень не хотелось снова возвращаться к физическому труду как к единственному способу быстро заработать деньги. Я уже хорошо знал их цену — буквально в часах собственной жизни, усталости и физической нагрузке. Поэтому теперь старался работать на совесть.

И, наверное, незаметно для самого себя начал строить ещё один фундамент — уже не очередного здания Айфаара, а собственной жизни за его пределами.

Второй брак

Постепенно у меня появилось хотя бы небольшое ощущение контроля над собственной жизнью. Мне больше не нужно было против своей воли уезжать на месяц на заработки, оставляя близких людей и место, где я хотел находиться. Я мог работать за компьютером практически из любой точки, самостоятельно распределять время и, что для меня было особенно важно, начал зарабатывать достаточно регулярно, чтобы делиться деньгами с любимым человеком.

В отличие от меня, она не являлась постоянным членом Айфаара и должна была сама оплачивать своё питание и покупать продукты. Были, конечно, и другие обычные расходы на жизнь. Я же питался на Айфааре бесплатно и поэтому мог тратить на себя значительно меньше.

Совсем без расходов наша жизнь тоже не была. Постоянные участники регулярно сдавали деньги на субботние праздничные застолья, коммунальные нужды центра, электричество и некоторые общие фонды. Отдельно собирали средства на лечение Були и Мули — наших собак, которые к тому времени уже сильно постарели и всё чаще нуждались в ветеринарной помощи. Периодически возникали и другие сборы. Но в целом моё положение позволяло часть заработанного направлять на нашу совместную жизнь.

Мне нравилось это ощущение. Я помогал девушке оставаться рядом, жить на Айфааре и вместе со всеми двигаться к той большой светлой цели, которая по-прежнему оставалась для нас важной. В каком-то смысле воплощался старый романтический образ — идти по жизни рука об руку, душа в душу, только теперь за красивыми словами постепенно появлялись вполне материальные составляющие: продукты, деньги, работа, жильё и ответственность.

Осенью 2015 года мы поженились.

На этот раз брак был нужен не только из соображений формальной целесообразности — мы действительно хотели быть вместе. После событий 2014 года Крым оказался уже под российской юрисдикцией. Я получил российский паспорт, а для неё, как для гражданки Украины, вопрос легального проживания здесь приобрёл практическое значение. Брак помогал решить и эту задачу.

Так в моей жизни второй раз возникла довольно похожая последовательность: сначала у брака имелась вполне конкретная юридическая целесообразность, а рядом с ней существовали настоящие романтические отношения. Только теперь всё воспринималось мной совсем иначе, чем несколько лет назад.

Моя жизнь, долгое время почти полностью сосредоточенная на духовных целях, постепенно обрастала материальной составляющей. И неожиданно для себя я не чувствовал в этом никакого падения. Наоборот, мне начинало казаться, что именно этого мне долго не хватало. Возможность заработать деньги, обеспечить не только себя, но и близкого человека, самостоятельно решить бытовую проблему или отказаться от работы, которая мне не подходит, давала чувство большей внутренней устойчивости. Это был уже не тот контроль, которого мы когда-то опасались, как проявления эгоизма и желания подчинить мир собственной воле. По крайней мере я воспринимал его иначе — как способность брать ответственность за последствия собственных решений.

Чем больше такого контроля появлялось в моей жизни, тем неизбежнее становилось переосмысление моей роли на Айфааре. Я всё яснее замечал, насколько ограниченной оставалась здесь область решений, которые действительно зависели от меня.

Можно было прекрасно выполнить порученную работу. Можно было предложить техническое решение, организовать звук, построить стену, сделать видеоролик или вести интернет-проект. Но решения определяющего уровня принимал Орис. Позже часть таких функций постепенно переходила и к Совету Айфаара, однако принципиально система от этого для меня не менялась: стратегические ресурсы и право окончательного выбора находились не у меня.

Мне тогда начинало казаться, что тот же уклад, который раньше давал мне возможность быстро расти, теперь в чём-то этот рост ограничивает.

В молодости было чрезвычайно удобно оказаться в месте, где почти на любой жизненный вопрос уже существовал ответ. Рядом находился коллектив, на который можно было опереться. Существовали правила, общая цель, авторитет Учителя и человек, который в конечном счёте принимал самые сложные организационные решения — независимо от того, оказывались они впоследствии удачными или ошибочными.

Мне тогда казалось, что подобная система особенно комфортна для людей, которым важнее чувство защищённости и принадлежности к устойчивому сообществу, чем необходимость постоянно самостоятельно принимать рискованные решения. Для меня же постепенно самой развивающей задачей становилось именно принятие решений. Интеллектуальный заработок неожиданно дал мне небольшую территорию, на которой решение было действительно моим.

Какую работу взять. Сколько она стоит. Как её выполнить. Как договориться с человеком. Что делать, если я ошибся. Стоит ли рискнуть. Нужно ли отказаться. Никто не мог бросить этот выбор «на крест», определить его через состояние моего сознания или окончательно решить за меня. Если я ошибался, последствия тоже оставались моими.

И практическая школа Айфаара здесь, как ни странно, очень помогала. Я видел вокруг себя множество созданных с нуля проектов и много лет наблюдал за Орисом, который не боялся предлагать совершенно новые идеи и начинать их воплощать. Это приучило меня не воспринимать существующий порядок как нечто незыблемое.

Постепенно возникал вопрос: а что, если и мои собственные идеи способны работать?

Не потому, что они лучше идей Ориса, а просто потому, что мне необходимо самому получить этот опыт — придумать, рискнуть, организовать людей, проверить результат и отвечать за последствия.

Но внутри существующей структуры возможности для таких экспериментов были ограничены. Значимые ресурсы концентрировались у Ориса, позднее — у Совета Айфаара. Поэтому в какой-то момент я почувствовал, что развитие моих практических способностей внутри центра приближается к некоторому потолку.

К тому времени и само понятие духовного развития для меня стало значительно шире. Раньше оно прежде всего ассоциировалось со способностью оставаться добрым, контролировать негативные реакции, быть честным, альтруистичным и спокойно

проходить возникающие на Айфааре «уроки». Но постепенно мне стало казаться, что иногда зрелость заключается как раз в способности действовать жёстче.

Не раздражённо и не жестоко, а твёрдо и принципиально в соответствии со своей жизненной позицией. Когда от твоего решения зависит работа других людей, их безопасность или материальное благополучие, одного умения сохранять хорошее внутреннее состояние и хорошие отношения с окружающими недостаточно. Иногда приходится сказать «нет», взять на себя непопулярное решение, остановить неработающий процесс или признать ошибку, даже если всем хотелось бы продолжать верить в первоначальный план. Даже если для кого-то лично это решение будет не выгодным, неприятным, болезненным.

Сначала эта ответственность появилась у меня по отношению к одному близкому человеку. Потом мне стало интересно, возможно ли расширять её дальше — на команду, сообщество, более крупные проекты и, если мыслить совсем широко, на общество в целом.

Эта идея не исчезла и спустя много лет. Сейчас одним из её продолжений для меня стал проект «Кремниевое Братство» — попытка объединять людей технического склада и соответствующих профессий: программистов, инженеров, руководителей проектов, организаторов, изобретателей.

В отличие от Айфаара, в основе общности интересов здесь для меня лежат уже не эзотерические знания и их развитие, а цифровые технологии. Я считаю развитие науки и техники одной из главных реальных сил, способных сегодня отвечать на многочисленные вызовы окружающей действительности, делать её более управляемой, предсказуемой и безопасной — для нас самих, наших детей и дальнейшего развития цивилизации.

Но одного технического прогресса недостаточно. Если человек получает всё более мощные инструменты, а его нравственные ориентиры остаются примитивными, эти инструменты могут одинаково хорошо служить как созиданию так разрушению. Поэтому мне по-прежнему близка мысль о необходимости соединять в людях профессиональную компетентность с высокой личной ответственностью за себя и за окружающую реальность. Эта потребность сейчас особенно острая.

В этом отношении я многое вынес именно из Айфаара. Только теперь мне хотелось бы сохранить из того опыта честность, взаимопомощь, способность отвечать за слово, стремление делать полезное для других и требовательность прежде всего к себе — но уже без эзотерической системы объяснения мира и без попыток контролировать нравственность человека на уровне каждой возникающей у него мысли.

В 2024 году я сделал первый практический шаг и открыл в принадлежащем мне доме под Ялтой небольшой прототип такого сообщества. Первыми его участниками стали люди, с которыми я уже работал: программисты, помощники, дизайнеры, верстальщики и менеджеры. Мы не только выполняли совместные проекты, но и жили под одной крышей в большом доме в красивом месте. Проживание для участников было бесплатным. Мне было интересно проверить на практике одну из идей, которую я когда-то наблюдал на Айфааре: насколько сильно физическая близость людей влияет на качество совместной работы.

И эффект действительно был заметен. Когда человеку не нужно назначать отдельный созвон, ждать ответа несколько часов или согласовывать встречу на следующую неделю,

многие вопросы решаются прямо за общим столом или в соседней комнате. Коммуникация ускоряется, решения принимаются быстрее, а рабочие отношения постепенно становятся более человеческими. Я старался задавать им русло, решать конфликты и помогал людям ладить между собой. Мы вместе отдыхали, ходили к морю, выезжали на природу, собирались в бане, играли в настольные игры, отмечали праздники. В этом было много знакомого. Большой дом. Общая работа. Люди разных специальностей. Совместный отдых. Красивое место. Только теперь организационную модель я уже пытался строить самостоятельно, исходя из собственного опыта — в том числе из того, что мне нравилось на Айфааре, и того, чего в нём, как я теперь понимаю, мне не хватало.

«Кремниевое Братство» пока остаётся небольшим и довольно подвижным сообществом. Личные обстоятельства участников меняются, люди приезжают и уезжают, поэтому состав ещё не настолько стабильный, каким когда-то был коллектив Айфаара. Но для меня важен сам факт, что эта модель уже перестала существовать только в моей голове и получила первую практическую проверку. Все желающие, кому со мной по пути, могут тоже приехать в Крым или способствовать продвижению идеи. Предварительно свяжитесь со мной по электронной почте stuurgurs@yandex.ru.

Тем временем на Айфааре непрерывно происходили организационные изменения. Теперь люди уже не могли приезжать в любое время просто для того, чтобы пожить несколько недель общей жизнью центра. Как я писал раньше, в течение года стали заранее планировать несколько специальных периодов с определённой развивающей программой — Слоулинги.

В этом уже чувствовалось влияние более современного, маркетингового подхода. Думаю, наиболее активные и опытные участники постепенно начали задавать Орису практические вопросы: как сделать Айфаар интереснее человеку извне, как организовать приезды, что именно предложить новым людям, чтобы они не просто попадали внутрь совершенно незнакомого уклада, а проходили через какую-то последовательную программу. Здесь постоянно приходилось искать баланс между самобытностью Айфаара, каким его видел Орис, и реальными потребностями более широкой аудитории.

Сам Орис к тому времени тоже менялся. Он заметно меньше рассказывал о своих необычных способностях и способах их раскрытия в окружающих, реже устраивал прямые индивидуальные «уроки» и всё чаще говорил о различных сценариях, в которых его физическое присутствие рядом с нами однажды может закончиться. Кроме того, он уже далеко не всё время находился на Айфааре. А без Ориса место объективно теряло часть своей первоначальной притягательности для новых людей.

Можно было сколько угодно говорить, что главное здесь — Знание, коллектив и образ жизни, но большинство приезжавших всё-таки изначально интересовались именно Орисом. Они читали его книги, хотели задать ему вопросы, увидеть его лично, почувствовать то, о чём слышали от других. Когда самого автора месяцами не было на месте, Айфаар становился для нового человека несколько другим пространством.

Одновременно жизнь центра всё больше формализовалась. Появился своего рода Устав Айфаара — подробный свод правил, определявший статусы, обязанности и общий порядок жизни участников. Оформлялась юридическая сторона жизни центра. Ещё с 2003 года существовал зарегистрированный в Крыму благотворительный фонд «Айфаар», связанный непосредственно с Орисом. Отдельно существовала общественная организация, зарегистрированная ещё в 2009 году, которая после изменения юрисдикции Крыма 12 февраля 2015 года была перерегистрирована уже по российскому законодательству. Позднее именно она стала КРОО «Центр Интеллекта и Альтруизма „Айфаар“», а сегодня действует под названием КРОО «Айфаар» — Духовный Центр Ориса.

Внутри системы появились три основные категории: постоянные айфааровцы, кандидаты в айфааровцы и гости. Из числа постоянных участников раз в год избирался Совет Айфаара — шесть человек, которые занимались частью организационных вопросов центра. Постоянные айфааровцы могли жить здесь бесплатно неограниченное время и питались на общей кухне за счёт центра. У них существовали положенные отпускные дни в течение года, возможность становиться кураторами для новых людей, а при необходимости — брать длительный, своего рода академический отпуск и на какое-то время уезжать.

После продолжительного отсутствия нужно было вновь подтвердить знание Иссиидиологии, сдав соответствующий экзамен. Все постоянные участники принимали участие в хозяйственной жизни, если только человек не был в это время полностью занят каким-то специально распределённым творческим направлением — например записью песен, редактированием или вёрсткой книг.

Но даже работа над такими проектами обычно не освобождала от общих дежурств. Нужно было убирать кухню и туалеты, выгуливать собак, ездить за продуктами, готовить шатёр или место у костра к песням и выполнять фиксированное количество других регулярных задач, без которых жизнь нескольких десятков человек довольно быстро превратилась бы в хаос.

Чтобы стать постоянным айфааровцем, нужно было минимум два года непрерывно прожить здесь в статусе кандидата. За кандидатом закреплялся куратор, который помогал ему осваивать правила и наблюдал за тем, как человек включается в коллективную жизнь. После этого кандидат сдавал экзамен по Иссиидиологии и проходил собеседование на общем круге.

Материально этот путь был относительно дорогим. В отличие от постоянных айфааровцев, кандидаты должны были оплачивать своё питание и пребывание на Айфааре в течении всего периода – два года. Я знаю людей, которые ради такой возможности продали собственную квартиру. Деньги постепенно уходили на проживание, и к моменту перехода в статус постоянных участников вся полученная сумма была уже потрачена. Квартира как базовый элемент личной безопасности, была обменяна на место рядом с Орисом, в направлении которым лично не управляешь.

Эти деньги, не шли кому-то лично в карман. Они шли на закупку продуктов, коммунальные расходы, хозяйственные нужды, инструменты и содержание всей инфраструктуры, которой пользовались в том числе и постоянные участники. Но денег всё равно постоянно не хватало. К тому времени это уже становилось заметно даже по быту. Праздничные столы постепенно становились скромнее. На продуктовом складе больше не лежали такие запасы, какие я помнил по прежним годам. Расходы приходилось считать значительно внимательнее, и почти каждая крупная покупка требовала обсуждения.

Для гостей существовал другой путь. Насколько я помню, чтобы перейти непосредственно из гостевого статуса в постоянные айфааровцы, требовалось прожить в таком режиме значительно дольше — около пяти лет, регулярно участвуя в субботниках, дежурствах и общей жизни центра. Зато гости не платили за постоянное проживание на тех же условиях, что кандидаты.

Постепенно в статусах были подробно прописаны уже не только хозяйственные обязанности, но и правила межличностного поведения, направления развития и многие другие стороны айфааровской жизни. Туда же вошли и «Солнечные дни» — уже знакомая практика, применявшаяся в случае длительной негативной реакции.

Правило было сформулировано довольно жёстко: если человек не мог выйти из негативного состояния в течение двух минут, он должен был идти на «Солнечные дни». Причём ответственность распространялась не только на самого человека, переживавшего негативную реакцию. Если ты оказался участником конфликта и за эти две минуты не смог помочь своему оппоненту выйти из негативного состояния, то тоже становился соучастником ситуации и должен был тоже отправиться на эту практику вместе с ним.

Так система личной эмоциональной ответственности постепенно превращалась уже в формально закреплённую коллективную норму. При этом в самом Уставе, насколько я помню, подчёркивалось, что подобные правила являются лишь временной необходимостью. В идеале человек должен был прийти к состоянию, когда открытость, честность, ответственность и инициативность становятся его естественными качествами и

больше не требуют внешнего контроля. Мне казалось вполне логичным, что нам нужно подробно прописать программу, как квинтэссенцию уже устоявшегося положения, чтобы как раз уменьшить количество возможных конфликтов в коллективе, поскольку появлялись финансовые отношения. К тому же это переносит ответственность за внутреннюю духовную работу участников лично с Ориса, на устав Айфаара.

Постоянные участники могли спорить с положениями Устава и предлагать изменить правила. Это можно было сделать на общем круге. Если предложение было здравое, человек предлагал свою формулировку, а редакторы потом думали как лучше его оформить в тексте, чтобы она была однозначной и не противоречила другим.

Появилась и ещё одна регулярная обязанность интеллектуального характера. Примерно раз в полгода каждому постоянному участнику полагалось подготовить статью или реферат на близкую ему околонаучную или профессиональную тему. Обычно человек брал какую-то область, которую хотя бы немного знал, и пытался рассмотреть её с точки зрения Иссиидиологии. Кто-то писал о психологии, кто-то о медицине, физике, биологии, искусстве или других вопросах. Затем наиболее подходящие материалы дорабатывались и превращались в статьи для сайта.

У этого было сразу несколько целей. С одной стороны, предполагалось показать, что Иссиидиология может применяться не только как абстрактная космология, но и как способ осмысления самых разных областей жизни. С другой — сайт регулярно получал новые тексты по различным темам, что должно было увеличивать количество страниц, находившихся через поисковые системы, и таким образом приводить к Орису новых читателей.

Раньше человек приезжал познакомился с Орисом, включился в работу и постепенно втягивался в общину. Теперь община превращалось в систему со статусами и довольно подробным регламентом жизни: экзамены, слоулинги, проекты, письменные работы. Айфаар становился устойчивее как организация. Но одновременно всё меньше напоминал то свободное и непредсказуемое место, в которое я когда-то приехал девятнадцатилетним.

К тому времени сайтом Айфаара, как одним из прочих проектов, тоже занимался уже я сам. Эта работа считалась достаточно важной, чтобы ради неё меня иногда освобождали даже от строительных задач. Все понимали: без постоянного притока новых людей центр рано или поздно начнёт испытывать нехватку не только денег, но и человеческих ресурсов, новых возможностей и перспектив развития.

Сайт получился, на мой взгляд, действительно хорошим. Я создавал его практически с нуля, старался сделать быстрым, удобным и понятным, продумывал структуру и внешний вид. Для меня это был не коммерческий заказ, а собственная творческая работа, в которую я вкладывал много сил и искреннего отношения к Айфаару.

При этом проект оказался полезен мне ещё и в совершенно другом смысле. Я накапливал необходимый технический опыт. Учился программировать, работать с веб-технологиями, решать реальные задачи, а не просто читать о них. Поэтому работа над сайтом одновременно оставалась служением общей цели и становилась частью моего собственного профессионального развития, точно так же как раньше было со строительными технологиями. Для меня самого такой опыт приобретал всё большее значение.

Внутренне я уже начинал сомневаться, что очередные организационные изменения способны принципиально изменить положение центра. Можно было сделать красивый сайт, придумать Слоулинги, формализовать правила приезда, публиковать статьи, улучшать программы для гостей. Всё это действительно делало Айфаар более организованным и понятным. Но я уже чувствовал, что одного улучшения формы недостаточно, чтобы вызвать вокруг него массовый интерес.

Слишком далеко от обычной практической жизни находилась сама Иисиидиология и слишком специфическим был сложившийся у нас уклад. Для человека, который впервые попадал на сайт, между интересной статьёй или красивой фотографией и решением посвятить этому месту значительную часть своей жизни оставалось огромное расстояние.

Я же к тому времени продолжал двигаться скорее по инерции прежнего служения большой общей идее, но теперь уже старался совмещать его с собственной пользой. Тогда это не казалось мне чем-то противоречивым. Напротив, я воспринимал такое сочетание как более зрелую форму участия. У меня был привычный образ жизни, статус постоянного айфааровца, заслуженный многими годами работы, и достаточно большая свобода внутри коллектива. Я уже не был тем девятнадцатилетним новичком, который только пытался понять правила этого мира и доказать, что достоин в нём остаться.

Одновременно у меня появились отношения с человеком, за которого мне хотелось нести личную ответственность. Некоторое время именно эти отношения вместе с привычкой к айфааровской жизни во многом и удерживали меня внутри. Моя девушка, конечно, никакого постоянного статуса на Айфааре не имела. Она оставалась гостем: участвовала в общих работах и песнях, помогала с организационными задачами, в частности составляла графики. Жила она в отдельном небольшом помещении рядом с Айфааром и питалась полностью за свой счёт.

Чтобы пройти тот же путь, который когда-то прошёл я, ей предстояли годы. Нужно было долго жить рядом с центром, участвовать в общей работе, постепенно входить в систему, а затем соответствовать требованиям для перехода в другой статус. При её положении такая перспектива выглядела довольно сомнительно.

У неё не было накопленных ресурсов, позволявших несколько лет просто жить рядом с Айфааром и заниматься только его делами. Она должна была самостоятельно обеспечивать себя и поэтому регулярно выезжала за пределы центра, где за деньги проводила занятия по йоге.

Получалась довольно показательная ситуация. Я уже находился внутри системы и пользовался тем, что заработал предыдущими годами: бесплатным проживанием, общей кухней, определённой свободой распоряжаться временем. Она стояла у входа в эту же систему и должна была ещё долго оплачивать собственное существование, одновременно вкладывая силы в общую жизнь.

И теперь я смотрел на подобную ситуацию уже не только глазами айфааровца, который понимает внутреннюю логику правил. Я смотрел на неё ещё и глазами мужчины, который хотел, чтобы близкому человеку рядом с ним было нормально жить. Это понемногу меняло саму точку, из которой я оценивал происходящее. Раньше вопрос обычно звучал так: что будет лучше для Айфаара и нашего общего развития?

Теперь рядом с ним всё чаще появлялся ещё один: что будет лучше для нас?

Зимой 2017 года моей жене пришлось на некоторое время уехать на заработки в Москву. После возвращения довольно быстро возник вопрос о том, сколько времени она вообще имеет право отсутствовать на Айфааре, сохраняя статус гостя. К тому времени подобные вещи уже были подробно прописаны в Уставе, и оказалось, что допустимый лимит отсутствия она практически исчерпала. А в мае ей снова понадобилось ненадолго уехать — на этот раз уже по делам в пределах Крыма.

Ситуацию вынесли на общее собрание. Такие собрания случались и раньше. Но теперь они уже заметно отличались от прежних публичных «уроков» Ориса, когда сама угроза ухода или исключения могла использоваться как способ повысить эмоциональную ставку и проверить, насколько человек действительно хочет остаться. Здесь всё выглядело значительно формальнее. Нужно было определить, насколько фактический образ жизни человека соответствует его статусу и насколько вообще целесообразно его дальнейшее пребывание на Айфааре.

Каждый мог высказаться. Для человека, чья судьба обсуждалась, это, конечно, было довольно неприятное положение. Ты сидишь среди людей, с которыми долго жил рядом, работал, пел песни, ел за одним столом, а теперь они по очереди рассуждают, должен ли ты оставаться среди них. В случае моей жены большинство высказываний оказалось скорее не в её пользу.

Мне это тогда казалось странным ещё и с чисто практической точки зрения. Даже если человек не может полностью соответствовать принятому режиму, он всё равно участвует в жизни центра, помогает, берёт на себя какие-то обязанности и тем самым снимает часть нагрузки с остальных. Но к тому времени вопрос соответствия правилам, видимо, уже воспринимался важнее, чем сама возможность оставить внутри системы человека, готового приносить ей хотя бы частичную пользу.

Орис высказался за то, чтобы она ушла. После этого в том же направлении стали говорить и другие. Насколько их позиция сформировалась независимо, а насколько на неё повлияло уже высказанное мнение Ориса, я сейчас определить не могу. В такой ситуации эти две вещи вообще трудно отделить друг от друга. Именно на том собрании я в последний раз видел Ориса перед его очередным отъездом.

В её защиту выступили всего несколько человек. Разумеется, среди них был и я. Она тоже объяснила свою позицию и причины поездок. Но к тому моменту это уже почти ничего не меняло. В результате было принято решение, что она больше не может оставаться на Айфааре в прежнем статусе. Примерно два года, которые она уже прожила здесь, фактически переставали засчитываться в необходимый срок. Если когда-нибудь она захотела бы начать этот путь снова, отсчёт пришлось бы начинать заново.

На сборы ей дали несколько дней. После принятого решения возник сложный для меня вопрос: где теперь будет жить моя жена? Первоначально временный вариант нашёлся в Ялте. В «доме Йоги», где она проводила занятия, ей разрешили какое-то время пожить. Я перевёз туда часть её немногочисленных вещей.

Но было очевидно, что это лишь передышка. И здесь уже ясно проявилось то, что постепенно формировалось во мне последние годы. Я не хотел оставлять близкого человека одного разбираться с последствиями ситуации только потому, что правила сообщества оказались важнее её возможности оставаться рядом со мной. Когда-то я мог бы рассматривать подобное прежде всего как её собственный духовный урок: значит, ей необходимо что-то понять, лучше соответствовать правилам, изменить свои выборы или принять возникшие обстоятельства.

Теперь я смотрел иначе. Я сам решил быть с этим человеком. Сам хотел взять за неё ответственность. И если после общего решения она оказывалась фактически без нормального места для жизни, то для меня это уже была не только её проблема. Это была наша общая проблема.

Наверное, именно здесь окончательно столкнулись две ответственности, которые до этого мне удавалось совмещать. Одна была перед Айфааром — местом, которому я отдал почти десять лет, людьми, с которыми прожил огромную часть своей взрослой жизни, и общей целью, ещё недавно казавшейся мне практически безусловной.

Другая — перед конкретным человеком, которого я сам выбрал и которому хотел быть опорой. И к тому моменту выбор внутри меня уже состоялся. После того как жене пришлось уйти, я впервые очень ясно почувствовал: на Айфааре меня больше не удерживает ничего настолько важного, ради чего я был бы готов оставить её разбираться со своей жизнью отдельно от меня.

Как я уже писал, в правилах для постоянных айфааровцев существовала возможность довольно спокойно покинуть центр, формально оформив это как академический отпуск сроком на один год.

Примерно за год до моих событий именно так поступил один брат из Москвы, которого я хорошо знал ещё с первых лет. Это был тот самый человек, который летом 2007 года заступился за девушку после истории с забытым поливом, взяв часть ответственности за произошедшее на себя. Позже с ним случилась и другая памятная история — на Верхнем Айфааре он забыл закрыть кран в системе испарителя.

Он был одним из самых деятельных людей нашего коллектива: великолепным организатором, естественным лидером и очень сильным практиком во всём, что касалось строительства. Мы много лет работали плечом к плечу, вместе проходили авралы, дежурства, конфликты и всевозможные айфааровские «духовные уроки». В обычной формулировке — съели вместе не один пуд соли.

И вот однажды после песен он совершенно неожиданно объявил всем, что решил взять академический отпуск на год — максимально допустимый срок. Никакого конфликта не произошло. Никто не стал его публично отговаривать, обвинять или требовать объяснений. Формально человек просто собирался на некоторое время отойти от общей жизни. Всегда оставалась возможность, что через год он вернётся. Со своей стороны он тоже не предъявлял никому претензий и не превращал уход в демонстративный разрыв.

Всё прошло очень мирно. Позже стало понятно, что академический отпуск фактически мог служить ещё и способом тихо уйти с Айфаара, не разрушая привычную картину мира для остальных. Это было немаловажно.

Вокруг оставались кандидаты, которые годами стремились получить право жить здесь постоянно и платили за такую возможность немалые деньги. Для них открытый добровольный уход опытного айфааровца мог выглядеть довольно сильным противоречием: один человек всеми силами пытается сюда попасть, а другой, уже получивший всё, просто берёт и уходит. А академический отпуск оставлял промежуточное объяснение.

Он ведь ещё не ушёл окончательно.

Просто взял паузу.

Просто решает какие-то личные задачи.

Возможно, ещё вернётся.

Прошло полгода — брат не вернулся.

Прошёл год — тоже.

Не вернулся он, и позже.

Сейчас мы с ним добрые друзья, и наши дети, одного возраста, дружат так же как и мы.

Когда произошла история с моей женой, я вспомнил именно этот пример.

Наверное, самому стать первым человеком, который просто добровольно покидает Айфаар после многих лет жизни, мне было бы психологически значительно труднее. Но теперь перед глазами уже существовал вполне мирный сценарий. Я видел, что человек может уйти без публичного разрыва, без громкого конфликта и без катастрофы для остальных. И я решил поступить так же.

Примерно через две недели после собрания, на котором моей жене предписали покинуть Айфаар, я объявил, что беру академический отпуск и хочу заняться предпринимательством в сфере информационных технологий.

Формально я оставлял за собой возможность вернуться. Внутренне же, думаю, уже понимал, что возвращение маловероятно. Я дал себе время до конца недели, чтобы спокойно завершить текущие дела и передать свои направления тем, кто оставался.

Это было важно для меня. Я не хотел исчезнуть внезапно и оставить после себя проблемы. За годы у меня накопилось слишком много постоянных обязанностей. Нужно было

передать работу с сайтом и социальными сетями, объяснить технические детали, закончить текущие видеопроекты, разобраться с тем, что оставалось по мероприятиям, складу и другим задачам. Даже мой участок сада, который я растил и поливал, теперь должен был перейти кому-то другому.

Ежедневные дежурства, учёт хозяйственных вещей, звук на праздниках и концертах, монтаж роликов, техническое сопровождение общих процессов — всё это после моего ухода неизбежно распределялось между оставшимися братьями и сёстрами.

Мне было их жалко. И я действительно чувствовал вину. Если один опытный человек уходит, оставшимся становится немного тяжелее. Кто-то должен взять ещё одну обязанность. Кто-то — освоить то, чего раньше не делал. Кто-то — потратить на это своё время.

Я чувствовал некоторую вину и перед Орисом, хотя его в тот момент на Айфааре уже не было. И, наверное, именно его отсутствие заметно облегчило мне уход. Если бы он находился рядом, мне было бы гораздо сложнее. По крайней мере тогда мне так казалось. Я не хотел знать, что именно он может сказать мне напоследок.

За десять лет я привык к тому, что Орис редко реагировал на важные события так, как этого можно было ожидать заранее. Его ответ мог оказаться очередным «уроком», попыткой усилить чувство ответственности за сделанный выбор, жёстким комментарием о моих качествах или просто неожиданной формулировкой, после которой мне пришлось бы ещё долго разбираться со своими реакциями.

Возможна была и попытка отговорить. А возможно, наоборот, он спокойно сказал бы: уходи. Я этого уже не узнал. Одного я тогда почти наверняка не ожидал — обычной человеческой благодарности за десять лет жизни рядом.

За стены, которые я строил.

За праздники, которые помогал проводить.

За звук, видео, сайт, социальные сети.

За бесчисленные часы работы, собственные идеи, устремления и ту часть молодости, которую я совершенно добровольно вложил в Айфаар.

Это не было обидой в прямом смысле. Скорее я просто хорошо понимал сложившийся стиль отношений. Орис в основном работал с нами как с коллективом. Даже когда обращался к отдельному человеку, это часто становилось примером или уроком для остальных. Лично близких отношений у меня с ним никогда не было.

Наверное, мы даже стали в чём-то похожи. Он сам всегда шёл своим путём, не слишком оглядываясь на ожидания конкретных людей. Не спрашивал разрешения жить так, как считал правильным, и не стремился обязательно соответствовать чьему-то представлению о себе. И теперь мне тоже хотелось позволить себе это право по отношению к нему. Только он уже имел опыт семейной жизни, а я ещё нет. После ухода я с Орисом больше не общался. Мне не казалось, что я кого-то предал.

Тем более я не чувствовал, что предал всё хорошее, чему научился за эти годы. Наоборот, главным для меня было не предать самого себя. Я не воспринимал свой выбор как

заведомо «менее качественный» — в том айфааровском смысле, когда один вариант жизни будто бы автоматически ведёт в более высокие миры, а другой в более низкие.

Если я действительно хотел научиться самостоятельно принимать решения, отвечать за близкого человека, строить своё дело, управлять ресурсами и проверять собственные идеи уже без постоянной опоры на Ориса и коллектив, то для этого мне нужно было выйти за пределы системы, внутри которой почти все основные решения уже были приняты кем-то другим.

В этом смысле уход казался мне не отказом от духовного развития, а его продолжением. Просто теперь школа должна была стать другой. Без общего расписания. Без экзамена по Иссиидиологии. Без кураторства. Без возможности в сложной ситуации спросить, как правильно поступить с точки зрения Айфаара. И без гарантии, что если я ошибусь, эту ошибку можно будет объяснить очередным необходимым «уроком». Теперь последствия моих решений должны были становиться прежде всего моими.

С Айфаара вообще не было принято уходить. По крайней мере в тот период добровольный окончательный отъезд постоянного участника оставался почти исключительным событием. Уже значительно позже люди начали уезжать чаще, а тогда, насколько я помню, я стал всего лишь вторым таким прецедентом.

Наверное, одна из причин заключалась в самой конструкции Айфаара. Во многих образовательных, духовных или иных сообществах человек изначально понимает, что приходит туда на определённый срок. Есть программа, несколько ступеней, обучение, ретрит или какой-то понятный этап, после завершения которого естественно двигаться дальше. На Айфааре такого представления практически не существовало. Это было место бессрочного пребывания.

Не существовало уровней, по которым можно было бы сказать: вот человек прошёл первый этап, затем второй, достиг определённого уровня самостоятельности и теперь может считать своё обучение завершённым. Постоянный айфааровец просто жил здесь столько, сколько мог и хотел оставаться частью общего процесса.

В определённом смысле такая система была удобна всем. Человек получал от Айфаара то, что было важно ему: коллектив, среду, духовную практику, смысл, возможность творчества и реализации. Взамен отдавал то, что требовалось самому месту: время, профессиональные навыки, физический труд, организационные способности.

Проблема обнаруживалась в тот момент, когда человек всё-таки решал уйти. Для такого перехода на тот момент, почти не существовало позитивного сценария. Не было, например, статуса «выпускника Айфаара» — человека, который прожил здесь много лет, получил необходимый ему опыт, сохранил хорошие отношения с центром и просто перешёл к следующему этапу своей жизни. Уход воспринимался скорее как выпадение из процесса.

Позже такой подход изменился. Для бывших участников появился фактически статус выпускников, и нам дали понять, что нас по-прежнему будут рады видеть и что мы всегда можем приехать, если возникнет такое желание. Мне кажется, это уже гораздо более здоровое отношение к естественному движению людей.

Но в момент моего ухода такой модели ещё не существовало. К тому времени я и сам уже очень устал. Последние годы не были для меня непрерывным конфликтом или мучением. Наоборот, внешне всё оставалось достаточно комфортным, привычным и понятным. Я знал людей, знал распорядок, знал почти каждую дорожку и каждую хозяйственную мелочь. Мне не требовалось заново искать своё место.

И именно это постепенно становилось проблемой. Дни начинали сливаться в одну длинную последовательность. Иногда я ловил себя на мысли: «Вот я опять на Айфааре. Неужели так теперь будет всегда?»

В начале та же мысль могла бы вызвать у меня радость. Остаться здесь навсегда казалось исполнением мечты. Теперь она всё чаще напоминала «день сурка». Ничего особенно плохого не происходило. Просто изнутри всё сильнее росло желание изменить сам образ жизни. Мне уже недостаточно было того, что здесь удобно, привычно и духовно осмысленно. Хотелось снова оказаться в ситуации, где впереди неизвестность, где придётся самому строить дальнейшую жизнь и где результат ещё никем за меня не определён.

Когда подошёл последний день, я загрузил вещи в машину. Их накопилось довольно много. За почти десять лет даже при нашем достаточно простом образе жизни человек всё равно постепенно обрастает книгами, одеждой, техникой и множеством небольших вещей, каждая из которых когда-то зачем-то понадобилась. Туда же я погрузил часть вещей своей жены.

Машина оказалась набита довольно плотно. К вечеру я закончил сборы. И на закате выехал за ворота Айфаара в сторону Севастополя. Так закончилось моё почти десятилетнее пребывание в духовном центре Ориса, если отсчитывать его от первого приезда летом 2007 года.

Я уезжал не с пустыми руками — и речь здесь была совсем не только о забитой вещами машине.

В голове у меня существовала уже совершенно другая картина мира, значительно более широкая и сложная, чем у того девятнадцатилетнего парня, которого когда-то привёз сюда отец.

За плечами оставался огромный опыт.

Я успел побывать строителем, каменщиком, печником, сварщиком, фермером, садовником, монтажником, проектировщиком, звукорежиссёром, осветителем, оператором, режиссером, видеомонтажёром, певцом, актером, гримёром, поваром, организатором, лектором, веб-разработчиком, человеком, отвечавшим за других и за множество самых разных процессов. Научился жить в большом коллективе, конфликтовать и договариваться, выступать перед людьми, принимать критику, доводить дело до конца и начинать работу, о которой ещё вчера почти ничего не знал.

У меня уже была выбрана профессия, позволяющая зарабатывать удалённо интеллектуальным трудом, и довольно большой запас других технических навыков. И рядом со всем этим появился человек, за которого я сам добровольно решил отвечать. Мы были официально женаты, и теперь мне хотелось строить уже не только общее айфааровское будущее, но и нашу собственную жизнь.

Чувства во время отъезда были смешанными. Было щемящее ощущение, будто я покидаю родные края. И в каком-то смысле так оно и было.

Неважно, что эти края находились всего в часе езды от моего родного Севастополя. Здесь прошла практически вся моя молодость. Здесь находились люди, с которыми были связаны тысячи воспоминаний. Здесь я строил, любил, ошибался, чему-то учился и много лет совершенно всерьёз представлял своё будущее.

Но одновременно с грустью существовало сильное ожидание чего-то нового. Глобальные цели никуда не исчезли. Я уже просто не умел мыслить совсем маленькими категориями — работа, квартира, отпуск, бытовое благополучие. Айфаар слишком хорошо приучил меня искать за собственной жизнью какую-то более крупную задачу.

Я хотел сохранить эту привычку. Только теперь предполагал искать её уже в другой сфере. Пока машина спускалась в сторону Севастополя, в голове почему-то крутились строки Сергея Есенина:

«Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные края.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя».

Разумеется, мои обстоятельства были совсем другими. Я не покидал родину и даже Крым не покидал. Но внутреннее ощущение необратимости почему-то очень точно совпадало с этими словами.

В Севастополе меня ждали родители и близкие, и это сильно облегчало переживание перехода. Я ехал не в пустоту.

Впереди было воссоединение с женой, которого я тоже ждал с нетерпением, поиск жилья, работа и необходимость впервые за долгое время самостоятельно выстроить всю конструкцию повседневной жизни.

Спустя два года у нас родился первый сын. Ещё через два — второй.

И только значительно позже я в полной мере понял, насколько далеко тот вечерний выезд с Айфаара действительно увёл меня от прежнего представления о том, какой должна быть моя жизнь.

Первые месяцы и годы после Айфаара

После Айфаара я почти сразу погрузился в работу уже на постоянной основе. Продолжал заниматься предпринимательством в сфере информационных технологий, но довольно быстро понял, что в Севастополе потолок заработка для меня слишком низкий и что за более стабильными и предсказуемыми возможностями лучше ехать в Москву.

Я перевёз супругу в столицу и впервые в жизни устроился на постоянную работу по найму — в небольшую ИТ-компанию.

Незаконченное высшее образование особой проблемой не стало. Меня взяли по результатам собеседования и благодаря довольно большому портфолио уже выполненных проектов. К тому времени был пик интереса к криптовалютам и блокчейн-технологиям. Специалистов, способных что-то практически делать в этой новой области, ещё не хватало, и я довольно быстро почувствовал, с какой стороны дует ветер.

Переориентация заняла буквально несколько недель. Накопленный опыт программирования позволил достаточно быстро разобраться в особенностях нового направления, а работодателю был важнее человек, способный решать задачи, чем строчка о дипломе. В тот период подобный трюк ещё вполне можно было провернуть даже с неоконченным высшим образованием.

В каком-то смысле оправдалась моя юношеская догадка: именно на моём жизненном пути отсутствие законченного образования не стало тем препятствием, которым могло казаться когда-то. Хотя обратная сторона тоже существовала. С дипломом мне формально было бы проще получить второе образование уже по действительно интересовавшему меня направлению. А начинать весь путь с самого начала теперь было жалко времени.

Сейчас и сама профессия программиста меняется настолько быстро, что прежняя модель — несколько лет учиться писать код, а затем десятилетиями продавать именно этот навык — уже не кажется мне такой устойчивой, какой выглядела тогда. Но это произошло значительно позже. В 2017 году программирование, наоборот, стало для меня пропуском в совершенно новую профессиональную среду.

Самым непривычным после переезда оказался даже не новый город, а рабочий график.

Это была моя первая настоящая работа по найму с обязательным посещением офиса. После десяти лет Айфаара и нескольких лет самостоятельной работы довольно странно было каждое утро приходить к определённому времени и знать, что значительная часть дня теперь заранее принадлежит работодателю.

При этом основной работой я не ограничивался. В свободное время продолжал искать небольшие сторонние проекты и постепенно наращивал доход.

После Айфаара я вообще впервые позволил себе совершенно честно признаться: мне нужна материальная база. Не когда-нибудь в благоприятном варианте будущего. Не в виде общего процветания человечества. А вполне конкретно — сейчас, в моей собственной жизни.

Мне хотелось, чтобы полезность того, что я делаю, имела не только выражение в красивых словах, далёких целях и благодарности окружающих, но и вполне измеримый материальный результат — в том числе деньги на моём банковском счёте.

Тогда я рассуждал довольно прямолинейно: если человек действительно создаёт что-то нужное другим, значит, в обычной экономической жизни это хотя бы в какой-то степени должно находить отражение в его доходе. Если же ты годами говоришь о колоссальной пользе своей деятельности для человечества, но при этом не способен самостоятельно обеспечить даже собственные базовые потребности, возможно, стоит хотя бы задать себе вопрос, насколько эта польза проявлена за пределами круга людей, которые уже разделяют твои убеждения.

Конечно, деньги сами по себе далеко не являются точной мерой человеческой пользы. Врач, учитель или человек, ухаживающий за близким, может приносить огромную пользу и получать за неё совершенно несоразмерно мало. Я понимал это и тогда. Но после многих лет жизни в довольно неустойчивом материальном положении мне хотелось хотя бы вернуть деньги в систему координат как один из реальных показателей обратной связи с внешним миром.

Я устал от надежд на далёкое прекрасное будущее, оставаясь при этом почти без собственной материальной опоры. Теперь всё изменилось ещё и потому, что я взял ответственность не только за себя.

У меня была семья, и мне хотелось, чтобы мы жили в достатке. Не роскошно любой ценой, а устойчиво: чтобы обычная болезнь, переезд, необходимость снять жильё или купить нужную вещь не превращались каждый раз в серьёзное жизненное испытание. И я никогда не гонялся за максимальным заработком, для меня не всё сводилось к деньгам, а более важным был коллектив с кем работаю и над чем конкретно. Я готов был получать меньше, если видел долгосрочные перспективы в проекте и в людях, с которыми мы его разрабатывали.

На Айфааре отношение к личному материальному благополучию было другим. Стремление заработать много денег легко могло восприниматься как выбор менее высокого качества по сравнению с альтруистичными и духовными целями. Я не помню, чтобы кто-нибудь за общим столом поднимал тост с пожеланием лично стать богатым.

Мы желали друг другу духовной силы, Любви, осознанности, раскрытия новых возможностей. Если речь и заходила о материальном изобилии, то обычно оно представлялось всеобщим — для Айфаара, человечества или прекрасного будущего, в котором всего достаточно всем. Теперь я постепенно пересматривал это отношение.

Материальное богатство перестало казаться мне чем-то, чего обязательно нужно стесняться или подавлять в себе как проявление эгоизма. Вопрос, как я теперь понимаю, не столько в количестве денег, сколько в отношениях человека с ними.

Если деньги становятся конечной целью и ради них человек готов менять убеждения, терпеть ненавистную ему жизнь, использовать других или продавать собственное время тому, кто предложит больше, — материальное благополучие действительно может довольно быстро превратиться в форму зависимости.

В этом отношении мне запомнились рассказы одного моего знакомого по Айфаару — человека значительно более состоятельного, чем я был в те годы. Он много

путешествовал, мог позволить себе дорогие рестораны, хорошие вещи и в целом не испытывал того постоянного недостатка денег, который долго сопровождал меня. Но, анализируя себя, он пришёл к довольно неожиданному выводу: материальное изобилие само по себе совсем не сделало его щедрее.

Он подробно вспоминал собственные реакции на самые обычные траты. Его мог раздражать большой счёт в магазине, особенно если продукты покупались не только для него самого. Даже при наличии денег возникала мысль: зачем столько взяли, кто всё это будет есть, почему именно я должен за всех платить? В других эпизодах та же жадность проявлялась уже вокруг еды — последнего любимого кусочка, дорогого деликатеса, желания оставить что-то себе. И особенно интересно, что он сам задавал себе вопрос: исчезает ли жадность, когда материальных благ становится достаточно? Анализируя периоды и нужды, и высокого достатка, он отвечал себе отрицательно.

Пока денег мало, человеку легко объяснять свою прижимистость объективной нехваткой: вот заработаю больше — тогда и стану свободнее, щедрее, спокойнее. Но когда денег становится много, внутренний механизм никуда не исчезает. Просто теперь появляется больше того, что можно бояться потерять, больше расходов, которые хочется контролировать, и больше поводов сравнивать, кто сколько вложил и кому что досталось.

Тот же человек вспоминал, что внешне у него уже было почти всё, что принято связывать с успешной жизнью: хорошее жильё, автомобили, путешествия, рестораны, материальная свобода. Но вместе с этим оставались периоды глубокой неудовлетворённости, страх потерять достигнутое и ощущение бесконечной круговерти: заработать, приобрести, снова заработать, снова приобрести — и всё равно не получить ответа на вопрос, что дальше.

Для меня этот пример хорошо показывает, почему я не хочу противопоставлять бедность духовности, а богатство — эгоизму. Деньги скорее усиливают уже существующий способ отношения человека к миру. Если внутри есть страх нехватки, миллион сам по себе не обязательно этот страх вылечит — быстрее он просто даст ему миллион новых предметов для беспокойства. И наоборот, если человек умеет видеть в ресурсах средство для созидания, помощи и собственной независимости, больший достаток способен расширить именно эти возможности.

Но деньги могут работать и наоборот. Они позволяют отказаться от того, что считаешь неправильным. Помочь близкому. Создать собственный проект. Не соглашаться с человеком только потому, что от него зависит твоя еда или жильё. Купить себе время для дела, которое считаешь действительно важным. В этом смысле деньги постепенно стали для меня не альтернативой свободе, а одним из её инструментов.

Но инструмент этот имеет смысл только тогда, когда человек хотя бы приблизительно понимает, для чего ему нужна свобода. Именно поэтому мне близки некоторые идеи Эриха Фромма. В книге «Человек для себя» он описывал так называемую рыночную ориентацию характера: состояние, при котором человек начинает воспринимать самого себя как товар, а собственную ценность — через то, насколько успешно он способен себя продать. Тогда меняется уже не только работа. Человек постепенно подстраивает под спрос собственную личность — навыки, внешность, манеру общения, взгляды, даже то впечатление, которое должен производить на окружающих. Фромм связывал такую ориентацию с отчуждением человека от самого себя: важнее становится не то, кем ты являешься и что считаешь правильным, а то, насколько хорошо твой нынешний вариант «продаётся» рынку.

Мне кажется важным именно это различие. Продать свой труд — нормально. Продать своё время ради понятной цели — тоже. Но совсем другое дело — незаметно начать продавать самого себя. Сегодня тебе выгодно быть одним человеком, завтра рынок требует другого — и вместе с профессией, должностью или доходом постепенно меняются взгляды, отношения и жизненные ориентиры. Человек становится всё более приспособленным к внешнему спросу и всё хуже понимает, чего хотел бы сам.

Позже Фромм сформулировал близкое противоречие через два способа существования — «иметь» и «быть». Для него проблема состояла не в самом владении вещами, а в ситуации, когда обладание начинает становиться основным способом отношения человека к миру и к самому себе. Альтернативой он видел жизнь, основанную на активности, творчестве, любви, способности отдавать и реализовывать собственные человеческие силы.

Эта мысль очень хорошо соединялась с тем опытом, который я вынес из Айфаара, хотя теперь я делал из неё несколько другой вывод. Мне уже не хотелось выбирать между «духовностью» и деньгами. Я хотел научиться соединять их. Зарабатывать много — но не становиться человеком, которого можно купить. Создавать материальную опору — но не превращать накопление в смысл жизни. Использовать деньги для расширения свободы своих решений, а не ради возможности бесконечно увеличивать количество вещей.

И чем больше ресурсов появляется у человека, тем важнее, как мне кажется, становится то, какой именно человек получает эти ресурсы. Если внутри ещё нет достаточно устойчивых принципов, большие возможности способны всего лишь увеличить масштаб прежних слабостей. Жадность получает больше денег для жадности, тщеславие — больше инструментов для самоутверждения, стремление контролировать — больше возможностей контролировать.

Поэтому тот нравственный фундамент, который я когда-то пытался выстраивать на Айфааре, теперь представлялся мне не противоположностью материальному успеху, а необходимым условием для него.

Просто впервые мне захотелось проверить это уже не в защищённом пространстве духовного центра, а в обычном мире — там, где за решения приходится отвечать собственным временем, деньгами и результатом.

Практический опыт довольно быстро подсказал мне, что в сложном и конкурентном мире одной стратегии недостаточно. Если я действительно хотел изменить своё материальное положение, нельзя было рассчитывать на единственный источник дохода и просто ждать, что выбранное направление обязательно сработает.

Поэтому я действовал сразу по нескольким направлениям.

У меня была основная работа. Параллельно я активно искал подработки на свободное время, ездил на встречи и консультации, вёл переговоры, знакомился с новыми людьми. Одновременно искал партнёров для более масштабных цифровых проектов, в которых мог бы выступать уже не только программистом, но и организатором, техническим экспертом, человеком, способным понять задачу и предложить способ её решения.

К этому времени у меня накопился достаточно большой опыт общения с людьми. Я умел слушать, замечать их реальные потребности и искать такой вариант взаимодействия, который был бы полезен обеим сторонам.

Звонков и предложений поступало много. После основной работы я ехал на очередную встречу, обсуждал чужую идею, знакомился с новым проектом, пытался понять его экономику и перспективы. За довольно короткое время передо мной прошли десятки самых разных замыслов.

В тот момент сама ИТ-сфера давала ощущение огромного пространства возможностей. Но довольно скоро я понял, что оценивать нужно не только идею. Гораздо важнее были люди, которые за ней стояли.

Можно придумать великолепный продукт и развалить его из-за неспособности партнёров договариваться, держать слово или переживать неизбежные трудности. И наоборот, сильная команда иногда способна несколько раз поменять первоначальную идею и всё-таки прийти к результату.

Такая стратегия вскоре дала конкретный результат. Мне предложили стать партнёром в перспективном и интересном для меня ИТ-проекте. Я вошёл в число соучредителей и стал младшим партнёром новой компании «Блокчейн Технологии».

Примерно тогда же закончилась моя основная работа в офисе — из-за внутренних обстоятельств самой компании. Это не выбило меня из колеи. Скорее даже наоборот.

За короткое время я успел понять, что положение обычного наёмного сотрудника мне не слишком подходит. После многих лет достаточно самостоятельной жизни необходимость ежедневно приходить в офис и действовать в рамках чужой организационной структуры ощущалась непривычно.

Теперь снова появлялась возможность работать на себя. Только на этот раз речь шла уже не о небольших сайтах с доски объявлений, а о своей компании, партнёрстве и значительно более сложных проектах. И это сразу изменило степень моей вовлечённости.

Я направил в новую работу практически весь свой технический и творческий потенциал. Теперь я был не просто линейным исполнителем, которому дают техническое задание. Мне приходилось отвечать за концептуальную и техническую составляющую продукта, предлагать новые направления и участвовать в принятии решений. Мне это очень нравилось.

Я становился инициатором новых концепций, в том числе смежных с основным направлением компании. Участвовал во встречах с представителями бизнеса и государственных структур, изучал их задачи, подробно разговаривал с потенциальными заказчиками, пытался понять, что именно мешает им работать эффективнее, а затем уже придумывал техническое решение.

По сути, я постепенно переходил от программирования как профессии к проектированию систем. Нужно было не просто написать код. Сначала требовалось понять человека. Как устроена его организация? Где у неё узкое место? Почему существующий процесс работает именно так? Что он сам считает проблемой, а что на самом деле является её причиной? Что можно автоматизировать, а что лучше вообще не трогать?

И здесь неожиданно пригодилось очень многое из предыдущих десяти лет. Моя айфааровская школа вообще оказалась значительно практичнее, чем можно было предположить по её духовной оболочке. Я привык внимательно относиться к людям, старался быть открытым и надёжным, умел долго разговаривать и слушать. Мне было

естественно стремиться понять не только собственную выгоду, но и то, что должен получить другой человек.

На переговорах я старался производить достойное впечатление — и, насколько я мог судить по реакции людей, это получалось довольно легко. Но важнее было другое: мне не приходилось специально изображать надёжность. За годы на Айфааре привычка отвечать за сказанное действительно стала частью характера.

Если я обещал — хотелось выполнить. Если возникала проблема — не хотелось прятаться. Если человеку требовалась помощь и я мог её оказать — было естественно включиться. Мне тогда казалось, что я наконец снова стал по-настоящему счастливым.

После довольно долгого периода внутреннего застоя снова появилось ощущение движения. Я видел перед собой цели, о которых действительно мечтал, и каждый месяц мог сделать что-то вполне конкретное, чтобы приблизиться к ним.

Очень повезло и с людьми. Я оказался среди амбициозных, деятельных и, по моему восприятию, нравственно близких мне партнёров. С ними хотелось строить не только деловые отношения, но и долгосрочную дружбу. Для меня это было чрезвычайно важно.

После Айфаара мне вообще трудно было воспринимать работу как простую продажу определённого количества часов за зарплату. Если я уже оказывался внутри какого-то общего дела, то начинал относиться к нему как к своему.

Главным становилось не подвести своих людей. Сделать всё возможное, чтобы задача была решена. Самому предложить улучшение, если я его вижу. Довести начатое до результата, даже если для этого придётся потратить значительно больше времени, чем первоначально рассчитывал, или поменять первоначальный план. Помочь своему человеку, если ему трудно.

В этом была та же лояльность, которой я много лет учился по отношению к Айфаару и Орису, только теперь она переносилась в совершенно другую среду. Лояльность крайне полезна, пока не требует отказа от способности самостоятельно оценивать людей и происходящее. Преданность общему делу может быть большой силой, но именно потому важно понимать, кому и чему ты её отдаёшь.

Ещё одним навыком, который я вынес с Айфаара, была привычка замечать детали.

Там от мелких деталей иногда зависело очень многое: качество стройки, звук на концерте, организация праздника, отношения между людьми. Теперь тот же способ внимания работал в проектах и переговорах. Я часто видел дополнительные возможности там, где человек изначально приходил только с одной конкретной задачей.

Помогало и понимание психологии людей.

Мне хотелось строить сделки не на попытке переиграть другую сторону, а на поиске честной взаимной выгоды. Я всё больше убеждался, что хорошая договорённость — это не та, в которой один оказался хитрее, а та, после которой обе стороны хотят продолжить сотрудничество.

Сохранилась и ещё одна простая айфааровская привычка — постоянно читать.

Только книги на моём рабочем столе теперь были другими. На месте томов Ориса постепенно появились руководства по маркетингу, переговорам и продажам, книги о создании стартапов, истории крупных компаний, биографии предпринимателей, инженеров и других людей, сумевших построить что-то значительное.

Это тоже было своего рода продолжением прежнего поиска. Раньше я пытался понять через книги устройство сознания и Вселенной. Теперь меня всё больше интересовало, как устроены организации, технологии, рынки и человеческие решения. Причём я читал с некоторым ощущением спешки. Мне казалось, что в профессиональном отношении я потерял много времени. Пока я строил Айфаар и занимался духовным развитием, многие мои ровесники уже получали образование, строили карьеру, создавали компании, приобретали профессиональные связи и постепенно становились специалистами в своих областях.

Теперь мне хотелось их догнать. В этом было и здоровое стремление наверстать профессиональный опыт, и, наверное, элемент соревнования, который я тогда не всегда замечал. Я чувствовал, что не могу позволить себе двигаться медленно. Поэтому снова использовал хорошо знакомую стратегию полной самоотдачи — только объект служения изменился.

Раньше можно было не спать ночь ради праздника, стройки или очередного проекта Айфаара. Теперь я мог работать допоздна ради компании, изучать новые технологии по выходным, ехать после рабочего дня на переговоры и жертвовать отдыхом ради очередной перспективы. Форма моей жизни менялась значительно быстрее, чем некоторые внутренние привычки.

Я ушёл с Айфаара, чтобы стать самостоятельнее, но сам принцип — выбрать большую цель и отдать ей почти всё доступное время и силы — по-прежнему оставался со мной.

К сожалению, моя новая погружённость в работу неизбежно сказывалась на семейных отношениях. Они далеко не всегда были гладкими, и жизнь продолжала подбрасывать нам непростые испытания — теперь уже за пределами Айфаара.

Сейчас мне хочется отдать должное моей тогдашней супруге. Пока я всё глубже уходил в работу и пытался наверстать упущенное в профессиональной жизни, значительная часть нашего домашнего быта оставалась на ней. Ей самой было непросто, в том числе эмоционально, но она продолжала заботиться о доме и обо мне.

В каком-то смысле между нами сложилось довольно традиционное распределение ответственности. Я в большей степени отвечал за материальное обеспечение семьи, она — за наш небольшой, но уютный московский дом и повседневную жизнь внутри него. Позже появились дети, и нагрузка на неё стала значительно больше.

Разумеется, между нами были конфликты, взаимные претензии и периоды непонимания. Но были и очень красивые, счастливые моменты, которые я не хочу обесценивать только потому, что знаю дальнейшее развитие нашей истории.

А главное — у нас появились двое замечательных детей. За это я ей благодарен.

Собственные дети

Дети стали для меня ещё одной важной точкой переоценки всей предыдущей жизни. До этого ответственность, которую я много лет развивал на Айфааре, в основном была связана с задачами. Вовремя полить сад. Не забыть про огород. Покормить кроликов. Правильно собрать конструкцию. Выполнить порученную работу как можно качественнее. Не подвести людей.

Всё это действительно формировало ответственность, и я не хочу теперь уменьшать значение той школы. Но в таких задачах всегда оставалась определённая заменимость человека. Дереву, в сущности, всё равно, кто именно принесёт ему воду. Если я не построю крышу, её сможет построить другой брат. Возможно, даже лучше меня.

Какую-то работу можно перенести на следующую неделю или следующий сезон. Можно изменить проект, найти другого исполнителя, отказаться от первоначального замысла.

С ребёнком всё устроено иначе. Особенно в первые годы он полностью зависит от взрослых. Его совершенно не интересует, во сколько тебе хотелось лечь спать, сколько часов ты сегодня работал и какие важные планы составил на завтра. Если он проснулся ночью — просыпаешься и ты. Если ему плохо — остальные дела перестают быть главными. Если он начинает исследовать окружающий мир, ты постоянно следишь, чтобы этот мир не оказался для него опасным.

С появлением ребёнка меняется не отдельный участок расписания. Меняется вся конструкция жизни. Ты уже думаешь не только о том, как решить сегодняшнюю задачу. Начинаешь представлять, каким этот маленький человек станет через пять, десять, двадцать лет. Что он возьмёт от тебя? Что случайно повторит? Чему научится не из твоих слов, а просто наблюдая за тем, как ты живёшь?

И здесь для меня открылась совсем другая глубина ответственности. Мне хотелось дать детям всё лучшее, что я способен дать. Сделать так, чтобы они любили жизнь и однажды не пожалели о том, что оказались именно в этом мире, в этом времени и рядом именно с нами. Потому что в самом начале это вообще не их выбор. Мы принимаем решение привести человека в мир, а он получает последствия этого решения целиком.

Первые годы у него ещё нет возможности выбрать другую семью, другой дом или другой образ жизни. От него почти ничего не зависит. И поэтому особенно важно, чтобы он ощущал себя в безопасности, чувствовал заботу и понимал на каком-то самом простом, ещё бессловесном уровне: ему здесь рады.

Наверное, здесь я снова вспоминал Айфаар. Одним из сильнейших моих первых переживаний там было именно ощущение принятия. Новый человек заходил за ворота, и его приветствовали независимо от профессии, денег, прошлого или статуса. Его обнимали, знакомили со всеми, приглашали за общий стол. Это ощущение человеческой открытости было очень сильным.

Но позже к нему неизбежно добавлялись требования. Мы должны были работать над своими «негативизмами», правильно реагировать, быть более открытыми, честными и альтруистичными. Мы сами постоянно оценивали качество своих состояний, осуждали себя за раздражение, ревность или обиду, испытывали вину, если не соответствовали тому образу человека, к которому стремились.

С маленьким ребёнком всё начиналось совсем с другого. Он ещё ничего не должен был доказывать. Ему не требовалось соответствовать Уставу, правильно объяснять свои реакции или быть достаточно духовным, чтобы заслужить своё место рядом с нами.

Он просто был. И уже одного этого было достаточно, чтобы его любить. При этом ребёнок и сам принимает родителей почти без всяких условий. В первые годы для него ты не духовно развитый и не духовно неразвитый, не успешный и не неудачник. Ты просто его отец или мать — та часть мира, на которую он рассчитывает.

И это доверие само по себе рождает огромное желание соответствовать ему. Не потому, что кто-то следит за качеством твоих мыслей. Не потому, что за неправильную реакцию последуют «Солнечные дни». Просто потому, что рядом существует человек, который тебе верит.

Мне кажется, на Айфааре очень не хватало детей.

Не в том смысле, что их обязательно нужно было там заводить. Сам уклад центра был рассчитан совсем на другой тип жизни. Но именно поэтому мы были лишены одного из важнейших человеческих опытов — длительной ежедневной ответственности за того, кто объективно слабее тебя и не может ответить тебе тем же объёмом помощи.

После появления детей я ещё острее почувствовал разницу между ответственностью за идею и ответственностью за конкретного человека. Ради идеи можно терпеть неудобства самому и даже считать их полезным духовным испытанием. Но когда последствия твоих решений начинают касаться ребёнка, уже значительно труднее сказать: «Значит, так нужно для нашего развития». Возникает обязанность прежде всего проверить, безопасно ли принятое решение и действительно ли цена эксперимента оправданна.

Именно дети заставили меня иначе посмотреть и на принцип полной самоотдачи. На Айфааре способность пожертвовать сном, деньгами или личным временем ради общего дела часто воспринималась как достоинство. Но родительство показало, что ресурс человека не бесконечен. Если отдать работе или большой идее всё, что у тебя есть, дома может просто не остаться внимательного отца, способного спокойно разговаривать, играть и быть рядом.

Изменилась для меня и сама ценность стабильности. Раньше постоянный поиск, авралы, финансовая неопределённость и готовность в любой момент поменять планы могли казаться проявлением свободы и доверия Жизни. Когда появляется ребёнок, постоянное жильё, доход, здоровье родителей и понятный завтрашний день начинают восприниматься как часть ответственности за другого человека.

Это постепенно заставляло меня иначе смотреть и на саму материальную основу Айфаара. Несмотря на почти десять лет жизни там, Айфаар никогда не был моим домом в полном смысле этого слова. Я мог ощущать его родным — и действительно ощущал. Мог своими руками строить стены, сажать деревья и знать на территории каждый уголок. Но

юридически я не был хозяином ничего из этого. То же самое относилось и к большинству остальных постоянных участников.

Мы строили место для общей идеи, но созданное нами имущество не становилось нашей личной опорой. Пока человек оставался частью системы, это не имело значения: у него была крыша над головой, еда, коллектив и привычный образ жизни. Но сама устойчивость такого положения полностью зависела от продолжения его участия.

Если менялись интересы, ухудшалось здоровье, возникали финансовые проблемы или человек по какой-то другой причине больше не мог соответствовать существующему укладу, он рисковал практически сразу потерять привычную среду, которую до этого годами помогал создавать.

После появления семьи я начал значительно лучше чувствовать значение этой разницы. Одно дело — самому в двадцать лет быть готовым жить почти без собственности и доверять дальнейшее устройство жизни обстоятельствам. Совсем другое — отвечать за жену и детей.

Тогда уже хочется иметь место, откуда никто не попросит тебя уехать после решения общего собрания. Иметь собственный доход, который не зависит от статуса внутри сообщества. И понимать, что построенное тобой сегодня останется хотя бы какой-то опорой для тех людей, ответственность за которых ты добровольно на себя взял.

Наверное, именно дети окончательно показали мне, что материальная устойчивость и духовная ответственность не обязательно противостоят друг другу. Способность создать надёжный дом, заработать деньги и обеспечить другому человеку безопасность и есть одна из наиболее конкретных форм заботы.

С появлением собственных детей я впервые почувствовал ещё одну важную вещь. У меня появился не просто очередной проект, в который можно вкладывать силы и время, а человек, с которым эти вложения связывают тебя на очень долгую перспективу.

Слово «вложения» здесь, конечно, звучит несколько утилитарно. Ребёнок — не проект и не исходный материал, из которого взрослый может по своему усмотрению вылепить нужный результат. Скорее я впервые почувствовал ответственность за развитие человека, которому могу многое дать, но который постепенно всё равно должен стать самим собой.

И в этом было существенное отличие от всего, что я создавал раньше.

На Айфааре я мог годами строить дом, высаживать сад, совершенствовать какой-нибудь участок территории, вкладывать туда огромное количество сил. Но всё это оставалось частью общего пространства, с которым мои отношения однажды могли закончиться. Так в итоге и произошло.

С ребёнком связь другого порядка. Изменится моё материальное положение, профессия, место жительства или мировоззрение — он всё равно останется моим сыном. Даже если отношения когда-нибудь станут сложными, сама эта связь уже никуда не исчезнет.

В этом смысле усилия, направленные на ребёнка, казались мне даже более естественными, чем прежняя самоотдача ради большой общей идеи. И я не видел здесь эгоизма.

В конечном счёте я стараюсь не для себя. Вероятнее всего, я уйду из жизни раньше своих детей. Значительная часть того, что мне удастся создать и накопить — материально, профессионально, интеллектуально, — в той или иной форме останется им.

Но со временем я понял, что самое важное наследство вообще плохо передаётся словами. Можно рассказывать ребёнку о честности, ответственности, смелости или доброте. Но гораздо сильнее он замечает, как ты сам разговариваешь с людьми, выполняешь ли обещания, что делаешь, когда ошибся, как относишься к слабому, как распоряжаешься деньгами, способен ли признать собственную неправоту.

То есть воспитание постепенно стало для меня ещё одной разновидностью того принципа, который мы много лет пытались реализовывать на Айфааре: прежде всего показывать идею собственной жизнью. Только ребёнок оказался значительно более требовательным наблюдателем.

Перед ним невозможно долго изображать качество, которого у тебя нет. Он видит тебя не во время красивого разговора о духовности, а утром, когда ты не выспался; вечером, когда устал; в конфликте, в бытовых мелочах, в отношении к его матери и другим людям.

Наверное, поэтому сейчас Айфаар представляется мне очень хорошим подготовительным тренажёром для осознанного родительства — но не его заменой. Там я учился учитывать интересы других, отвечать за порученное дело, жить рядом с очень разными людьми, договариваться, помогать, не бросать начатое, замечать собственные эмоциональные реакции. Всё это потом действительно пригодилось.

Но родительство добавило то, чего никакая коллективная практика полностью дать не могла: длительную персональную ответственность за конкретного человека, которому нельзя назначить другого куратора, которого нельзя передать в соседнюю бригаду и отношения с которым не заканчиваются вместе с очередным проектом.

Интересно, что судьбы многих людей моего поколения на Айфааре позже пошли примерно в том же направлении.

Насколько я помню, значительная часть тех молодых и энергичных братьев и сестёр, с которыми мы летом 2007 года начинали углублять русло речки, со временем тоже ушла из постоянной жизни центра. У многих появились семьи и дети, они получили опыт отцовства и материнства уже за его пределами.

Я не стал бы утверждать, что именно желание завести детей было единственной или даже главной причиной ухода каждого из них. У всех складывались свои обстоятельства. Но для меня сама эта тенденция оказалась довольно показательной.

В какой-то момент возраст ставил перед человеком следующий естественный вопрос.

Что дальше?

Можно было ещё десять лет совершенствовать коллективную жизнь, строить, изучать Иссиидиологию и работать над своими реакциями. А можно было попробовать перенести накопленные качества в совершенно другую реальность — создать собственную семью и отвечать уже за следующее поколение.

Иногда я думаю, что сам Айфаар мог бы использовать эту особенность значительно продуктивнее. Например, там вполне могла существовать отдельная программа подготовки к осознанному родительству с заранее определённым сроком — условно на год. Молодые люди могли бы приезжать не с неясной перспективой остаться навсегда, а для того, чтобы научиться совместной жизни, ответственности, бытовой самостоятельности и взаимодействию в коллективе. Сам уклад Айфаара давал для этого очень богатый материал.

За год человек проявлялся в десятках ситуаций: в усталости, в конфликте, в совместной работе, в распределении денег, в отношении к чужим ошибкам, в способности выполнять неприятные обязанности. Здесь довольно быстро становилось видно то, что в обычных романтических отношениях иногда удаётся скрывать годами.

В такой среде можно было бы и познакомиться с будущим партнёром, а главное — увидеть друг друга не только за столиком в кафе или во время прогулки, но в настоящей совместной жизни. Хорошим примером того, как это работало на моём примере стал один довольно необычный праздник 8 Марта.

Мы с будущей женой тогда уже были близки, и, наверное, вполне естественным вариантом было бы поехать после основного праздника на Айфааре в Ялту, посидеть где-нибудь в ресторане, прогуляться по набережной — провести Международный женский день так, как его обычно проводят влюблённые.

Но мне почему-то пришла в голову совсем другая идея. Недалеко от территории Айфаара, за привычными дорожками, в зарослях колючего кустарника годами скапливался мусор. Туда заносило пластиковые бутылки, пакеты, какие-то куски старых вещей, строительные остатки. Место было неудобное: чтобы добраться до мусора, приходилось буквально продираться через колючки. Я предложил провести часть праздника там.

— Слушай, а давай сегодня вместо ресторана уберём мусор возле Айфаара.

Она посмотрела на меня, пытаясь понять, шучу я или нет.

— Это такое у тебя поздравление с Восьмым марта?

— Ну а что? В ресторан мы всегда успеем. А там давно никто не убирал. Возьмём мешки, перчатки, за пару часов всё сделаем.

— Романтично, — усмехнулась она.

— Зато запомнится.

— Ладно. Пошли собирать твой мусор.

И мы действительно пошли.

Надели рабочую одежду, взяли перчатки и большие мешки. В каких-то местах приходилось раздвигать ветки, где-то пролезать почти на четвереньках, вытаскивая из кустов бутылки и зацепившиеся за колючки пакеты. Периодически кто-то цеплялся одеждой за кусты, мы ругались на колючки, смеялись и передавали друг другу найденный мусор.

Для обычного романтического свидания картина, конечно, получалась довольно своеобразная: Международный женский день, молодой мужчина и женщина, вокруг весенний Крым — а мы вместо ресторана таскаем мешки с мусором из зарослей.

Но именно поэтому этот день мне и запомнился.

Она могла сказать:

— Нет, это уже слишком. Сегодня мой праздник, придумай что-нибудь нормальное.

И я бы, наверное, не имел никакого права на неё обижаться. Но она согласилась. Причём не просто постояла рядом несколько минут ради символического участия, а действительно работала вместе со мной. Для меня тогда это значило больше, чем могло показаться со стороны. Я видел, что рядом человек, с которым можно не только красиво проводить время, но и делать что-то неудобное, пыльное и совершенно непрестижное просто потому, что мы оба считаем это полезным.

На Айфааре подобные ситуации возникали постоянно, только обычно без праздничного контраста. Очень быстро становилось видно, как человек относится к работе, которую никто особенно не хочет выполнять. Нужно ли его постоянно просить или он сам замечает проблему. Начинает ли он считать, что делает больше остальных. Способен ли спокойно закончить работу, когда устал. Будет ли искать виноватого, если что-то пошло не так, или сначала попробует исправить ситуацию.

Ещё лучше проявлялись отношения с человеком в конфликте. Красиво рассуждать о взаимопонимании достаточно легко, пока оба выспались, никуда не спешат и находятся в хорошем настроении. Гораздо сложнее сохранять уважение, когда один устал, второй раздражён, вокруг аврал, а кто-то ещё совершил очевидную ошибку.

То же самое касалось денег. Один человек легко делился последним, другой внимательно считал каждую общую покупку. Кто-то спокойно относился к тому, что сегодня вложил немного больше, потому что завтра ситуация может поменяться. Для кого-то даже небольшая несправедливость в распределении расходов становилась источником длительной обиды.

Особенно заметно было отношение к чужим слабостям. Одно дело любить человека, когда он весёлый, красивый, энергичный и согласен с тобой. Совсем другое — когда он заболел, устал, чего-то боится, ведёт себя нелогично или несколько раз подряд совершает одну и ту же ошибку.

Именно здесь романтический образ постепенно сталкивался с живым человеком. В обычных отношениях этот процесс тоже неизбежно происходит, но иногда растягивается на годы. Люди встречаются несколько раз в неделю, стараются выглядеть лучше, выбирают удобное время, красивые места, а после свидания каждый возвращается в собственную жизнь.

На Айфааре спрятаться было значительно сложнее. Ты видел человека утром после нескольких часов сна, вечером после тяжёлой работы, во время общего конфликта, на кухонном дежурстве, за уборкой туалета, при нехватке денег, во время болезни и тогда, когда никто не смотрит и не ожидается никакой похвалы.

Поэтому история нашего 8 Марта для меня сейчас выглядит не просто забавным эпизодом. Наверное, в каком-то смысле это и была одна из проверок совместимости — хотя тогда я, конечно, не формулировал её настолько рационально. Мне было важно, что моя будущая жена способна разделить со мной не только приятную часть жизни.

Если бы на Айфааре существовала естественная возможность создавать семьи, заводить детей и продолжать жить там уже в новом качестве, думаю, часть людей могла бы вообще не почувствовать необходимости уходить. Появились бы дети, потом подростки, разные поколения. Потребовались бы совершенно другие жильё, образование, правила безопасности, распределение времени и личного пространства.

Общая жизнь неизбежно стала бы менее однородной и значительно сложнее. Возможно, именно поэтому она уже перестала бы быть тем Айфааром, который задумал Орис. Это была бы другая модель сообщества — не духовный центр взрослых людей, постоянно работающих над собой и общей целью, а полноценное поселение, внутри которого рождаются дети, создаются семьи и проходит вся человеческая жизнь. Но это была бы уже совсем другая история.